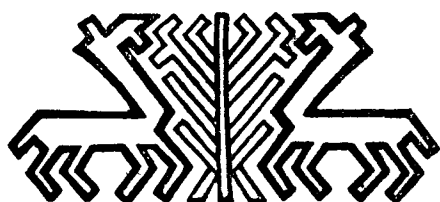

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

4

1 9 5 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия:
Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 16/XII 1950 г. Заказ 558 Форм. бум. $70 \times 108^{1/16}$ Бум. л. $7^{1/4}$
Печ. листов $19,86 + 6$ вклеек Т-09921 Уч.-изд. листов 23,2. Тираж 2400 экз.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

С. П. ТОЛСТОВ

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ И. В. СТАЛИНА ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ *

I

Значение статей товарища Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «К некоторым вопросам языкознания», «Ответы товарищам», являющихся выдающимся вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской теории, далеко выходит за пределы лингвистики. Эти статьи, как и все произведения товарища Сталина, представляют замечательный образец творческого развития марксизма-ленинизма. Они гениально намечают путь развития науки в нашей стране, со сталинской четкостью и глубиной вскрывая те недостатки организации научной работы, которые, к сожалению, свойственны в различной, конечно, степени, не одному языкознанию.

В частности, труды товарища Сталина по вопросам языкознания ставят перед нашими историками, в особенности перед теми из них, кто работает над сложным и трудным комплексом вопросов происхождения народов и их групп, вопросов, неотделимых от истории языков этих народов и групп, ряд новых кардинальной важности проблем.

Надо признаться, что я, так же как и большинство занимавшихся этими вопросами историков, археологов, этнографов и антропологов, сочувственно относился к теории акад. Марра. Мы были увлечены декларированной Марром схемой «перевернутой на основание пирамиды», его теорией развития языков «от множества к единству», мы поверили на слово Марру и его ученикам, что «теория скрещения языков» Марра есть якобы развитие гениального учения Сталина о происхождении наций «из разных рас и племен».

За шумом и треском пропаганды марристов, за резкой по форме «критикой» расизма, наложившего — это бесспорно — сильный отпечаток на языковедную работу за рубежом, за критикой «праязыковой теории», давно уже вступившей — это также бесспорно — в резкое противоречие с объективными историко-археологическими и этнографическими фактами, мы не сумели рассмотреть псевдомарксистской, вульгаризаторской сущности теории Марра; мы не рассмотрели полного отсутствия объективных языковых данных, которыми она могла бы быть подкреплена; не сумели рассмотреть того, что критика Марром расизма и теории «праязыка» велась им с неправильных, немарксистских позиций. Мы видели, конечно, вопиющие прорывы в работах Марра, но относили это за счет «недоработанности» его теории. Мы видели, конечно, неправильность огульной расправы Марра и его учеников над сравнительно-историческим методом, однако расценивали это лишь как перегиб, «болезнь роста». Мы, конечно, пользовались выводами лингвистов, работавших

* Переработанная стенограмма доклада, прочитанного автором на заседании Ученого совета Института этнографии Академии Наук СССР 27 июля 1950 г.

сравнительно-историческим методом, в наших конкретно-исторических исследованиях, но пытались «увязать» это с лингвистическими построениями Марра. Мы видели, конечно, вопиющую бездеятельность во всем, что не касалось занятия «командных высот», и полную научную бесплодность учеников Марра, заведших языкознание в дебри безысходной схоластики и действительного формализма, но относили это за счет того, что ученики-де односторонне, неправильно и некритически развивают идеи своего учителя.

Открывая «Правдой» дискуссия с полной убедительностью вскрывала ту бесконечную путаницу, которая, будучи создана Марром и сторонниками «нового учения о языке», царил в языкознании. Но только товарищ Сталин внес в эту дискуссию подлинно марксистско-ленинскую, сталинскую четкость и ясность, поставив тяжелой болезни, переживаемой нашим языкознанием, точный и бесспорный диагноз, и наметил путь лечения этой болезни.

Никто из выступавших до товарища Сталина участников дискуссии не сумел рассмотреть основной порок теории Марра. Акад. В. В. Виноградов в своем отклике на статью товарища Сталина справедливо отмечает, что признание положения Марра о языке, как надстройке, было характерно для большинства наших лингвистов, не только сторонников, но и противников Марра¹. В частности, например, проф. А. С. Чикобава, которому принадлежит несомненная заслуга постановки со всей резкостью вопроса о многих вопиющих провалах Марра, в этом вопросе также допустил ошибку, оценивая, хотя и с оговорками, порочное учение Марра о языке, как надстройке над базисом, как единственный положительный вклад Марра в марксистско-ленинское языкознание². Эту же ошибку в оценке положения Марра о языке как надстройке повторили участники дискуссии Г. А. Капанцян³ и С. Д. Никифоров⁴. Между тем, как подчеркивает товарищ Сталин, в этом положении Марра — главный порок его теории. «Н. Я. Марр внес в языкознание неправильную, немарксистскую формулу насчет языка, как надстройки, и запутал себя, запутал языкознание. Невозможно на базе неправильной формулы развивать советское языкознание», — пишет товарищ Сталин⁵.

Из этой неправильной формулы Марра логически неизбежно вытекает и вторая неправильная его формула — о классовости языка. Из того же вытекает и так называемая «теория стадиальности», теория взрывов в историческом развитии языка, подвергнутая И. В. Сталиным острой и глубокой критике.

Сейчас, благодаря работам товарища Сталина, ясно, что теория Марра в целом, базировавшаяся на этой неправильной формуле, неверна в своей основе, является немарксистской, упрощенческой, вульгаризаторской теорией. «Н. Я. Марр действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом. Он был всего лишь упрости́телем и вульгаризатором марксизма, вроде «пролеткультистов» или «рапповцев»⁶.

Созданный Марром и его учениками недопустимый аракчеевский режим в языкознании, установление монополии вульгаризаторского «нового учения о языке» во много раз усугубили последствия ошибок

¹ В. В. Виноградов, Программа марксистского языкознания, «Правда», 4 июля 1950 г.

² А. С. Чикобава, О некоторых вопросах советского языкознания, «Правда», 9 мая 1950 г.

³ «Правда», 30 мая 1950 г.

⁴ «Правда», 13 июня 1950 г.

⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 33

⁶ Там же.

и заблуждений Марра, надолго лишив языковедов возможности развивать языкознание по подлинно марксистскому пути.

Сейчас ясно, что наши попытки привлечь к разрешению вопросов происхождения народов порочные положения теории Марра являются нашей ошибкой, исправление которой — очередная задача советских историков всех специальностей, работающих в этой области.

Было бы неправильно, конечно, на этом основании зачеркивать все наши работы, посвященные проблемам происхождения народов. Это было бы грубой ошибкой. В нашей конкретно-исторической работе мы исходили из объективных фактов, из исторических, археологических, этнографических и антропологических данных, опираясь при освещении их на методологию марксизма-ленинизма, на сталинскую теорию нации. Но поскольку мы при освещении лингвистических вопросов привлекали выводы теории Марра, мы не усиливали, а ослабляли аргументацию своих, добытых на другом материале, выводов, а в ряде вопросов приходили к ошибочным заключениям. Нельзя разрешать вопросы этногенеза, абстрагируясь от истории языка. Тот факт, что языковый материал привлекался нами главным образом в той форме, в которой его подавал Марр, является слабым местом наших этногенетических построений.

Вместе с тем, неосновательно подчеркивая значение языковедной теории Марра в разработке марксистско-ленинской теории этногенеза, мы тем самым способствовали пропаганде так называемого «нового учения о языке».

Справедливость требует отметить, что ряд положений теории Марра, имеющих отношение к этнографии и археологии, не встретил поддержки в работах советских этнографов и археологов, если не считать небольшого числа работ, вышедших в середине 30-х годов и не оставивших серьезного следа в нашей археологической и этнографической литературе. Сюда относятся: пресловутая «труд-магическая» теория Марра, рассуждения о классах в доклассовом обществе, более чем своеобразная трактовка Марром тотемизма, конструирование «тотемической» и «космической» стадий в истории первобытного мышления. Дольше других держалась получившая распространение в советской археолого-этнографической литературе, в значительной мере благодаря поддержке Марра и в интерпретации Марра и Мещанинова, идеалистическая теория Леви-Брюля о первобытном мышлении. Еще совсем недавно эта теория пропагандировалась на страницах советского учебника истории первобытного общества, изданного в 1947 г. В. И. Равдоникасом⁷, вообще больше других представителей археологии и первобытной истории внесшим марристской путаницы в советскую историческую науку, — взять хотя бы его вульгаризаторские рассуждения о «стадиальных превращениях» киммерийцев в скифов, скифов в сарматов, сарматов в готов в «Готском сборнике»⁸.

К чести нашего научного коллектива и нашего журнала, против этих идеалистических рецидивов марризма в первобытной истории мы выступили весьма дружно. На наших научных сессиях и на страницах журнала подверглись резкой критике и книга Равдоникаса, и «магические» теории Рифтина, Гринковой и др., и пропаганда взглядов Леви-Брюля и т. п.⁹ Но, за редкими исключениями, — я могу назвать только одно выступление С. А. Токарева¹⁰, — никто среди нас не направил огня

⁷ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, I, Л., 1939; II, Л., 1947.

⁸ В. И. Равдоникас, Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадиальным развитием Северного Причерноморья, «Готский сборник», Известия ГАИМК, XII, вып. 1—8, Л., 1932.

⁹ См. «Советская этнография», 1948, № 3 стр. 153, 156, 158 и др.; № 4, стр. 192 сл.; 1949, № 1, стр. 219 сл.

¹⁰ «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 156.

против главного источника всех этих идеалистических домыслов, проникших в советскую историко-этнографическую литературу, — против идеалистических построений самого Н. Я. Марра. Марра наша критика щадила, а игнорирование основного источника всех этих ошибок привело к неполноте критики, и мы должны прямо сказать, что перед нами сейчас стоит задача дальнейшего продолжения критики всех этих идеалистических извращений в области этнографии, связанных с Марром и его школой.

В нашей как этнографической, так и историко-археологической литературе, посвященной первобытной истории и проблемам этногенеза, прочно удержались до недавних дней три порочных положения Марра о «глоттогоническом процессе»: положение о существовании в древнейшей истории языков стадии «ручной» или «кинетической» речи, положение о ведущей роли в «глоттогоническом процессе» скрещения языков и положение о стадияльном развитии языков с переходом из одной стадии в другую путем взрыва, путем быстрой, коренной перестройки всего строя языка, причем инструментом этой перестройки оказывалось то же скрещение.

Мы не сумели разобраться в качественном своеобразии языка, как общественного явления. Археологически устанавливаемые бесспорные факты резких изменений в материальной культуре народов казались нам достаточным основанием для того, чтобы принять в освещении истории языка этих народов точку зрения Марра.

К нам поэтому с полным основанием могут быть отнесены слова товарища Сталина: «Ошибка наших товарищей состоит здесь в том, что они не видят разницы между культурой и языком и не понимают, что культура по своему содержанию меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»¹¹.

Сейчас перед нами стоит задача упорной работы над изучением выдающихся произведений товарища Сталина, посвященных вопросам языкознания. Как и все работы великого вождя народов, великого корифея марксистско-ленинской науки, эти произведения вооружают нас на преодоление ошибок и недостатков нашей работы, намечая единственно правильный путь дальнейшего развития не только языкознания, но и связанных с ним разделов исторической науки. Больше того, целый ряд разделов работ товарища Сталина заставляет и философов, и историков, и этнографов пересмотреть многие существенные вопросы своей науки, на первый взгляд непосредственно и не связанные с вопросами языковедения. Работы товарища Сталина о языкознании творчески развивают такой кардинальный вопрос марксистско-ленинской теории, как учение о базисе и надстройке. Труды товарища Сталина по языкознанию поднимают на новую ступень сталинское учение о нации и национальной культуре, имеющее первостепенное значение для всех гуманитарных наук, а для этнографии в частности и в особенности. Они по-новому ставят такую, имеющую выдающееся значение для развития марксистско-ленинской диалектики проблему, как проблема путей перехода от старого качества к новому. Впервые в марксистско-ленинской литературе со всей четкостью товарищем Сталиным поставлен здесь вопрос о том, что «закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка»¹².

¹¹ И. Сталин, Указ. раб., стр. 21—22.

¹² Там же, стр. 28.

II

Труды товарища Сталина по вопросам языкознания по своему значению выходят далеко за пределы критики порочной теории Марра. Эти труды впервые в марксистской науке создают цельную марксистско-ленинскую концепцию теории языка.

Практически совершенно невозможно в рамках (пусть даже и не стесненного регламентом) доклада подробно и развернуто остановиться на всех сторонах трудов товарища Сталина о марксизме и языкознании, имеющих выдающееся значение для развития этнографической науки. Это дело дальнейшей нашей работы. Остановимся на самом существенном.

Товарищ Сталин впервые в марксистской литературе дает с предельной четкостью и ясностью марксистско-ленинское определение природы и сущности языка. Конечно, элементы этого определения мы найдем и в работах Маркса и Энгельса, особенно в работах Ленина и в более ранних работах самого товарища Сталина, но с такой полнотой это определение впервые сформулировано сейчас.

«Язык,— говорит товарищ Сталин,— относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹³.

Это положение товарища Сталина обязывает нас — историков, этнографов, археологов — принять самое активное участие в той большой работе, которая сейчас выпадает на долю лингвистов, ибо, как ясно из этого положения, лингвист не может правильно — марксистско-ленински — разрешить стоящие перед ним задачи, если он не будет изучать историю языка в неразрывной связи с историей народов.

«Язык,— говорит товарищ Сталин,— есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»¹⁴.

И далее: «...без языка, понятного для общества и общего для его членов, общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество. В этом смысле язык, будучи орудием общения, является вместе с тем орудием борьбы и развития общества».

Это положение товарища Сталина заставляет совершенно по-новому подойти к решающему вопросу истории языка, и, в частности, именно это положение со всей ясностью показывает несостоятельность марровской теории о языке, как надстройке, марровской теории о стадийном развитии языка, развитии его путем взрывов.

Товарищ Сталин говорит: «Язык порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий

¹³ И. Сталин, Указ, раб., стр. 22.

¹⁴ Там же.

для всех членов общества общенародный язык»¹⁵. Отсюда вытекает одно из важнейших положений учения Сталина о языке — учение об общенародном языке, учение о различии языка, диалекта и жаргонов — понятия, постоянно смешивавшиеся не только Марром и марристами, но практически всеми как буржуазными, так и советскими языковедами, не видевшими принципиального различия между этими категориями и постоянно употреблявшими их альтернативно. В индоведческой литературе мы постоянно можем столкнуться с рассуждениями о «кастовых языках», когда на деле речь идет о жаргонах отдельных каст. Нужно ли говорить, что эта «нечеткость терминологии» на руку только тем, которые заинтересованы в увековечении кастового строя и раздувании языковых различий в Индии, якобы делающих невозможным национальное самоопределение индийских народов, — т. е. английским империалистам? В дореволюционной тюркологической литературе отдельные, вполне самостоятельные тюркские языки (такие как татарский, башкирский, казахский, туркменский, азербайджанский, турецкий и другие) постоянно именуются «диалектами», вся группа или семья тюркских языков рассматривается, соответственно, как единый «тюркский язык». Нужно ли говорить о том, что эта «нечеткость терминологии» на руку только идеологам пантюркизма?

Сталинское учение об общенародном языке и зависимых от него и подчиненных ему диалектах и жаргонах¹⁶ ставит как перед языковедами, так и перед этнографами ряд первостепенной важности исследовательских проблем, заставляя пересмотреть целый ряд прочно укоренившихся предрассудков и ошибочных взглядов.

Товарищ Сталин подчеркивает принципиальное различие между языком и надстройкой.

«Надстройка, — пишет товарищ Сталин, — есть продукт одной эпохи, в течение которой живет и действует данный экономический базис. Поэтому надстройка живет недолго, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса.

Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живет несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка. Этим собственно и объясняется, что рождение и ликвидация не только одного базиса и его надстройки, но и нескольких базисов и соответствующих им надстроек — не ведет в истории к ликвидации данного языка, к ликвидации его структуры и к рождению нового языка с новым словарным фондом и новым грамматическим строем»¹⁷.

Товарищ Сталин ярко и убедительно показывает на ряде конкретных исторических примеров несостоятельность попытки нарисовать историю развития языка как историю взрывов. Товарищ Сталин пишет: «Какая польза для революции от такого переворота в языке? История вообще не делает чего-либо существенного без особой на то необходимости. Спрашивается, какая необходимость в таком языковом перевороте, если доказано, что существующий язык с его структурой в основном вполне пригоден для удовлетворения нужд нового строя? Уничтожить старую надстройку и заменить ее новой можно и нужно в течение нескольких лет, чтобы дать простор развитию производительных сил общества, но как уничтожить существующий язык и построить вместо него новый язык в течение нескольких лет, не внося анархию в общественную жизнь, не создавая угрозы распада общества?»¹⁸

И далее товарищ Сталин рисует пути развития и изменения языка

¹⁵ И. Сталин, Указ. раб., стр. 7.

¹⁶ Там же, стр. 17; см. также стр. 43—44.

¹⁷ Там же, стр. 9.

¹⁸ Там же, стр. 10.

показывая ярко и убедительно, как Марр фактически встает на путь схематизации и вульгаризации марксизма, пытаясь переносить, вопреки фактам, на развитие языка совершенно не свойственные ему закономерности, характерные для развития надстройки.

«В отличие от надстройки,— пишет товарищ Сталин,— которая связана с производством не прямо, а через посредство экономики, язык непосредственно связан с производственной деятельностью человека так же, как и со всякой иной деятельностью во всех без исключения сферах его работы. Поэтому словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса.

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Что же касается основного словарного фонда, то он сохраняется во всем основном и используется, как основа словарного состава языка»¹⁹.

Учение товарища Сталина о словарном составе языка и об основном словарном фонде представляет собой крупнейший вклад в лингвистическую науку. Столь же значительный вклад представляет собой учение товарища Сталина о грамматическом строе. «Благодаря грамматике,— пишет товарищ Сталин,— язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку». «Грамматика,— указывает товарищ Сталин,— есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»²⁰.

Указывая на то, что основной словарный фонд сохраняется и является основой словарного состава языка, товарищ Сталин пишет далее:

«Это и понятно. Нет никакой необходимости уничтожать основной словарный фонд, если он может быть с успехом использован в течение ряда исторических периодов, не говоря уже о том, что уничтожение основного словарного фонда, накопленного в течение веков, при невозможности создать новый основной словарный фонд в течение короткого срока, привело бы к параличу языка, к полному расстройству дела общения людей между собой.

Грамматический строй языка изменяется еще более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»²¹.

Так товарищ Сталин определяет специфику языка. Товарищ Сталин подчеркивает чрезвычайную устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка, иллюстрируя это рядом конкретных исторических приме-

¹⁹ И. Сталин, Указ. раб., стр. 24—25.

²⁰ Там же, стр. 24.

²¹ Там же, стр. 25—26.

ров. Из этих положений с полной ясностью вытекает антинаучность претензий Марра и его учеников говорить о молниеносной перестройке основного словарного фонда и грамматического строя языков.

«Язык,— говорит товарищ Сталин,— его структуру нельзя рассматривать как продукт одной какой-либо эпохи. Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох»²².

Товарищ Сталин не отрицает, конечно, качественных изменений в языке в процессе его исторического развития, но он подчеркивает невозможность революции в языке, вздорность и претенциозность попыток рисовать историю таких революций.

«Марксизм считает, что переход языка от старого качества к новому происходит не путем взрыва, не путем уничтожения существующего языка и создания нового, а путем постепенного накопления элементов нового качества, следовательно, путем постепенного отмирания элементов старого качества»²³.

И здесь товарищ Сталин, делая неизбежный вывод из развернутого им марксистского учения о языке, подходит к вопросу о том, что наложило свой отпечаток на нашу этнографическую, археологическую, историческую литературу, к вопросу о скрещении языков, как якобы основной движущей силе их развития. Товарищ Сталин пишет:

«Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи»²⁴.

И далее товарищ Сталин подчеркивает, что самый процесс скрещивания имеет совершенно иной характер, чем тот, который пытался приписать ему Марр. Безответственно, не подкрепляя никакими сколько-нибудь доказательными фактами, Марр выдвигал идею о том, что скрещивание языков дает новый, третий язык, отличный от обоих исходных. Товарищ Сталин по этому поводу пишет:

«На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»²⁵.

Для нас ясно, что это положение не только подтверждается всей совокупностью исторически наблюдаемых нами фактов, но и логически, с железной необходимостью, вытекает из сталинского учения о языке. Ибо если язык есть основное средство общения людей, если жизнедеятельность общества зависит от существования языка, то как может происходить образование нового языка в процессе скрещивания языков без паралича жизнедеятельности общества? В условиях классового общества, в условиях борьбы языков за господство в процессе скрещивания неизбежно побеждает один из языков, который становится основой дальнейшего развития.

И поэтому товарищ Сталин глубоко прав, когда говорит, что теория скрещивания, без сомнения, не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию:

«Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория

²² И. Сталин, Указ. раб., стр. 26.

²³ Там же, стр. 28.

²⁴ Там же, стр. 29.

²⁵ Там же, стр. 29—30.

скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее,— она просто не замечает, или не понимает ее»²⁶.

Марксистско-ленинская периодизация истории языка, разработанная товарищем Сталиным, находит свое завершение в ответе товарища Сталина на второй вопрос группы молодых языковедов. Товарищ Сталин пишет: «Не трудно понять, что в обществе, где нет классов, не может быть и речи о классовом языке. Первобытно-общинный родовой строй не знал классов, следовательно, не могло быть там и классового языка,— язык был там общий, единый для всего коллектива».

И дальше: «Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным,— то везде на всех этапах развития язык, как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения»²⁷.

Исходя из этих положений товарища Сталина, мы должны сейчас пересмотреть ряд вопросов, связанных не только с нашими этногенетическими работами, но и с некоторыми прочно укоренившимися среди наших этнографов представлениями по истории первобытного общества, в частности — с самой периодизацией первобытной истории.

III

Для этнографической науки имеет первостепенное значение вопрос, значение которого подчеркнуто в работах товарища Сталина о языкознании, вопрос о происхождении языковых групп (семей). Марр и его ученики, как известно, завели разработку этой проблемы, как и все языкознание, в тупик.

В процессе лингвистической дискуссии среди языковедов раздавались голоса, призывающие к возвращению к «праязыковой теории», которая, якобы, одна способна вывести разработку этой проблемы из созданного Марром тупика.

Я говорил уже в начале доклада о том, что «праязыковая теория» давно уже вступила в резкое противоречие с фактами археологии, истории и этнографии. Товарищ Сталин, говоря о сравнительно-историческом методе, пишет:

«...сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырех-элементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов».

Н. Я. Марр высокомерно третирует всякую попытку изучения групп (семей) языков, как проявление теории «праязыка». А между тем нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка. Я уже не говорю, что теория «праязыка» не имеет к этому делу никакого отношения»²⁸.

Таким образом, товарищ Сталин проводит резкую грань между изучением групп (семей) языков при помощи сравнительно-исторического метода, с одной стороны, и «праязыковой теорией» — с другой. Между тем отождествление того и другого было характерно не только для Марра, но и для многих его противников — разница лишь в отношении к этим явлениям. Марр и марристы заявляли, что сравнительный метод

²⁶ И. Сталин, Указ. раб., стр. 30.

²⁷ Там же, стр. 12.

²⁸ Там же, стр. 33—34.

неотделим от праязыковой теории и посему подлежит изничтожению. Сторонники праязыковой теории заявляли, что эта теория является неизбежным выводом, к которому приводит сравнительный метод, а посему — без праязыковой теории не может быть научного языкознания. Марристы, конечно, нанесли языкознанию особенно серьезный ущерб, ибо вместе с «праязыковой теорией» они лишили языкознание единственного, хотя и несовершенного орудия исследования родственных языков, подменяя его гаданием «на кофейной гуще» вокруг пресловутых четырех элементов». Однако было бы величайшей ошибкой, законно восстанавливая в правах применение сравнительно-исторического метода, связывать это с восстановлением в правах «праязыковой теории».

Сравнительно-исторический метод исследования был крупным научным открытием языковедов первой половины XIX в. При помощи этого метода была установлена система закономерных звуковых, словарных и грамматических соответствий в пределах индоевропейской семьи языков. Впоследствии этот метод был распространен на изучение других не индоевропейских языковых групп. Языковые соответствия, разрабатываемые и доведенные до технической изощренности последующими поколениями лингвистов сравнительно-исторической школы, явились крупным завоеванием языковедной науки. В сравнительно-историческом методе языковедение впервые получило технический метод научного сопоставления лингвистических фактов. В этой связи нельзя не согласиться со словами Энгельса в «Анти-Дюринге», где он высоко оценивает работы Боппа и Гримма.

Но этот метод, являясь крупным лингвистическим открытием, является вместе с тем лишь техническим методом сопоставления. Это лишь совокупность эмпирических наблюдений, до сих пор теоретически удовлетворительно не осмысленных. С фактами, наблюдаемыми и великолепно систематизированными представителями сравнительно-исторического языкознания, должен считаться всякий, полагающий себя марксистом. Всякая попытка исторического истолкования тех или иных языковых явлений должна неизбежно отправляться от этих фактов.

Но это отнюдь не значит, что фактом являются теории, или, точнее, гипотезы, выдвинутые представителями сравнительно-исторического метода. К таким гипотезам относится так называемая «праязыковая теория», согласно которой родственные языки всегда являются результатом различных направлений развития одного языка.

Посмотрим, как, основываясь на «праязыковой теории», рисуют современные ее представители конкретную историю индоевропейских языков, в отношении которых эта теория получила наибольшее развитие.

Некогда существовал индоевропейский «праязык», на котором говорил «прарод», обитавший на ограниченной территории своей «прародины». Договориться о месте этой «прародины» сторонники «праязыковой теории» за почти полтора столетия ее существования так и не смогли²⁹. Примем, однако, за доказанную последнюю по времени гипо-

²⁹ Список и итог этих полутора столетних поисков более чем поучительны. Шлегель, один из предшественников и вдохновителей Боппа (1808 г.), помещал ее в Индии; Потт в 1833 г. — в бассейне Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи; Латам в 1851 г. — в Северной Франции и Южной Англии; Гобино в 1858 г. — на склонах Алтая и на берегах Байкала; Шлейхер в 1862 г. — на центральноазиатском плато; Бенфей в 1868—1872 гг. — в Северном Причерноморье; Гейгер в 1871 г. — в Центральной и Западной Германии; Куно в 1861 г. — в Северной Европе, от Урала до Атлантического океана; Моммзен в 1874 г. — на берегах Евфрата; Ген в 1874 г. и Киперт в 1878 г. — между Илом и Аму-Дарьей; Пеше в 1878 г. — в болоте Рокитно, между Припятью, Березиной и Днепром; Пьетрман в 1878 г. — в Сибири и Восточном Казахстане; Гоммель в 1879 г. — на южном берегу Каспийского моря; Уильямс в 1882 г. — на Памире; Шрадер в 1883 г. — между Средней Европой и Аральским морем; Коссина в 1902 г., Вильке в 1909 г., Менгин в 1931 г. — в Северо-западной Европе; Эллиот Смит в 1934 г. — между Москвой и Уральскими горами; Э. Эйкштет в 1934 г. — в Казахстане; Пуассон в

тезу Т. Милевского (1948 г.), помещающего эту «прародину» в Тюрингии, западной Саксонии и смежных районах, относя время жизни «праиндоевропейцев» на этой «прародине» к концу III тысячелетия до нашей эры. Можно выбрать и любую другую гипотезу, существо дела от этого не изменится.

Что же происходит дальше? Предоставим слово самому Милевскому.

«Будучи воинственными и агрессивными, эти индоевропейские племена быстро расширили эту область, и это повело к дезинтеграции первоначального индоевропейского единства... Дальнейшая дифференциация индоевропейской лингвистической области была связана с необыкновенной экспансией этих языков, которые распространились в четырех направлениях: на восток в Азию (тохарская и индоиранская группа), на юг в Грецию и Малую Азию (луви-хетты, греки и фрако-армяне), на запад на Аппенинский и Пиренейский полуострова и Британские острова (итало-кельтская и иллиро-венетская группы) и, наконец, на север в Скандинавию (тевтонская группа) и Восточную Европу (балто-славянская группа)»³⁰.

Карты атласа Милевского ярко иллюстрируют эту «необыкновенную» картину, вся аргументация которой сводится исключительно к данным языкознания, истолкованным с позиций «праязыковой теории», и находится в решительном противоречии с археологическими и антропологическими фактами. Мы видим на этих картах, как около 2000 г. до н. э. «тевтоны» заселяют Ютландию и Южную Скандинавию; балто-славяне — бассейн Одера и Вислы; кельты — междуречье Рейна и Эльбы; иллиро-венеты — верховья Дуная; греко-македоняне продвигаются на Средний Дунай; италийцы — в бассейн По; хетты и лувийцы занимают районы центральной и южной Малой Азии; индоиранцы — Северное Причерноморье, а тохары оказываются где-то в районе Сталинграда. В 900 г. до н. э. (какова точность!) область «индоевропейцев в целом» и каждой отдельной группы снова «необычайно» разрастается. Италийцы занимают уже всю Среднюю Италию, фракийцы и иллирийцы — весь бассейн Дуная, Днестра и Днепра, индоиранцы — все огромное пространство от Дона до Индии и т. д.

Карты 900-х и 600-х гг. до н. э. рисуют дальнейшее расширение территории кельтов, занимающих Британские острова и Францию, фрако-армян, занимающих всю Малую Азию. Около начала нашей эры начинается экспансия до того «сидевших смирно» германцев и балто-славян, занимающих: первые — всю Центральную, вторые, — всю Восточную Европу. И дальше экспансия продолжается вплоть до периода великих географических открытий и до заселения большей части мира «индоевропейскими» колонизаторами уже капиталистической эпохи.

Говоря кратко, картина сводится к тому, что на протяжении четырех с лишком тысяч лет одна лингвистическая общность, один народ или группа родственных племен, живших в пределах небольшой территории, идет по пути непрерывного, «необычайного» даже для авторов такого рода схем, расширения своей колонизационной области. Расширяется сперва территория «индоевропейцев». Затем та же сила экспансии действует в «дочерних группах», на которые разбились «индоевропейцы»

1939 г. — между верховьями Днестра и низовьями Дона; Кун в 1939 г. — «где-то в Южной России или в Средней Азии»; Бедрих Грозный в 1940 г. — к западу от Алтая; Тадеуш Милевский в 1948 г. — в Тюрингии и Саксонии. Мы уже не говорим о таких «теориях», как теория Чайковского, помещавшего «прародину арийцев» на дне нынешнего Аральского моря, или теория одного немецкого автора, который помещал ее в многострадальной Атлантиде. Эта «погоня за призраками», таким образом, упорно продолжается и по сей день, причем практически не осталось уже почти ни одной страны из заселенных сейчас «индоевропейцами» (а частью и не заселенных таковыми и даже вообще не существующих), где бы не пытались искать эту пресловутую «прародину».

³⁰ T. Milevski, *Zaris Językoznawstwa Ogólnego*, часть I, вып. 1, Краков, 1948, стр. 408—409.

Действует она и в бронзовом и в раннежелезном веке, действует и в первобытную, и в античную, и в феодальную, и в капиталистическую эпохи.

При этом расширение происходит отнюдь не на пустом месте. «Воинственные и агрессивные индоевропейцы» вытесняют и ассимилируют многочисленные «неиндоевропейские» племена и народы, на протяжении всех четырех тысячелетий неизменно и неуклонно делающиеся жертвой индоевропейской экспансии.

Спрашивается: как назвать ту магическую силу, то «неудержимое» или «непреодолимое» или «таинственное побуждение», о котором говорят Я. Гримм, М. Мюллер и К. Кун, которое привело к таким великолепным для «индоевропейцев» и печальным для «неиндоевропейцев» последствиям?

«Праязыковая теория» представляет собой яркий образец того незаконного перенесения явлений, характерных для одной эпохи развития общества,— на другую эпоху, в условиях которой эти явления исторически невозможны, против чего И. В. Сталин предостерегает т. Холопова. В основе этой «теории» лежит перенос в обстановку первобытного общества условий общества классового, «когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнет остается в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями, когда нет еще национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки. Именно эти условия имеет в виду формула Сталина, когда она говорит, что скрещивание, скажем, двух языков дает в результате не образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого»³¹.

Товарищ Сталин показывает в этом контексте несостоятельность попытки т. Холопова перенести эти закономерности на процессы, характерные для коммунистического общества, и на этом основании «отменить» гениальный прогноз товарища Сталина о путях развития языка в коммунистическом обществе, данный в докладе на XVI съезде ВКП(б). Но, бесспорно, что столь же несостоятельной явилась бы попытка перенести закономерности, свойственные классовому обществу, на эпоху первобытно-общинного строя, для которого характерны совершенно другие условия взаимоотношения языков.

Создатели «праязыковой теории», весьма далекие от марксизма и не видевшие существенного различия между классовым и первобытным обществом, переносили закономерности, наблюдаемые в исторических взаимоотношениях языков первого,— на последнее. В частности, единственным исторически зарегистрированным примером «праязыка», постоянно привлекаемым сторонниками «праязыковой теории», является так называемая «вульгарная латынь», легшая в основу современных романских языков. Однако, как известно, процесс образования этих языков происходил в условиях распада Римской империи, в условиях перехода от рабства к феодализму, и латынь являлась языком господствующей народности этой империи, который в центральных районах империи и вышел победителем в борьбе языков, сопровождавшей складывание «из разных рас и племен» новых народностей, выступающих на историческую сцену в раннем средневековье.

Ни одна иная группа индоевропейских языков (за исключением, может быть, иранской), как и вся индоевропейская семья языков, не образовывалась в сколько-нибудь напоминающих эту историческую ситуацию

³¹ И. Сталин, Указ. раб., стр. 52—53.

условиях. Все они сложились еще в эпоху первобытно-общинного строя, когда процессы, подобные процессу образования романских языков и тому, который реконструируется в любой праязыковой схеме, были попросту невозможны.

Формула «праязыка», применяемая к частным случаям образования языковых групп в условиях классового, рабовладельческого и феодального общества (романская, может быть, иранская, тюркская языковые группы), возможно, применяемая к некоторым весьма редким случаям эпохи перехода от доклассового общества к классовому, когда с этим переходом была связана колонизация из одного центра незаселенных или мало заселенных окраинных областей земного шара (малайско-полинезийские языки, языки банту), — неприменима к подавляющему большинству языковых групп (семей), сложившихся еще в доклассовом, первобытно-общинном родовом обществе.

«Теория праязыка», если понимать ее так, как ее понимают ее сторонники, т. е. не как историческое истолкование отдельных, частных случаев образования языковых групп, а как общеобязательную, универсальную теорию развития языков, не может дать удовлетворительного ответа ни на один вопрос, который перед ней вправе поставить историк. Поэтому совершенно не случайно наиболее серьезные и честные представители этой теории попросту категорически отказываются отвечать на эти вопросы. Мейе пишет:

«Не известно, ни где, ни когда, ни кто говорил на языке, из которого развились исторически засвидетельствованные языки и который условно называют индоевропейским... Этот вопрос, интересный более для историка, чем для лингвиста, не может быть решен путем изучения лингвистических данных. Впрочем, лингвисту вообще нет другого дела, кроме как истолковывать системы соответствий, устанавливаемых между разными языками; а где бы ни говорили на «индоевропейском языке», в Европе или в Азии, это ничего не меняет в этих системах, которые одни представляют осязаемую реальность и, следовательно, единственный предмет сравнительной грамматики индоевропейских языков»³².

Перед нами — не только полный отказ от тех громких претензий восстановить первобытную историю «индоевропейцев», с которыми «праязыковая теория» выступила на историческую арену. Перед нами признание полного теоретического банкротства этой «теории», сводимой практически к «истолкованию» — притом отнюдь не историческому — «системы соответствий, устанавливаемых между различными языками».

Перед нами признание того, что «праязыковая теория», как универсальная теория исторического развития языков и образования языковых групп (семей), не в силах ответить на обязательное требование, поставленное товарищем Сталиным перед языковедами-марксистами: «...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»³³.

IV

Возможна ли гипотеза — пока, конечно, только гипотеза, — которая, опираясь на конкретные историко-этнографические и языковые факты и исходя из марксистско-ленинского учения о языке, поднятого на новую ступень И. В. Сталиным, могла бы попытаться объяснить, как «объясненные» праязыковой теорией, так и необъясненные, а лишь наблюдаемые и систематизированные лингвистические факты? Нам представляется, что такая гипотеза возможна и зародыши ее уже есть.

³² А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 107.

³³ И. Сталин, Указ. раб., стр. 22.

Чтобы обосновать эту гипотезу, мы должны встать на тот путь, на который встал в свое время Энгельс для того, чтобы понять природу первобытно-общинного строя: мы должны обратиться к этнографическому материалу, к хозяйству, общественному строю и языкам народов, стоящих или стоявших сравнительно недавно на первобытно-общинном этапе развития. По этому пути идет и товарищ Сталин, когда ссылается на этнографический материал, показывая несостоятельность «теории» о равнозначности языка слов и языка жестов³⁴. Кстати сказать, языками народов первобытно-общинного строя Марр совсем не занимался, с его точки зрения они оказались «совсем не первобытными». Для Марра самым важным признаком «непервобытности», например, австралийских языков было наличие в них личных и притяжательных местоимений — явный, с точки зрения «нового учения о языке», признак экономического обособления личности и развития... частной собственности. Поэтому Марр предпочел искать первобытность в... китайском языке.

Если обратиться к материалу тех областей земного шара, где, до открытия их европейцами, народы с первобытно-общинным строем развивались наиболее независимо от всяких влияний со стороны обществ, достигших рабовладельческой и феодальной стадии, то наилучшими объектами будут Австралия, Новая Гвинея и в меньшей мере Америка. Все эти области характеризуются крайней множественностью языков. В Австралии, коренное население которой в начале XIX в. числялось приблизительно в 300 тысяч, существовало не менее пятисот языков или «диалектов». На еще очень плохо исследованной Новой Гвинее число самостоятельных языковых семей доходит до сотни. В бассейне р. Флей,— по размеру нечто вроде нашей Москвы-реки,— зарегистрировано 16 самостоятельных языков, группирующихся в 7 семей с разным словарем, системой местоимений и т. д. В Америке после массового истребления коренного населения все же сейчас имеется свыше 1000 самостоятельных языков, разбивающихся, по П. Риве, на 123 семьи. Другие исследователи насчитывают их еще больше. Чтобы отдать себе отчет в смысле этих цифр, достаточно сказать, что в современной Европе (без Кавказа) имеется всего около пятидесяти языков, объединяемых в одиннадцать групп, входящих, в свою очередь, в две языковые семьи (индоевропейская, урало-алтайская), к которым нужно добавить обособленный баскский язык.

Однако, присматриваясь к этим семьям и языкам, в особенности к австралийским и новогвинейским, так называемым папуасским, мы не можем не обратить внимания на весьма характерную особенность: все попытки классифицировать эти языки крайне спорны. То, что один автор группирует по определенным признакам в одну семью, то другой распределяет по нескольким и обратно. Попытка В. Шмидта (ее в 1948 г. повторяет уже цитированный Т. Милевский) сконструировать одну большую южноавстралийскую семью языков встретила резкую критику: туда попали народы с совсем разными языками. Однако не подлежит сомнению широкое распространение по всей Южной Австралии некоторого, правда, очень незначительного, фонда общих лексических и грамматических элементов.

Обычно говорят об австралийских племенных «диалектах». Однако на деле, на большей части территории Австралии консолидировавшихся племен, четко ограниченных территориально, обладающих органами племенного управления, фактически не существовало. В этом отношении я должен согласиться с весьма убедительной характеристикой, данной этой стороне жизни австралийцев нашим ленинградским австраловедом Н. А. Бутиновым. Он пишет:

«Соседние племена не были резко отграничены одно от другого.

³⁴ И. Сталин, Указ. раб., стр. 46.

Австралийцы, живущие на границе между разными племенами, иногда относили себя к одному, иногда к другому племени. Диалект одного племени незаметно переходил в диалект другого, так что лингвистические границы также были очень расплывчаты».

Собственно «диалект»-то и был единственным признаком большинства австралийских «племен». Практически действенной социально-экономической единицей являлся род или подразделение рода, так называемая «локальная группа». Это была хозяйственно самодовлеющая и полностью самоуправляющаяся группа, вынужденная поддерживать общение с другими только в силу действующего в ее пределах закона экзогамии. Хозяйственная обособленность рода, полностью удовлетворяющего свои потребности на своей охотничьей территории, находится в противоречивом единстве с несамостоятельностью рода, как семейно-брачного института. Род не может существовать без других родов, так как внутри рода брак абсолютно запрещен.

Здесь не место поднимать вопрос о происхождении экзогамии, по которому написаны сотни томов и который до сих пор остается дискуссионным. Несомненно одно: экзогамия неразрывно связана с развитием грубой и примитивной, но уже чисто человеческой половой морали, порожденной настоящими потребностями упорядочения половой жизни локального хозяйственного коллектива, который с появлением экзогамии становится коллективом родовым — первобытная община отделяется от первобытного стада. Это упорядочение носит грубый и примитивный характер, выражаясь в полном запрете половой жизни в пределах хозяйственного коллектива, чем создается потребность в общении с представителями других коллективов. На этой почве возникает одно из интереснейших явлений первобытной истории — так называемая «брачноклассовая система» и «дуальная организация». Ошибкой этнографов, занимавшихся этой проблемой (в частности, и моей ошибкой) является то, что «дуальная организация» с самого начала рассматривается как союз двух родов — как бы зачаток племени, а «брачноклассовая система» — как внутриплеменная форма регулирования брака. Этим и объясняется отрицательное отношение этнографов к рассмотрению рода и племени, как двух последовательных ступеней истории первобытного общества. Естественно, раз род с самого начала — часть племени, не может быть речи о такой последовательности. Но вся суть в том, что род первоначально — вовсе не часть племени, а в хозяйственном отношении самодовлеющий коллектив, связанный с другими коллективами взаимными брачными отношениями на основах экзогамии. Здесь наши этнографы находились под влиянием схемы Моргана; этому влиянию подвергся и Энгельс, который, следуя Моргану, недооценил определяющую роль материального производства в истории первобытного общества³⁵. Сейчас мы видим, что, несомненно, есть все основания предполагать существование доплеменной стадии в истории родового общества.

У большинства австралийских «племен», т. е. групп, говорящих на отдельных языках или отдельных «диалектах», «половины» (фратрии) и «брачные классы» не ограничены пределами «племени». Они, по крайней мере теоретически, охватывают весь континент. Любой австралиец в любой части Австралии найдет своих «братьев» и «сестер» и своих потенциальных «жен».

Естественно, каждый род, живя своей замкнутой хозяйственной жизнью, имеет свойственный только ему язык. Однако, общаясь на почве брачной жизни с другими родами, люди разных родов нуждаются в известном минимуме взаимного понимания. В процессе общения между

³⁵ См. по этому вопросу предисловие Института Маркса — Энгельса — Ленина к конспекту К. Маркса книги Л. Г. Моргана «Древнее общество», Архив Маркса и Энгельса, IX, М., 1941, стр. V.

родами их родовые языки идут по пути взаимообмена, взаимопроникновения, приводящего в итоге тысячелетней истории первобытных родов к созданию характерной, повидимому, для исторической ступени раннего (доплеменного) родового строя, того, что я назвал бы своего рода «первобытной лингвистической непрерывностью». Языки ближайших локально-родовых групп близки между собой. По мере передвижения к более удаленным локально-родовым группам эта близость уменьшается, однако долго не исчезает, и, что самое главное, на каждом отрезке территории эта близость неизменно сохраняется, так что каждая пара произвольно взятых соседних локально-родовых языков оказывает допускающей взаимное понимание. Нет резких лингвистических границ как правильно подчеркивает т. Бутинов. Все первобытные языки оказываются по степени близости друг к другу на положении позднейших диалектов или даже говоров, — однако при удалении на определенное расстояние взаимная понимаемость постепенно исчезает. Перед нами вместе с тем отнюдь не диалекты в современном понимании этого слова, а самостоятельные языки, ибо кроме них никаких других языков не существует и каждый из них является орудием общения экономически самодовлеющего коллектива. Можно, конечно, пожелании объединить эти «диалекты» в группы, назвав эти группы «языками», и в более широкие группы, наименовав их «семьями», наподобие современных языков и семей языков народов Европы и Азии. Но это будет насилием над материалом, и насильственный характер такого мероприятия сказывается в невозможности для лингвистов договориться о единой классификации. Естественно, любое переселение род или группы родов даже на небольшое расстояние вызывает разрыв этой первобытной непрерывности». Этим явно вызвана большая лингвистическая пестрота центральных областей Австралии, заселявшихся поздно и из разных районов побережья. Но если продолжают действовать прежние исторические условия, рано или поздно эта непрерывность все же становится.

Для Новой Гвинеи чрезвычайно ярко и убедительно «первобытную лингвистическую непрерывность» охарактеризовал выдающийся русский этнограф-путешественник Миклухо-Маклай, блестяще уловивший то, что осталось книгой за семью печатями для специалистов по папуасским языкам, так и не разобравшихся до сих пор в этих языках. Вот что пишет Миклухо-Маклай:

«Почти в каждой деревне Берега Маклая — свое наречие. В деревнях, отстоящих на четверть часа ходьбы друг от друга, имеется уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов. Жители деревень, находящихся на расстоянии часа ходьбы одна от другой, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают друг друга. Во время моих экскурсий, если они длились больше одного дня, мне требовалось два или даже три переводчика, которые должны были переводить один другому вопросы и ответы»³⁶.

Собранные Н. Н. Миклухо-Маклаем словари с громадной убедительностью показывают самый характер этой непрерывности. Мы видим, что в соседних деревнях основной словарный фонд характеризуется значительными совпадениями и одновременно значительными различиями. Характер языков допускает, несомненно, взаимное понимание соседей, хотя язык каждой деревни остается своеобразным.

Это вместе с тем первое в литературе, насколько нам известно, упоминание о родовых языках, так как «деревни» Миклухо-Маклая по всем данным — родовые поселения (см. описание Миклухо-Маклаем брачных обрядов папуасов Берега Маклая, явно указывающее на экзо-

³⁶ Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, I, М.—Л., 1940, стр. 243.

гамность деревень)³⁷. Никаких указаний на существование племен у папуасов Берега Маклая ни Н. Н. Миклухо-Маклай, ни последующие исследователи не дают.

Образование «первобытной лингвистической непрерывности», свойственной ступени родовых языков, не есть скрещение в том смысле, как понимал это Марр, и в том смысле, какой вкладывают в этот термин его ученики. Ничего общего этот процесс не имеет по своему характеру, скажем, со скрещением англо-саксонского и французского языков. Это тянувшийся не годами, конечно, и даже не сотнями лет, а тысячелетиями и десятками тысячелетий постепенный процесс взаимодействия и взаимопроникновения примитивных родовых языков, порожденный противоречием между хозяйственной замкнутостью рода и его семейно-брачной зависимостью от других родов.

Взятые нами примеры относятся к территориям, поздно заселенным человеком, уже через много десятков тысяч лет после того, как человечество выработало членораздельную речь. Несомненно, это заселение было неоднократным актом, тянулось долгие века, приносило в Новую Гвинею и Австралию различные группы из Юго-восточной Азии, говорившие, конечно, на весьма различных языках. Таким образом, здесь (как и в Центральной Австралии в гораздо более позднюю эпоху) был «разрыв первобытной непрерывности» и потребовались, конечно, века, если не тысячи лет, чтобы ее восстановить. На континенте Старого Света жизнь человечества длилась непрерывно, с момента его возникновения. Здесь тоже были, конечно, переселения племен, приводившие к «разрывам непрерывности», но эти движения, происходившие на уже освоенной человеком территории, носили более частный характер и не могли иметь столь значительных результатов. В силу этого последствия взаимосближения языков на территории Старого Света должны были быть в рамках той же исторической эпохи (грубо говоря — к концу неолита) гораздо более значительны, чем в Австралии и Новой Гвинее. Основы общности ныне существующих языковых групп восходят, с нашей точки зрения, уже к этой эпохе и слагались в течение долгих тысячелетий, начиная с возникновения родовых языков.

Положения, развиваемые нами здесь, не являются в сущности говоря, новыми. «Теория контакта» проф. Д. В. Бубриха, говорившего о «родовых диалектах, развивавшихся в контакте», как основе формирования финноугорских языков³⁸, вызвавшая оживленную и плодотворную дискуссию между Д. В. Бубрихом и Н. Н. Чебоксаровым на страницах «Советской этнографии»³⁹, в сущности говоря, вплотную подходит к формулировке положения о «первобытной лингвистической непрерывности». Д. В. Бубриху мешала, с одной стороны, оглядка на Марра и особенно на И. И. Мещанинова, с другой, — ограничение чисто лингвистическим материалом, взятым вне времени и пространства, без увязки с данными археологии и этнографии, т. е. вне связи с историей народов.

Надо сказать, что Н. Н. Чебоксаров, исходя из вышеупомянутой ошибки этнографов в вопросе об историческом соотношении рода и племени, занял в этой дискуссии также неправильную позицию по вопросу о родовых языках.

Зародыши же «теории контакта», правда, в очень примитивной форме, можно видеть уже в некоторых лингвистических построениях прош-

³⁷ Н. Н. Миклухо-Маклай, Путешествия, I, М.—Л., 1940, стр. 5.

³⁸ Д. В. Бубрих, Советское финноугорское языкознание, Ученые записки Ленинградского гос. университета, Серия востоковедческих наук, вып. 2, Л., 1948, стр. 30.

³⁹ См. «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 176 сл.; 1949, № 2, стр. 189 сл., 197 сл.

лого столетия, в частности, в так называемой «волновой теории Шмидта.

Языки племен и племенных союзов формируются на базе эт «первобытной непрерывности» родовых языков не столько путем скрещения (хотя здесь и скрещение уже, вероятно, в форме ассимиляции языков родов и групп, разрывающих «первобытную непрерывность» сколько путем концентрации преобладающих признаков, характерных для языков территории формирования племени или союза племен.

Учение Маркса о концентрации диалектов, как о пути развития национальных языков, углубленное и поднятое на высшую ступень товарищем Сталиным, является здесь для нас принципиальным руководящим указанием. Поскольку первобытные родовые языки находятся по отношению друг к другу в такой же степени близости, как диалекты языков позднейших народностей, процесс концентрации эт первобытных языков в ходе формирования племен и союзов племен является столь же закономерным, как процесс концентрации диалектов легших в основу формирования национальных языков.

Специфически характерное для языков отдельных родов отмирает общее для всех объединяющихся родов получает развитие, обогащаясь новообразованиями, свойственными уже всему племени или племенному союзу.

И. И. Мещанинов в своем выступлении на финноугорской сессии Ленинградского университета в 1948 г. развил идею о том, что племенные языки не могут возникнуть раньше возникновения племени, что язык союза племен не может возникнуть раньше союза племен, что язык народностей не может возникнуть раньше, чем возникают государства⁴⁰.

Мне представляется, что этот тезис не верен. Он отражает порочную марровскую теорию стадильности. Не надо забывать, что, как указывает товарищ Сталин, языковая общность, являющаяся неотъемлемым признаком нации, складывается «исподволь, еще в период докапиталистический»⁴¹. Хотя и нельзя механически переносить процессы, сопутствующие образованию национальных языков, на более ранние периоды, однако исторически несомненно существование зародышей племенных языков, т. е. какой-то языковой общности, предшествующей образованию племени, как социальной общности, и являющейся предпосылкой создания племени, ибо племена не могут возникнуть «путем взрыва» из непонимающих друг друга родов. Гипотеза «первобытной лингвистической непрерывности» объясняет это положение, ибо все территориально смежные родовые языки оказываются настолько близкими между собой, что они становятся естественной основой для образования племенного языка. То же самое происходит позднее с образованием языков союзов племен.

Однако образование племен и союзов племен ведет к серьезным последствиям в дальнейшем развитии человеческой речи. Их языки выделяются из «первобытной лингвистической непрерывности». Поскольку концентрация преобладающих признаков происходит вокруг различных центров, языки расходятся между собой, становятся более различными, появляются резкие лингвистические границы. Языков становится меньше, но различаются они между собой больше, чем на предшествующей стадии.

Таким образом, на этом историческом этапе «схождение» и «расхождение» — это лишь две стороны одного и того же процесса, и противопоставлять их друг другу

⁴⁰ См. Ученые записки Ленинградского гос. университета, Серия востоковедческих наук, вып. 2, стр. 16—17.

⁴¹ И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

невозможно. Процесс концентрации языков племен и племенных союзов одновременно является процессом разрыва «первобытной лингвистической непрерывности», уже не механического, как в случае с переселением, а вызванного внутренним развитием общества.

Характерно, что как раз в той части Австралии, где мы имеем оформившиеся племена, характеризующиеся племенной эндогамией, наличием племенных советов и вождей, где налицо уже по существу все признаки племени, даваемые Энгельсом, — мы наблюдаем весьма отличную от остальной Австралии картину — резкую обособленность племенных языков.

Формирование языков союзов племен также происходит на уже созданной «первобытной лингвистической непрерывностью» базе. Как правило, члены союза племен говорят на «диалектах одного языка», точнее на близко родственных языках. Вхождение в союз племен иноязычных элементов — исключение, и они быстро ассимилируются. Эти процессы можно наблюдать в недавнем историческом прошлом индейцев Америки⁴².

Мне представляется, что именно на почве «первобытной лингвистической непрерывности», усложненной формированием племен и союзов племен, идет и процесс образования индоевропейских языков, так же как и других групп родственных языков. Значительная часть тех общих элементов, которые связывают эти языки, восходит таким образом не ко II или концу III тысячелетия до н. э., когда якобы начинается процесс расселения индоевропейских народов, а к гораздо большей, вероятно, палеолитической древности.

Мне приходилось уже отмечать в одной из моих работ (1946 г.), что в древний период было индоевропейских «групп гораздо больше (вероятно, значительную часть их мы не знаем), и они значительно ближе друг к другу, образуя цепь незаметных переходов (кельтские <—> италийские (<—> эллинские) <—> иллирийские <—> фракийские (<—> фригийские <—> палеоармянские) <—> скифо-сарматские <—> палеоиранские <—> палеоиндийские)»⁴³.

Думаю, что этот тезис, вполне соответствующий имеющимся в нашем распоряжении фактам, и сейчас полностью сохраняет свою силу. В этом — проявление традиции «первобытной лингвистической непрерывности». В той же работе 1946 г. я обратил внимание на характерную особенность распространения типов морфологического и синтаксического строя языков земного шара. Эта особенность состоит в том, что языки, принадлежащие к различным группам (семьям), но расположенные на смежных территориях, образуют как бы непрерывную систему переходов. Если на юго-западе эйкумены преобладают префиксирующие формы, характеризующиеся тенденцией к моносиллабизму и согласному корню, развитием классовой префиксации и артиклей (наиболее характерные представители — языки банту), то на северо-востоке доминируют формы суффиксирующие, с широким развитием инкорпорации и агглютинации, с господством сингармонизма (наиболее характерные представители — тюркские языки). Между обоими этими полюсами лежит обширная переходная полоса, в языках которой (индоевропейские, кавказские, сино-тибетские) наблюдаются разнообразные сочетания обоих описанных выше типов.

В упомянутой выше статье я был, под влиянием Н. Я. Марра, склонен толковать эту переходную полосу как зону скрещения обоих крайних типов, которые я считал исходными, тогда как на самом

⁴² См. Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 73.

⁴³ С. П. Толстов, Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика, «Краткие сообщения» Института этнографии, I, 1946, стр. 11.

деле наблюдаемые факты должны быть объяснены как проявление наследия «первобытной лингвистической непрерывности».

Все данные, которыми располагают советские археология, этнография, антропология, показывают преемственность большинства основных этнических групп современного населения СССР и древнего населения тех же территорий. То же самое устанавливается и для других обследованных нашими специалистами территорий Европы и Азии. Цепь между трипольцами — скифами-пахарями — антами — восточными славянами, как и цепь между создателями лужицкой культуры и западными славянами, археологически доказана достаточно убедительно. Особенно ярким фактом является открытая Городцовым⁴⁴ и блестяще доказанная во всех звеньях Рыбаковым⁴⁵ преемственность скифского и восточнославянского народного искусства. Работы советских антропологов не менее убедительно показали преемственность разнообразных антропологических типов древнего (начиная по меньшей мере с неолита) населения Восточной Европы и разнообразных типов современных славян⁴⁶.

Процесс сложения славянства как культурной и языковой общности, конечно, исторически завершился в определенную эпоху. Вряд ли у кого есть сомнение, что это был период культуры полей погребальных урн — первые века до и после начала нашей эры. Никаких археологических или антропологических данных о том, что славяне расселились незадолго до их появления на страницах письменных источников из Пинских болот, из Прикарпатья, из междуречья Немана и Вислы или откуда-нибудь еще, откуда их ведут сторонники «праязыковой теории», у нас нет. А трудно предположить, чтобы такой процесс не оставил следа. Наоборот, мы видим, что археолого-этнографические факты противоречат этому, показывая, что славянские народы уходят своими глубокими историческими корнями в ту почву, на которой они сейчас живут, за исключением окраинных районов, заселенных славянами уже поздно, в раннем средневековье (Балканский полуостров) и еще позднее — в феодальную эпоху (Заволжье, Сибирь).

Но если процесс формирования славянского единства завершился около начала нашей эры, то начался этот процесс на той же территории (от Эльбы до Дона и от Дуная до Балтики) за многие тысячи лет до этого. Если древнейшей основой его явилась «первобытная лингвистическая непрерывность», то в эпоху перехода к металлам, патриархального рода и «военной демократии» он вылился, в результате концентрации древних родовых и племенных языков, в несколько близкородственных протославянских комплексов, известных под названием западноскифских (сколотских), фракийских, иллиро-венетских, протобалтийских, путем дальнейшей концентрации (видимо, вокруг сколотского ядра) сложившихся в обстановке широких объединений племен, обусловленных их совместной борьбой против Восточно-римской империи, в славянское языковое единство. Именно эта многотысячная предистория славянских языков определила их устойчивость на протяжении их засвидетельствованной письменными памятниками истории.

Таков, мне кажется, путь поисков разрешения проблемы происхождения языковых групп — проблемы, имеющей огромное значение для этнографии. Предложенная гипотеза, конечно, является только рабочей гипотезой — на большее сейчас было бы трудно претендовать. Можно надеяться, что свободная и широкая дискуссия по этому вопросу с уча-

⁴⁴ В. А. Городцов, Сако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве, Труды Государственного исторического музея, в. 1, М., 1926.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков, Древние элементы в русском народном творчестве, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 90 сл.

⁴⁶ Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 60—61.

ствием как языковедов, так и этнографов и археологов, будет способствовать успешному разрешению поставленной проблемы. Бесспорно одно: «теория праязыка» завела в тупик буржуазное языкознание. Возврат к ней не сулит ничего хорошего и советскому языкознанию. Творческая разработка вопросов истории языка в неразрывной связи с историей общества, историей народов (а эта история существует и для древнейших времен, и с ней никто не имеет права не считаться), на основе сталинского учения о языке, с учетом всех действительных, а не мнимых достижений досоветского языковедения, — вот тот путь, идя по которому, можно не сомневаться в успехе.

Мы заострили внимание лишь на одной, хотя и весьма важной проблеме, — общей для языковедения и этнографии, путь к разрешению которой указан в гениальных трудах товарища Сталина о марксизме и языкознании.

Этой проблемой, конечно, отнюдь не исчерпываются те поистине гигантские задачи, которые ставят перед советской этнографической наукой, как и перед любой другой отраслью общественной науки, новые труды величайшего ученого нашей эпохи. Нет сомнения, что труды товарища Сталина по языкознанию помогут советским этнографам пересмотреть многие их ошибки — в частности и те, которые связаны с влиянием порочных концепций Марра, что эти труды помогут нам в творческой разработке ряда важнейших вопросов нашей науки — как тех, которые связаны с изучением современной национальной культуры народов СССР и зарубежных стран, так и тех, которые связаны с изучением самых отдаленных эпох истории человечества, освещаемых этнографическими источниками.

«Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» — учит нас товарищ Сталин⁴⁷.

Дальнейшее, более широкое развитие свободных творческих дискуссий, широкое и всестороннее обсуждение всех узловых вопросов этнографии, дальнейшая разработка этих вопросов на основе методологии марксизма-ленинизма — таков залог успешного развития нашей науки.

---

⁴⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

МЕТОДЫ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ

Представить себе наглядно национальный состав населения любой страны невозможно без соответствующей этнографической карты. Под этим именем известны карты различного содержания и типа. Иногда этнографической картой называют карту расселения с показом национального состава; иногда на этнографическую карту наносятся не только сведения о национальном составе, но и о типах хозяйства, одежды, поселений, жилища и других явлений материальной культуры. Подобные карты носят также название этнокультурных. Наконец, на этнографическую карту нередко помещают сведения о языках и диалектах (карты этнолингвистические). Подобные этнографические карты являются комплексными картами, включающими сводные данные этнографического характера.

Уместно вспомнить об одной попытке создания комплексной этнографической карты во второй половине прошлого века русским ученым П. Муромцовым.

В 1866 г. Муромцов издал в Дрездене на русском языке брошюру под названием «Опыт составления этнографических карт». В этой брошюре автор, ссылаясь на подготовлявшуюся Русскую этнографическую выставку (в связи со Всеславянским съездом в 1867 г.), указывал на необходимость составления таких этнографических карт, которые служили бы полным выражением характерных особенностей различных местностей, обитаемых различными народами. «Все занимающиеся этнографией,— писал П. Муромцов,— должны притти к убеждению, что карты, не представляющие главных антропологических и этнографических элементов, вообще неудовлетворительны, неполны и в них неизбежны существенные пробелы»¹. Муромцов противопоставлял обычному типу этнографических карт разработанные им образцы комплексной карты и давал теоретическое обоснование содержанию карт такого типа.

Каждая этнографическая карта, по Муромцову, должна содержать два основных отдела: антропологический и этнографический. Материалы первого отдела состоят из данных антропологических (краниометрических) и археологических, а второго отдела — из данных исторических (историко-этнографических) и этнографических, в которые входят показатели типов жилищ, одежды, домашнего быта. Все показатели на-

¹ П. Муромцов, Опыт составления этнографических карт, Дрезден, 1866, стр. 3.

носятся на общую карту, которая должна дать полное представление об этнографии страны. Теоретическая часть брошюры Муромцова состоит из разъяснения значения изучения антропологии и этнографии для понимания современного быта разных народностей. В понимании Муромцова антропология сводится к краниологии, а этнография относится не к общественным, а к естественным наукам. Не следует, конечно, забывать, что в то время (80 лет тому назад) среди русских этнографов было много сторонников отнесения этнографии к естественным наукам (Д. Н. Анучин тоже был близок к этим идеям). Но Муромцов понимал это крайне примитивно. «К физиологическому развитию человека,— писал он,— нужно отнести вообще язык, характер, религию, образ жизни и правления, науки, искусства и художества». Это, конечно, вульгарный биологизм. Можно было бы вообще не упоминать об этой стороне высказываний Муромцова, если бы в своих положениях, развитых упрощенно и оголенно, он не оказывался в идеологической близости к антрополого-географической школе, модернизированное учение которой имеет до сих пор многих сторонников в буржуазных странах. У Муромцова есть, однако, правильное понимание связи отдельных явлений культуры между собой: он отмечает, что по типам строений, по материалу и архитектуре можно судить о народе и его развитии; взятый же в целом комплекс специфических особенностей жилища, одежды, обычаев, языка и религии дает возможность определить национальность населения и установить его этническую близость соседним народам или отличия от них.

Первоначально П. Муромцов составлял антропологические карты, на которые он наносил не только антропологические данные, но и данные археологические. Вслед за тем он приступил к составлению карт собственно этнографических. «Чтобы ближе ознакомиться с древнею этнографией, мы должны графически представить ее на карте, наглядно изобразив на ней костюмы и бытовые особенности курганных племен. Чтобы составить этнографическую карту, представляющую бытовые особенности древних племен и нового народонаселения, я соединил однородные типы (костюмов и предметов домашнего быта), как и прежде, и таким образом составил этнографическую сеть, которую наносу на карту исторической антропологии. Подобную же сеть мы можем составить отдельно для современного народа и нанести ее на географически изучаемую местность, и мы получим тогда карту бытовых особенностей нынешних обитателей. Изучивши в том и другом отношении всю Россию, мы можем начертить уже общую отдельную карту древней и современной русской этнографии, как составляют теперь подобные карты для распределения народонаселения по языкам и религии, с тою только разницею, что мы вводим в наши карты сети, которые были бы очень полезны и для этих карт. Линии, соединяющие однородные общие и частные типы, определяют отношения тех и других в различные периоды времени. Если мы распространим древние и современные сети в последовательном изучении различных местностей в других странах, то мы должны соединить однородными линиями (которые мы назовем этнотипическими) одинаковые или сходные между собою в некоторых частностях типы, и направление этих линий укажет нам на этнотипические отношения между древними племенами и современным населением»².

П. Муромцов так резюмировал свой метод: «Итак этнографические карты не только служат объяснением географического размещения различных племен, но должны быть и полным выражением характеристических бытовых особенностей разнородных местностей, обитаемых различными племенами. Мы достигаем этой цели, вводя в этнографические

² П. Муромцов, Указ. работа, стр. 26—27.

карты антропологический элемент одновременно с этническими свойствами, с помощью краниометрических и этнографических сетей»³.

Нанесением на одну карту различных кривых, составляющих «антропологическую и этнографическую сеть», Муромцов хотел достигнуть графического сочетания признаков, характеризующих физический тип населения с признаками, характеризующими этнографический быт. Это была в методологическом отношении порочная система картографирования, ибо пыталась объединить признаки, не имеющие непосредственной связи друг с другом: в самом деле, разве стоят антропологические особенности людей в какой-либо зависимости или непосредственной связи с этническими отличиями их быта? Но сама по себе система нанесения сети (связывающей одинаковые признаки, т. е. антропологические с антропологическими и этнографические с этнографическими), получившая позже широкое распространение в картах диалектологических (система изоглос) и климатологических, могла бы помочь исследователю в установлении эмпирической связи между одинаковыми явлениями в географически различных районах. Примерно по такому пути шел А. Риттих в своих схемах распространения славян⁴ и многие другие исследователи конца прошлого столетия. Правда, связывание условной линией географических пунктов, в которых были обнаружены сходные явления в быту населения, было по существу не завершением исследования, а лишь началом его, и исследователю предстояло еще доказать, что сходство это не случайно, а имеет одинаковые корни и исторически обусловлено; но эта система картографирования могла сыграть, несомненно, положительную роль и в этнографии⁵, поскольку она могла на толкнуть исследователя на необходимость выяснения, почему, например, типы женской народной одежды жителей горной Шотландии (в районе Перта?) схожи с женской народной одеждой жителей горных областей Норвегии (в районе Сэтесдала) и т. д.

В настоящее время картосоставители отказались от применения «этнотипической» сети, поскольку выработаны более простые и наглядные приемы. В том сложном виде, как разработал эту систему П. Муромцов (представление об этнотипической сети дают приложенные к брошюре Муромцова схематические карты с необычайно сложной и запутанной сетью антропологических и этнографических признаков), и в более простом виде, как применял эту сеть А. Риттих,— сетевая система, или система типических линий, этнографами больше не употребляется; но предложение П. Муромцова заключалось не только в сетевом приеме картографирования, а также в комплексности основного материала, служащего обоснованием этнографической карты. И хотя графические приемы русского ученого оказались неудачными, его идея комплексной карты сыграла свою роль в разработке нового типа карт— этнокультурных, являющихся ныне неслучайной составной частью любого этнографического атласа.

В настоящей статье методам составления этнокультурных карт, как карт вспомогательных, не предполагается уделять место, поскольку содержание их выходит за пределы основной темы; в дальнейшем речь будет идти только о картах национального состава, как главнейших типах этнографических карт.

³ П. Муромцов, Указ. работа, стр. 28.

⁴ А. Риттих, *Славянский мир*, Варшава, 1885.

⁵ Увлечение этнотипическими линиями приводило на первых порах ко многим ошибкам и подмене исторического исследования формалистическими обобщениями. Тот же Риттих «сумел» при помощи этих линий найти славян на Пиренейском полуострове и в других областях Европы, где компактного славянского населения никогда не существовало. В основе ошибки Риттиха лежало формалистическое понимание языковых сходств, фонетически близкое звучание названий некоторых населенных пунктов в районах, отдаленных друг от друга на многие тысячи километров и заселенных этнически различным населением.

* * *

Основным объектом этнического картографирования является географическое размещение народов и этнических групп. Практическое выполнение этой задачи может быть разрешено разными способами, сводящимися в конечном счете к нанесению условных обозначений, отображающих этническую характеристику населения, на географическую карту. На карте можно отметить национальный состав населения отдельных населенных пунктов или целых районов, областей и стран; можно указать территорию, занимаемую определенным народом — включая в эту территорию не только места поселений, но и хозяйственно освоенные этим народом земли; можно ограничиться нанесением на карту крайних границ расселения народа. Любая из карт подобного рода будет картой этнографической, т. е. отражающей географическое размещение национальностей и этнических групп; но для составления каждой из перечисленных карт необходим различный этнографический материал.

По характеру этнографической нагрузки карта может показывать размещение наций, народностей, племен и родовых групп, патронимий, локальных объединений в пределах селения, района, области, республики, континента, мира. Но карта может — в пределах тех же территорий — показывать географическое размещение одного какого-либо народа, условно пренебрегая показом соседних, живущих на смежных или на тех же территориях народов. При составлении сводных, генерализованных этнографических карт по большим территориям, населенным многими национальностями, приходится прибегать к предварительному составлению отдельных карт размещения той или другой, отдельно взятой, национальности. Такие вспомогательные карты необходимы для контроля, для проверки правильности заполнения карт-бланка сложной этнографической нагрузкой; самостоятельного значения подобные карты не имеют по той причине, что они показывают данный народ в условной изоляции, не соответствующей действительному географическому расселению его, удельному весу в отношении остального живущего на той же территории населения. Тем не менее в зарубежных географических и этнографических атласах сплошь и рядом встречаются подобные карты. Известны, например, английские карты географического расселения народов, говорящих на английском языке; не менее известны относящиеся к концу XIX — началу XX вв. карты «мирового» расселения немцев и т. д. Назначение этих «мировых» карт имеет очень отдаленное отношение к этнографии: это пропагандистские, националистические, расистские в своей основе проспекты, представляющие собой картографированные мечты о мировом господстве той или другой «расы господ».

Карта национального состава, как бы ни был мал в географическом отношении охваченный ею район, должна стремиться к наиболее полному отображению географического размещения всех живущих в данном районе этнических групп населения. Она должна дать представление об удельном весе показанных на карте наций, народностей и других, более примитивных этнических образований. Она должна отражать географическое размещение населения не только в виде территорий так называемых этнических массивов, т. е. районов, заселенных сплошь одной какой-либо национальностью, но и в смешанных районах, заселенных представителями разных национальностей. Это минимум тех требований, которые предъявляются к карте национального состава. «Идеальная» карта такого типа может отражать и более сложную этнографическую нагрузку, к которой относится подробный национальный состав каждого населенного пункта, а также обозначение границ этнических территорий отдельных народов (земли, обрабатываемые тем или иным народом, районы кочевий, рыбной ловли, пушного и охотничьего промысла и пр.).

В связи с этим на «идеальной» карте национального состава должны быть выделены незаселенные и хозяйственно неосвоенные места (пустыши, пустыни, болота, тундры, ледники, гребни гор, девственные леса, джунгли и пр.).

Для составления любой (даже не «идеальной») этнографической карты нужна специальная картографическая основа — с хорошо вычерченной гидросетью, четким рельефом, показом незаселенных и хозяйственно неосвоенных территорий. В некоторых случаях картографическая основа для этнографической карты должна иметь детально разработанную сеть сухопутных путей сообщения — в особенности в горных районах.

«Идеальной» карты национального состава еще никто не создал, но развитие этнической картографии идет в таком направлении, которое заставляет работать этнографов над обогащением картографической основы.

Способ составления карты и даже ее масштаб определяются в громадной степени тем материалом, который служит обоснованием карты. Между детальностью и полнотой этнографического обоснования и масштабом карты существует определенное соотношение: чем детальнее материал и чем он полнее, тем должен быть крупнее масштаб карты. И наоборот, чем схематичнее и беднее этнографический материал для обоснования карты, тем мельче следует брать масштаб карты.

Если этногеографический материал представляет собой суммарные сведения о географическом размещении народа в пределах области, края или какой-либо другой крупной территории, для составления карты национального состава вполне достаточен картографический бланк среднего и даже мелкого масштаба — от 1 : 2 500 000 до 1 : 10 000 000. Конечно, при этом приходится считаться также с плотностью населения: поэтому для стран Крайнего Севера или малозаселенных областей вне европейских стран масштаб может быть всегда мельче, чем для индустриальных стран с большой плотностью населения.

Если этногеографический материал касается территорий, соответствующих примерно советскому административному району европейской части СССР, то масштаб карты следует увеличить до соотношения 1 : 500 000 (для слабо заселенных районов можно ограничиться масштабом 1 : 1 000 000). Этот масштаб принят для международной картографической документации, и на карт-бланках такого масштаба имеются все районные центры и крупные пункты.

Когда же этнографические данные касаются не только районов, но и отдельных населенных пунктов, масштаб карты не может быть менее 1 : 200 000, т. е. такого карт-бланка, на котором нанесены все населенные пункты. Пользование более крупными масштабами (1 : 100 000, 1 : 50 000) становится необходимым лишь в тех случаях, когда этногеографический материал для обоснования карты требует показа территории отдельного селения в плане. В виде примера можно указать на случай, когда имеются детально разработанные статистические сведения о национальном составе отдельных кварталов селения или города.

Сказанное относится к рабочей основе карты, ибо любой масштаб может быть путем дальнейшей генерализации сведен к масштабу меньшему, если это допускает характер нанесенной на карту нагрузки. Обратный процесс — превращения мелкомасштабной этнографической карты в крупномасштабную — дает искажения, касающиеся основных элементов карты. Искажается при этом не только географическая основа, но нарушается и соотношение отдельных составных частей этнографической нагрузки. Как бы ни увеличивать мелкомасштабную карту, на ней все равно не появятся отсутствующие детали и она не станет полнее. Правда, станет легче заметить ее недостатки, потому что они при увеличении масштаба станут заметнее. Поэтому иногда приходится — в целях

контроля — производить механическое увеличение (фотографическим способом) мелкомасштабных карт.

Выбор масштаба карты, таким образом, в значительной части не зависит от составителя, а лимитируется характером и полнотой этногеографического материала. Бывает, однако, и иначе: несмотря на значительную полноту материала, допускающую использование карт-бланка крупного масштаба, составителю приходится ограничиваться более мелким масштабом и в связи с этим отказываться от использования многих деталей этнической нагрузки. Это вызывается обычно отсутствием в руках составителя подходящей географической карты, достаточно подробной и детализованной. Иногда это связано с тем, что на географической карте не указаны границы административных районов, не нанесены упоминаемые в этногеографическом материале, служащем для обоснования карты, населенные пункты и т. д.

Когда дело касается сравнительно небольшой территории, необходимый для составления карты этногеографический материал может быть собран самим составителем: в таком случае полнота сведений и их детализация зависят от него самого. В практике современной этнической картографии случается сравнительно редко, чтобы этнограф оперировал при составлении карты только тем материалом, который он лично собрал; гораздо чаще ему приходится пользоваться готовыми источниками, содержащими материал различной степени полноты и детализации. Все большее место в обосновании этнографических карт начинает занимать статистический материал, взятый из официальных цензов, данные которых составитель корректирует этнографическими или лингвистическими источниками. Такой способ получения основного материала заранее определяет как применяемый составителями масштаб карт, так и степень их детализации.

Для составителя, работающего над картой национального состава тех стран, в которых отсутствует этническая статистика, совершенно бесполезно пользоваться крупномасштабным бланком географической основы, ибо он не заполнит этого бланка соответствующей этнографической детальной нагрузкой. Национальный состав населения Испании, Португалии, Франции, стран Передней Азии, Ирана, Афганистана, Китая, большей части материка Африки, почти всего материка Южной и Центральной Америки может быть нанесен составителем на мелкомасштабной карте. При этом границы любого народа, любой этнической группы нельзя будет определить в этих странах иначе, как «предположительно».

В отношении стран, имеющих официальную этническую статистику, составитель также будет ограничен характером материала. Как правило, публикуемые статистическими органами разработки народных переписей ограничиваются суммарными данными по районам, округам и областям (кантонам, департаментам, бециркам, графствам, провинциям и пр.). Небольшое количество стран Европы публикует сведения по сельским общинам и городам, но ни одно государство не издает справочников, в которых были бы приведены сведения о национальном составе каждого населенного пункта, хотя эти сведения собираются при каждой переписи. Поэтому составители, желающие работать над картой национального состава иностранного государства или над картой национального состава какого-либо континента, не могут иметь в своем распоряжении этногеографических данных об отдельных населенных пунктах той или другой страны — кроме той, в которой они живут. Их карты будут по необходимости схематичными, и пределом масштабности подобных карт является соотношение 1 : 500 000. Практически этот предел редко используется составителями, так как даже порайонные данные публикуются очень немногими странами.

В лучшем положении оказываются составители в отношении этногео-

графического материала с в о е й страны. Им обычно доступны статистические сводки по каждому населенному пункту (поселенные списки), а иногда и первичные материалы переписей. На основании этого материала они могут составлять подробные карты с указанием национального состава каждого населенного пункта. Такие материалы допускают показ на карте не условного (по районам) географического размещения населения, а действительного расселения народов. К сожалению, таких подробных карт выпущено немного, и они касаются только небольших территорий, главным образом в Европе. На первом месте среди современных карт национального состава населения, выполненных с такой детализацией, стоят некоторые этнографические карты, составленные в СССР.

* * *

Современная карта национального состава населения базируется главным образом на этнической статистике. Однако такая карта отражает расселение не всех групп населения, а только компактных. Вне-сенный в свое время Любором Нидерле корректив, уточняющий объект этнического учета — «компактное население», очень важен для понимания методов этнического картографирования. Компактным населением считается такая форма расселения, при которой люди сохраняют этнические связи, стараются жить вблизи от представителей той же национальности. В отличие от компактного расселения, «рассеянное расселение» предполагает нарушение этнических связей, проживание одиночек и изолированных семей в окружении чуждого им этнического массива. Корректив Нидерле устраняет значительные трудности при этническом картографировании, так как он снимает с карты национально расплывленную часть населения, являющуюся основным объектом ассимиляционного процесса. Только компактное население, т. е. живущее большими или меньшими этническими группами, может быть той средой, в которой развивается национальная культура.

В сельских местностях, как правило, национальные одиночки — явление редкое, и общая численность такого населения в пределах отдельных районов невелика. Отказ от картографирования этих одиночек не может исказить национальный состав населения района. Так как современная этнография изучает, к сожалению, до сих пор главным образом сельское население, то понятие компактного населения не вносит хаоса в карту национального состава и его — по отношению к сельским районам — следует принять. Это значительно упрощает технику этнического картографирования, дает возможность отказаться от нанесения на карту мельчайших обозначений.

Средний состав современной моногамной семьи в сельских местностях колеблется от 3 до 5 человек: следовательно, можно отказаться от нанесения на этнографическую карту любой инонациональной (в отношении данного этнического массива) группки численностью до 5 человек. Национальное развитие подобной группки, вкрапленной в чуждую ей национальную среду, совершенно бесперспективно — в большинстве случаев численный рост такой группки возможен только путем так называемых смешанных браков, т. е. браков с лицами другой национальности. Включение же в состав изолированной (в чужой национальной среде) семьи лиц другой национальности приводит к дальнейшему подрыву национальных традиций — подрыву, ускоренному проникновением в семейный быт языка другой народности. Ассимиляционные процессы при этом ускоряются. Правда, при генерализации карты может случиться, что общая численность национального рассеянного населения представит уже некоторую весомую величину. Как быть в таких случаях? Практически это может быть решено так: на территории области — вне населенных пунктов — ставится особый знак (цифра, буква), обозначающая

наличие данной национальности в распыленном состоянии, а в пояснительном тексте приводятся цифровые данные о численности такого населения.

Понятие компактного населения, повторяю, облегчает картографирование национального состава сельских местностей. Однако следует сказать, что значение этого корректива Нидерле не проверено в отношении этнического учета промышленных центров и городов. Можно представить себе, что, скажем, в пределах крупного города, имеющего население в сотни тысяч человек, тысячи национально распыленных одиночек и небольших семей, не поддерживающих непосредственно связи друг с другом, живут, все-таки сохраняя национальные традиции и родной язык. Как быть с картографированием такого населения? Многие из этих одиночек с течением времени воспринимают язык окружающего национального большинства и ассимилируются, но этот процесс протекает не мгновенно и требует времени. Отказываясь от картографирования некомпактного населения, не совершает ли картограф ошибки, принимая начинающийся и потенциально возможный процесс ассимиляции как вполне заверченный? Вопрос этот требует тщательного изучения, как и более общий вопрос об этническом учете городского населения. Так как, наряду с национально распыленным населением, в городах имеются и компактные группы национальных меньшинств, селящихся в определенных кварталах или на определенных улицах (чтобы иметь возможность поддерживать этнические связи друг с другом), а этническая статистика учитывает их одними и теми же методами, не делая никаких различий между населением национально компактным и распыленным, то этническое картографирование городского населения следует признать пока крайне несовершенным.

Существуют ли другие лимиты минимальной численности населения, наносимого на этнографическую карту? Да, они существуют, хотя этностатистика учитывает национальный состав населения в каждом населенном пункте полностью, до 1 человека, но отобразить эту точность на картах наиболее употребительного масштаба нет никакой возможности. Применение корректива Нидерле создает само собой некоторый предельный нижний лимит — на карту не попадают мелкие изолированные национальные группки численностью до 5 человек. Генерализация карты приводит к необходимости обобщения статистических данных, к их суммированию. В существующем порядке этнического учета сводные данные во всех странах даются с приближением, и количество учитываемых национальностей и этнических групп относительно уменьшается по мере генерализации. В пределах отдельных районов учитываются обычно в сводках не более 10 национальностей, остальные подытоживаются как «прочие». Таким же образом приходится поступать и составителям этнографических карт. Разница только в том, что этнограф не применяет такой неопределенной категории, как «прочие», а старается обобщить данные нескольких близких в этническом отношении групп населения. На крупномасштабной карте он старается дать максимально допустимое количество национальностей — в пределах тех технических возможностей, которые допускает современная картография. Но на картах генерализованных среднего или мелкого масштаба приходится вводить обобщения и, таким образом, приходится говорить не столько о нижнем лимите этнического учета (количество учтенного населения остается попрежнему тем же, что и на крупномасштабной карте), сколько о сокращении этнической номенклатуры. Современные картографы умеют обозначать на этнографической карте одновременно несколько сот этнических единиц, но такие карты трудно составлять и еще труднее читать. Уместить на карте среднего масштаба 50—60 национальностей и этнических групп, как показал опыт, вполне возможно, даже применяя для каждого названия особый цветной оттенок акварели. В картографическом производстве.

при цветном печатании, количество оттенков может быть увеличено применением различной сетки. Поэтому трудности генерализации заключаются вовсе не в сложности разработки шкал цветных обозначений, не в бедности красок, а в другом — в обозначении на карте ничтожно малых этнических территорий и в картографировании смешанных в национальном отношении районов.

При этническом картографировании нескольких стран или целых континентов (независимо от детальности статистических сведений по отдельным странам) приходится, в целях унификации, значительно упрощать характер этнографической нагрузки. Это приводит к некоторому обеднению карты, но иного выхода нельзя придумать, поскольку этнографический материал по отдельным странам неоднороден. Чаще всего применяется при этом способ условной градации (в процентном отношении) этнического состава населения для выявления удельного веса отдельных этнических групп, живущих на одной территории. В этом отношении основной, применяемый большинством картографов, метод этнического картографирования смешанных территорий. При картографировании национального состава населения отдельных стран употребляются иногда очень детальные градации удельного веса отдельных национальностей в зависимости от полноты соответствующих статистических данных и количества национальностей, проживающих на картографируемой территории. Известны, например, детальные градации немецкого института Юстуса Пертуса, относящиеся к картографированию некоторых европейских территорий. При наличии только двух национальностей этот институт употреблял скользящую цветную шкалу Пауля Лангханса и давал детальную градацию удельного веса отдельных национальностей с интервалами в 5—10% (см. рис. 1). Такова разработанная этим институтом карта национального состава Клайпедской (Мемельской) области на основании статистическим данным переписи 1905 г. Но в многонациональных районах применение скользящей цветной шкалы невозможно, а детальная 5- или 10%-ная градация создает такую пестроту, что в карте трудно разобраться; попытки применения этого метода не дают в таких случаях удовлетворительных результатов. В практике этнического картографирования последних десятилетий имеется пример подобного неудачного использования детальной процентной градации — например, в работе чехословацкого исследователя Б. Варсика («Этнографическая славянско-венгерская граница в двух последних столетиях», Братислава, 1941). Упомянутые карты составлены авторами на основании поселенческих статистических данных тех стран, в которых составители проживают; в отношении зарубежных стран ни один составитель не находится в так выгодном положении, ибо у него отсутствует возможность получить подобные детальные данные. Вот почему, независимо от желания составителя, градации карты национального состава зарубежных стран должны быть гораздо более широкими, чем карты той страны, где проживает составитель. Так как сама по себе этническая статистика многих европейских буржуазных стран далека от совершенства и, как правило, преуменьшает числовые показатели, относящиеся к национально угнетенным этническим группам населения, более целесообразно применять при картографировании небольшое количество крупных градаций, сводящих процентные отношения этнических групп к пяти-шести делениям: от 5 до 19%, от 20 до 39%, от 40 до 59%, от 60 до 79%, от 80 до 95% — свыше 95%. При наличии большого количества мелких и мельчайших национальных групп приходится понижать нижний лимит картографируемого населения и создавать еще одну градацию: от 1 до 5%. Дальнейшее размельчение нецелесообразно — даже в тех случаях, когда статистические сведения касаются крупных областей и представляют собой цифровые итоги, выраженные в шестизначных цифрах.

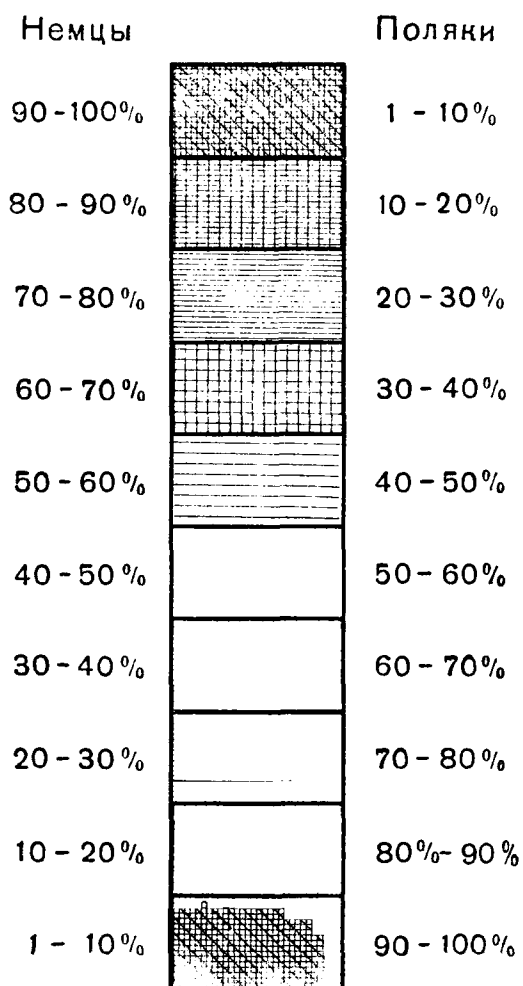

Рис. 1. Цветная шкала П. Лангханса для обозначения этнических территорий

Характер этнографической нагрузки на карте меняется в зависимости от полноты или схематичности источников, служащих обоснованием карты; в зависимости от характера нагрузки применяется тот или другой метод картографирования. Однако это не значит, что один и тот же материал не может быть картографирован разными методами; бесспорно лишь, что применение различных методов вызывает различные последствия, связанные с большей или меньшей легкостью чтения готовой карты. Задачей составителя является применение такого метода составления карты, который дает лучшие результаты. В каждом данном случае этот оптимальный метод может быть определен заранее, в пределах существующих разработанных картографической практикой приемов. Но так как составительская практика накапливает все новые и новые приемы, выбор методов картографирования не имеет лимита. Изучая применяемые приемы этнического картографирования, можно выделить среди них более совершенные и менее совершенные. Отсюда, однако, не следует делать вывода, что составитель всегда волен выбирать самые совершенные; решающей величиной, влияющей на метод составления карты, все-таки остается этногеографический материал, служащий обоснованием карты.

Наиболее простой способ этнического картографирования заключается в том, что на географической карте в определенном месте делается надпись (название народа), показывающая приблизительное место обитания того или другого народа. Этот способ унаследован нами от древнейших географов и характеризует этногеографические карты Птолемея и средневековых географов. Метод этот до сих пор широко применяется в исторических картах (в отношении древнейших периодов) и даже в некоторых географических картах малоисследованных территорий. Можно указать, например, на составленную Генеральным штабом географическую карту Российской империи (изд. 1894 г.), в которой на территории северных областей Сибири надписями обозначены места обитания отдельных народностей, принадлежащих к коренному населению Крайнего Севера.

Птолемеевский метод (так будем условно называть этот простейший способ составления этнографической карты) связан с характером источников, легших в обоснование карты. Древние географы получали свои сведения от путешественников и случайных людей, «очевидцев» или третьих лиц, передававших чужие рассказы о народах и местах их обитания. Как правило, эти сведения были отрывочны, неточны, сводились к тому, что рассказчик мог определить место обитания народа лишь приблизительно, ориентируя его в отношении какой-либо большой реки, горной цепи, морского побережья и пр. Так как древним географам и эти ориентиры приходилось устанавливать также путем опроса, не проверяя их лично на местности, то никаких границ расселения народа географ пометить на карте не мог. Надпись, говорящая о том, что данный народ обитает где-то возле реки, моря (помеченных на карте также предположительно), была единственным доступным составителю карты способом нанести на карту имеющийся этногеографический материал.

Казалось бы, что в настоящее время, когда географические карты составляются на основании топографических наземных и воздушных съемок, метод древних картографов делается ненужным и его можно заменить более совершенными приемами. На самом деле это не так. Примитивный способ определения местопребывания народа и теперь еще может оказаться единственно возможным для этнографа, если тот не может получить более точных сведений и принужден пользоваться данными опроса «очевидцев» или случайных людей. И если в отношении крупных народностей такие случаи бывают редко, то в отношении народностей

мелких, тем более в отношении племенных, родовых и мелких локальных подразделений отдельных народов этнографическая практика изобилует примерами необходимости устанавливать места обитания тех или других групп населения исключительно путем опроса сведущих лиц. Всякая попытка нанести на карту «точные» границы расселения такого населения связана с большей опасностью для науки, чем применение в подобных случаях птолемеевского метода. Когда границы расселения народа неточны и не могут быть исследователем установлены объективным путем, птолемеевский метод можно считать наилучшим способом отметить разведочный характер данных и указанием на необходимость дальнейших поисков более точных источников осведомления. В полевой практике этнографа применение этого примитивного метода этнического картографирования является обычно первой ступенью в определении границ территории, занятой изучаемым этническим подразделением.

Более сложным является такой метод картографирования, при котором на карту наносятся границы расселения народов, т. е. так называемые этнические границы. Одна из ранних и очень оригинальных карт такого рода была составлена Антоном Регулом в Петербурге в 1846 г. Называется она «Этнографическо-географическая карта области Северного Урала, составленная в результате поездки в 1844—1845 гг. Антоном Регулы». Масштаб карты — 1 : 3 000 000 (приблизительно). На карту нанесены в виде цветных линий границы расселения вогулов, остяков, зырян, самоедов, татар, а также северные границы распространения земледелия, скотоводства, лесов, сосны и кедра и районы охоты. Таким образом, карта выявляет не только этнографические, но и этнокультурные границы. Так как линии этнических границ перекрещиваются, чтение карты несколько затруднено. Материалом для карты послужили собранные А. Регулом путем опроса данные о расселении народов, причем составителем была сделана попытка не только выявить национальность населения, но и определить характер его материальной культуры (земледелие, скотоводство, охота).

Однотипным этому методу этнических границ (но, пожалуй, менее совершенным) можно считать введенный лингвистами в практику этнического картографирования метод языковых границ. Этот метод основан на объективных, но неполных данных о распространении того или другого языка, диалекта, говора. Объективность заключается в том, что наличие того или другого диалекта и говора устанавливается путем изучения народного языка в определенной местности. Для этой цели организовываются специальные научные экспедиции, собирающие лингвистический материал на месте, создаются корреспондентские пункты, распространяются анкеты и пр. Но в конечном счете устанавливаемая лингвистами так называемая языковая граница представляет собой только крайние пункты географического распространения того или другого языка сплошь и рядом не проверяется при этом, действительно ли распространен данный язык равномерно по всей территории, очерченной «языковой границей», или внутри этих границ находятся районы и отдельные поселения, в которых жители говорят на другом языке, диалекте, говоре. В этом и заключается неполнота получаемых лингвистами данных.

В соответствии с применявшимися ранее в этнографии лингвистическими методами определения национальности, метод языковых границ проник и укрепился в этническом картографировании в прошлом столетии. При отсутствии хорошо поставленной этнической статистики этот метод давал возможность определять, правда, неточно, этнические массивы, т. е. районы, заселенные однородным в национальном отношении населением; поэтому и распространение метода языковых границ теснейшим образом связано с попытками этнокартографов свести этническое картографирование к выявлению однородных по национальному составу населения территорий, пренебрегая смешанными районами. Вп

следствии, при развитии этнической статистики, метод языковых границ противопоставлялся официальным цензам на том основании, что он якобы точнее отражал действительную картину расселения народов (хотя в основу этнической статистики большинства стран со второй половины XIX в. был, как известно, положен также язык — как основной этнический определитель). Эти претензии на большую точность лингвистических исследований — большую «научность» по сравнению с данными цензов — следует отвергнуть. Этническая официальная статистика давала неточные данные вовсе не потому, что ее метод был порочным, а потому, что в дело оказались втянуты политические мотивы: не метод сбора материалов, а националистическая политика господствующих классов искажала постановку этностатистики. Но большинство буржуазных лингвистов не в меньшей мере заражено национализмом, чем буржуазные этностатистики. Пожалуй, даже наоборот: именно среди лингвистов национализм и шовинизм имеют наибольшее распространение. Поэтому и составляющиеся буржуазными лингвистами карты географического распространения языков и говоров менее всего могут претендовать на то, что они отражают действительную картину расселения народов.

Примером этнографической карты, составленной по методу языковых границ, можно считать относящуюся к 1903 г. «Этнографическую карту белорусского племени» Е. Карского⁶. В обоснование этой карты приводился исключительно лингвистический материал. В 1917 г. карта эта была переиздана⁷ почти без всяких изменений. Академик Е. Карский в своей объяснительной записке к последнему изданию карты указал, что базой для составления этой карты был «материнский язык». Но достаточно просмотреть материалы, на которые ссылается составитель, чтобы увидеть, что ни о каком «материнском языке» в данном случае говорить нельзя. Ни при первом издании карты, ни при ее переиздании не были использованы статистические данные первой всероссийской переписи народонаселения 1897 г.; материал, легший в основу карты, получен от корреспондентов или заимствован из литературных источников, причем при сборе его не применялось ни индивидуального, ни даже посемейного опроса. «Материнский язык» белорусов в материалах Карского касается целых селений, а потому его следует признать фикцией.

Р. Бэк тоже выдвигал на первое место язык, как наиболее удобный для статистики определитель национальной принадлежности людей, но в своих теоретических обоснованиях он не шел так далеко, как идет Е. Карский. «Когда отдельные члены ее (народности) по тем или другим причинам утрачивают материнский язык, они перестают сознавать свою принадлежность к данному племени», — пишет Карский⁸. Эта псевдоаксиома академика Карского опровергается классическим примером Ирландии и многих других стран.

Нанесенные на карту Е. Карского этнические границы белорусов противоречат данным переписи 1897 г. На это можно возразить, что переписные данные не всегда обеспечивают правильное отображение национальных отношений — тем более, что в дореволюционных условиях представители угнетенных национальностей часто не имели возможности давать переписчикам правильные ответы о своей национальности и родном языке. Предположим, что в отношении переписи 1897 г. эти возражения обоснованы. Но границы расселения белорусов, по Карскому, не соответствуют и данным советской переписи 1926 г.⁹ Достаточно сопоставить

⁶ Е. Карский, Белорусы, кн. 1. Введение к изучению языка и народной словесности, Вильно, 1904, стр. 20—21.

⁷ Е. Карский. Этнографическая карта белорусского племени, Пг., 1917.

⁸ Е. Карский. Этнографическая карта белорусского племени, объяснительная записка, Пг., 1917, стр. 1.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 г., М., 1928—1929, отдел I (народность, родной язык, возраст, грамотность), т. II, табл. X, стр. 40—43 и т. X, табл. X, стр. 214—223 и 240.

ставить эти данные с картой академика Карского, чтобы увидеть и коренное расхождение. Оговорки, применимые к переписи 1897 г., и применимы к переписи в советских условиях. Опрос населения проводился в обстановке действительно демократической, и цифры, попавшие в статистические сводки, основаны на подлинных ответах самог

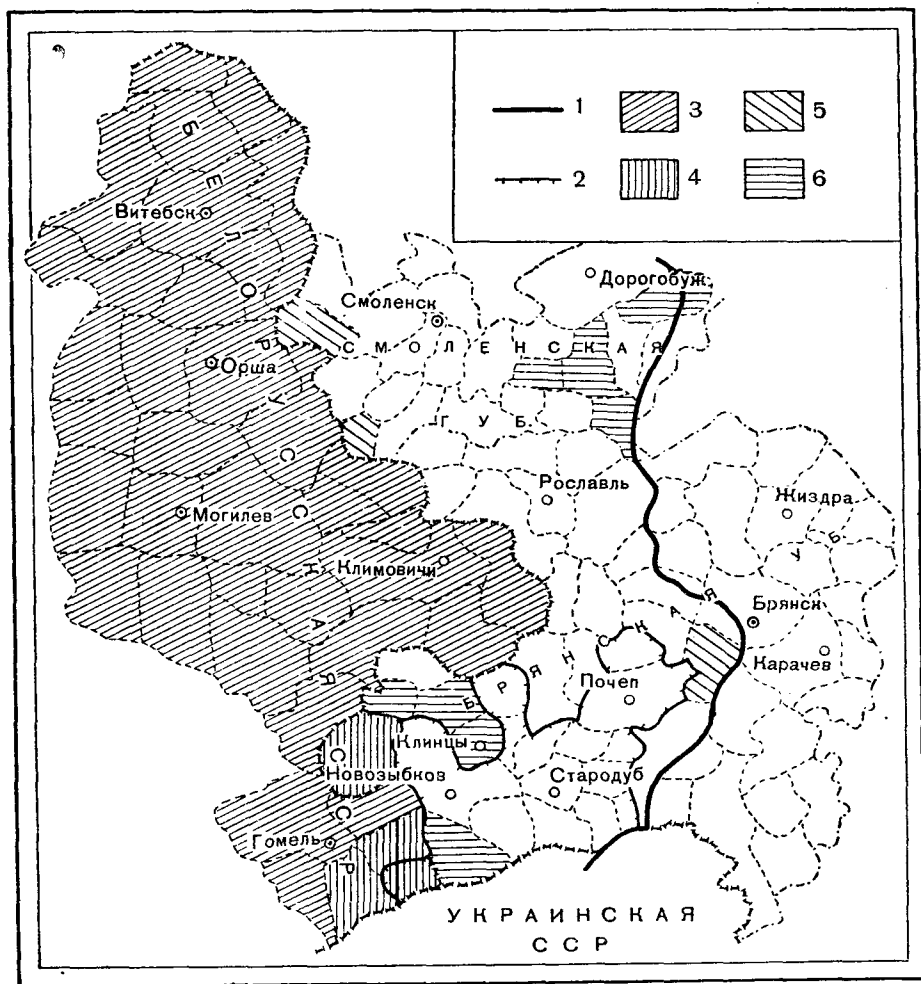

Рис. 2. Схема. Восточная граница расселения белорусов по данным переписи 1926 г.: 1 — восточная граница расселения белорусов, по Карскому; 2 — северная граница расселения украинцев. Территории, заселенные белорусами: 3 — свыше 50%; 4 — 20—50%; 5 — 5—20%; 6 — 3—5%.

населения. Нет никаких оснований утверждать, будто при этом кто-либо мог принуждаться морально или физически к даче неправильных ответов. Чем же в таком случае объясняется расхождение этнических границ Карского с переписными данными 1926 г., разница в крайних датах которого составляет лишь 9 лет? Совершенно очевидно, что за такой короткий срок не могло произойти коренного изменения национального состава изучаемых районов — тем более среди сельского населения (национальный состав городского населения на карте Е. Карского не отражен).

Единственным объяснением этого может быть лишь то, что карта «белорусского племени» не отражает подлинного положения вещей.

Восточную границу расселения белорусов Е. Карский отодвинул далеко за пределы той территории, где живет компактное белорусское население; он пренебрег показом смешанных в национальном отношении районов и потому общая картина расселения белорусов оказалась искаженной.

Составление этнографической карты этим методом лишает ее возможности правильно отразить географическое расселение народов, потому что в основу карты кладется лишь языковый определитель, а национальное самосознание и этнический быт остаются вне поля зрения составителя. Метод этот не учитывает наличия смешанного в национальном (а тем самым и в языковом) отношении населения и пренебрегает показом на данной территории всякого иноязычного населения; кроме того, при этом методе крайние границы распространения языков и говоров не всегда учитывают наличие иноязычного населения, живущего в глубине очерченной территории.

Использование метода языковых границ при составлении карт национального состава населения можно считать устаревшим способом, от которого этнографу необходимо отказаться; но это вовсе не значит, что этнограф должен пренебречь лингвистическим материалом при выявлении этнических территорий народов. Данные о распространении отдельных языков и говоров должны учитываться составителем карты потому, что они могут оказаться ценным коррективом к этностатистическим материалам официальных цензов — если такие цензы существуют, или стать одним из основных элементов карты (наряду с данными о распространении различных обычаев, национальной одежды, народной кулинарии, типа жилища и пр.) при отсутствии этнической статистики.

* * *

В противовес методам лингвистической карты «этнических границ» следует привести несколько примеров этнографических карт, основанных на статистическом материале, выявляющих не крайние границы распространения той или другой национальности, а территории их расселения. Статистический материал при этом не всегда берется из официальных цензов — весьма часто он представляет собой сводку данных, собранных самим составителем или его корреспондентами. Такие карты стали появляться с половины XIX в., но наибольшее количество их относится к началу XX в. Одной из первых карт этого типа является карта, составленная Петром Кеппеном в Петербурге в 1849 г. Обоснование карты П. Кеппена, названной «Этнографической картой Петербургской губернии» (масштаб 15 верст в английском дюйме), состояло частично из официальных статистических сведений, а частично — из корреспондентских сведений этнолингвистического характера. На карте, составленной на немецком языке¹⁰, показаны этнические территории вотяков, ингров, эвримейсет, савакот, эстов, карелов и немцев-колонистов; как это ни странно, на этнографической карте Петербургской губернии не нашлось места для русских. Это можно объяснить только тем, что П. Кеппен, видимо, хотел дать карту расселения национальных меньшинств.

Этнические территории каждого народа на карте Кеппена окрашены соответствующим цветом, который указан в условных обозначениях.

¹⁰ Не только карта Кеппена, но и ряд других карт (например, Билленштейна и др.) издавались Российской Академией Наук в XIX в. на немецком языке. В этом сказалось влияние придворных кругов, немецкое засилье в которых непосредственно отражалось и на Академии Наук.

Кроме того, на карте подчеркнуты цветными линиями некоторые населенные пункты: следует предположить (поскольку это не оговорено в условных обозначениях), что таким путем составитель хотел отметить отличие национального состава данного населенного пункта от национального состава населения окружающей сельской округи. По методу нанесения этнической нагрузки карта П. Кеппена стоит значительно выше карт этнических или языковых границ, ибо на карте Кеппена сделана попытка установить размер и конфигурацию этнических территорий (правда, только в отношении национальных меньшинств). Это был, пожалуй, первый опыт составления этнографической карты методом этнических территорий — опыт не вполне удачный, поскольку на карте Кеппена не выявлены наглядно районы смешанного расселения различных национальностей.

После выхода в свет этнографической карты П. Кеппена появилось много карт подобного же типа в России и за границей. Карты эти базировались большей частью на данных официальной статистики и охватывали более крупные территории, чем первоначальная карта Кеппена. Среди этих карт представляет наибольший научный интерес «Языковая карта Прусского государства», составленная Рихардом Бэком в 1864 г. (на основе переписи населения в Пруссии в 1861 г.). Поскольку прусская перепись 1861 г. учитывала национальность населения по родному языку, Бэк назвал свою карту «языковой», но это была не лингвистическая карта, а карта национального состава.

На карте Бэка, выполненной методом этнических территорий, показаны территории, заселенные немцами, литовцами, курами и поляками, причем составитель применил такой прием показа, который дал ему возможность выделить не только районы этнических массивов (с однородным в национальном отношении населением), но и этнические смешанные районы. Бэк установил следующие градации этнического состава населения в отдельных районах: 1) территории, на которых проживают одни немцы (100% населения); 2) территории, на которых свыше 80% населения принадлежит к немецкой национальности, остальное население — литовцы или куры; 3) территории, на которых от 60 до 80% — немцы; 4) территории, на которых от 50 до 60% населения — немцы, а остальное население — литовцы или куры; 4) территории, на которых от 50 до 60% — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 5) территории, на которых от 60 до 80% населения — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 6) территории, на которых свыше 80% населения — литовцы или куры, а остальное население — немцы; 7) территории, заселенные на 80% и свыше поляками.

Метод показа смешанных районов, примененный Р. Бэком, оказался вполне удачным в отношении тех территорий, на которых обитало смешанное население, принадлежащее к двум различным национальностям; попытка изобразить тем же методом территории многонациональных районов, в которых проживали три и более национальностей, не увенчалась успехом. Только через десять с лишком лет (в 1876 г.) Х. Киперт предложил более совершенный способ показа многонациональных районов на этнографических картах — это была «Этнографическая карта Балканского полуострова», на которой районы смешанного населения были закрашены перемежающимися цветными полосами, цвет которых соответствовал условным обозначениям определенных народов. Метод Киперта увеличивал возможности картографического показа этнических территорий, но по сравнению с методом Бэка был менее точным в том отношении, что игнорировал численное соотношение национальных групп в пределах смешанных районов, ибо цветные полосы национального большинства и национального меньшинства были на карте равновелики. Дальнейшее усовершенствование этого метода держалось на многие десятилетия, и только советские картографы

сумели разработать его так, чтобы этнографическая карта отражала не только национальный состав населения, но и его относительную численность на определенных территориях.

В 1907 г. Л. С. Берг, ныне академик, составил «Этнографическую карту сельского населения Бессарабии», переизданную потом в 1923 г. В основу карты были положены данные, собранные В. Н. Бутовичем при помощи корреспондентов, а также данные всероссийской переписи 1897 г. Л. С. Берг отказался от метода этнических границ и пошел по пути П. Кеппена, т. е. картографирования этнических территорий. В отличие от Кеппена, давшего в своей «Этнографической карте Петербургской губернии» лишь территории, занимаемые национальными меньшинствами, и пренебрегшего показом территорий национального большинства, Л. С. Берг попытался отразить на своей карте полностью все этнические территории: он картографировал расселение населения по территории таким образом, чтобы даже самая маленькая этническая группа нашла на карте свое место. Л. С. Берг так пояснял свой метод: «На карте обозначены все национальности, составляющие не менее 10% населения данного пункта. Площади, занятые окраской, приблизительно соответствуют процентному соотношению народностей в данном месте» (стр. 5 пояснений к карте). Каждая территория, обозначенная тем или иным цветом на карте Л. С. Берга, должна была, по идее составителя, быть показана заселенной только одним народом. Это не вполне соответствовало действительному положению вещей, ибо в материалах Бутовича упоминалось о многих селах, в которых жили одновременно русские, украинцы, молдаване, евреи и другие народности; поэтому картографический метод, примененный составителем, вводил некоторую условность, отводя каждой народности, живущей в селе, свою особую территорию. Как же это делалось? Если, к примеру, в селе имелось 40% молдаван, 30% русских и 30% украинцев, то составитель в соответствии с этой пропорцией (4:3:3) делил всю территорию, принадлежавшую крестьянам данного села, на три отрезка, каждый из которых окрашивал цветом соответствующей национальности. Географическое размещение соответствующих национальностей в селе не соответствовало показу их на карте — оно было условным, и в этом не было бы особой беды, ибо существует ряд других, признанных наукой методов условного размещения на карте населения в пределах районов, областей и пр., при которых население тоже не привязывается к определенным географическим пунктам. Но этот метод имел другое, очень важное в принципиальном отношении неудобство: он устранял самое понятие смешанных в национальном отношении территорий. При картографировании по методу Л. С. Берга создавалось впечатление, будто бы каждая национальность, представленная в данном селе, обособлена, занимает самостоятельную территорию, между тем как молдаване, украинцы, русские, евреи в этих селах в действительности жили соседями на одних и тех же улицах, легко общались друг с другом и вследствие этого перенимали от своих соседей обычаи, материальную культуру и язык, весьма часто говорили одинаково свободно на двух-трех языках или создавали смешанный переходный русско-молдавский или украинско-молдавский говор. Эту специфику смешанного национального района метод, примененный Л. С. Бергом, не отражал, и потому его приходится признать неудачным. В современных нам условиях колхозного строя такой метод совершенно непригоден: в колхозах, имеющих смешанное в национальном отношении население, земельная площадь не делится по национальному признаку и потому совершенно невозможно было бы указать на карте даже условно отдельные территории для каждой национальности.

Методом Л. С. Берга воспользовались в 1926 г. составители этнографической карты Украинской Социалистической Советской Респуб-

ки («Етнографічна мапа Української Соціалістичної Радянської республіки», Київ, 1925; масштаб карты 1 : 750 000). Каждый народ, каждая этническая группа в пределах определенной территории показаны на этой карте самостоятельно, пропорционально той площади, которую они занимают, и примерно в географически близких местах обитания. Национально смешанные районы на карте отсутствуют, за исключением крупных городов, национальный состав которых показан в виде небольших диаграмм. На карте обозначены этнические территории следующих народов: украинцев, русских, немцев, молдаван, болгар, евреев, греков, поляков, чехов, белорусов, прочих. Несмотря на попытку составителя обогатить метод Л. С. Берга (путем показа национального состава городов), карта эта обладает теми же недостатками, что и ее прообраз, т. е. карта Л. С. Берга: конфигурация и географическое размещение этнических территорий на ней не отражают действительности.

Метод этнических территорий был применен П. Кеппеном для составления карты национальных меньшинств, но этот же метод можно использовать и для обратного — для показа этнических массивов национального большинства. По существу и в том и в другом случае составитель делает одну и ту же операцию — игнорирует национально смешанные районы. Сторонники мажоритарного принципа именно так стали применять кеппеновский метод. На этнографических картах, где последовательно проведен этот принцип, показывается на каждой обособленной территории только национально однородное население.

Если карта разработана на основании микрорайонных данных, то отрицательные черты этого метода тем меньше, чем меньше микрорайон, но даже в самом оптимальном случае, когда микрорайон равен отдельному населенному пункту, отрицательные черты не исчезают. Всякая генерализация карты увеличивает при этом искажения, а в картах среднего и мелкого масштаба они уже исключительно велики. К чему приводит мажоритарный метод в этническом картографировании, показывает разительный пример «Схематической этнографической карты новых образований Средне-Азиатских республик», изданной Узбекомпомом в 1927 г. (?). Масштаб карты — 80 верст в одном дюйме. В условных обозначениях карты показаны следующие национальности: «русские, туркмены, киргиз-казаки, кара-калпаки, таранчи, узбеки, таджики, кара-киргизы, курама, прочие». Мажоритарный метод раскраски этнических территорий, примененный при составлении этой карты, привел к совершенно невероятным курьезам: не говоря уже о том, что в Ташкенте, Ашхабаде, Красноводске совершенно отсутствует русское население, из столицы Кара-Киргизской автономной области (в то время г. Фрунзе (Пишпек) исчезли киргизы, из столицы Казахской (в то время Киргизской) республики г. Алма-Ата исчезли казахи! Можно было бы привести и другие нелепости, обозначенные на этой карте (например, в Самарканде не оказалось узбеков!), — нелепости, являющиеся следствием последовательного проведения мажоритарного метода в этническом картографировании.

В зарубежных буржуазных странах мажоритарный метод нашел себе широкое применение в этническом картографировании — в особенности в изданиях, предназначенных для учебных целей, и во всевозможных настольных и карманных атласах, имеющих наибольшее распространение. Отражая в этой области общее направление национальной политики капиталистических стран, попирающей права национальных меньшинств и угнетенных национальностей, мажоритарный метод выполняет сугубо пропагандистские цели. Вот почему приходится категорически возражать против применения этого метода в этническом картографировании на территории СССР — и тем более для учебных целей. Между тем в учебном географическом атласе для средней школы

издаваемом в течение многих лет Учпедгизом, из одного издания в другое вплоть до 1950 г. перепечатывалась учебная карта национальностей СССР, составленная по мажоритарному методу. Как бы ни был мелок масштаб учебной карты (в данном случае он равен 1 : 20 000 000), все же при современной технике картографирования существует полная возможность выделить на этой карте смешанные в национальном отношении районы.

* * *

Предложенный П. Кеппенем и дополненный Р. Бэком метод картографирования развивался не только в тех отрицательных направлениях, о которых сказано выше,— он послужил также основой для развития современного метода этнических территорий с показом смешанных районов, который преобладает в настоящее время в советской картографии. Переходом к новой системе этнического картографирования следует считать «Этнографическую карту Самаркандской области в границах 1917 г.», составленную в 1926 (?) г. И. И. Зарубиным. Масштаб карты — 1 : 840 000. На этой карте составитель показал не только «чистые» в этническом отношении территории, т. е. заселенные однородным по своему национальному составу населением, но и территории смешанного населения. Более того, Зарубин попытался отобразить этнический процесс в его динамике, нанеся на карту районы обитания «отуреченных иранцев». Условные обозначения предусматривают отображение на карте этнических территорий следующих народностей и этнических групп: «узбеков (в том числе кара-калпаков, туркменов куратинских, отуреченных иранцев), казахов, киргизов, курама, таджиков (в том числе ягнобцев), ирани, арабов, русских; кроме того смешанные районы узбеков и киргизов (а также отуреченных иранцев); таджиков и узбеков; таджиков, узбеков, русских и среднеазиатских евреев».

Как видно из приведенной выдержки, И. И. Зарубин не привел в систему обозначение на карте этнических территорий, в особенности смешанных. Преобладание штриховой техники над цветной обеднило цветное оформление карты. Но наибольшим недостатком карты Зарубина приходится считать отсутствие единства в определении национального состава смешанных районов — отсутствие той картографической систематизации, которая объединила бы научное обоснование и техническое обозначение. Несмотря на указанные крупные недостатки, карта И. И. Зарубина явилась переломным этапом в советском этническом картографировании и направила работу Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран (КИПС АН СССР) в определенное русло — разработки новых вариантов метода этнических территорий.

Следующим этапом картографической работы комиссии была большая «Этнографическая карта Сибири» на шести листах. Карта была составлена в 1927 г. по данным переписи 1897 г. и позднейших местных переписей. Карта охватывает не только территорию Сибири, но и большую часть европейской территории СССР и выполнена в масштабе 1 : 4 200 000.

По своей методологии указанная карта отличается от карты И. И. Зарубина большей разработанностью одного и того же принципа. В основу карты был положен микрорайон — волость, в пределах которого определены не только «чистые» в этническом отношении территории, но и территории, заселенные смешанным населением. Новинкой на этой карте была попытка выделить незаселенные и необжитые районы — попытка, не давшая радикальных результатов, потому что она не была проведена последовательно. Выделив в европейской части СССР незаселенные районы, составители обозначили громадные про-

странства Крайнего Севера и среднеазиатских пустынь как рай сплошных кочевий, что не может быть признано правильным, ибо там районов кочевий на этих территориях много совершенно неиспользованных человеком, хозяйственно неосвоенных пространств.

В отличие от упомянутой выше карты И. И. Зарубина, «Этнографическая карта Сибири» имеет более стройную легенду, в которой сведены в этнически близкие друг другу группы. Вследствие этого оказалось возможным сравнительно легко и отчетливо разместить по этническим территориям 191 народность, причем каждая народность получила свою особую цифру и цвет. Приведено в систему и обозначение санных районов: на территориях, заселенных несколькими народами, показана цветными полосами, обозначающими ту или иную национальность, каждая из них. Численно преобладающая на данной территории народность обозначена более широкой цветной полосой, менее численная — более узкой полосой; таким образом удалось показать удельный вес (в численном отношении) каждой народности на определенной территории. Это был гораздо более совершенный метод этнического картографирования, чем предложил Киперт на карте Балканского полуострова, где территории смешанного населения были показаны разноцветными полосами одинаковой ширины, т. е. произведена лишь констатация того факта, что на этих территориях обитает несколько народностей.

«Этнографическая карта Сибири» была первой советской этнографической картой, охватывающей большую часть территории Советского Союза и составленной на основании переписных данных микрорайонов. При составлении этой карты были в виде корректива использованы многочисленные местные переписи и исследования этнографические, лингвистические. Научная база карты была весьма основательной и доброкачественной.

Демографические и этнические процессы, происходящие в СССР, протекали, однако, значительно быстрее, чем разработка этой карты. В год ее издания появились первые сводки проведенной в 1926 г. новой переписи — переписи, дающей гораздо более богатый и более близкий материал, чем переписи 1897 и 1920 гг. Карта в момент своего издания в значительной степени имела лишь историческое значение — она уже не могла отразить советской современности.

Микрорайон-волость казался составителям в период разработки упомянутой карты идеальным обоснованием детальной этностатистической нагрузки; но перепись 1926 г. предоставила в распоряжение этностатистиков материалы по каждому населенному пункту. На основании такого материала можно разработать самую детализованную, самую подробную этнографическую карту всей территории Советского Союза. Академия Наук СССР получила в свое распоряжение необходимый материал для составления подобной карты, но организовать составительскую работу КИПС не сумел, и «Этнографическая карта Сибири» до настоящего времени является последней детальной картой национального состава СССР. Другой научной этнографической карты, охватывающей большую часть территории Советского Союза, пока еще нет.

Значительным методологическим недостатком «Этнографической карты Сибири» является неудачное обозначение районов кочевания, смешение этих районов с хозяйственно освоенными и хозяйственно неосвоенными территориями. В конце концов, путаница в обозначении указывала на недостаточную разработанность самого понятия неосвоенных пространств. Составители карт затруднили правильное чтение ее тем, что неисследованные белые пятна советской территории превратили в районы якобы изученные и хозяйственно освоенные. В действительности большинство так называемых районов сплошных кочевий хозяйственно не освоено до настоящего времени. На карте они занимают большое место — настолько большое, что масштаб карты в северных

областях Сибири оказывается неоправданным, несоразмерно великим. В картографическом отношении «Этнографическая карта Сибири» составлена диспропорционально, ибо районы, имеющие действительно большую нагрузку, и районы, почти лишенные этой нагрузки, имеют один и тот же масштаб.

Если для указанной карты может служить оправданием стремление представить всю территорию СССР в едином измерении, то для аналогичной карты, охватывающей отдельный северный район, а именно для «Этнографической карты Мурманской области», составленной Д. Н. Золотаревым, избранный составителем масштаб (1 : 1 000 000) совершенно не обоснован. Этнографическая нагрузка, имеющаяся на карте, может быть размещена на карт-бланке гораздо меньшего масштаба. Вместе с тем неоправданный масштаб карты обнаруживает то, что составитель, видимо, не имел в виду показать: недостаточную научную разработку этнографических данных о районах лопарских кочевий и вообще данных о кочевом населении Кольского полуострова.

* * *

Поскольку публикация этностатистических данных большинства стран дает только суммарные цифры по административным территориальным делениям первого и второго порядка (тем самым исключается возможность использования составителем статистических данных по микрорайонам), нанесение на карту конфигурации этнических территорий, в особенности в районах смешанного населения, превращается в сложную задачу. Составитель этнографической карты зарубежной страны принужден пользоваться, кроме статистики, лингвистическими исследованиями, этнографическими описаниями, географическими атласами, консультациями сведущих лиц, чтобы привязать суммарные данные цензов к определенной территории. При нарушении непосредственной связи этнографической нагрузки с географической основой (нарушении, вызванном неполнотой статистических источников), этнографическая карта зарубежных (для составителя) стран имеет тенденцию превратиться в этнокартограмму, т. е. в условное обозначение на карте этностатистических данных, не связанных с географическими пунктами.

При составлении же этнографической карты нескольких зарубежных стран или этнографической карты целого континента возникают дополнительные трудности, связанные с необычайной пестротой этногеографического материала. Унифицировать источники невозможно, однако возможно унифицировать метод показа, метод выявления материала на карте. Такую попытку унификации метода показа пытается разрешить рукописная «Этнографическая карта Зарубежной Европы», составленная Институтом этнографии Академии Наук СССР в 1948 г. Карта эта, выполненная на 12 листах в масштабе 1 : 2 500 000, отражает национальный состав зарубежных стран Европы к началу 1946 г., подытоживая тем самым изменения в национальном составе отдельных стран, происшедшие во время второй мировой войны и после нее. Составлена карта методом этнических территорий с выделением смешанных районов. Легенда карты содержит 57 наций и народностей, каждая из которых показана особым цветом и (в смешанных районах) порядковой цифрой. Цветовые обозначения разработаны так, что близкие в этническом отношении народности имеют близкие цветовые оттенки условного обозначения. На тех территориях, где живет одновременно несколько национальностей (в смешанных районах), каждая из них показана цветной полосой соответствующего оттенка, причем ширина полосы зависит от относительной численности (удельного веса) этой национальности (см. рис. 3).

Принятые шесть градаций (от 5 до 19%, от 20 до 49%, 50%, от 51

до 69%, от 70 до 95% и 100%) дают возможность показать удельный вес отдельных национальностей с достаточной точностью. Но эта точность все же приближенная, потому что в основу карты положен разнородный материал, унифицирован лишь метод его показа.

О характере материала и методах, примененных при составлении карты, дают представление следующие три примера, относящиеся к различным областям Европы — к группе стран Центральной Европы, Северо-Балканских стран, к Скандинавскому полуострову и к Пиренейскому полуострову.

В странах Центральной Европы и в Балканских странах (за исключением Греции) этническая статистика, несмотря на ее недостатки, может служить базой для составления этнографической карты. Публикации дают возможность принять за основную территорию картографической нагрузки довольно мелкий административный район, что имеет особое значение для территорий смешанного населения. Поэтому главной задачей составителей являлась проверка правильности переписных данных (путем анализа переписей за ряд лет, сопоставлением данных переписей с выборочными обследованиями, школьной и церковной статистикой, избирательной статистикой и пр.). В тех случаях, когда имелись подробные карты (по районам) национального состава, разработанные по материалам переписей, — как, например, в Чехословакии и Румынии, — было нетрудно определить географическое размещение отдельных национальных групп в пределах районов (чего публикации переписей не давали). Этнографические исследования и консультации сведущих лиц (живших в этих странах в течение длительного времени) имели при этой работе лишь вспомогательное значение. Сведения о происшедших за время войны и после нее перемещениях населения были получены различным путем: в некоторых случаях по литературным источникам, в других — путем непосредственного запроса с мест. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Этнографическая нагрузка территорий Пиренейского полуострова не имела такой фундаментальной научной базы. Из-за полного отсутствия в Испании и Португалии этнической официальной статистики составителям приходилось ориентироваться на данные лингвистических исследований и немногочисленные публикации этнографического характера. Полученные таким образом сведения были проверены путем консультации с рядом сведущих лиц (лингвистов, географов, историков, а также представителей местной национальной интеллигенции, живущих в настоящее время в СССР) и сличены с существующими этнографическими картами данных территорий, причем расхождения всякий раз выяснялись и уточнялись. Так была создана этнографическая нагрузка, которая нанесена на эту часть карты. Она унифицирована в соответствии с общей установкой, но имеет гораздо более условный характер, чем другие части карты.

Этнографическая нагрузка Скандинавского полуострова представляла трудности для составителя лишь в отношении северных районов — мест смешанного расселения норвежцев, шведов, квенов и лопарей. Существующая этническая статистика последних лет недостаточна, она не учитывает численность лопарско-квенского населения, а публикации переписей не дают точных сведений о географическом размещении этого населения. Путем сравнительного изучения статистических данных за ряд лет и определения географических пунктов расселения лопарей и квенов по этнографическим источникам и топонимике районов, составителю удалось выяснить как численность лопарско-квенского населения, так и его географическое размещение. Проверка этих данных была произведена сличением их с существующими этнографическими картами и политическими документами (замечаниями норвежской делегации в Лиге Наций в связи с составленной Габри этнографическо-

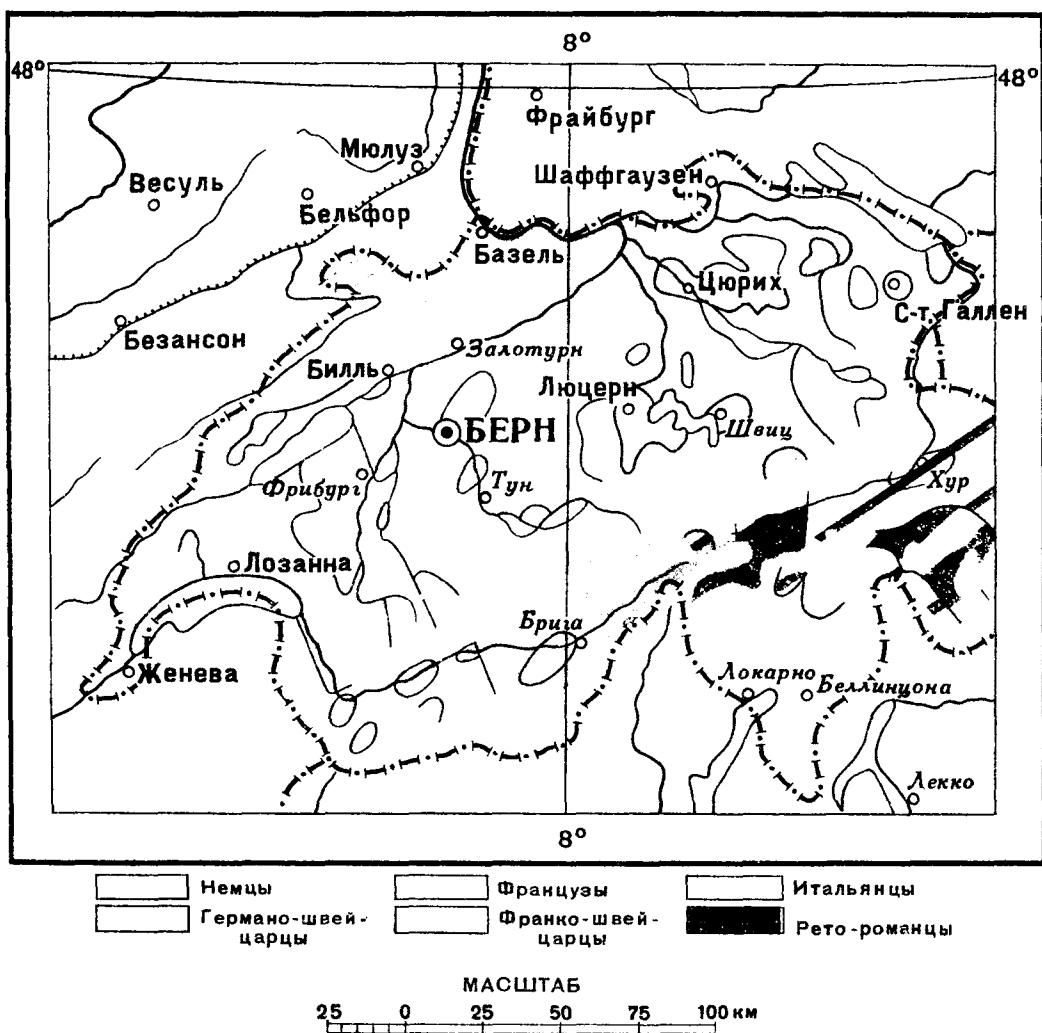

Рис. 3. Центральная часть Этнографической карты зарубежной Европы

(масштаб 1:2500000), составленной Институтом этнографии АН СССР

в 1948 г.

картой Европы), а расхождения проверены. Так была создана этнографическая нагрузка этой части карты.

Из этих примеров видно, насколько неоднороден материал «Этнографической карты Зарубежной Европы» и как велики еще трудности, стоящие перед составителем такой карты в настоящее время. Однако наличие подобных трудностей не должно служить причиной для отказа от составления этнографических карт зарубежных стран — карты эти необходимы, и даже в таком несовершенном виде они дают возможность определить этнический состав населения целых континентов, географическое размещение отдельных национальностей.

* * *

Среди этнографов очень сильно течение (возникшее под влиянием указанных трудностей отобразить географическое размещение мелких национальных групп населения) совершенно отказаться от определения этнических территорий и этнических границ, а взамен этих элементов этнографической карты ввести показатели статистико-демографического характера. В связи с этим во многих европейских и внеевропейских странах этнографическая карта подменяется этнокартограммой, на которую нанесены данные об абсолютной или относительной численности национальностей и о плотности населения.

Изобразительные формы подобных этнокартограмм однообразны — это цветные круги с сегментами, цветные столбики, цветные параллелограммы и квадраты и пр. Иногда на территории тех или других административных делений помещаются цветные точки и кружочки разных величин; в этих случаях цвет кружка определяет национальность, а величина кружка — численность. Кружки не привязаны к географическим пунктам, располагаются на территории вне зависимости от географического размещения в данном районе той или другой национальности. В виде примера можно привести этнографическую карту Европы в польском атласе Ромера.

Подробный разбор методов составления этнокартограмм не входит в нашу задачу. Замена этнографической карты этнокартограммой означает неполноту статистических материалов, доступных составителю, или объясняется какими-либо особыми причинами. Нередко одной из этих причин являются политические соображения, мешающие выявлению действительного этнического состава населения. Не случайно в США, где картографическая работа поставлена достаточно хорошо, не издается вовсе этнографических карт страны. Правда, публикуемые данные цензов не дают достаточного материала для составления таких карт, но местный исследователь — при желании — мог бы получить доступ к первичному статистическому материалу, касающемуся национального состава каждого населенного пункта США, и на основании этого детального материала имел бы возможность составить этнографическую карту. Однако появление такой карты не в интересах империалистической клики, направляющей политику страны: эта карта обнаружила бы, что население США не только не однородно в национальном отношении, но и многонационально, и что в пределах южных штатов можно картографировать особую негритянскую этническую территорию, на которой англо-саксонское население будет представлено лишь небольшими этническими островками или даже пятнами. Выпустить в свет такую карту не решится ни одно картографическое издательство США. Этнографическая карта выявляет связь национальных групп населения с определенной территорией, поэтому она для американских издателей одиозна и подменяется картограммой. Тем самым проблема этнотерриториаль-

ная снимается с обсуждения — вместо нее читателю подсовывается проблема абсолютной или относительной численности разноразличного (но многонационального!) населения.

* * *

Кроме карт собственно этнографических, существуют очень близкие к ним по своим задачам карты расселения, которые превращаются в этнографические карты в тех случаях, когда на этих картах

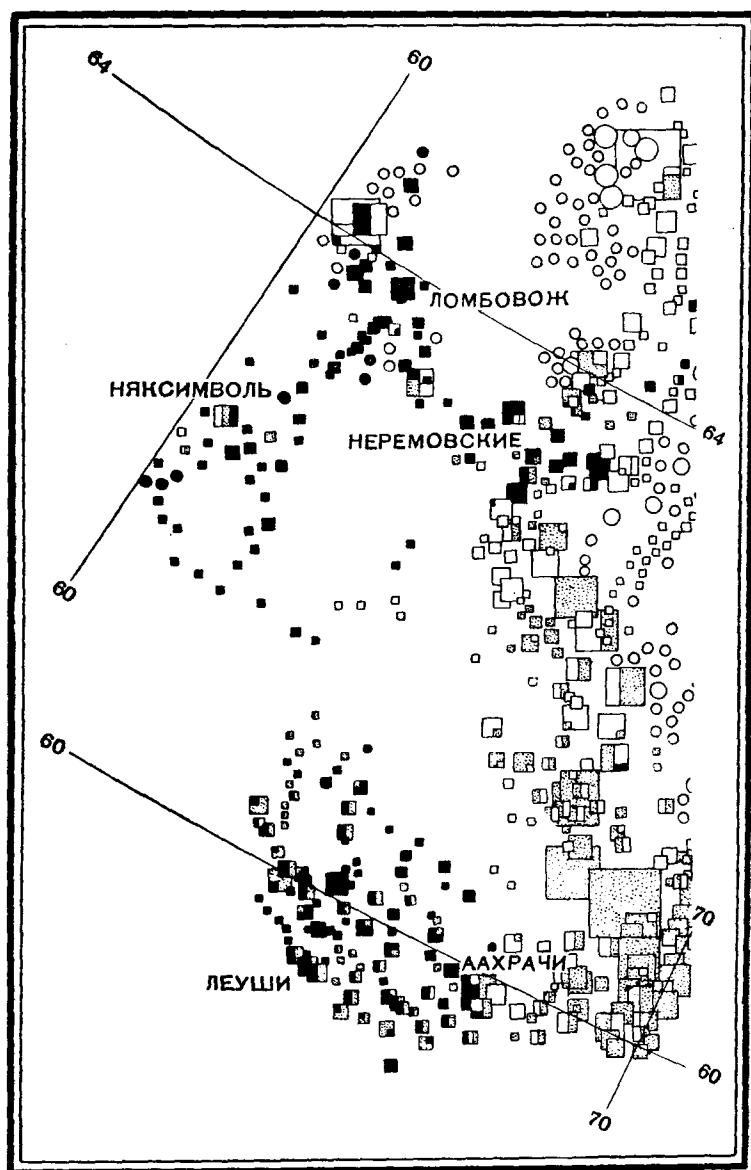
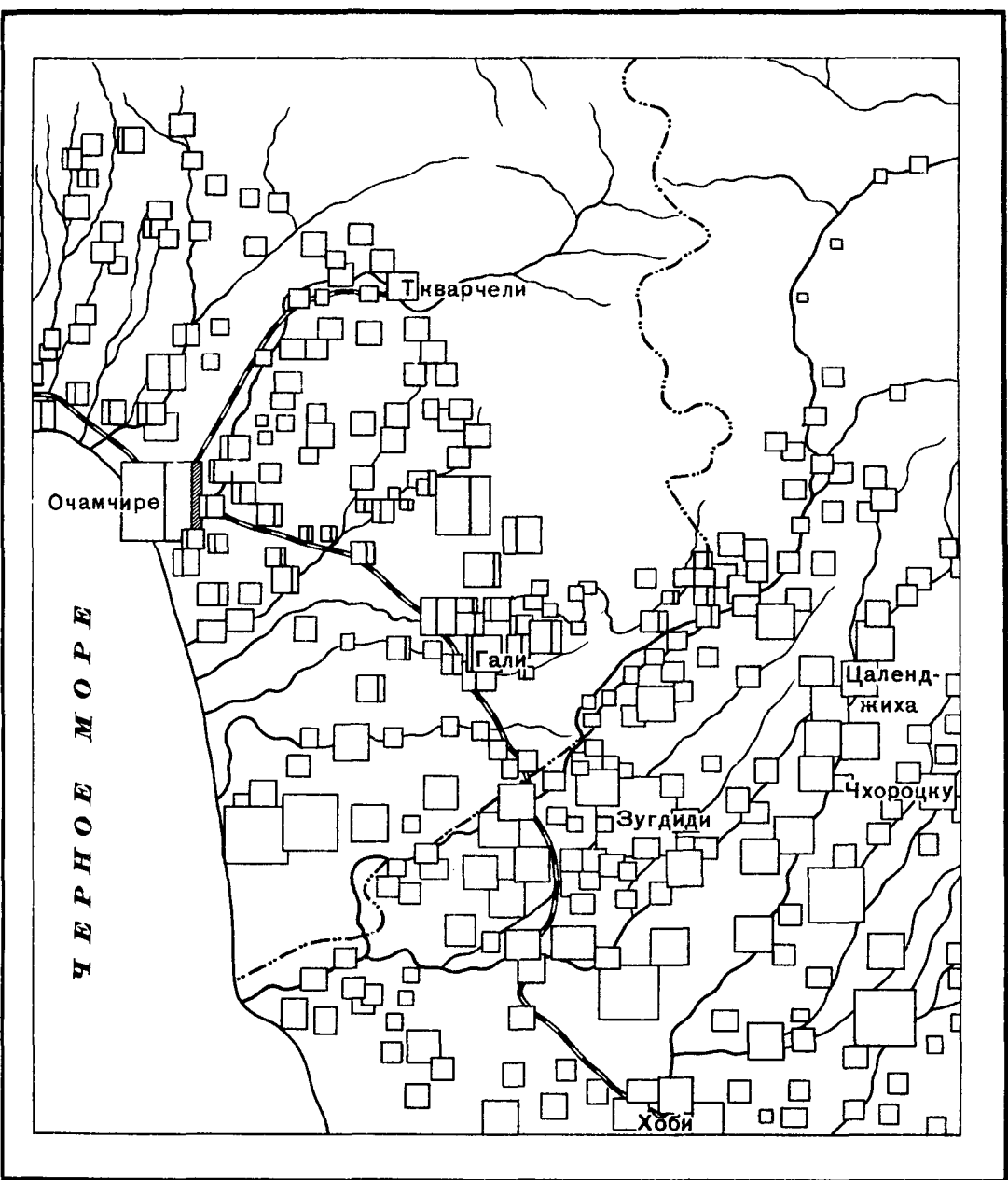

Рис. 4. Расселение народов манси, коми и ненцев на территории Северного Урала. Часть «Карты расселения народностей Крайнего Севера», составленной П. Е. Терлецким

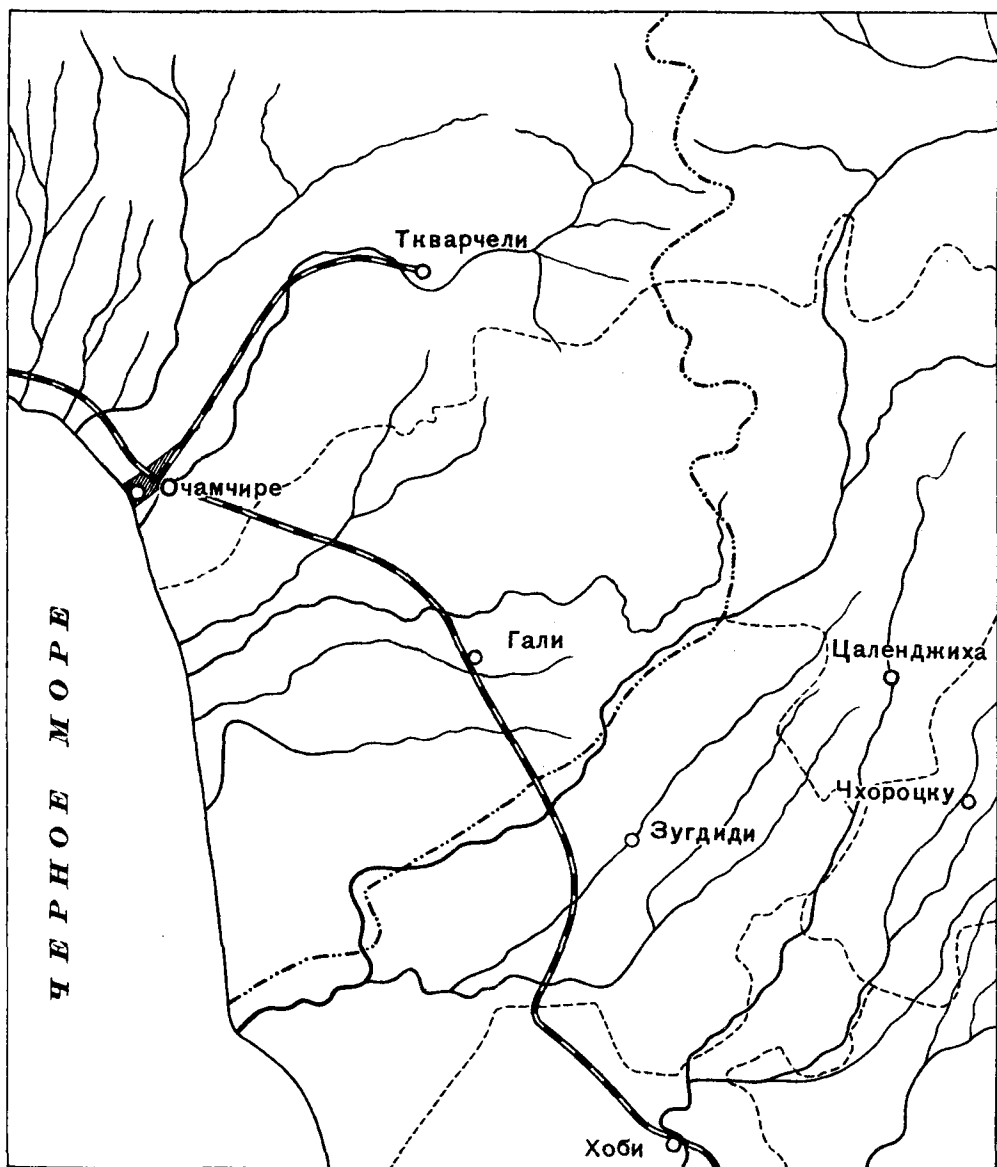
выделен национальный состав населенных пунктов. В 1933 г. Комитет Севера при Президиуме ВЦИК издал «Карту расселения народностей Крайнего Севера СССР», составленную П. Е. Терлецким. Это деталь-

Грузины
  Абхазы
  Армяне
  Русские

Рис. 5. Западная часть этнографической карты Грузинской ССР,

составленной Я. Р. Винниковым (по методу плотности)

Грузины
  Абхазы
  Армяне
  Русские

Рис. 6. Западная часть Этнографической карты Грузинской ССР,
составленной Я. Р. Винниковым (по методу этнических территорий).

нейшая карта, базирующаяся на статистическом материале похозяйственной переписи приполярного Севера в 1926/1927 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г. За основу статистической разработки был взят мельчайший микрорайон — отдельный населенный пункт. Таких подробных карт, охватывающих громадный район северного Приполярья, до сих пор не существовало. Это был первый опыт составления этноэкономической карты не только Крайнего Севера, но и советской этноэкономической карты вообще¹¹.

Масштаб карты (1 : 5 000 000) строго согласован с ее нагрузкой: на карте нет пустых мест, но нет и перегрузки ее материалом. Читается она легко. Полиграфическое оформление просто и красочно.

Основная нагрузка карты состоит из двух показателей: обозначения народностей и показателей численности хозяйства. Населенные пункты, помещенные на карте, нанесены на карту разными значками, в зависимости от того, являются ли они местами постоянной или относительной оседлости: постоянные населенные пункты условно обозначены квадратами, места относительной наибольшей оседлости кочевого населения — кружками. Размеры квадратиков и кружков зависят от количества составляющих их хозяйств, причем различаются следующие градации в обозначении населенных пунктов: от 1 до 5 хозяйств, от 6 до 10, от 11 до 20, от 21 до 50, от 51 до 100, от 101 до 200, от 201 до 400, от 401 до 1000 и свыше 1000 хозяйств. Градация, взятая в возрастающей прогрессии, составлена не случайно — она соответствует среднему числу хозяйств в поселениях равных типов, соответствующих уровню развития производительных сил и формам хозяйственной деятельности. Таким образом, составитель показывает на своей карте не просто расселение людей по территории Крайнего Севера, но и связанные с формой этого расселения типы экономики.

Легенда карты охватывает следующие нации и народности Крайнего Севера: лопари (саами), вогулы (маньсы), остяки (ханты), коми, ненцы, енисейские самоеды (маду), тавгийцы (нганасаны), остяко-самоеды (селькупы), эвенки, негидальцы, эвены, гольды, самагиры (нанэй), ульчи, ороки (нанэй), удэ, орочи (нани), чукчи (луораветланы), коряки (нымыланы), камчадалы (ительмены), юкагиры (оудулы), чуванцы (этели), эскимосы, алеуты, кеты, гиляки (нивхи), долганы (саха), якуты, русские, китайцы, корейцы, карелы, финны.

Эта карта географического размещения человеческого жилья — идеальный тип той карты, о которой мог только мечтать в свое время П. Шафарик. Карта П. Е. Терлецкого дает отчетливое представление не только об экономике населения, но и о его национальном составе, об удельном весе отдельных народностей, их численности и районах расселения.

Примененный П. Е. Терлецким метод называется обычно методом людности населенных пунктов; он употреблялся ранее в картах расселения и картах плотности, но советский ученый применил этот метод к этноэкономической карте. Это значительно расширило диапазон обычной этнографической карты, хотя и не заменило полностью карт прежних типов. Все-таки на карте Терлецкого размеры этнических территорий не показаны — о них можно только догадываться: незакрашенные территории могут быть понимаемы и как хозяйственно освоенные и как хозяйственно неосвоенные. Они могут быть и районами земледелия, и районами кочевий, и районами сезонных промыслов. На карте Терлецкого явственно читаются особенности типов расселения, связанные с типами хозяйства; видна абсолютная и относительная численность населения в каждом населенном пункте и его национальный состав. Нехватает в этой карте обобщений, которые дает в пределах опре-

¹¹ Оценку содержания карты см. у П. Померанцева «Карта расселения народностей Крайнего Севера» (Изв. Гос. геогр. об-ва, т. 65, 1935, вып. 2).

деленных районов и территорий обычная этнографическая карта; вследствие этого карта П. Е. Терлецкого не заменяет этнографической карты, выполненной по методу этнических территорий, а дополняет ее.

Условное обозначение населенных пунктов квадратиками и кружками разной величины создает некоторые картографические трудности. Дело в том, что каждый квадратик или кружок ставится на месте населенного пункта, но интервалы между населенными пунктами могут быть (и бывают) гораздо меньше, чем величина квадратика. Вследствие этого большой квадратик покрывает собой не один, а несколько населенных пунктов. Составитель выходит из положения допущением в той условности: он помещает мелкий населенный пункт на географически правильной точке, но внутри квадрата, обозначающего большого населенный пункт. Если национальный состав большого населенного пункта смешанный и поэтому многокрасочный, различить в нем мелкий населенный пункт не так просто — получается настоящий ребус, решать который приходится тому, кто пользуется картой. Сложен также прием наложения квадратиков друг на друга, тем более, что этот способ применяется в диаграммах и картограммах в ином значении — как показатель численности (удвоение, утроение и т. д. основного числа). Есть основание думать, однако, что указанные дефекты вызваны не самим методом, а лишь формой условных обозначений, и что при дальнейшем усовершенствовании карта станет значительно нагляднее.

По методу П. Е. Терлецкого выполнена Я. Р. Винниковым в 1948 г. рукописная карта расселения народов Грузинской ССР. Масштаб карты (1 : 500 000) достаточно велик, чтобы она была наглядной. Карта, базирующаяся на поселенных карточках всесоюзной переписи населения 1926 г., прекрасно передает своеобразный характер расселения отдельных национальных групп в горной местности — по долинам и руслам рек, чего обычная этнографическая карта выявить не может.

Прилагаемая для сравнения карта этнических территорий Грузинской ССР (составленная также Я. Р. Винниковым на базе поселенных карточек всесоюзной переписи 1926 г.) показывает достоинства и недостатки обоих методов (см. рисунок). Метод людности правильнее передает картину географического размещения жилищ; метод этнических территорий ярче выделяет смешанные районы. Дополняя друг друга, они вместе дают исчерпывающую этногеографическую характеристику страны.

Советская этническая картография сумела выработать своеобразные методы, оправдавшие себя на практике; дальнейшее усовершенствование этих методов, поиски новых путей для лучшего картографирования национального состава населения должны продолжаться с неослабевающей силой. Для этого в СССР имеются неограниченные возможности.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

С. П. ТОЛСТОВ

ОГУЗЫ, ПЕЧЕНЕГИ, МОРЕ ДАУКАРА

Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья)

В этой местности, близ Оксийских гор, живут *пасики* (Πασίκαι), в северном отрезке Яксарта — *ятии* (Ίάτιοι) и *тахоры* (Τάχοροι), ниже их — *аугалы* (Αὔγαλοι)

Птолемей, VI, 12, 4.

I. Аугассии — огузы

Среди народов «северного отрезка Яксарта» в своем описании Согдианы Птолемей (VI, 12, 4) упоминает народность *аугалов* (Αὔγαλοι). Это написание давно и основательно подверглось детальной исторической критике. Дело в том, что тогда как в исторических источниках мы встречаем эту форму только один раз,¹ в других источниках, в сходных контекстах упоминаются имена Αττασιοι (Страбон, XI, 513) и Αὐγάσιοι (Стефан Византийский). А. Германн² считает все три формы восходящими через графические искажения к одной, а Маркварт основательно видит эту последнюю именно в форме Αὐγάσιοι, которая легко могла дать остальные начертания при затруднительности выведения из каждого из остальных — других двух. В самом деле — легко могли быть в скорописном воспроизведении приняты за ττ, а две сигмы — за λ.

Отождествление *аугассии* → *аугалы* принимает и Тарн³. Словом, сейчас, пожалуй, можно считать эту идентификацию общепринятой.

Локализация *аугассиев* у Птолемея довольно определена. Он помещает их ниже ятиев и тахоров (см. эпиграф). В данном случае нет сомнения в том, что ниже надо понимать в современном смысле, т. е. ниже по течению Яксарта, другими словами — у самого его устья, так как ятии, давно отождествленные с асиями — асианами — усунями⁴, выходили западной окраиной своего расселения на среднее течение Сыр-Дарьи, ниже Ташкента, а тохары занимали Куван-Дарью и, вероятно, смежный участок Сыр-Дарьи⁵. Именно здесь, в дельте

¹ «Эглы» (Αἰγλοί) Геродота (III, 92) — народность, обитавшая в конце VI в. до н. э. в пределах Бактрийской (XII) сатрапии, сюда явно отношения не имеет.

² PW, XXVIII, стр. 2127.

³ «The Greeks in Bactria and India», стр. 80—81.

⁴ Ятии ~ асианы ~ усунь см. Маркварт, Sogdiana, стр. 143. Уравнение асии ~ асианы ~ усунь см.: Дегины, Mémoires de l'Académie des Inscriptions, XXV, стр. 28; Григорьев, О скифском народе саках, стр. 133—140; Бернштам, К вопросу об усунь || кушан и тохарах, «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 43.

⁵ См. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 137.

Сыр-Дарьи, в IX—X вв. лежал основной центр политического объединения сыр-дарьинских *огузов*⁶.

Нам уже пришлось обосновать положение, что эда не в далекой Монголии нужно искать первоначальную локализацию этого имени (а соответственно и народности), занесенного на вою с экспансией эфталитов в начале VI в. н. э., в состав которых в кстве существенного элемента входили и сыр-дарьинские прото-ские племена⁷.

Таким образом, во II в. н. э. в древней дельте Сыр-Дарьи локзуются *аугасии*, а по меньшей мере к VI в. мы должны отноналичие здесь носителей имени *огузов*.

Я думаю, это дает нам право на сопоставление обоих имен. Фол *аугасии* обнаруживает явно значительно больший архаизм — соение начального дифтонга *аи*, стянутого в *о* в позднейшем им (под влиянием прогрессивной ассимиляции лабиализация *а* → *и*). э как в имени *массагетов* — несомненно передает одну из разнностей *z*⁸. Закономерность параллелизма *auγaz* → *oγuz* мне предлется безупречной.

Таким образом получившее впоследствии широкое распространени собирательное значение этническое имя *огуз* восходит перначально к имени *массагетского* племени,⁹ сидевшего в локальасти Нижней Сыр-Дарьи — на восточном берегу Арала.

Этимология этого имени представляется достаточно прозрачно. В тюркских языках это слово в смягченной форме — *ögüz*, *öküz* имеет два нарицательных значения: «река»¹⁰ и «бык». Связь эде вряд ли случайна. Эта ассоциация ярко выступает в древнеирансктопонимике Средней Азии — ср. *Гау* (ср. *гау* — «бык»), названодного из главных каналов древнего Согда и связанной с ним област *Гау-хорэ* — «пища быка» — главный канал правобережного Хорез. Наконец, ср. исследованный К. В. Тревер мифологический обр *Гавомарда*, «Человеко-быка» — Покровителя вод¹¹. Надо думат что исходным является значение «река» (геср. «вода») и семантикая ассоциация имен осуществляется через табуацию имени тотем. Если так, то нельзя не вспомнить древнее имя Аму-Дарьи — *Окс* сложенное греческим аффиксом местное слово *окс* ~ *окус*, видисохранившееся в акающей форме в *Акс* (Αχης) у Геродота (не знащего, как известно, имени *Оксос*).

Мы уже отмечали, что в языке тюркского населения Средней Азии *Окуз* как собственное имя Аму-Дарьи сохраняется по меньшей мере до XVII в.¹², и, таким образом, древнейшей зарегистрированной формой позднейшего тюркского *öküz* — «река» является имя *Ок*. Я склонен видеть в этом, ~~вымирающем~~ и, в сущности, уже вымершем в тюркских языках, слове — остаток *массагетской* речи, сл *массагетских* племен, активно участвовавших в этногенезе сред *азиатских* тюркских народов, откуда и название реки, текущей в сердине территории *массагетов*.

Таким образом, в основе имени *аугасиев* надо видеть *массагетское* слово со значением «река», может быть «море», геср. «речны» может быть «приморские». Имя оказывается, следовательно, семантически тождественным с именем *апасиак*ов — «речных», может бы

⁶ С. П. Толстов, Города гузов, «Советская этнография», 1947, № 3.

⁷ Там же, стр. 82, прим. 93.

⁸ Ср. С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 241.

⁹ О принадлежности *аугасиев* к *массагетской* конфедерации см. там же, стр. 241.

¹⁰ См. МК I, 58, 327, 414 и др.

¹¹ К. В. Тревер, Гопатшах — пастух-царь, ТОВЭ, II, 1940, стр. 71 сл.

¹² С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у турк ПИДО, 1935, № 9—10.

«приморских» саков, только исходящим из отличной языковой среды: в первом случае — из массагетской, во втором, видимо, из сакской.

II. Апасиаки (пасианы) — печенеги

Локализация апасиаков сейчас уточнена нами. Они сидели между IV в. до н. э. (повествуя о событиях которого, Страбон дает наиболее адекватное вероятному произношению написание их имен, Арриан же именует их «скифами абиями») и первыми веками до и после н. э. (когда их знают под разными именами Полибий, тот же Страбон, Помпоний Мела, Птолемей, Стефан Византийский), на территории северо-западных и северо-восточных окраин дельты Аму-Дарьи, где наиболее достоверными памятниками их культуры являются на западе античные слои городищ Дэв-кескен и Шах-сенем, а на востоке — городище Чирик-рабат и окружающий его комплекс развалин¹³.

Это имя, реконструируемое с учетом установленных особенностей греко-латинской транскрипции среднеазиатских «варварских» имен, как *apa-š'aka* «водные саки» (Ἀπασιᾶκοι Страбона, XI, 513, и Полибия, X, 48) для времени IV — II вв. до н. э., дает для первых веков нашей эры группу начертаний, демонстрирующих пережитое за прошедшее время сильное изменение произношения этого имени, свидетельствующее о забвении первоначальной семантики этого слова: Paesicae, Pestici Помпония Мелы, III, 39, 42, Πασίκαи Птолемея, VI, 12, 4, Πασίανοι Страбона, XI, 8, 3.

С восприятием имени апасиаков, как собственного этнического имени, лишенного уже нарицательного значения, начальное *a*, а затем конечное *ka* — в обоих случаях корневые — начинают восприниматься как аффиксы, и имя переживает эволюцию, свойственную и другим этническим именам этой области (ср. Amurdoi — mardī). В соответствии с этим, вероятно, первоначально отбрасывается начальное *a*, а затем воспринимаемое, видимо, как аффикс единичности — *ka* (или поствокальное *k*), заменяемое закономерно древним и широко распространенным аффиксом этнических, генонимических и патронимических терминов — *an* (ср. аналогичный процесс в Asi → Asiani (āsun — усунь). Таким образом, создается зарегистрированная Страбоном форма Πασίανοι, с учетом смягчения *a* → *ä*, отмеченным в транскрипции Помпония Мелы (*'c* → *ae* и даже *e*), несомненно звучавшая как *päs'äna* (← [a]päs[akâ] + *ana*). Эта форма оказывается практически тождественной наиболее ранней из зарегистрированных форм имени печенегов, до сих пор не поддавшегося историческому истолкованию, а именно в арабском начертании *بجند* — *bäzanä*, в произношении, несомненно, *päs'äna*, приводимую Масуди при описании событий в Приаралье, относящихся к IX в. н. э.¹⁴ С учетом характерного для тюркских языков как раз Приаралья чередования *č* || *š*, мы видим здесь вероятность наличия параллельной формы *päs'äna*, тождественной с поздним произношением имени апасиаков — *päs'äna*. Таким образом, полностью восстанавливается ряд: (первые века до н. э.) *apa-š'aka* (Ἀπασιᾶκοι) → (первые века н. э.) *päs'äkä* (Πασίκαи ~ Paesicae) → *päs'änä* → (Πασίανοι) → (раннее средневековье) *päs'äna* || *päs'änä* (بجند) → *päs'änä* + *k* (بجندک) → печенѣгъ.

Локализация древних поселений печенегов в IX—X вв. в Приаралье — Ибн-Русте и Ибн-Фадлан помещают их в районе Устюрта, а Масуди рассказывает об их борьбе с огузами и маджарами в низовьях Сыр-дарьи, — по существу полностью совпадающая с локализацией

¹³ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 99.

¹⁴ Maqraat, Komalep, стр. 26; Streifzüge, стр. 60 сл.; Толстов, Города гузов, стр. 77.

апасиаков античными авторами, подкреплённой археологическими данными, делает установленную связь бесспорной: в имени печенег сохранились следы исторической преемственности этой раннесредневековой приаральской народности, впоследствии игравшей столь существенную роль в истории степей Восточной Европы и явившейся важнейшим этническим компонентом кара-калпаков, с древней народностью апасиаков — «водных саков» — того же Приаралья, тесно исторически связанной с другим «водным» народом — аугасидами, так же, как огузы и печенеги были связаны в раннем средневековье.

III. Даукара — тохары (тахоры)

Открытие памятников джеты-асарской культуры, давшее возможность точно локализовать область поселений сыр-дарьинских тохаров (тахоры Птолемея), позволило вместе с тем установить древние местные корни этой народности, несомненно представлявшей крайнюю восточную звено фрако-киммерийских племен северного Причерноморья¹⁵. Это делает бесспорным отождествление *тахоров* Птолемея с народностью, локализуемой античными авторами в том же восточном Приаралье, на нижнем Яксарте, при описании событий IV—III вв. до н. э. — именно с *дахами* или *даями* (Dahae, Δάαι), впервые упомянутыми, впрочем без локализации, в одной из надписей Ксеркса (перс. *daha*, элам. *da'an*)¹⁶. Таким образом, решается старый спор о происхождении китайского названия Бактрии — Тохаристана — *Дахя* — в пользу (с существенными оговорками) гипотезы Маркварта, поддержанной рядом исследователей¹⁸, и против крайне надуманных и исторически невероятных конструкций Миннза,¹⁹ Герцфельда, Франке²¹, Галуна²² и Тарна²³.

Чжан-цзянь знает Бактрию уже под новым ее названием, принесенным за два десятилетия до этого сыр-дарьинскими завоевателями — *дахами* ~ *тохарами*, тем из массагетских племен, которое захватило эту центральную часть греко-бактрийских владений. Никакой нужды предполагать здесь две волны завоевания, как думает Маркварт и его последователи, — нет. Оба названия — лишь варианты одного имени, в разном этническом произношении. Первая форма — *dahi* — видимо, бытовала не в тохарской, а в согдийско-бактрийской среде; вторая — *tāxor* — в более, вероятно, аутентичной передаче Птолемея — в сущности то же имя, осложненное тохарским суффиксом образования прилагательных *-ār*²⁴ и явно имеющее в основе самоназвание тохар II в. до н. э.

Как известно, одним из камней преткновения на пути исследований «тохарской проблемы» являлось отсутствие придыхательных звуков типа *χ* в тохарском (кучарско-харахарском) языке и наличие его в самом имени тохар. Один из последних, писавших на эту тему

¹⁵ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 123—140; его же, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1948 г., «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1949, № 2.

¹⁶ E. Herzfeld, *Altpersische Inschriften*, Berlin, 1938, стр. 32 (надпись о дэвах, § 17).
¹⁷ *Eransahr.*, стр. 204—210.

¹⁸ Шаванн (Toung Pao, VIII, стр. 187); А. Кисслинг (Hunni, PW); Герцфельд (Saccaracae, PW); Де Гроот (Chinesische Urkunden, II, стр. 10 и др.).
¹⁹ С. Конов (Kharoshthi Inscr., ст. XXII, LVI—LVII) и др.

²⁰ E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 129.

²¹ E. Herzfeld, *Sakastan*, стр. 28.

²² O. Franke, *Beiträge*, стр. 33 сл., *Festschrift f. Fr. Hirth*, стр. 117.

²³ G. Haloun, *Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen?*, 1926. Цит. по Тарну, см. след. прим.

²⁴ W. Tarn, *The Greeks...*, стр. 297—298.

Siegl u. Siegling, *Tochar. Grammatik*, Göttingen, 1931, стр. 14 сл.

авторов — Тарн пытается решить эту контрверзу путем выдвижения сразу двух гипотез, согласно одной из которых чередование придыхательных и не придыхательных звуков в разных греческих начертаниях имени тохар (Τόχαροι, Τάχαροι, Θαχόροι, Θοχάρα, Ταχοράτοι, Ταχουράτοι) объясняется закономерностями самого греческого языка, а согласно другой — тем, что в самом тохарском языке шел, между II в. до н. э. и II в. н. э., еще не закончившийся процесс отмирания аспирированных. Тарн ссылается здесь на аналогичное явление в европейских языках²⁵. С. Конов²⁶ предполагает, что имя тохаров — иранской народности, принимавшей участие в движении иранских асиев в Бактрию, оформлено согласно законам фонетики окружающих иранцев — абориенов страны. Для решения этого вопроса важно привлечение не только греческих, но и латинских (Thosar, Fosari, Tagorae), китайских (Тохо-то, древнее чтение Тооуаилъ), санскритских (Tukhāra), тибетских (Thokar, Thogar, Thodkhar, Phodkhar), хотанско-сакских (ttaugara), орхонских (toqrásin), уйгурских (toxri ← toxari или toyar), арабских (طخیر, *тахир*), наконец, средневеково-тюркских (dūkār, tūkār) начертаний этого имени.

Сопоставление этих начертаний показывает, что во всех них мы имеем попытки далеко неадекватными графическими средствами передать нередко чуждые фонетике всех этих языков звуки тохарского языка, которые, однако, могут быть восстановлены именно путем анализа этих различных начертаний.

Беря отдельные звуки имени, мы видим в этих начертаниях чередование:

1. T, Θ, Th, tt, орх. , арабск. ط, огузск. d.
2. o, a, u, *uō*, *āu*, *ū*.
3. χ, c (*k*), ch, kh, k, g, орх. , арабск. خ.
4. a, o *oō*, i, *uā*, ā, и, наконец, — отсутствие гласной.
5. R (в китайском передаваемый через L).
6. o, a, ae, e, i и отсутствие гласной.

Колебания в начертании первого звука и, в особенности, орх. и арабск. ط позволяют предполагать здесь звук, действительно близкий к фонеме, передаваемой в древнетюркском и арабском через эти знаки, т. е. очень твердое, эмфатизированное *t²*. Второй знак позволяет с полной уверенностью видеть в архетипе дифтонг *āu*. В третьем знаке надо искать звук, близкий к тюркскому q, но, видимо, несколько более звонкий. Четвертый звук, повидимому, иррационален, и, наконец, пятый не вызывает никаких разногласий.

В целом архетип может быть восстановлен в форме *t²auqʳᵃ* или *tauqʳᵃ*, по существу тождественной с наиболее, видимо, близко передающей этот архетип хотанско-сакской формой *ttauγara*²⁷.

Это слово доньше сохранилось в топонимике юго-восточного Приаралья в форме *Даукара ~ Таукара* (каракалпакское *Daūqara* в арабском начертании хивинско-узбекской хроники XIX в., *توقره تينگيزی* *Tauqara tengizi* — «море Таукара»²⁸) — название обширной котловины, расположенной к востоку от Тахта-Купыра и еще в XIX в. заполнявшейся водой, образуя обширное озеро. Несомненно, в античный период это озеро, принимая в себя значительную часть вод Жаны-Дарьи, достигало весьма обширных размеров и с точки зрения хорезмийцев

²⁵ W. Tarn, указ. соч., стр. 289 и экскурс 21, стр. 515.

²⁶ «Kharoshthi Inscriptions», Calcutta, 1929, стр. LX.

²⁷ Это имя встречает прямую параллель на западе фрако-киммерийского мира — имени фракийского племени *тевхров* (Τευχροί, Геродот, VII, 20, 75 и др.).

²⁸ Мунис-Агахи, *فرهنگ نامهای اقبال*, рукопись, Институт востоковедения АН СССР, пр. 571—590аа, 363а.

могло рассматриваться как пограничное со страной тохаров. Как известно, название моря по имени живущего на противоположном берегу народа — явление очень распространенное как в древности, так и в средневековье — ср. море Гирканское, Каспийское (для греков), Хазарское (для арабов), Хвалынское, т. е. Хорезмское (для русских), Русское, или Румское (Византийское) море, как имя Черного моря (для арабов), Тирренское (Этрусское) море (для греков), «Меотийское болото» — Азовское море (для греков) и т. д.

Таким образом, имя *тохар* в его наиболее близкой к древнему произношению форме, запечатлелось до сих пор в «языке земли» юго-восточного Приаралья.

Что касается перехода $q(\gamma) \rightarrow \chi(h)$, то я склонен следовать не за Тарном, а, с оговорками, за С. Коновым и видеть здесь результат влияния сакской и бактрийской этно-лингвистической среды. В пользу этого говорит чередование, выделяемое при сопоставлении древних фрако-киммерийских этнических и географических имен на западе и востоке ареала их расселения: балканско-малоазийским формами *даки*, *тевкры*, *Тогар- (ма)*, *Балканы* — соответствуют среднеазиатским *дахи*, *тохары*, *Балханы*, причем отсутствие аспиратов в самом тохарском исключает возможность видеть здесь диалектальное чередование в пределах самой фрако-киммерийской группы. Здесь перед нами во всей видимости результат древних влияний сакской и иранской (бактрийской) речи.

* * *

Подведем итог.

Анализ древних текстов, опирающийся на данные археологической карты исследуемой территории, позволяет установить, может быть несколько неожиданный, но, нам представляется, бесспорный факт: раннесредневековая этнонимика Приаралья в общих чертах повторяет этнонимiku этой области времен Птолемея и более древних. Основные племена Птолемея оказываются представленными в ранних средневековых источниках — несмотря на все этнографические бури, которые пронесли за прошедшие столетия и, казалось бы, привели к полной (и неоднократной) смене населения.

Е. Э. БЕРТЕЛЬС

ПЕРСИДСКИЙ — ДАРИ — ТАДЖИКСКИЙ

История так называемого «новоперсидского» языка считается прочно установленной. Полагают, что он возник приблизительно во время арабского нашествия из языка среднеперсидского, который в свою очередь является потомком языка древнеперсидского. Слов нет, фонетические соответствия между этими тремя языками могут быть установлены с большой точностью. Однако, принимая эту линию развития, мы сталкиваемся с целым рядом исторических фактов, которые ей противоречат и для объяснения которых приходится прибегать к гипотезам, плохо вяжущимся с данными источников. Так, если новоперсидский — потомок среднеперсидского, то нужно было бы предположить, что местные диалекты Ирана, особенно южного и западного, должны представлять собой какие-то формы новоперсидского языка. На деле это не так, и большая часть этих диалектов представляет собой варианты среднеперсидского, а не новоперсидского. Далее, нужно заметить, что теория эта была создана тогда, когда о таджикском языке или вообще не имели никакого представления или же считали его каким-то «испорченным» диалектом персидского. Тогда, конечно, ни один иранист не мог заметить тот необъяснимый старой теорией факт, что именно таджикские-то диалекты совершенно явно по своему строю подходят к новоперсидскому и не содержат в себе ни элементов согдийского, ни характерных для среднеперсидского черт.

Если принять, как это сейчас многими делается, то мнение, что к моменту прихода арабов в Средней Азии господствовал язык согдийский, то как объяснить его полное исчезновение уже в VIII в.? Как объяснить, что никаких следов согдийского субстрата в таджикских говорах не обнаруживается? Как объяснить, что уже в IX в. новоперсидский полностью господствует в Средней Азии и Хорасане, а в Фарсе и западном Иране его в то время еще нет и следов? Ведь, таким образом, мы находим его там, где его, собственно говоря, можно было бы меньше всего ожидать встретить. Предположить, что вместе с арабами в Среднюю Азию продвинулись большие массы эмигрантов из Ирана (где, кстати сказать, этот язык в то время распространения еще получить и не успел), никак нельзя¹. Никаких указаний на такое передвижение в источниках

¹ Такой точки зрения некоторые советские востоковеды продолжают придерживаться и теперь. В статье «Задачи иранской филологии» («Известия Академии Наук СССР, Отд. лит. и языка», т. V, 5, стр. 373 и сл.) А. А. Фрейман пишет: «Персидский язык — первоначально язык одной области Ирана, сделавшись орудием централизации государства, стал распространяться за пределы своей первоначальной родины на север и северо-восток, вытесняя и ассимилируя другие иранские языки. Таким образом, — продолжает он, — этот язык пришел и в Среднюю Азию. Население последней, прежде всего ее городское население, принимая ислам, постепенно воспринимало персидский язык — язык своих соплеменников иранцев, пришедших с арабами в Среднюю Азию». Дальнейшее развитие этой мысли находим на стр. 383: «...таджикский язык, т. е. среднеазиатско-персидский язык, возникший на основе восточных хорасанских говоров персидского языка в устьях согдийского ираноязычного населения Средней Азии». Иначе говоря, здесь таджикский язык признается только деформированным персидским, как это и делали старые западноевропейские иранисты.

нет. Нельзя думать, что сравнительно небольшие группы, которые тогда переселились, смогли оказать глубокое влияние и вызвать даже изменение языка широких масс. Наконец, принято считать, что согдийский язык был до арабов не только языком Самарканда, но и Бухары. Это предположение как будто подтверждается указанием Нершахи, согласно которому в бухарской мечети арабские молитвенные формулы переводились на согдийский язык². Но едва ли это указание можно считать решающим. Макдиси в конце X в. говорит, что «у согдийцев есть свой язык на него похожи языки бухарских рустаков; они очень различны; их там понимают; я видел славного имама Мухаммеда ибн-Фадля, который много говорил на них»³. В. В. Бартольд заключает из этих слов, что в одной Бухарской области было в конце X в. несколько наречий согдийского языка как языка народных масс. Однако слова эти, как нам кажется, допускают разные толкования. Прежде всего, в этом тексте что-то явно неладно, ибо как понимать хотя бы указание «их там понимают»? Кто их? Языки рустаков, очевидно. Но если это языки рустаков, то как же их могли бы не понимать именно в этих самых рустаках, которым они и принадлежат? Далее, с чем они различны? В. В. Бартольд, видимо, полагал, что они разнятся между собой. А не может ли это означать, что они разнятся от согдийского? Правда, тут же сказано, что они похожи на согдийский. Но можно ли допустить, что согдийский имел много «очень различных» диалектов? Несомненно, что в то время должно было существовать в Средней Азии много различных иранских языков, но едва ли все эти языки были диалектами согдийского. На то обстоятельство, что язык Бухары не был согдийским, указывают два факта, впервые отмеченные О. И. Смирновой: 1) чеканившиеся в Бухаре монеты не пользовались согдийским алфавитом; 2) в то время как титулами правителей Согдианы были *ихшид* и *афшин*, эти титулы в Бухаре применения не имели, и правители ее называли себя *бухархудатами*, позднее *саманхудатами*. Все эти факты показывают, что на территории Средней Азии рядом с согдийским языком существовал и еще какой-то другой язык, еще до арабского нашествия уже в какой-то мере пользовавшийся письменностью.

Изучение раннего периода истории литературы народов Средней Азии также дает ряд фактов, плохо согласующихся с существующей теорией происхождения новоперсидского языка. Едва ли можно усомниться в том, что первый блестящий период развития так называемой персидской литературы целиком связан со Средней Азией. Все древнейшие авторы IX—X вв. или происходят из Средней Азии и Хорасана, или же действуют при дворе бухарских правителей. Именно в этой среде созрели такие гениальные поэты, как Рудаки, Дакики, Шахид Балхи, да и сам Фирдоуси. Если, судя по указаниям «Тарихи Систан», в конце IX в. при дворе Якуба ибн-Лейса и делались попытки перейти в придворной поэзии от арабского языка к языку родному (ибн-Васиф), то, видимо, значительных успехов систанским поэтам того времени добиться не удалось. Вместе с тем во владениях саманидов в поэзии арабский язык в то время, безусловно, начинает уступать место языку, который в то время называли *дар*. Нет никакого сомнения в том, что саманиды литературное творчество на этом языке всячески поддерживали. Чем же могло быть вызвано это обстоятельство? В настоящее время едва ли можно сомневаться в том, что саманиды, хотя номинально и признавали свою зависимость от аббасидов и внешне подчеркивали свою лояльность по

² F. Rosenberg, *Prace Lingwistyczne*, Краков, 1921, стр. 94.

³ В. В. Бартольд, К вопросу об языках тохарском и согдийском, Сборник «Иран», т. 1, 1927, стр. 34.

отношению к халифам, но фактически ревниво оберегали свою независимость и поддерживали в дишканской среде шуубитские устремления. Шуубитские настроения в то время в Средней Азии господствовали, и их можно заметить почти у любого автора. Эти-то настроения и требовали перехода к языку дари и создавали для него такую благоприятную почву. Какой же из многочисленных иранских языков составил основу нового литературного языка? Этот язык, который вне всяких сомнений составляет основу последующего новоперсидского, в то время называли или *фарси*, или (гораздо чаще) *дари*. Если Абу-л-Аббас Марвази (809 г.) и говорит о языке своей касыды:

Кас бадин минвол пеш аз ман чунин ше'ре нагуфт,
Мар забони порсиро х, аст бо ин нав'байн.
(Никто в таком роде до меня такого стихотворения не складывал,
У языка парси с таким родом [стихов] разлука),

то в подлинности этих стихов все же пока полной уверенности быть не может, а потому они и не могут считаться достаточно убедительным доказательством применения этого термина в то время.

Фирдоуси, хотя и называет язык своей поэмы *парси*, но, повидимому, этот термин для него был равнозначен термину *дари*. Так, он разъясняет (28, 96), что слово *бевар* на языке дари означает *дах х, азор* (десять тысяч).

Дари называет свой язык и Насири Хусрау. Он говорит:

Ман онам, ки дар пой хукон нарезам
Мар ин киймати дурри лафзи дариро.
(Я — тот, что не мечет к ногам свиней
Эти драгоценные жемчуга слов дари).

Термин этот продолжал сохраняться и далее, и мы находим его еще и в диване Хафиза:

Зи ше'ри дилкаши Х, офиз касе бувад огох,
Ки лугфи таб'и сухан-гуфтани дари дорад.
(О чарующих сердце стихах Хафиза осведомлен тот,
У кого тонкая природа и кто умеет вести речь на дари).

Почему саманидская литература выбрала именно этот язык и им заменила арабский, некоторое время выполнявший в высших кругах обязанности литературного языка? Можно сделать предположение, что саманиды выбрали этот язык оттого, что это их родной язык, язык Ирана, из которого саманиды якобы происходили. Но едва ли такое предположение правильно. Главная задача, стоявшая перед саманидами при перемене литературного языка, состояла в том, чтобы посредством такого изменения подчеркнуть свое единство с широкими массами и заручиться, таким образом, их поддержкой в борьбе за независимость. Литература на арабском языке, понятно, для такой цели была непригодна. Но какой смысл был бы заменить один непонятный массам язык другим, хотя и немножко более понятным, но все же чужим? Помимо такого чисто логического рассуждения, есть в нашем распоряжении и объективный факт, заставляющий думать, что язык дари в X в. широким массам предков теперешних таджиков был понятен. Один из крупнейших знатоков таджикского языка и литературы, известный писатель и ученый С. Айни в своей работе о «Шахнамэ» отмечает, что в живом таджикском языке применяются сотни слов, которые мы находим у Фирдоуси и которые не

только не сохранились в современном персидском языке, но даже редко применяются и теми из современных таджикских писателей, кто стремился усилить «литературность» своего языка⁴. Можно ли допустить предположение, что эти слова вошли в таджикский язык в позднейшее время? Думаю, что это было бы полнейшим абсурдом. Совершенно очевидно, что эти слова входили в состав таджикского языка уже в X в. и в удаленных горных районах сохранились и до наших дней. Если принять во внимание, что эти слова в юго-западном Иране, предполагаемой «родины» новоперсидского языка, не сохранились, придется поневоле задуматься над таким странным явлением.

В то самое время, когда в Средней Азии литература на языке дари распускалась таким пышным цветом, в Иране мы этого не наблюдаем. В государстве буидов в X в. продолжает преобладать арабский язык, а рядом с ним некоторые поэты, как Камаладдин Бундар (ум. около 1010 г.), пытаются использовать в литературе местные говоры. В Хамадане около того же времени местным говором пользуется известный Баба Тахир (ум. в 1019 г.), в то же самое время писавший также и по-арабски. Правда, сохранилось некоторое количество четверостиший Баба Тахира на языке дари, но в подлинности их справедливо сомневался еще В. А. Жуковский.

В прикаспийских областях, в особенности во владениях зияридов, также господствует арабский язык, которым зиярид Кабус ибн-Вушмагир (976—1012) владел с величайшим совершенством. Но рядом с арабским языком и здесь мы видим попытки ввести в ранг литературного языка местные языки. Мы знаем ряд поэтов, писавших на этих языках, как испахбад Хуршед ибн-Абу-л-Касим Мамтири, Барбад Джарили, Ибрахим Муини, уstad Али Пируза, Диварваз Мастамард⁵. Крайне интересен такой факт, засвидетельствованный Якутом⁶.

«Говорил Абу-Хайян,— сказал мне аль-Бадиhi: прославил я Кабус ибн-Вушмагира касыдами, ароматы которых распространяются и на восток и на запад, и вдали и вблизи, но не наградил он за них меня ничем, кроме какой-то мелочи. Направился к нему какой-то горец и прославил его пошлой касыдой, лишеной меры, больше напоминавшей сатиру, нежели прославление, и одарил он его так, что обогатил и его самого и потомков его после него. И пожаловался я Ибн-Сасану на это, а он сказал мне: чрезмерная ученость вредит успеху; ученость и успех редко соединяются; усилие — учености, а успех — неучу. И продекларировал он:

Когда судьбы благоприятствуют,
То доставляют слабого к осторожному».

Можно, однако, думать, что причиной успеха горца была не чрезмерная ученость ал-Бадиhi, а желание Кабуса поддержать первые попытки использования родного языка в качестве языка литературного. Однако рядом с этим мы видим при дворе Кабуса и поэтов, пишущих на языке дари. Образцы их стихов сохранены у Ауфи⁷. Это Абу-Бакр Мухаммед ибн-Али Хусрави Серахси и Абу-л-Касим Зияд ибн-Мухаммед ал-Камари Джурджани. Стоит отметить, что один из них — уроженец Хорасана. Более того, Ауфи⁸ приписывает стихи на языке дари и самому Кабусу.

⁴ С. Айнй, *Дар бораи Фирдавси ва Шохримаи ӯ*, Сталинабад, 1940, стр. 52—53.

⁵ E. G. Brown, *A Literary History of Persia*, I, 115.

⁶ Иршад, VI, 150.

⁷ Лубаб ал-албаб II, 18—90.

⁸ Там же, I, 29—30.

Это как будто противоречит высказанному нами выше предположению. Но припомним, что Кабус в 981 г. был изгнан из своих владений и вынужден искать убежища у саманидов. Он вернулся в свою столицу только в месяце Ша'бана 388 г. (август 988 г.), проведя у саманидов около семнадцати лет. Принимая во внимание его исключительную любовь к литературе, можно с уверенностью полагать, что за эти семнадцать лет он успел основательно ознакомиться с произведениями поэтов саманидского круга. Достижения их должны были убедить его в том, что затмить эту совершеннейшую поэзию стихами на местных языках прикаспийских областей уже не удастся. Это и могло заставить его в последние годы его правления переменить взгляды и начать освоение нового литературного языка.

Наконец, вспомним еще одно интересное указание, а именно следующий рассказ Насири Хусрау⁹. «В Тавризе я встретил поэта по имени Катран. Он писал прекрасные стихи, но персидского языка хорошенько не знал. Он пришел ко мне, принес с собой диваны Манджика и Дакики и попросил разъяснить трудные места. Я разъяснял ему, а он записал эти объяснения». Эти слова Насири Хусрау вызвали у востоковедов полное недоумение. Мы знаем стихи Катрана, знаем его необычайное мастерство. Как можно допустить мысль, что он не знал «хорошенько» того языка, на котором писал такие стихи?¹⁰ Высказывалось даже мнение, что Насири Хусрау здесь что-то напутал. На самом же деле, мне кажется, в свете изложенных фактов замечание Насири Хусрау вполне понятно. Характерно, что Катран принес стихи поэтов саманидского круга, стихи, в которых он, очевидно, не понимал только отдельные места. Понятно, что кое-что ему могло быть непонятно, ибо родным его языком был, вероятно, не дари, а один из местных языков Азербайджана. Писать стихи на этом родном языке для него не имело смысла, так как такие стихи имели бы обращение только в очень узком районе (не нужно забывать, что в то время число местных языков еще было крайне велико, и каждый такой язык имел, конечно, распространение в очень небольшом районе). Поэтому Катран и избирает в качестве литературного языка язык дари, изучив его в известной мере как иностранный и усвоив себе технику бухарских мастеров слова. Такое освоение не могло быть особенно трудным, так как известная близость между этими языками в это время уже должна была возникнуть. Что человек писал стихи не на родном языке, нас удивлять не должно. Писали же среднеазиатские и иранские поэты VIII в. по-арабски, средневековые западноевропейские поэты по-латыни, по-провансальски, наши русские поэты XVIII и даже иногда XIX в. по-французски. Но как бы Катран ни владел литературным языком, все же он мог разговорным языком владеть и не в совершенстве и отдельные, редко встречающиеся слова мог и не знать. Вспомним, что немного позднее Асади Туси составляет свой словарь «Китаби лугати фурс». Материалом для этого словаря послужили почти исключительно стихи поэтов Средней Азии и Хорасана. Сам Асади — хорасанец. Очевидно, что этот словарь должен был помочь читателям, для которых язык Рудаки, Дакики и др. не был родным языком, т. е. разрешить те затруднения, которые в это время вставляли не у одного только Катрана, а у многих, кого влекла к себе мощно расцветавшая бухарская поэзия. Асади мог прекрасно справиться с этой задачей, так как он, во-первых, сам был талантливым поэтом, а, во-вторых, язык этот был его родным языком.

⁹ Сафар-наме, изд. Кавиани 1921/22 г., стр. 8. Мой перевод (Москва, 1933), стр. 37—38.

¹⁰ О мастерстве Катрана см. мою статью «Литература эпохи Низами», «Известия АН СССР, Отд. лит. и языка», вып. 2, 1941, стр. 43.

Итак, наблюдения над среднеазиатской литературой IX—X вв. приводят к тому выводу, что дари (или фарси) становится литературным языком в первую очередь на территории Бухары и саманидских владений, а затем уже постепенно начинает распространяться на запад и на юг. Следовательно, факты говорят о его движении с северо-востока на юго-запад, а не наоборот, как это утверждает старая теория.

С этими же вопросами столкнулся в своей книге по стилистике персидского языка иранский поэт и ученый Мухаммед Таги Бехар¹¹. Мнение его может представить для нас интерес, так как мы никоим образом не могли бы заподозрить этого автора в чрезмерном пристрастии к Средней Азии и ее народам. Бехар, прежде всего, пытается установить, что понимают арабские и персидские источники под термином *язык дари*. Он начинает свои выписки с известного словаря «Бурхани Кати», где мы находим следующее разъяснение. «Говорят, что это (т. е. дари.— Е. Б.) — язык жителей нескольких городов, а именно Балха, Бухары, Бадахшана и Мерва (теперешний Мары.— Е. Б.). Некоторые полагают, что на нем говорили люди при дворе Каянидов. Другие говорят, что со времен Бахмани Исфендиара, когда к его двору приходили люди со (всех) концов мира и не понимали друг друга, Бахман повелел, чтобы ученые создали персидский язык и назвали его дари, т. е. язык, на котором разговаривают при царском дворе. Приказал он, чтобы в государстве говорили на том языке. Относят (это слово) также к (слову) дарра (ущелье), как *кабки дари* (горная куропатка). Может быть, это также по причине благозвучия, ибо лучший из персидских языков — дари».

В этом сообщении главное место занимает фантастическая этимология, лишенная какой бы то ни было цены. Отметим стоит, однако, указание на район распространения дари. Следующее свидетельство уже более интересно. Ибн-Надим со слов ибн-ал-Мукаффа (Фихрист, Каирское издание, стр. 19) говорит: «Язык дари — разговорный язык города Медайна. При дворе шаха (т. е. сасанидов) говорили на этом языке. В нем преобладают диалекты (лугат) Востока и Балха». Далее ибн-Надим сообщает, что языки Ирана состоят из «пахлави, дари, фарси, хузи и суриани. Пахлави относится к Факла — названию, данному пяти городам (областям?): Исфакану, Рею, Хамадану, Маху Нехавенда и Азербайджану. Дари — язык городов Медайна, и придворные шаха говорили на этом языке. Относится он к людям двора, и диалекты жителей Хорасана, Востока и диалект жителей Балха в этом языке преобладают. Фарси — язык, на котором говорят мобеда, ученые и им подобные, это язык жителей Фарса. Хузи — язык, на котором цари и вельможи разговаривают в личных покоях или местах игр и удовольствий с недимами и свитой. Суриани — язык, на котором говорят жители Савада».

Почти в тех же словах эти данные повторяются и у Якута. Крайне интересна такая цитата из Джахиза (Китаб ал-бейан уа-т-табийн, III, 6): «И узнали мы, что самые красноречивые из людей — персы (ал-фурс), а самые красноречивые из персов — жители Фарса и они самые сладостные по речи и наиболее легкие по артикуляции и наиболее красивые по последованию, а наиболее сдавленные — жители Мерва, а самые красноречивые на персидском-дари и на языке пахлави — жители касаб Ахваза». Этот отрывок явно испорчен, ибо уже то, что он приписывает жителям Ахваза двуязычие, — совершенно невероятно. Бехар думает, что переписчики здесь изменили порядок слов и что читать нужно так: «а самые красноречивые из них на персидском-дари — жители Мерва, а на языке пахлави — жители касаб Ахваза». Если принять эту весьма

¹¹ Сабкшинаси я тарихи тетавури насри фарси. Тегеран. 1942.

правдоподобную поправку, то сведения Джахиза совпадут с данными ибн-ал Мукаффа.

Добавлю сюда еще и пропущенную Бехаром справку ал-Истахри¹²: «а язык Бухары — язык согдийский, но только кое-что там произносят иначе. И язык их — язык дари». Как и все прочие указания, эти слова неясны и противоречивы. Все же кажется, что Истахри хочет указать на дари как на основной живой язык Бухары и на наличие рядом с ним какого-то согдийского диалекта.

Бехар из всех этих данных делает такой вывод (стр. 22). Язык дари, по его мнению, «говор, присущий жителям Хорасана, Мавераннахра, Нимруза и Забулистана». Запад, центр, север и юго-запад Ирана в то время продолжали держаться своих старых местных языков, что вполне подтверждается и данными истории литературы. Мы видим, что стихи и проза на языке дари естественно появились в Средней Азии и прилегающих частях Хорасана и при небольшой поддержке со стороны местных правителей поэты и дебриры начали писать стихи и прозаические произведения на дари. В то же самое время на западе, севере и юго-западе в IV в. (X в.) не возникло ни одного бейта стихов, ни одного рисалэ на этом языке. Если и были известные стихи или книги и о них упоминается, то они или на пахлави, или на табари (ср. Бехар, стр. 23).

В связи с этими замечаниями поднимается и еще один интересный вопрос. Мы видели, что ибн-Надим и другие авторы связывают дари с сасанидским двором и признают его придворным разговорным языком. Бехар занялся подбором старых персидских цитат у арабских авторов. Цитаты эти дают весьма любопытную картину. Так, Джахиз (Китаб ал-Махасин уа-л-аддад, Каирское издание, стр. 128) говорит, что скрепа (тавки') Абдаллаха ибн-Тахира была такова: ман са'а ра'а уа ман ла-зима-л-менама ра'а-л-ахлама (кто бежит, тот пасет, а кто постоянно спит, видит пустые сны). Эта скрепа, по словам Джахиза, взята из скреп сасанида Ануширвана, у которого она гласила: арки равад, чарад, ва харки хуспад, хваб бинад. Табари (III, 65) со слов Исма'-ил ибн-Амира приводит такое обращение: «ё ахли Хуросон, мардумони хонабиёбон ҳастед бар хезед» (о, жители Хорасана, ваш дом — степь, поднимайтесь!).

Особенно интересен такой рассказ ибн-Кутейбы¹³. Вахраз-Сувар сражался в Иемене с абиссинцами. У витязей было в то время обыкновение писать на своих стрелах имя шаха или имя самого владельца стрелы, его сына или его жены. Вахраз потребовал, чтобы гулам подал ему стрелу. На поданной стреле оказалось имя его жены. Он счел женское имя дурным предзнаменованием (фоли бад) и потребовал другую стрелу. На другой опять оказалось имя его жены. Тогда Вахраз понял это как добрый знак, ибо понял свое гадание следующим образом: занон (женщины, мн. ч.)-зан он (убей его!). Бехар справедливо отмечает, что это гадание на пахлави было бы невозможно, ибо *гин* и *ожан* в пахлави не образуют омонима.

Наконец, заслуживает внимания и такое обстоятельство. До настоящего времени в Хорасане, таджикских районах Афганистана, ряде районов Узбекистана и Таджикистана, за исключением тех областей, где сохранились памирские языки и остатки согдийского (ягнобский), все местные таджикские говоры содержат в себе в большом изобилии элементы дари и могут быть с ними связаны. Напротив, в центральных областях, на западе и юге Ирана, там, где не распространены тюркские языки, господствует курдский, лурский или различные формы северного и

¹² BGA, I, 314.

¹³ Уйун ал-ахбар, Каир, 149.

южного пахлави, преобладающие в диалектах Исфахана, Фарса, Нехавенда и других городов. Характерно, что в ряде диалектов Ирана мы находим архаичную эргативную конструкцию глагола, тогда как эта конструкция на среднеазиатской почве встречается только в памирских языках.

Таким образом, едва ли есть надобность предполагать какие-либо значительные миграции иранских языков в ареале их распространения. Можно с довольно большой уверенностью, напротив, утверждать, что языки эти и поныне распространены приблизительно в тех же местах, где они имели распространение тысячу лет назад. Характерно, что ягнобский удержался именно там, где он зафиксирован источниками VIII—IX вв., только ареал его сузился. Если ягнобский сохранился на своем прежнем месте, то нет основания предполагать, что дари в тех районах, где он является живым языком масс, появился недавно. Движение его в Иран объясняется исторической обстановкой и тем фактом, что в Средней Азии он стал литературным языком уже с IX в.

Конечно, можно возразить, что мы наблюдаем вытеснение некоторых памирских языков и языка ягнобского таджикским, особенно усилившееся за последнее время. Но можно ли думать, что это явление — продолжение процесса, начавшегося уже в IX в.? Думаю, что на этот вопрос положительно можно ответить лишь с весьма значительными оговорками. Коллизия языка дари с языками памирскими, конечно, явление не новое. Столкновение это должно было начаться с того самого момента, когда дари стал языком литературы. Необходимым условием для такого вытеснения было, однако, распространение грамотности. Понятно, что языки эти исчезают там, куда грамотность проникала легче, и сохраняются в труднодоступных, изолированных природными условиями районах. Понятно, что после Великой Октябрьской социалистической революции процесс этот должен был резко ускориться. Возникновение Таджикской ССР, признание таджикского языка государственным, создание удобных путей сообщения там, где раньше были лишь горные тропы и, наконец, громаднейшее школьное строительство, всеобщее обязательное обучение и полная ликвидация неграмотности, — все это вело и ведет к расширению территории таджикского языка как языка литературного.

У того же ибн-Кутейбы (IV, 91) есть рассказ со слов Али-ибн-Хишама о том, что в Мерве жил сказочник, умевший рассказывать необычайно трогательные истории. Когда его слушатели начинали плакать, он брался за тамбур и восклицал: «або ин тимор бояд андаке шоди» (при такой грусти нужно и немножко радости!).

Таким образом, все эти цитаты подтверждают, что дари появился не после арабского нашествия, а существовал за несколько веков до него. Как дари проник в среду сасанидской знати, пока сказать трудно. Бехар (стр. 24) высказывает предположение, что при поздних сасанидах этот язык мог притти с востока вместе с дружиной Фаррух Хурмуза, отца Рустама, состоявшей из хорасанцев. Дружина эта, судя по Табари, оказала длительное влияние на Ктесифон.

Наконец, Бехар ссылается еще и на язык манихейских фрагментов из Турфана, дающий, по его мнению, формы архаичного дари, а не пахлави.

Если принять все эти положения, то дальнейшее движение дари рисуется следующим образом. С падением саманидов центром литературной жизни стало государство газневидов. Хотя при Махмуде и были попытки вернуться в придворных канцеляриях к арабскому языку, но эти попытки не дали прочных результатов. Что же касается литературы при его дворе, то она представляет собой прямое продолжение того движения, которое началось в саманидской Бухаре. Крупнейшие поэты Махмуда — Унсури, Фаррухи, Минучихри, — как это доказывает анализ их

диванов, были прекрасно знакомы с творениями Рудаки, Дакики и, конечно, Фирдоуси. Они сознательно стремились развивать далее заложенные в саманидской Бухаре основания. Таким образом, к началу XI в. разработка дари как литературного языка расширяется еще более. Это и понятно, ведь большая часть поэтов Махмуда связана с районами Балха, Газны, отчасти Систаном, т. е. как раз теми областями, где, как мы видели, дари господствовал. Иначе говоря, Унсури так же, как и Рудаки, в качестве литературного языка разрабатывал свой родной язык, почему и смог добиться таких значительных успехов.

Падение газневидов открывает дорогу сельджукам. Сельджукские правители, как известно, во многих отношениях следовали примеру газневидов и, конечно, сохранили в качестве литературного языка канцелярий тот же самый язык, который был принят и их предшественниками. Точно так же и их поэты в своей деятельности в первую очередь ориентируются на своих газневидских предшественников и стараются затмить своим мастерством именно их. Крайне характерно, что среди поэтов сельджукского периода все наиболее крупные, как Му'иззи, Анвари и др., — уроженцы Средней Азии или Хорасана, т. е. опять-таки и здесь наилучших результатов достигают те, кто в качестве литературного языка использует родной язык. Очень интересны в этом отношении данные старейшего из дошедших до нас тезкире — «Лубаб ал-албаб» Садидаддин Мухаммеда Ауфи. Перечисляя поэтов сельджукской эпохи, Ауфи делит их на две группы: поэты до Санджара и поэты после него. В пределах каждой группы он различает четыре раздела по географическому признаку: 1) Хорасан, 2) Мавераннахр, 3) Ирак, 4) Газни и Лахор. Он называет всего 106 имен поэтов времени, которые распределяются так: а) до Санджара: 1) Хорасан — 22; 2) Мавераннахр — 7; 3) Ирак — 10; 4) Газни и Лахор — 13; б) после Санджара: 1) Хорасан — 23; 2) Мавераннахр — 16; 3) Ирак — 6; 4) Газни и Лахор — 9. Так как для Газни и Лахора мы тоже имеем право считать дари языком местным, то результат получается очень характерный: из 106 поэтов 90 относятся к тем районам, где дари были родным языком (т. е. 84,9%), в то время как на Ирак падает всего только 16 имен (т. е. 15,1%). Как нам кажется, эти цифры блестяще подтверждают то положение, что вплоть до самого монгольского нашествия литература на языке дари развивалась преимущественно в северо-восточных областях и на территорию теперешнего Ирана проникала медленно. Едва ли такое явление было бы возможно, если бы дари был языком чужим для этих районов и родным для юго-западного Ирана.

К сожалению, до настоящего времени таджикские диалекты изучены еще далеко не достаточно, а иранские говоры не изучены почти совсем. Описания отдельных таджикских диалектов, правда, уже сделаны, но не опубликовано из них почти ничего. Такое положение надо признать нетерпимым. Медлить здесь нельзя, ибо в настоящее время диалекты эти исчезают с большой быстротой и очень скоро эту работу уже вообще нельзя будет выполнить. Но даже и знакомство с теми материалами, которые в настоящее время доступны, говорит о том, что в таджикских диалектах пока никакого согдийского субстрата обнаружить не удастся, да вряд ли когда-нибудь и удастся. Сопоставления таджикских диалектов с теми материалами, которые у нас имеются по диалектам Хорасана, показывает, что обе эти группы очень тесно связаны. Иначе говоря, та общность, которую мы предполагаем для IX—X вв., в какой-то степени сохранилась и до наших дней. Так, например, личное местоимение 3 л. ед. ч. и в Хорасане чаще слышится в форме «вай», как это характерно для таджикских диалектов и вполне обычно и для дари X—XI вв.

Делать сейчас какие-нибудь далеко идущие выводы о взаимоотношении этих двух групп пока еще рано. Для этого требовалось бы предва-

рительно систематическое обследование всех диалектов бывшего Хорасана, включая такие центры, как Балх, Герат и Газни. К сожалению, никаких мероприятий в этом отношении, насколько мне известно, не проводится.

Не менее важно обследование всех наиболее старых текстов, происходящих из этих районов. Систематическое исследование языка таких авторов, как Бал'ами, Авиценна (его Дониш-нома), Ансари (его «Ряды суфиев» на гератском языке), пока никем не предпринято. Задача это не легкая, ибо когда мы имеем дело с прозой, полагаться можно только на самые старые и надежные списки, пока насчитываемые единицами. Бехар в своей книге привел примеры того, что делали переписчики прозаических произведений, беспощадно их модернизовавшие, нисколько не считаясь с оригиналами. Приведу хотя бы небольшой образец. В Тегеране имеется довольно старая рукопись известного переложения хроник Табари, сделанного саманидским вазиром Бал'ами. Эта рукопись начало книги дает в следующем виде:

«Ин тарих-номае бузургаст, гирдовардаи Аби-Джа'фар Мухаммад ибни Джарир Язид ат-Табари, рах, имах, у-ллах, у, ки малики Хуросон Аб Солах, Мансур ибни Нух фармон под дастури х, шро Абу-Али Мухаммад ибни Мухаммад ал-Бал'амиро, ки он тарих-номаро ки азони писари Джарираст порси гардон, х, арчи некутар, чунонки андар вай нуқсон наофтад».

(Перевод: Это — великая хроника, составленная Абу-Джа'фар Мухаммед ибн-Джарир Язидом ат-Табари, да помилует его аллах, о которой мелик Хорасана Абу-Салих Мансур ибн-Нух дал приказ дестуру своему Абу-Али Мухаммед ибн-Мухаммеду [Бал'ами], что: эту хронику, что сына Джарира, на персидский оберни, как можно лучше, так, чтобы ущерба в нее не прокралось).

Этот же самый текст в обычно встречающихся более поздних рукописях принимает уже такой вид:

«Ин тарихаст му'табар ки Абу-Джа'фар Мухаммад ибни Джарир Язид Табарӣ фароҳам намуд ва Абу-Солах Мансур ибни-Нух, Абу-Али Муаммад ибни Мухаммад Бал'ами вазири худро фармон дод, ки дар забони порси ба *камоли саломат тарджума* созад ба *нав'е* ки дар *асли матолиб нуқсон* роҳ наёбад».

(Перевод: Это история достоверная, которую Абу-Джа'фар Мухаммед ибн-Джарир Язид Табари собрал, а Абу-Салих Мансур ибн-Нух Абу-Али Мухаммед ибн-Мухаммеду Бал'ами, вазиру своему, приказ дал, чтобы он перевел ее на персидский язык с величайшей сохранностью, таким образом, чтобы в основные статьи ущерб пути не нашел).

Смысл обоих этих отрывков совпадает почти совершенно, но различие в формулировке настолько велика, что, в сущности говоря, даже трудно признать идентичность этих двух текстов. Не говоря уже о замене архаичных терминов новыми (дастур-вазир), введении косвенной речи, текст украшен «элегантными» арабскими оборотами, которых в старой рукописи нет и следа. Отсюда ясно, что исследовать язык старых авторов по новым рукописям или, что еще хуже, литографиям — предприятие совершенно безнадежное, которое может привести только к ложным выводам. Необходимо поэтому привести в известность все сохранившиеся древнейшие рукописи текстов на языке дари и опубликовать их, сохраняя все особенности оригинала.

Итак, выводы, к которым приводит рассмотрение всех изложенных выше фактов, таковы: прежде всего приходится заключить, что дари отнюдь не «разговорный язык высших кругов, т. е., по существу новый персидский литературный язык, который вел свое происхождение из Фарса и, собственно говоря, был для хорасанцев чужим говором»¹⁴. Для

¹⁴ Т. Н. Nöldeke, Das iranische Nationalepos, GJPh, II, 184, прим. 2.

хорасанцев и для жителей Средней Азии он был именно своим родным говором. Я думаю, мы не ошибемся, если признаем дари языком весьма значительной территории, основные контуры которой можно наметить географическими точками: Балх — Бухара — Нишапур (а, может быть, и еще немного южнее). Язык этот в места расселения таджикского народа ниоткуда не пришел, а был родным языком ближайших предков таджикского народа. Уже Герцфельд¹⁵ писал: «Хорасан в III—IV вв. хиджры, т. е. в IX—X вв. по Р. Х., создал шиитство, новоперсидскую национальность, новоперсидский литературный язык (подчеркнуто мной.— Е. Б.), все сразу и целостно».

Почему же буржуазная наука никак не хочет согласиться с тем, что новоперсидский или, вернее, дари, принадлежит восточным областям Средней Азии, т. е. таджикскому народу? Думаю, по двум причинам. Во-первых, потому что таджикский народ она вообще не замечала, да, кажется, не желает замечать и по днесь. Во-вторых, потому что передача культурной гегемонии южному Ирану позволяет признавать его «главенствующую роль» и поддерживать бредовые идеи иранских фашистов о «Великом Иране», идеи абсурдные до предела, но западных империалистов, понятно, прельщающие. По нашему мнению, не только нельзя отнять язык дари у таджиков, но более того, нужно признать, что именно для территории собственно Ирана этот язык был действительно пришлым и утвердился на ней в качестве литературного языка в результате деятельности сельджуков, насадивших его как через свои канцелярии, так и путем поддержки хорасанских поэтов. Может быть, это звучит парадоксально, но только развитие языков никогда не идет по прямым линиям, как того хотело бы метафизическое мышление.

Далее, сложился дари, очевидно, не после арабского завоевания, а значительно ранее, может быть, уже в VI в. и, следовательно, сосуществовал с пахлави. В этом нет ничего невозможного, ибо социальные круги, в которых действовали эти языки, были различны: пахлави у всех, кто был связан с зороастрийским духовенством, дари — у светских людей. Сосуществовал он, таким образом, и с согдийским. Согдийский, по предположению О. И. Смирновой, вышел из употребления в Средней Азии с арабским нашествием, так как он был литературным языком правителей Согда. С их падением он должен был уступить место языку возвысившейся Бухары, т. е. языку дари. Поскольку они сосуществовали, то понятно, что в таджикских диалектах согдийского субстрата быть не может. Наконец, таджикский язык никак не может рассматриваться как своего рода среднеазиатская «деформация» персидского. Как таджикский, так и персидский, представляют собой дальнейшее видоизменение дари, и теперешнее расхождение их объясняется не различным происхождением, а дальнейшими историческими судьбами их. Не нужно забывать, что до XIV в. разница в литературных языках Ирана и Средней Азии крайне ничтожна. Если небольшие отличия и были, то они не выходили за пределы отдельных лексем. После установления власти сефевидов в Иране культурные связи его со Средней Азией слабнут и начинается то расхождение, которое привело к современному состоянию этих языков. Отсюда понятно, что до XV в. провести грань между литературами таджикской и персидской по языковому признаку невозможно.

¹⁵ Der Islam, XI, 174. В. В. Бартольд в статье «Восточно-иранский вопрос» («Известия Росс. Акад. истории материальной культуры», Л., 1922, стр. 361—384) указал, что относительно происхождения шиитства Герцфельд грубо заблуждался. Едва ли нужно говорить, что о «новоперсидской национальности» в X в. не может быть и речи, особенно в Хорасане! Но, как отметил В. В. Бартольд, утверждение о языке смутило самого Герцфельда и в той же самой статье он далее утверждает, что современный литературный язык Ирана происходит от южноперсидского языка сасанидского периода.

Настаивать на этих выводах уже сейчас еще пока трудно. Они, сказать, пока только сами напрашиваются. Но проходить мимо них нельзя. Они показывают, что считать все вопросы генезиса иранских языков уже разрешенными еще рано, что пока не будет проделана большая работа по исследованию языка старых рукописей и главным образом по исследованию всех живых диалектов Средней Азии, Ирана, Афганистана, мы должны будем признать, что самые основные вопросы пока все еще не разрешены. Отметим, кстати, и то, что, таким образом, работа по тщательному изучению старых рукописей отнюдь не может быть признана неактуальной, а при надлежащей постановке может дать ответ на чрезвычайно острые и злободневные вопросы.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

О. А. КОРБЕ

КУЛЬТУРА И БЫТ КАЗАХСКОГО КОЛХОЗНОГО АУЛА

(К 30-летию Казахской ССР)

30 лет назад, 26 августа 1920 г., В. И. Ленин как Председатель Совета Народных Комиссаров РСФСР и М. И. Калинин как Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов, в результате большой работы по подготовке советской автономии Казахстана, проводившейся под непосредственным руководством Народного комиссара по делам национальностей И. В. Сталина¹, подписали декрет об образовании Киргизской (Казахской) Автономной Советской Социалистической Республики².

4 октября 1920 г. в Оренбурге³ собрался I Всеказахский съезд Советов. В принятой съездом «Декларации прав трудящихся» Казахской АССР, наряду с основными положениями, подлежащими осуществлению в советской социалистической республике, подчеркивалась непоколебимая воля трудовых масс Казахстана к сохранению полного единства с

¹ Подробно см. М. Сапаргалиев, Возникновение казахской советской государственности, Алма-Ата, 1948, стр. 74—112.

² До 1925 г. казахов в наименовании не отделяли от киргизов и республику называли Киргизской. После национального размежевания Средней Азии, когда Киргизия была выделена в автономную область (в составе РСФСР), V съезд Советов Казахстана принял решение о восстановлении правильного наименования народа — казах и республики — Казахской. По декрету от 26 августа 1920 г. Киргизская (Казахская) АССР была образована в составе областей (в прежних административных границах): Семипалатинской (Павлодарский, Семипалатинский, Усть-Каменогорский, Зайсанский и Каркаралинский уезды); Акмолинской (Атбасарский, Акмолинский, Кокчетавский, Петропавловский уезды и часть Омского уезда); Тургайской (Кустанайский, Актюбинский, Иргизский и Тургайский уезды); Уральской (Гурьевский, Уральский, Лбищенский и Темирский уезды); из Закаспийской области в состав Казахской АССР вошли Мангышлакский уезд, 4-й и 5-й Адаевские волости Кзылсувского уезда; кроме того — часть Астраханской губернии. Пункт 2 декрета предусматривал возможность в дальнейшем включения в состав Казахской АССР, по волеизъявлению населения, части территории казахов, входившей в то время в Туркестанскую АССР. И действительно, при национальном размежевании Средней Азии в 1924 г. в состав Казахстана были включены Сыр-Дарьинская и часть Семиреченской области (другая часть последней вошла в состав Киргизии). В 1936 г. по новой Сталинской Конституции, Казахская АССР была преобразована в союзную республику.

³ В первое время, до окончательного определения границ Казахской АССР, центром ее был Оренбург. После национального размежевания Средней Азии центр республики был перенесен в Кзыл-Орду, а в 1930 г. столицей Казахской АССР стал город Алма-Ата.

Российской федерацией во всех областях политической, хозяйственной, культурной жизни. Это явилось ярким доказательством огромного доверия трудовых казахских масс к коммунистической партии и советской власти, завоеванного в результате освобождения этих масс от ига «своих и «чужих» эксплуататоров, в результате правильного проведения ленинско-сталинской национальной политики.

За прошедшие 30 лет казахский народ под руководством коммунистической партии, с братской помощью русского народа совершил поистине гигантский прыжок из мира докапиталистических отношений в мир социализма. В безжизненных прежде просторах казахских степей, безлюдных его горах выросли детища сталинских пятилеток — мощные предприятия горной и обрабатывающей промышленности. Огромные пространства Казахстана пересекли железнодорожные магистрали, автострады и воздушные пути, связавшие между собой и со всей Советской страной самые отдаленные его углы, ликвидируя былую оторванность их от культурных центров. На месте мелких разрозненных единоличных хозяйств выросло крупное обобществленное сельское хозяйство — совхозы и колхозы. Казахские степи наполнились гулом тракторов и комбайнов; новая агротехника, основанная на замечательных достижениях советской науки, оснащение сельского хозяйства сложнейшими современными машинами превращают Казахстан в мощную базу зернового хозяйства нашей страны, наряду с чем он сохраняет свое значение основной базы социалистического животноводства на Востоке СССР. Многочисленные ирригационные сооружения, создающиеся на основе высочайшей техники и трудовых подвигов строителей-колхозников, оплодотворили ранее безжизненные степи, на орошенных полях вырастают сады и виноградники, плантации хлопчатника, риса, сахарной свеклы, конопли и других технических растений. В безлюдных в прошлом местах разрастаются молодые социалистические города — Караганда, Балхаш и др.; мелкие селения превращаются в прекрасные благоустроенные городские центры, среди которых первое место по праву принадлежит столице республики — красавице Алма-Ате. Но самое замечательное в социалистическом Казахстане — это новые люди, выросшие свободными от всякой эксплуатации, в боях и в труде отстаивавшие Родину от вражеских покушений и совместными со всей страной усилиямидвигающиеся вперед по пути построения коммунистического общества.

Победы социализма в Казахстане находят свое яркое отражение в новом быте его населения. Настоящая статья имеет целью познакомить читателя с современным бытом и культурой казахского колхозного крестьянства на основе материалов, собранных летом 1949 г. экспедицией Института этнографии Академии Наук СССР⁴.

* * *

Колхоз имени Сталина Кегеньского района Алма-Атинской области расположен в горах Зайлийского Ала-Тау, в 250 км от ближайшей железнодорожной станции и столицы республики, от которой он отделяется тремя горными хребтами. Казалось бы, сами природные условия — сильное пересеченная местность, обильные осадки, размывающие глинистую почву, — обуславливали оторванность этого района от остального мира. Однако силами людей — участников строительства социалистическо-

⁴ В состав экспедиции, кроме автора, входили: научный сотрудник Института этнографии Е. И. Махова, аспирант Института Г. Валиханов, научные сотрудники Центрального государственного музея Казахской ССР Н. А. Хоменко и Института истории Академии Наук Казахской ССР Ф. Аронов и Д. Рахметов. В основу статьи легли полевые материалы, собранные автором и Е. И. Маховой.

общества — эта природная изоляция преодолена. Руками колхозников Кегенского района проложена дорога, выходящая по горным крутизнам и глубоким ущельям; телеграф, телефон и радио связали этот отдаленный уголок страны с культурными центрами.

В иных природных условиях находится колхоз «Бельбасар» Джамбулской области, расположенный в ровной степной местности, в долине р. Чу. Однако и этот район до Октябрьской революции был известен по всему Казахстану как один из наиболее глухих и отсталых его уголков. Вот как, например, характеризует этот район Сабит Муканов в своем романе «Ботагоз», описывая возвращение на родину в Кокшетау главного героя романа Аскара, сосланного перед тем царским правительством за революционную деятельность в долину реки Чу.

«Аскар возвращался на родину из далекой песчаной степи, серой и пустынной... И, глядя на нарядную природу своего родного края, он чувствовал, что вырвался из ада...

...С тех пор, как его в 1913 году сослали в долину реки Чу, заселенную казахскими родами, кочующими круглый год, он безвыездно жил на месте ссылки и был отрезан от остального мира. Область эта по справедливости слыла самой глухой частью казахской степи. О газетах и журналах здесь имели лишь отдаленное представление. Книг не было. Не было и школ. Даже мулл, обучающихся мусульманской грамоте по старому методу, можно было перечесть по пальцам. Грамотные по-казахски были редким явлением».

«В этом краю,— сообщает автор дальше,— быт не только бедноты, но и большинства баев был очень примитивен. Они пользовались исключительно домотканной одеждой и самодельной утварью, которые изготавливались из шерсти и шкур, получаемых от собственных стад. Например, в домах баев, имевших тысячные отары овец, сотни верблюдов,— не было ни удобной постели, ни хорошей одежды. Некоторые баи даже избегали мыть посуду, боясь, по поверью, как бы из-за этого их не покинуло счастье»⁵.

С первых лет советской власти, особенно с проведением Туркестано-Сибирской железной дороги, пересекающей район, облик его коренным образом меняется. Район быстро развивается в экономическом отношении. Казахское население переходит на оседлость, и занятие земледелием становится ведущим в хозяйстве района. Появляются новые сельскохозяйственные культуры, в том числе сахарная свекла. Развивается политическая и культурная жизнь района: строятся школы, клубы и избы-читальни, больницы и амбулатории, появляются стационарные и передвижные киноустановки, по району разъезжают лекторы и докладчики, проводящие большую пропагандистскую и агитационно-массовую работу, вырастает местная интеллигенция. Новые предприятия, хотя вначале и мелкие, приобретают важное значение не только для развития экономики района, его товарооборота, но и для создания кадров рабочего класса из местного населения; рабочие, тесно связанные со своими колхозами, несут туда политическую сознательность и городскую культуру.

По рассказам стариков-информаторов и по имеющимся литературным данным⁶, казахи, жившие на территории, ныне занимаемой описываемыми колхозами, вели кочевое скотоводческое хозяйство; земледелием занимались мало. Оно стало развиваться с переселением сюда с начала 1900-х гг. русских и украинских крестьян из центральных губерний цар-

⁵ Сабит Муканов, Ботагоз, «Советский писатель», 1949, стр. 191, 194.

⁶ См., например, «Материалы по обследованию туземного и русского старожилого хозяйства и землепользования в Семиреченской области», собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. VII, Пишпекский уезд, вып. 2, Петроград, 1916.

ской России. Переселенцы принесли с собой новую культуру — наем к земледелию, к жилищному строительству, в некоторой степени — к личной гигиене. Казахи стали постепенно переходить на оседлость. Однако это была главным образом бесскотная беднота (джатаки), имевшая возможности и надобности совершать перекочевки в поисках лучших пастбищ. Баи же, владевшие тысячными стадами и являвшиеся фактически владельцами бескрайних просторов земли (лишь небольшая часть составлявшей собственность того или иного рода), продолжали вести экстенсивное кочевое хозяйство, выменивая необходимые продукты животноводства у русских переселенцев и используя джатаков в качестве даровой рабочей силы на скудных полях призимовочных территорий.

С конца 20-х — начала 30-х гг. в Казахстане, как и в других регионах нашей страны, широко разворачивается колхозное строительство. Показателем для его истории путь развития колхоза «Бельбасар», организованного в 1929 г. первоначально в форме ТООЗ (Товарищество совместной обработке земли), в местности, примыкающей к уезду Унгурлю, где прежде жили «бельбасарцы». В ТООЗ вошло до 600 хозяйств. Однако в силу чрезмерно крупных масштабов ТООЗ, слабой организационно-хозяйственной базы, а также под влиянием враждебной агитации это объединение вскоре распалось. Все же 15—17 беднейших семейств, уже понявших выгоды коллективного хозяйства, решили объединиться, на этот раз — в с/х артель. Организационное собрание происходило на вершине горы, откуда и название колхоза — «Бельбасар» (перевал). Председателем был избран зарекомендовавший себя в ТООЗ'е Сауранбаев Хатый, доныне бессменно председательствующий. В первое время хозяйство колхоза было очень бедное: землю обрабатывали старыми дедовскими орудиями — деревянным плугом (тос-ага примитивной бороной (малой); во всем колхозе имелась только одна шадь, и приходилось пользоваться за высокую арендную плату работами скотом соседних единоличников. Жили круглый год в юртах, утеплив их на зиму путем накладки дополнительных войлоков и засыпав землю вокруг нижнего края юрты. В 1933—1934 гг. начали строить зимы землянки (джер-курке) и примитивного вида однокомнатные глинобитные дома (там) с низкими окнами и плоской земляной крышей⁷.

Большую роль в развитии колхоза сыграла обслуживавшая его МТС. В 1934 г. МТС вспахала трактором 70 га колхозной земли, посеяла пшеницу и убрала урожай. Год был урожайный, и колхозники получили по 13 кг пшеницы на трудодень. Из первых же доходов колхоз организовался конной тягой и инвентарем. В следующем году МТС вспахала уже 170 га, колхозники получили по 16 кг пшеницы на трудодень, в общественном хозяйстве появился первый трактор. Колхоз вышел на первое место в районе. Государство отпустило ему в кредит 250 руб. на организацию фермы. В том же году было построено первое общественное здание — школа-четырёхлетка.

С этого времени колхоз стал быстро расти и развиваться. В 1935 завели конезавод на 30 голов (в 1949 г. колхоз имел уже 373 лошади), в 1939 г. — молочнотоварную ферму на 28 голов (на 1 января 1949 г. поголовье крупного рогатого скота в колхозе составляло 468 голов, купили 8 верблюдов (в 1949 г. их было 64). Поголовье овец к 1949 г. возросло до 5385 голов. Неделимый фонд колхоза на 1 января 1949 г. составил 1 559 440 рублей.

По государственному акту на вечное пользование землей за колхозом было закреплено 8871,86 га. Кроме того, для отгонного животноводства колхозу предоставляется земля из государственного фонда в

⁷ Сведения по истории организации и развития колхоза «Бельбасар» записаны со слов председателя колхоза Героя Социалистического Труда Сауранбаева, заведующего овцеводством Бдырьсова, орденоносца чабана Темирбекова, заведующего хозяйством местного старожила-украинца Миндикуна и других.

началах долгосрочной аренды. В 1946 г. общая площадь таких земель, находящихся на различных, иногда очень значительных расстояниях от колхоза, составляла около 9 тыс. га, в 1948 г. — свыше 19 тыс. га. В 1938—1939 гг. при закреплении оседания колхозу был выделен дополнительно участок поливной земли в районе р. Чу, куда колхозники и переселились, создав здесь новый поселок, причем место под поселок было заранее распланировано с учетом отвода необходимой площади под зеленые насаждения, и был выработан типовой проект жилого дома.

В 1949 г. колхоз объединял 116 хозяйств с общей численностью населения 584 человека. Из 233 трудоспособных членов колхоза большой процент падает на женщин. Вообще женщины являются теперь основной рабочей силой в колхозах Казахстана. Это объясняется в первую очередь возросшей ролью женщин в колхозном производстве, а также более частым уходом мужчин из колхоза в промышленность, на транспорт, в города, в советский аппарат, на учебу и т. д.

Подавляющее большинство населения колхоза — казахи, все из Старшего джуза, рода Дулат, подразделения Ахша. Кроме казахов, в колхозе имеется 13 семей азербайджанцев и 2 семьи русских (завхоз и плотник). Из казахов не принадлежит к подразделению Ахша только один колхозник — кузнец, родом из Среднего джуза, кыпчак, состоящий в колхозе с 1942 г. и пользующийся большим уважением и авторитетом, несмотря на то, что он является «чужеродцем».

Следует отметить, что во многих районах Казахстана еще поныне продолжают сохраняться пережитки родового расселения. На территории юго-восточной части республики живут в основном члены четырех крупных родовых объединений Старшего джуза — Албан, Суан, Джалаир и Дулат, распадающихся на ряд мелких родовых подразделений — «руу». Как правило, в колхоз входят члены одного руу⁸. Это и понятно. До коллективизации казахи селились родственными аулами, пользуясь земельными угодьями, считавшимися принадлежащими данному роду; при организации колхозов в них входили хозяйства, жившие по соседству и составлявшие один или несколько родственных аулов. В настоящее время идет процесс постепенного включения в состав населения колхозов представителей других родов или подразделений, чему несомненно будет чрезвычайно способствовать происходящее ныне объединение мелких колхозов. Но в 1949 г. посещенные нами колхозы состояли в основном из членов одного руу за исключением лиц, направляемых районными организациями или занимающих платные должности (бухгалтеры, счетоводы, шоферы, плотники и т. д.). Так, население колхоза имени Сталина принадлежит к подразделению Таз рода Албан, колхоза «Бельбасар» — к подразделению Ахша рода Дулат, соседних с «Бельбасаром» колхозов «Энбекши» и «Арал» — к подразделению Хожай того же рода, колхозов «Ынтылы», «Жана Турмыс» и имени Тельмана — к подразделению Шымыр, имени Ленина и Кок Кайнар — к подразделению Бесторсык и т. д.⁹ Родовую принадлежность знают четко не только ста-

⁸ Необходимо подчеркнуть, что это явление характерно далеко не для всех районов Казахстана. Материалы, собранные нами в 1950 г. в Абаевском районе Семипалатинской области и в районе им. 28 Гвардейцев Талды-Курганской области, показывают, что колхозы этих районов — смешанные в родовом отношении. Так, в колхоз «Долан Алы» района им. 28 Гвардейцев входят члены родовых подразделений Андас, Мырза, Бадрак и др.; колхоз «Жарлы Камыс» Абаевского района состоит в основном из членов родового подразделения Кулак, но в него входят также и Тазбулат и Мултыш. Это можно объяснить, с одной стороны, значительным изживанием остатков родового расселения в этих районах, с другой стороны — интенсивными перемещениями казахского населения и смешением родовых групп в предреволюционный период и в первые годы Советской власти.

⁹ Сведения эти получены от стариков-колхозников из колхоза «Берлик Устем»: Манасыпа Халык 62 лет и Темирбекова Бахтияр 67 лет.

рики, но и молодежь и даже мальчишки 10—12 лет. Вместе с тем идет процесс смены сознания родовой принадлежности сознанием принадлежности к своему колхозу. Так, в Кегеньском районе колхозник на вопрос откуда он родом, неизменно ответит — из такого-то колхоза (а не такого-то аула по его дореволюционному наименованию), даже если спрашиваемый принадлежит к старшему поколению.

Основное направление хозяйства обследованных колхозов — животноводческое, в сочетании с развитым полеводством. На богарных (и поливных) землях сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, на поливных — главным образом свеклу, являющуюся в настоящее время одним

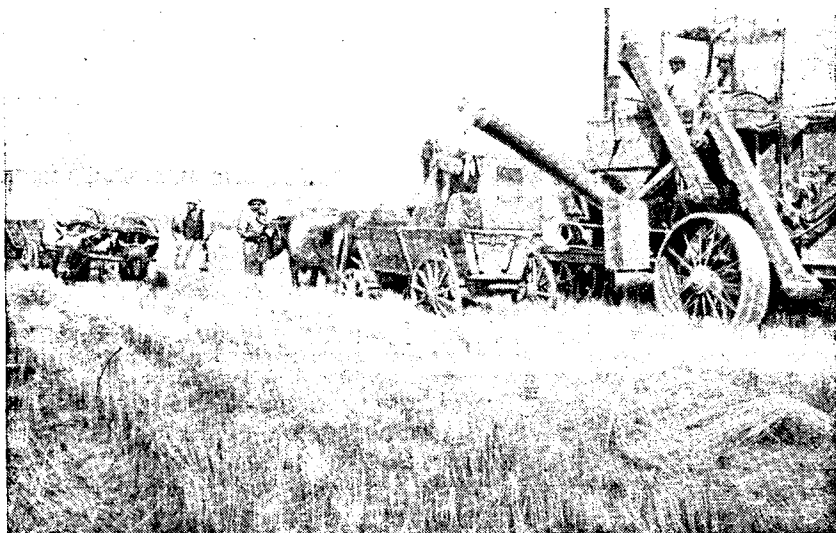

Рис. 1. Уборка пшеницы комбайном в колхозе «Бельбасар»

из основных источников богатства причуйских колхозов, в частности колхоза «Бельбасар» и застрельщика в деле распространения культуры сахарной свеклы в Чуйском районе колхоза «Берлик Устем».

Большое значение в хозяйстве колхоза «Бельбасар» имеет и бахчеводство, также составляющее один из источников его дохода; арбузы, дыни, помидоры колхоз продает в своем ларьке при станции Чу. Картофель, начавшего распространяться и в Чуйском и в Кегеньском районах в годы Великой отечественной войны, на колхозных полях сажают немного, но на приусадебных участках он встречается чаще, особенно в Кегеньском районе, где зачастую картофелем занят почти весь приусадебный участок. В Чуйском же районе колхозники предпочитают сеять люцерну на корм лошадям, а также кукурузу, которую на следующем пункте обменивают в равном количестве на пшеницу.

Часть поливной площади колхоза «Бельбасар» занята под люцерну несколько гектаров — под фруктовый сад и небольшой виноградник.

Богарные земли «Бельбасара» разбросаны на значительном расстоянии от поселка, вдоль ущелья Унгурлю, где находится основной массив земель, переданных этому колхозу по государственному акту на вечное пользование. На отдельных участках этих земель имеются полевые станы или постоянные глинобитные зимние дома с плоскими крышами для членов полевых бригад и их семей; здесь же устроены открытые зернохранилища (камба) и открытые токи (хирманы).

Обработка колхозной земли и уборка урожая ведутся машинным парком МТС. Роль МТС в развитии и укреплении колхозов не ограничивается технической помощью. Наряду с предоставлением колхозам слож-

ных сельскохозяйственных машин МТС руководят всеми агротехническими мероприятиями; они определяют сроки полевых работ, следят за их своевременным и высококачественным выполнением, снабжают колхозы минеральными удобрениями и т. д. Большое значение имеет работа

Рис. 2. Полив свекловичного поля в колхозе «Бельбасар» под руководством Героя Социалистического Труда Тунгатаровой Кулай

Рис. 3. Летнее пастбище колхоза им. Сталина Кегеньского района Алма-Атинской обл.

МТС по подготовке кадров и повышению квалификации агрономов и механизаторов сельского хозяйства; при многих МТС существуют школы механизации, курсы подготовки и переподготовки трактористов, комбайнеров, бригадиров и т. п.; работники МТС выезжают в колхозы с лекциями и докладами на агрономические темы. В результате во многих

колхозах выросли свои квалифицированные кадры работников сельского хозяйства из местного населения.

В животноводстве казахских колхозов указанных районов принята отгонно-пастбищная система и сезонный выпас скота. Нагульный скот находящийся на отгоне, содержится, как правило, на далеких расстояниях (иногда в 100 км и больше) от поселка и в последний за редкими исключениями не пригоняется. Годичный цикл включает 4 перегона

Рис. 4. На верблюдоводческой ферме колхоза «Бельбасар» Чуйского района Джамбулской обл.

пастбища: весеннее (көктеу), где скот проводит месяцы март — май; летнее (джайлау) — июнь — август, осеннее (күздеу) — сентябрь — ноябрь и зимнее (кстау) — декабрь — февраль. Указания о перегоне скота даются правлением колхоза по согласованию с районными органами. Руководят перегоном опытные чабаны под руководством зоотехников. Трассы перегонов обеспечены водопоями.

Отгонные участки расположены, как сказано выше, на землях государственного фонда и нередко находятся в пользовании целой группы колхозов с общим ветеринарным и зоотехническим обслуживанием скота и общим культурно-бытовым обслуживанием чабанов, постоянно живущих в отгонных бригадах, зачастую вместе со своими семьями. Культурно-бытовому обслуживанию этих бригад местными Советами уделяется большое внимание. Для них ставятся на кстау зимние дома, строятся бани, организуются школы для живущих с ними детей и медицинские пункты, функционируют красные юрты, работники которых ведут регулярную культурно-просветительную и политико-воспитательную работу с чабанами и их семьями: проводят беседы, читку газет и книг, организуют игры и развлечения, приглашают лекторов, выездные бригады артистов или кинопередвижки и т. д.

Продуктивный и рабочий скот содержится на фермах, находящихся на недалеком расстоянии от колхоза (от 2 до 30—35 км), летом на джайлау, зимой на кстау. В обследованных колхозах имеются фермы: молочно-товарная, где находятся дойные коровы, телята и где вырабатывается масло, делается кислое молоко — айран и сухой соленый сыр курт; конеферма, на которой содержатся дойные кобылицы и делает-

ся кумыс, целиком используемый для колхозников; овцеводческая ферма. Разведение домашней птицы в этих колхозах еще только налаживается, и поэтому имеющиеся у них в соответствии с планом птицефермы незначительны по размерам. Куроводство развивается и в личном хозяйстве колхозников, и редко встретишь двор, где бы не было хотя нескольких кур.

В колхозах Чуйского района, кроме перечисленных ферм, имеются еще и верблюдоводческие, в Кегеньском же районе, в частности, в колхозе имени Сталина, значительное место отводится козоводству; здесь разводят ангорских коз, составляющих гордость колхоза. В колхозах этого района вообще уделяется большое внимание улучшению пород скота, особенно овец и коз. Большую работу в этом направлении проводит Курмектинская экспериментальная база Академии Наук Казахской ССР¹⁰.

Колхозные фермы не стоят подолгу на одном месте, а переходят с одного места на другое по мере использования пастбищ (примерно каждые 20 дней). Передвижение ферм не представляет особых затруднений, так как и для выполнения производственных процессов (обработка молока на сепараторах, сбивание и перетапливание масла), и для жилья обслуживающего персонала большей частью ставятся юрты. В Кегеньском районе юрты используются только как подсобное жилище — на полевых станах и пастбищах, в Чуйском же районе они сохраняют характер постоянного летнего жилища довольно значительной части населения; многие юрты — новые, и внутреннее убранство их подчас очень богатое. Сохранение юрт в этом районе объясняется в основном климатическими условиями: в жаркое летнее время юрты имеют большие преимущества перед глинобитными или саманными домами.

На зимовках для скота имеются крытые стойла, утепленные помещения для отёла и содержания новорожденных телят и ягнят, выращиванию которых уделяется большое внимание со стороны обслуживающего персонала, самоотверженно выхаживающего буквально каждого теленка. Для обслуживающего персонала на кстау выстроены зимние жилые дома.

На кстау заготавливается большое количество сена и концентрированных кормов на случай сильного снегопада (пока позволяет погода, жот содержится на подножном корму). Планомерно проводящаяся заготовка зимнего корма устраняет возможность джута (падеж скота от бескормицы вследствие гололедицы) — этого бича дореволюционного казахского скотоводческого хозяйства.

Некоторые колхозы имеют и небольшие подсобные предприятия. Так, в колхозах имени Сталина и «Бельбасар» имеются водяные мельницы, обслуживающие не только свой, но и соседние колхозы. «Бельбасарцы» организовали и небольшой известковый завод, перерабатывающий известковый камень, добываемый колхозниками из близлежащего карьера. Известью не только безотказно снабжаются колхозники, но она составляет довольно значительную статью среди доходов колхоза. Особенно же следует отметить все расширяющееся строительство колхозных электростанций, играющих огромную роль не только в хозяйстве, но и в повышении культурного уровня колхозных масс. Вечерами все окна в поселке колхоза имени Сталина залиты электрическим светом: улицы освещаются электрофонарями. Это дает возможность значительно продлить рабочий день, особенно в зимнюю пору, проводить по вечерам культурные мероприятия, а колхозной семье — уделять вечернее время на чтение.

¹⁰ В 1949 г. двум старшим чабанам этой базы (Туленды Каюпову и Жамал Манапбаеву), а также председателю соседнего колхоза «Кзыл-Ту» (Красное Знамя) Молдакыму Мусралиеву присуждена Сталинская премия за участие в выведении новой породы тонкорунных овец «казахский архаро-меринос».

В соответствии с комплексным направлением колхозного хозяйства распределяется и труд. Колхозники закрепляются за определенными полеводческими и животноводческими бригадами, что обеспечивает правильную организацию труда и повышает ответственность за выполнение и перевыполнение плана на каждом участке работы.

Так, в колхозе «Бельбасар» на наиболее трудоемкой культуре — сахарной свекле — занята особая бригада. Бригаде отводится определенный участок поливной земли, за обработку и полив которого и получение с него высокого урожая свеклы бригада несет полную ответственность. Работа в свекловичной бригаде считается особенно почет-

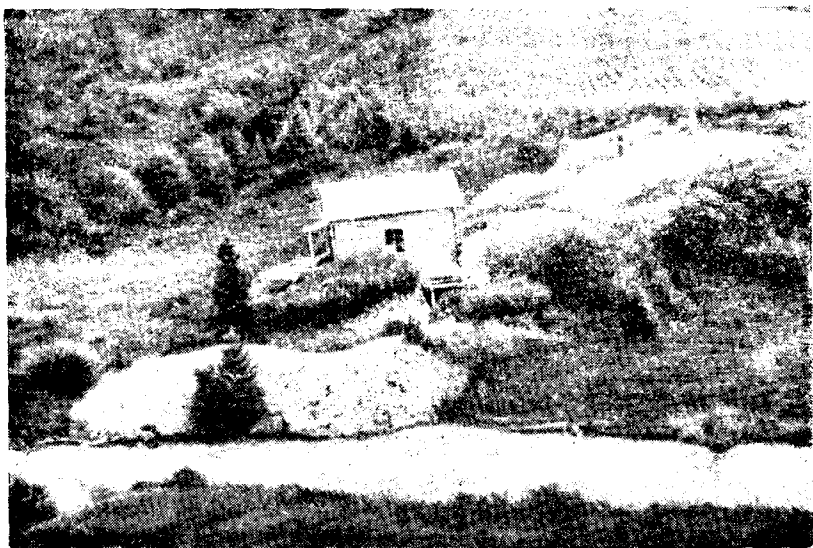

Рис. 5. Электростанция колхоза имени Сталина Кегеньского района

ной, и в нее отбираются наиболее отличившиеся в колхозном производстве. В результате правильной организации труда и надлежащей расстановки сил колхоз достиг высоких показателей по урожайности свеклы.

В обследованных нами колхозах ярко проявляются черты нового, социалистического отношения к труду и общественному хозяйству. В колхозе «Бельбасар» 7 человек удостоены звания Героя Социалистического Труда, в том числе 4 свекловода, 2 животновода и председатель колхоза Сауранбаев Хатый.

Высокой производительности труда в колхозе соответствует и высокая оплата трудодней колхозников. Осенью 1949 г. они получили уже авансом по $4\frac{1}{2}$ кг зерна (главным образом пшеницей и частично просом); многие семьи получили авансом по 50 ц зерна, а некоторые по 70—80 ц. Еще больше получают колхозники, работающие на свекловичных полях. Так, например, Герой Социалистического Труда Тунгатарова Куляй, добившаяся в 1947 г. урожая по 810 ц свеклы с гектара, получила на трудодни 6 ц с лишним сахарного песка, 4 ц с лишним зерна и 2500 руб. деньгами; Герой Социалистического Труда азербайджанка Мамедова Джамила, получившая урожай по 830 ц с гектара, заработала 8,5 ц сахара, 3,5 ц зерна и 1600 руб.; Ашильбекова Раушан, собравшая по 620 ц с гектара, получила около 2 ц сахара, 4 ц зерна и 2000 руб. Герой Социалистического Труда бригадир свекловичной бригады Сатыбалдиев Абильмажен получил на трудодни 5 ц сахара, 11 ц зерна и 2400 рублей.

Социалистическое соревнование прочно утвердилось в колхозной жизни; застрельщиками его, естественно, являются коммунисты. Пример коммунистов воодушевляет на соревнование и других колхозников. Соревнуются между собой отдельные колхозники, бригады или целые колхозы — последние не только в отношении производственной работы, но и в отношении культурно-бытового обслуживания колхозных масс. Так, например, колхоз имени Сталина в ответ на обращение алматинцев от 12 февраля 1949 г. взял на себя обязательства: к концу года построить завод для обработки лесоматериалов, ввести электрострижку овец, радиофицировать клуб и избу-читальню, установить стационарное кино, построить одну баню на отгонном животноводстве и одну баню с дезкамерой на территории колхоза, 12 жилых домов для колхозников (в том числе 4 дома в отгонном животноводстве), 2 стандартные базы для крупного скота; посадить 100 деревьев, устроить спортплощадку и т. д.¹¹

Жилище колхозников Кегеньского района представлено двумя типами домов — глинобитными (сделанными либо из саманного кирпича, либо способом набивки земли между деревянными щитами) и бревенчатыми; последний тип, повидимому, в скором времени станет преобладающим в строительстве колхозных поселков этого района, с одной стороны, в силу преимущества бревенчатых домов перед глинобитными, с другой — благодаря тому, что район богат лесом и строительный материал крайне дешев.

Нынешний поселок колхоза имени Сталина, созданный в основном с 1941 г., показателен для развития поселкового строительства во всем районе. Уже самая планировка поселка в две параллельные улицы с прямыми линиями домов, близко стоящих друг к другу, дает более совершенную форму селения, чем та, которая возникла при переходе казахов к оседлости. Сохранившиеся кое-где развалины домов старого поселка свидетельствуют о том, что расположение их было иным: старые глинобитные дома были беспорядочно разбросаны в горах на довольно значительном расстоянии один от другого.

Примером селения переходного к новой планировке типа является поселок колхоза «Социалистик Казакстан», находящийся в 6 км от колхоза имени Сталина. Он расположен вдоль реки, частично на буграх; дома его беспорядочно разбросаны отдельными группами или по одному на довольно значительном расстоянии (300—500 м). Только центральная часть поселка, где находятся новые здания — правление колхоза, клуб, школа и часть жилых домов, — представляет собой компактную группу строений. Колхоз имени Сталина уже прошел этот этап, и одной из основных задач здесь является теперь усовершенствование техники жилищного строительства.

Поскольку в литературе не имеется описания новых типов жилых построек казахов-колхозников, остановимся на этом несколько подробнее.

Распространенный в этом колхозе бревенчатый дом агаш-уй сложен из 10—13 венцов «в угол». Бревна кладутся на уложенные по углам стройки камни или врытые в землю невысокие столбы. Крыша почти во всех домах плоско-двускатная, держится на трех продольных балках (бель-агаш), опирающихся на стены и образующих скат в 20—25 см. Лишь в совсем новых домах крыши с большими скатами (высота конька — 2 м). Поверх балок довольно близко положены слегы или прилегающие одна к другой доски, набросаны сухие ветви (курай); все это обмазано глиной. Внутри дома балки и слегы выступают, образуя легкий скат к стенам; они также обмазаны глиной и побелены известью.

¹¹ Копия приведенного социалистического обязательства любезно предоставлена нам сотрудниками Кегеньского райисполкома.

Пол по большей части досчатый и лишь в первой комнате (аузы-уй) — земляной. Дом состоит обычно из двух, реже из трех и в виде исключения из четырех комнат. Однокомнатных домов в колхозе сохранилось лишь считанные единицы.

К дому обычно примыкает хозяйственная постройка — ат-кора или сыйыр-кора (помещения для лошади или коровы), стены которой сложены из бревен, крыша — плоская. Иногда эта пристройка представляет собой простой навес для скота, называемый лапас.

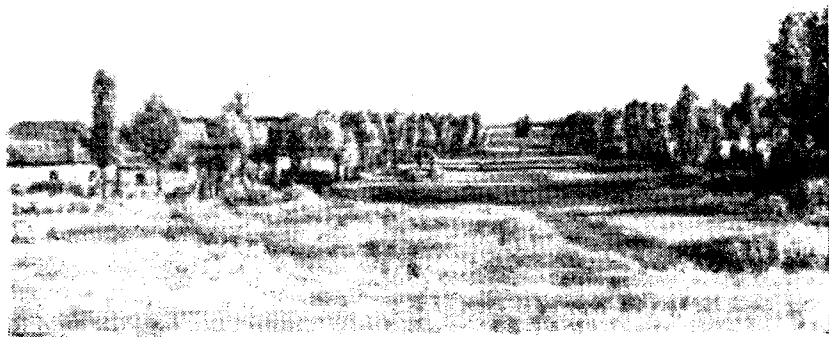

Рис. 6. Улица в поселке колхоза «Бельбасар»

Такого же типа дома строятся в соседнем колхозе «Екпенды», но здесь, наряду с бревенчатыми, имеются жилые постройки из саманного кирпича или утрамбованной земли, обмазанные глиной.

Двумя основными типами представлено и жилище колхозников Чуйского района.

Основным, преобладающим еще повсюду, кроме колхоза «Бельбасар», является двухкомнатный дом, сложенный из саманного кирпича с плоско-двускатной крышей, держащейся на трех балках, поверх которых лежат жерди, покрытые сухими ветвями, или доски, обмазанные снаружи и изнутри глиной. Окна в этих домах среднего размера — 60×70 см, пол глинобитный, иногда с возвышением (спа), наподобие узбекской супы, занимающим больше половины комнаты; это возвышение, покрытое кошами, служит местом спанья, на нем же семья проводит большую часть свободного от колхозной работы времени. Стены дома выбелены известью. Отапливаются дома железными печами и плитами. Строят такие дома русские мастера и сами казахи.

За последние годы в районе стал распространяться новый тип жилого дома, впервые появившийся в колхозе «Бельбасар», где он вытеснил все остальные виды жилых построек. Как сказано выше, поселок колхоза при организации последнего в начале 30-х гг. находился в ущелье Унгурлю. С началом переселения в 1937—1938 гг. на новое место здесь было выстроено несколько глинобитных домов способом набивки земли между щитами. При разработке плана нового поселка было решено строить дома в уличном порядке и нового типа. В настоящее время колхозный поселок состоит из трех прямых улиц, обсаженных пирами дальними тополями вдоль арыков. В поселке находится прекрасно об-

ставленное здание правления колхоза, клуб, сельмаг, баня. Хозяйственная база — огромный, обнесенный кирпичной оградой двор, в котором сосредоточен основной семенной и фуражный фонд, запасной инвентарь, мастерские, — вынесена за пределы поселка.

Размер типичного для «Бельбасара» дома — кирпич-уй в среднем $4,8 \times 8$ или $4,5 \times 9$ м. Высота кирпичного фундамента от поверхности земли — 40 см. План дома с небольшими вариациями почти всегда один и тот же. Он состоит из двух (нередко из трех) комнат и небольшой террасы (называемой здесь кáлидор), шириной примерно в 1 м, стоящей на одном фундаменте и под одной крышей с домом. Иногда терраса тянется вдоль всего дома. Стены, называемые, как и во многих других местах Казахстана, канат¹², складываются из саманного кирпича¹³ толщиной в 40—45 см, гладко обмазываются глиной и белятся внутри и снаружи известью. Кирпич выделяется здесь же в колхозе, поблизости от строящегося дома; в поселке во многих местах можно видеть ямы для замески самана и особым образом (в виде конуса с просветами) сложенные для просушки кирпичи. Крыша (шатыр) — четырехскатная, крытая камышом; высота конька 2—2,5 м. Во всех домах имеются чердаки. Потолок (тюбеси) держится на одной продольной балке (аркалык), выступающей вовнутрь, и шести парах жердей (шабак); линия потолка дает легкий скат к стенам. Окна размером $60\text{—}70 \times 80$ см находятся на высоте 75—80 см от пола, причем в первой комнате (аузы-уй) 1—2 окна, а во второй (төр-уй) — 3—4; оконные ниши расширяются внутрь дома. Подоконники и рамы деревянные, иногда, как и двери, окрашенные в голубой или зеленый цвет. Во многих домах имеются с наружной стороны ставни, окрашенные в яркие цвета. Пол всюду, за исключением 3—4 домов, из-за дороговизны леса глинобитный, но очень ровно обмазанный. Отапливаются дома кирпичными печами с плитами и обогревателями и железными печами, которые на зиму присоединяются к обогревателям, а на лето выносятся. Дымоход обычно идет змеевиком и оканчивается на чердаке большим заворотом (боровом). Железные печи чаще ставят в аузы-уй.

Таким образом, по своему типу эти новые жилые дома схожи с южнорусскими или украинскими жилищами, и в этом, в частности, сказывается творческое влияние передовой русской культуры на местное строительство.

Орнаментальных украшений (лепка, раскраска) на стенах нет; тем не менее внутреннее убранство дома являет собой яркую картину, отражающую национальные особенности казахского жилища.

Убранство первой и второй комнаты различно. Первая от входа (аузы-уй) служит местом, где семья проводит почти все свое время, обедает и где выполняются мелкие домашние работы. Соответственно этому и обстановка ее проста. Здесь стоит обычный стол с самоваром и посудой. На стенах висят: одежда, мешочки с мелкими вещами, сбура, клубки шерсти. Пол устлан простой кошмой или кошмой со вкатанным узором (текемет), либо алашой — ковром, сшитым из тканых шерстяных, иногда узорчатых полос; здесь же находится низенький круглый столик¹⁴, деревянная или железная кровать, на которой спит кто-нибудь из стариков или старших ребят.

Во второй комнате (конак-уй, төпке-уй или төр-уй)¹⁵ сосредотооче-

¹² Название это перенесено из юрты, решетчатые стороны которой, как известно, также называются канат.

¹³ Строительство домов в Чуйском районе исключительно из кирпича объясняется дороговизной строевого леса, завозимого туда из Сибири.

¹⁴ Такой столик носит название или Чуйском районе гүлзүк-стол, в Кегеньском — джоза, явно под влиянием соседнего уйгурского населения.

¹⁵ В трехкомнатном доме «төр-уй» называется парадная комната, особенно тщательно убранная и служащая специально для приема гостей.

но основное убранство. Предметы его почти всегда размещены в определенном порядке: стена против входа завешена полосатой или узорчатой, часто очень красочной алашой; поверх нее висят шитые полотнами фотографии и почетные грамоты в рамках, головные уборы, иногда портфель и т. п. В углу или вдоль стены против входа висит лучшая одежда семьи, закрытая вышитой занавеской (киим-перде). Иногда здесь же находится «джук» состоящий из сундуков, чемоданов разных размеров, закрытых алашой, стеганых одеял и подушек. По одной из стен стоит под белым пологом (шимылдык) одна, а зачастую и

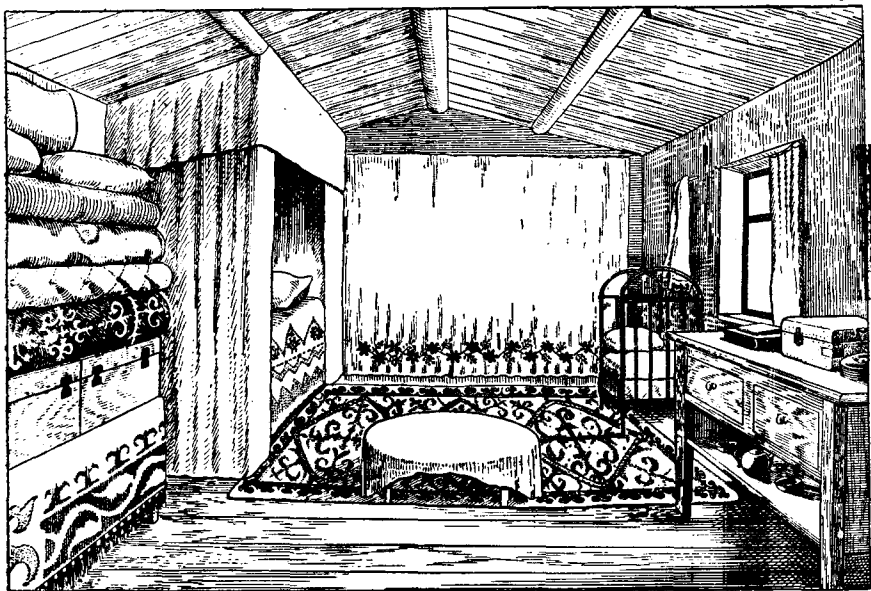

Рис. 7. Внутренний вид төрь-уй (гостевой комнаты) в колхозе «Екпенды» Кегеньского района

никелированные кровати, на которых спят молодые хозяева дома и младшие дети; низ кроватей закрыт подзором, украшенным вышивкой и кружевом. У кровати висит настенное украшение тус-кииз — либо тамбурной вышивкой по бархату и гладким цветным шелковым сатиновым центральным полем, либо с каймой, сделанной из искусственных подобранных разноцветных лоскутков хлопчатобумажной или шелковой ткани, а иногда и бархата, либо сделанное из узбекской вышивки типа сюзани машинной работы. В Кегеньском районе тус-кииз зачастую украшен аппликацией из красной материи по черному полю. В Чуйском районе нередко вместо тус-кииза висит красивая узорчатая алаша. В доме с кроватью — столик с дверцами, зачастую раскрашенными в яркие цвета; на нем книги, иногда патефон, какие-либо красивые вещицы. Пол устлан текеметом, часто новым и очень красивой выделки, и алаш поверх которых на төрь (почетное место в доме) кладется көрпе — подстилка для сидения, стеганная на вате, иногда покрытая лоскутной мозаикой (курак көрпе). На окнах — белые занавески, часто с вышивкой на концах, иногда тюлевые или марлевые. Во многих домах на дверях висят драпировки из пестрого ситца. Убранство дома, особенно төрь-уй, во многом зависит от того, насколько искусной мастерицей является сама хозяйка. В качестве примера можно привести дом Галияровой Онлахан из колхоза «Берлик Устем» Чуйского района, где комнаты украшены вещами ее собственной работы: прекрасной узор

той алашой и вышивками. Такие же вещи (текметы, алаша, сырмаки) составляют убранство дома Умербаевой из колхоза имени Молотова в том же Чуйском районе и многих других.

Внутреннее убранство жилища колхозников как Чуйского, так и Кегеньского района традиционно восходит к убранству юрты, откуда оно перешло в современный жилой дом, получив новое применение. Так, например, алаша сшивается из ковровых полос, сотканных так же, как ткнутся баскуры — узорчатые полосы, используемые в юртах. Иногда баскур переносится в комнату в виде идущей по верху стены полосы, сделанной способом аппликации. Из юрты же перенесен обычай устилать пол текеметом, устраивать джуки и т. д.

Благоустройству поселков, развертыванию жилищного строительства, чистоте и хорошему убранству жилища колхозников уделяется очень большое внимание со стороны руководящих работников колхозов, справедливо видящих в этом важнейший показатель зажиточной и культурной жизни колхозников. Многие в этом отношении ложится на женский совет, члены которого ведут разъяснительную работу и систематическое наблюдение за состоянием жилища. Чистоте и опрятности, царящим в поселке колхоза «Бельбасар», много способствует и то обстоятельство, что личный скот колхозников содержится на усадьбе только зимой, с ранней же весны и до глубокой осени он в поселок не допускается, а пригоняется на ночь на общий скотный двор, находящийся вне поселка, куда хозяйки приходят утром и вечером доить и проверять состояние своего скота (см. план поселка, рис. 8). Днем скот выпасается в организованном порядке пастухом, которому колхоз начисляет за это трудодни, удерживая их затем с колхозников при расчете с ними. Подобное же явление наблюдается и в отношении обработки индивидуальных участков, когда вспашка и полив производятся организованно, силами колхоза, рассчитывающегося затем с колхозниками при подведении итогов хозяйственного года. Такое включение части в прошлом исключительно домашнего труда в общую систему колхозного производства имеет огромное значение, освобождая колхозников от значительной доли домашних забот и давая им возможность больше времени и сил уделять общественному хозяйству.

В некоторых колхозах наблюдаются зачатки общественного питания. Так, в колхозе имени Сталина во время хлебоуборки работающим на полях готовится горячая пища из колхозных продуктов и выпекается белый хлеб из общественной муки, специально для этого сберегаемой. Следует отметить принятую в этом колхозе, как и в колхозе имени Амангельды Чуйского района, практику раздачи колхозникам в поселке и на полях айрана и кумыса, ежедневно привозимых для этого с ферм. Стоимость взятых продуктов удерживается с колхозников при годовом расчете с ними.

Хозяйственные помещения — кухня (асхана), кладовая (камба́) в колхозе «Бельбасар» стоят отдельно от жилого дома, во дворе, и приготовление пищи в зимнее время происходит там. Летом же пища готовится на открытом воздухе, на очаге, имеющем вид плиты с трубой. Хозяйственные постройки здесь складываются также из саманного кирпича, но крыша их глинобитная, плоско-двускатная, окна небольшие, стены не побелены. В асхане сложена печь с вмазанным в нее котлом (ошак или казандык), где готовится пища; в этом же помещении хранится вся утварь. Под этой же крышей, за глинобитной перегородкой находится кладовая и закром для зерна (камба́). Рядом расположены хозяйственные постройки для скота — ат-кора (конюшня), сыйыр-кора (коровник), маленькие строения для кур — таук-куркэ.

Описанный тип жилого дома, возникший в 1939—1940 гг. (примером в этом отношении явился колхоз «Бельбасар»), приобретает большую популярность у населения Чуйского района. Во многих соседних и

более отдаленных колхозах новые дома строятся именно такого типа. В колхозе «Берлик Устем» таких домов 13, в колхозе «Энбекши» — «Ынтылы» — столько же; в колхозе имени Амангельды такими дома застраивают целую улицу. По данным районного статистического управления, в 1949 г. дома описанного типа имелись в 24 из 47 колхозов района. Руководят постройкой такого дома обычно русские мастера, приглашаемые колхозом или отдельными колхозниками.

В отношении одежды, утвари и других элементов материальной культуры колхозников обоих районов общая тенденция развития

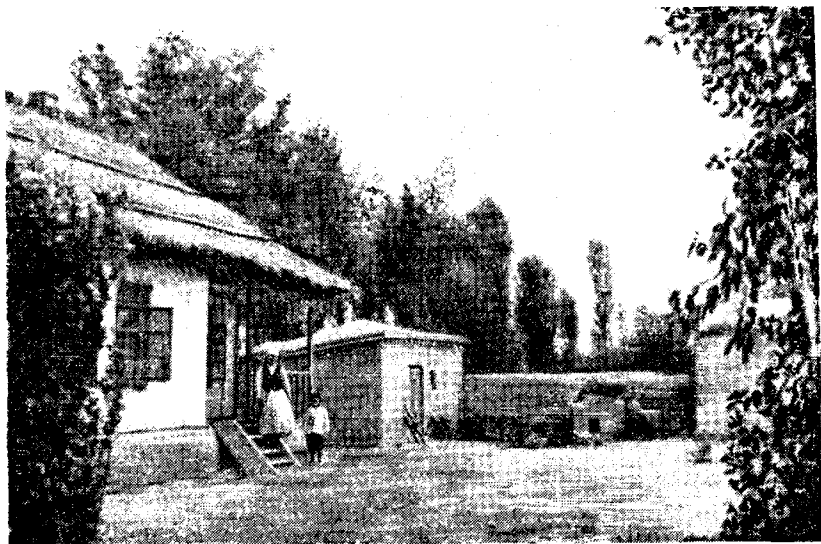

Рис. 9. Дом и хозяйственные постройки Сатыбалдиева Абилямажен из колхоза «Бельбасар»

по линии все большей замены предметов старого типа городскими изделиями. С ростом зажиточности, повышением покупательной способности колхозников предметы домашней выделки все больше вытесняются изделиями промышленного производства. Если в годы войны, когда ощущалась нехватка промышленных товаров, колхозникам приходилось иногда носить грубую ткань домашней выделки, то в настоящее время в сельских магазинах достаточно товаров, и колхозники почти все покупают там. На домашних ткацких станах выделывают только грубую ткань для мешков и очень много ковровых полос (алаша), попон (ат-джабу) и тому подобных вещей, по рисунку и расцветке иногда достигающих высокой степени художественности. Ткацкие станы для выделки алаши имеются почти в каждом доме, и редкая колхозница не отдает этой работе значительную часть своего досуга.

Мужская одежда колхозников как в Кегеньском, так и в Чуйском районе преимущественно городского типа; очень распространен костюм военного образца. Национальные особенности сохраняются в основном в головных уборах: бөрк (круглая шапка с меховой опушкой); капак — род шляпы из белого войлока с бархатными отворотами, сходная с киргизской; зимняя шапка (тумак) из лисьего меха, с наушниками, спускающимся до середины спины задником, особенно часто встречающаяся в Чуйском районе. В последние годы здесь получили также большое распространение белые войлочные шляпы, видимо, завезенные переселенцами с Кавказа, но приобретшие несколько измененную форму: более твердую тулью и несколько меньшие поля. Все эти головные уборы очень своеобразно сочетаются с одеждой городского типа, например, с драповым или кожаным пальто.

в Чуйском районе большое распространение получили также покупные полотенца, встречающиеся почти в каждом доме.

В Кегеньском районе встречается интересный вид головного убора девочек — тахия, представляющий собой круглую шапочку с твердой основой, обтянутой красным кумачом, и обшитую монетами, бусами и пуговицами. Часто к тахия пришивается султанчик из перьев филина, в прошлом игравший роль оберега, а теперь воспринимаемый как модное украшение.

Украшения (браслеты, кольца, серьги) работы местных мастеров покупные носят женщины всех возрастов, девушки и даже девочки самых ранних лет. Изредка еще встречаются очень распространенные в прошлом шолпы — украшения, состоящие из монет различной величины вплетаемые в концы кос. В Кегеньском районе кое-где сохранили в качестве добавления к праздничному наряду широкие кожаные ремешки, украшенные металлическими пластинками с чеканкой.

* * *

Как уже говорилось выше, женщины в колхозах Казахстана являются основной рабочей силой. Женщины выдвигаются и на руководящие производственную работу (бригадиров, заведующих фермами), и на борные общественные должности. Из 12 сельских советов Чуйского района в трех председателями являются женщины, из которых две — женщины-защитники¹⁶. Жетенова Зибá из колхоза имени Сталина является одной из лучших производственниц и не менее активной общественницей. Будучи заместителем председателя Меркенского аулсовета, она одновременно состоит членом правления колхоза и заведует конфермой. Герой Социалистического Труда Тунгатарова Куляй из колхоза «Бельбасар» — член правления аулсовета, член правления колхоза, председатель женского совета и член школьного родительского комитета. Герой Социалистического Труда Шоманова Жиезбала, из того же колхоза, также ведет большую общественную работу; она ведет политучебой комсомольцев, является агитатором, членом женского совета и школьного родительского комитета. Из 15 коммунистов колхоза имени Сталина 5 женщин; 2 женщины — кандидаты в члены партии; из 18 комсомольцев этого колхоза 10 женщин.

Женщины наравне с мужчинами принимают участие в производственных совещаниях и общих собраниях колхоза; они активно выступают на собраниях, с их мнением считаются. Но сидят они по традиции на собраниях, в кино, на спектаклях, как правило, отдельной от мужчин группой.

В каждом из колхозов, как и в городских учреждениях и на предприятиях Казахстана, существует женский совет, со времени воцарения в республиках Средней Азии. Женский совет выбирается на общем собрании колхозниц и состоит из трех наиболее активных и зарекомендовавших себя женщин. В задачи женского совета входит: следить за своевременным выходом женщин на работу, вести борьбу с прогулами (впрочем, чрезвычайно редкими в обследованных колхозах), содействовать производственной работе женщин; совет ведет разъяснительную и агитационную работу, следит за культурным состоянием домов, усадеб и всего поселка, личной гигиеной женщин и детей, ведет борьбу с пережитками старости быта и т. д.

В соответствии с большой производственной и общественной значимостью женщины очень возросла и ее роль в семье. Не говоря уже о тех случаях, где женщина, потеряв мужа, становится главой семьи.

¹⁶ По данным районного статистического управления 1949 г.

нередки случаи, когда женщина, даже имея мужа, фактически является в семье руководящей силой, как, например, Жетенова Зибя или мать-героиня Испаева Кинжахан¹⁷ из колхоза имени Сталина. Однако в таких случаях номинальным главой семьи все же всегда считается мужчина.

Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет установить развитие в казахской семье новых отношений, базирующихся на равенстве и взаимном уважении мужа и жены. Однако это по большей части те семьи, где труд женщины является основным источником семейного достатка. Такова, например, уже упомянутая семья Тунгатаровых из колхоза «Бельбасар», где жена — выдающийся мастер урожая свекловичных полей, — пользуется всеми признанным авторитетом и почетом, или семья Мошагуловых из колхоза имени Сталина, в которой оба супруга — энтузиасты колхозного производства, показывающие образцы социалистического отношения к труду; между ними утвердились новые отношения, основанные на равном участии их в колхозном производстве. Наряду с этим встречаются семьи, где, несмотря на производственные заслуги женщины, отношения между нею и мужем все еще носят характер зависимости.

В подавляющем большинстве семей жена в отсутствие посторонних держит себя на равных началах с мужем, а подчас даже руководит в семейных делах. Но при посторонних она, по традиции, должна выказывать свое якобы подчиненное положение. Отзвуком прежнего приниженного положения женщины является обычай, согласно которому она, будучи в гостях, не приглашается и не садится на почетное место (төр), за редким исключением особо почтенных женщин или в тех случаях, когда собираются одни женщины, без мужчин. При приеме гостей жена помещается в конце стола у самовара, а остальные женщины обычно сидят у входа, куда им гости передают куски мяса из бес-бармака, баурсаки и другое угощение.

Сохраняется обычай, по которому младшая невестка (келин) находится в более приниженном положении по сравнению с другими женщинами. Во многих семьях сохраняется обычай избегания в отношениях между снохой и свекром. Так, она не имеет права произносить имени свекра, и нередко случаи, когда женщина отказывается назвать свою фамилию по мужу, так как эта фамилия является именем его отца. Сноха не должна ни сидеть, ни стоять рядом со свекром. Она не имеет права в присутствии родителей мужа ступить на төр, даже если это для чего-нибудь нужно. Таким образом, в семейных и брачных отношениях еще сказываются многие пережиточные явления, борьба с которыми ведется далеко недостаточно. Не изжит еще окончательно обычай уплаты калыма, нередко сохраняющийся в скрытом виде, в форме подарков родителям невесты или жены. Иногда из-за нежелания или невозможности дать «подарки» (т. е. уплатить калым) жених по договоренности с невестой «похищает» ее у родителей. При этом соблюдается традиционный церемониал похищения (умыкания): жених приезжает с товарищами-джигитами в аул невесты, прячет где-нибудь поблизости телегу или верховых лошадей и «выкрадывает» невесту. Иногда такие браки против воли родителей невесты совершаются на стороне, в чужом ауле, куда она отправляется погостить, или в совхозе, где она работает, и т. д.

¹⁷ Семья Испаевых может служить примером для характеристики культурного роста казахской колхозной семьи: муж — коммунист с 1924 г., в настоящее время пенсионер; жена, основной работник в семье, работает на колхозной конеферме, вырастила десятилетних детей, за что имеет правительственную награду; старшая дочь, окончив школу-семилетку, работает в колхозе учетчицей; старший сын (по отцу Сванкулов) окончил Казахский педагогический институт и работает директором школы-десятилетки в одном из совхозов того же района; два других сына и дочь учатся в той же школе; малыши находятся при матери.

Встречаются еще и случаи двоеженства, хотя это тщательно скрывается. Сделать это тем легче, что браки далеко не всегда регистрируются. Борьба с двоеженством ведется путем привлечения виновных товарищескому суду, передачи дела в народный суд, наложения штрафа. Есть старые семьи, где второй брак заключен еще до революции. В таких случаях старший сын, как правило, выделяясь, берет к себе мать, а вторая жена остается при муже. В выявлении случаев двоеженства и в борьбе с ним большое участие принимает женский совет.

Наличие отмеченных пережиточных явлений в семейном быте колхозников Казахстана свидетельствует о том, что процесс перестройки их сознания протекает значительно медленнее по сравнению с ушедшим далеко вперед социалистическими формами общественного производства. Здесь подтверждается известное положение исторического материализма об отставании надстроечных явлений от экономики, о живучести пережитков прежних общественных отношений в сознании людей. В этом, в частности, проявляется борьба старого с новым. Вместе с тем необходимо отметить, что борьбе с этими пережитками, как и пропаганде новых социалистических отношений в семье, не уделяется должного внимания и применяющиеся меры борьбы с ними не всегда достаточно эффективны.

Обычай сговора малолетних, наречения их будущими супругами теперь исчез. Молодые люди сами выбирают себе невесту, но договариваются с ней, по обычаю, не непосредственно, а через третьих лиц — через близкую ей старшую женщину, направляя к последней своего родственника или друга. Если родители невесты не соглашаются на брак, то она нередко уходит к жениху помимо их воли; что касается молодого человека, то он, за редкими исключениями, против воли родителей не поступает.

В посещенных нами в 1949 г. районах еще соблюдается обычай, по которому лица, принадлежащие к одному родовому подразделению (руу), считаются родственниками и не могут вступать между собой в брак; поэтому мужчина вынужден брать себе жену из другого колхозного населения, которого принадлежит к иному руу. Так, например, колхозники «Бельбасара», принадлежащие к подразделению Ахша, брали себе жен из подразделений Бесторсык, Шымыр, Хожай и т. д. в других колхозах. Эта своеобразная «колхозная экзогамия», помимо внесения новых производственных отношений пережитков родового быта и старых брачных норм, влекла за собой и практически нежелательные последствия: девушка, подрастая, начинала чувствовать себя в своем колхозе, как и в семье, временно пребывающей, что не могло не отражаться в известной мере на ее отношении к колхозному производству.

Следует отметить, что в других районах, посещенных нами в 1950 г. (см. выше, прим. 8), этого не наблюдается, ибо, как сказано, там остатки родового расселения в значительной мере изжиты, а браки внутри руу не запрещаются. Последнее сами колхозники объясняют тем, что их руу уже не являются родственными группами, так как восходят к более отдаленному предку — дальше седьмого поколения.

Что касается свадебного цикла, в прошлом чрезвычайно сложного и длившегося годами, начиная со сговора малышей, то многие из обычаев этого цикла теперь исчезли, другие приняли иную форму и содержание, некоторые же продолжают бытовать в большем или меньшем объеме, в зависимости от материального положения жениха и невесты. Сохранился, например, обычай устраивать той (празднество) сперва в доме невесты, затем в доме жениха. Иногда той сопровождается национальными играми, борьбой — «казахша-курёс», копкаром или байгой. Но большей частью все сводится к более или менее обильному угощению. Во время той поют песни, иногда бывают состязания — айтысы певцов со стороны жениха и невесты. При этом, если раньше

певцы прославляли богатство жениха, красоту и хозяйственные качества невесты, то теперь в первую очередь прославляются трудовая доблесть вступающих в брак и богатство их колхозов.

Сохранился обычай шильдхана, согласно которому женщина по прибытии в дом своего мужа в течение трех дней сидит за занавесью и за показ ее берется корымдык — деньги или подарки. При входе женщины в дом мужа ее обсыпают баурсаками и сладостями в знак пожелания ей счастливой и зажиточной жизни. По прошествии трех дней женщина отправляется на колхозную работу. Однако нередки теперь случаи, когда женщина отказывается от этой традиции и демонстративно по отношению к требованиям обычая выходит на работу на другой же день по переезде в дом мужа.

Роды происходят большей частью на дому, и лишь в довольно редких случаях женщину отправляют в больницу. Иногда на роды приглашается акушерка, но большей частью они происходят еще с помощью бабки — кындик-шеше (буквально — мать пуповины), что, однако, тщательно скрывается.

Ребенка в течение некоторого времени после рождения в колыбель не кладут, а держат на постели матери, прикрытым занавеской. За показ его также берут корымдык. Спустя несколько дней после рождения, когда у ребенка отвалится пуповина, происходит бесик-той — сопровождаемое угощением торжественное положение ребенка в колыбельку (бесик) старшей, наиболее уважаемой женщиной¹⁸. На бесик-тое присутствуют одни женщины, многие с детьми, из мужчин же только кто-нибудь из очень близких, обслуживающий гостей (родители ребенка во время бесик-той в комнату не входят). Той заканчивается раздачей сластей и подарков, причем женщина, положившая ребенка в бесик, получает отрез на платье, а остальные гости — кусочки материи с завязанными в уголке серебряными монетами.

На сороковой день после рождения ребенка устраивается «большой той», на который приглашаются главным образом мужчины.

Имя ребенку дают во время бесик-той или после него. Раньше имя давал обязательно кто-нибудь из стариков, теперь же, вне зависимости от возраста — кто-либо из близких или почетных лиц. Даются большей частью имена, связанные с современной советской действительностью, например: Кызыл-куль (красный цветок); Жемис-куль (цветок победы) — так называли девочку в честь победного возвращения с фронта четырех ее дядей; Бахыт (счастье) назвал ребенка младший брат матери в честь прочитанного им романа Павленко; Амангельды (счастливое прибытие) — имя, данное в связи с возвращением отца ребенка с фронта. Очень распространены имена мальчиков Кенес — совет и девочек Саулё — луч.

Необходимо отметить совершенно исключительную любовь к детям — мальчикам и девочкам безразлично — во всех казахских семьях, особенно со стороны отцов. Дети — это гордость и надежда, их балуют, о них заботятся, как только могут, им стараются предоставить все возможности учиться. Не иметь детей считается позорным. Нередки случаи, когда семьи, не имеющие детей, берут себе приемных. Очень часто в семью берут на время детей родственников или знакомых, и в этих случаях нет никакой разницы в отношении к своим и чужим детям.

В детях, особенно в сыновьях, воспитывается беспредельное уважение к отцу. Слово отца — закон для взрослого сына. Закон этот, однако, нарушается, когда дело идет об общественных интересах, и бывает, что на собрании сын выступает против отца, укоряя его в нерадивости

¹⁸ Следует отметить, что обычай торжественного положения в колыбель, хотя и очень распространенный, постепенно изживается. Так, некоторые колхозницы «Бельбасара» с гордостью заявляли нам, что они «сами положили ребенка в бесик».

по отношению к колхозному добру. К девочкам относятся менее строго, их больше балуют, видимо учитывая необходимость в недалеком будущем расстаться с ними при выходе их замуж.

Молодое поколение, родившееся и воспитывающееся в социалистическую эпоху, с самых ранних лет подвергается воздействию новых условий жизни. Тесно связанные с жизнью колхоза, дети включаются в круг его интересов, с раннего возраста приобретают трудовые навыки в общественном хозяйстве. Показателен в этом отношении колхоз имени Сталина, где дети — мальчики и девочки — уже с 10-летнего возраста начинают принимать участие в колхозном труде: они работают в поле, ездят на сенокосилках, на подвозе сена и уборке его в стога, а также на животноводческих фермах, помогая взрослым в уходе за скотом и т. д.

Все дети колхозников охвачены обязательным школьным обучением. Многие колхозники отправляют своих детей на дальнейшую учебу в город. Впрочем, это касается главным образом мальчиков, что опять же указывает на сохранение традиционного приниженного положения женщины; из девочек, пока не было введено обязательное семилетнее образование, немногие пошли дальше четвертого класса. Школу начинают посещать с 7—8-летнего возраста. Язык преподавания в школе — казахский; русский язык в качестве отдельного предмета до 1949 года начинали преподавать только с четвертого класса, теперь он введен уже в первом классе. Со стороны родителей и детей наблюдается большая тяга к русскому языку, так что нередко дети-казахи обучаются в русской школе.

Уроки на дому готовят в парадной комнате (төр-уй), иногда за обычным столом, большей же частью за низеньким круглым столиком, сидя на кошке. Родители в подавляющем большинстве случаев уделяют большое внимание удовлетворению школьных нужд детей, стараются одеть ребенка в школу как можно лучше, обеспечить его книгами и письменными принадлежностями и т. д. Особенно нарядами одеваются дети в день начала учебного года.

Школа оказывает большое влияние на быт семьи и на культурный рост колхозников. Через детей прививаются культурные навыки во всей семье. В этом направлении систематически проводится разъяснительная работа как на родительских собраниях, так и при посещениях детей учителями на дому. В колхозе имени Сталина учителя ежедневно проводят гигиенический осмотр детей. Дети снабжаются книгами, которыми они зачастую читают семье вслух. Школьники организуют концерты, спектакли самодеятельности, которые являются праздником для всего колхоза. Нередко школа приглашает на свои средства кинопередвижку на сезон которой присутствуют все колхозники.

Учеба взрослых проводится в зимнее время. В колхозах, обучаемых школьными учителями, ведутся занятия по ликвидации неграмотности и малограмотности; занятиями охватываются главным образом колхозники и колхозницы средних лет, ибо молодые за редкими исключениями все грамотные. С октября по апрель ведутся занятия в кружках по изучению истории ВКП(б). Нередко в колхозы приезжают лекторы, докладчики из районных или областных центров.

Среди колхозной молодежи наблюдается большая тяга к высшему образованию. В каждом колхозе имеется по несколько семей, из которых кто-нибудь учится в высшем учебном заведении. Студенты держат постоянную связь с родными колхозами, содействуя повышению культуры. Для характеристики культурного роста колхозников показательно число выходцев из колхозов, пополняющих ряды казахской интеллигенции. Так, из колхоза имени Сталина вышли: 27 учителей, 3 агронома, 2 зоотехника, 1 ветеринарный техник, 1 инженер-железнодорожник. Все они держат тесную связь с родным колхозом, приезжа-

туда в отпуск, некоторые работают у себя же в колхозе или поблизости от него.

Большая работа по повышению культурного уровня колхозников ведется в избах-читальнях, имеющих при каждом аульном совете. Избы-читальни (оку-уй) располагают неплохим комплектом литературы — политической и художественной; там имеется довольно много произведений советских авторов и русских классиков в переводе на казахский язык и в оригинале. Зимой в избе-читальне проводятся читки вслух — заведующей или старшими школьниками. Летом работа изб-читален, естественно, сильно сокращается, ограничиваясь в основном предоставлением желающим газет и выдачей книг на дом. Впрочем, газеты колхозники в довольно большом количестве выписывают сами. Интересно отметить, что тяга к центральным газетам, на русском языке, еще больше, чем к казахским.

В «Бельбасаре» колхозники пользуются книгами и газетами не только в избе-читальне, но и в колхозном красном уголке, также хорошо укомплектованном литературой и периодической печатью и очень уютно обставленном: мягкая мебель, ковры на стенах и на полу, драпировки на окнах — и ко всему тому исключительная чистота в помещении. Летом на полевые станы направляется своего рода филиал красного уголка — колхозная красная юрта, снабженная литературой и газетами на казахском и русском языках, шашками и шахматами, музыкальными инструментами. Юрта по мере надобности переносится с одного стана на другой.

Колхозы посещаются кинопередвижками, иногда и выездными бригадами артистов республиканских или областных театров. Спектакли и концерты даются в колхозных клубах и, хотя происходят поздно вечером, по возвращении колхозников с полевых работ, неизменно привлекают большое число посетителей как мужчин, так и женщин, приходящих даже с маленькими детьми. Исполняются артистами обычно отрывки из опер или драматических пьес, а также отдельные вокальные и музыкальные номера, большей частью казахские и русские народные песни и частушки, неизменно вызывающие огромный восторг у слушателей.

Празднование Первого мая, годовщины Октября, дня Советской Армии, юбилейных дат проходит в современном колхозном ауле с большим подъемом. Праздник начинается торжественным заседанием с докладом и выступлениями представителей партийной организации, комсомольцев, членов женского совета и колхозного актива. Затем происходит премирование лучших работников колхоза. Торжественная часть заканчивается национальными играми и состязаниями: казахша-курёс (национальная борьба), сайыс (попарная борьба верховых), жорга-жарыс (состязание женщин на иноходцах), кыз-гуу (конные состязания группы девушек с группой юношей), джаяу-байге (состязание в беге), колхозной байгой (скачки) и кокпаром (борьба всадников, старающихся вырвать друг у друга тушку козленка)¹⁹. Последние являются любимейшими и очень распространенными видами казахских конных состязаний. В прежнее время байга и кокпар устраивались баями, выставлявшими от себя всадников-джигитов; целью этих состязаний было продемонстрировать богатство и мощь бая и всего его рода. Расходы по их устройству, естественно, перекладывались баем на плечи всех принадлежавших к данному роду.

В настоящее время байга и кокпар, сохранив прежнюю форму, приобрели новое содержание, превратившись в межколхозное состязание в смелости и ловкости всадников, быстроте и выносливости коней. При

¹⁹ В Чуйском районе тушку иногда заранее запрягивают, и участники кокпара должны сперва отыскать ее.

кокпаре группа участвующих из данного колхоза старается передать козленка своему лучшему джигиту, который во весь опор мчится к колхозному поселку, иногда за 20—30 км, не давая всадникам из другого колхоза вырвать у него из рук добычу. Прискакав к своему поселку, всадник сбрасывает тушку на порог чьего-либо дома, хозяин которого должен приготовить из козленка бес-бармак, пригласив на него победителя и других колхозников, чувствующих себя в полной мере участниками этой победы. О результатах кокпара так и говорят: сегодня победа такой-то колхоз.

Однако кокпар и в настоящем его виде содержит много отрицательных моментов, так как он всегда носит крайне неорганизованный характер, всадники, приходя в азарт, скачут, не замечая препятствий, зачастую калечат коней и сами получают тяжелые увечья. Поэтому во многих районах ведется борьба против кокпаров.

Конные состязания и другие виды борьбы, несомненно, способствуют развитию у молодежи ловкости, смелости, находчивости, умения управлять конем и стремления прославить свой колхоз.

Смелость и высокая боевая доблесть колхозников Казахстана, и беззаветная любовь к Родине, в полной мере выявились на фронтах Великой отечественной войны, когда на долю их выпала высокая честь с оружием в руках защищать советскую землю от фашистских захватчиков. Всем известен бессмертный подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев (большая часть которых были казахи), не пощадивших своей жизни в боях на Волоколамском шоссе, чтобы не дать врагу подойти к Москве. Немало других подвигов совершили сыны и дочери казахского народа в годы войны — вспомнить хотя бы Маншук Мамедову, которой было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, и ряд других прославивших свой народ в боях за Родину.

Колхозники «Бельбасара» и колхоза имени Сталина также проявили в эти годы высокую степень советского патриотизма. Не было в колхозе почти ни одной семьи, из которой не ушли бы воины на фронт. Всего из «Бельбасара» участвовало в Великой отечественной войне 150 человек, свыше 40 из них вернулись с наградами за боевые заслуги.

Уехавшие на фронт в своих письмах поощряли оставшихся на новых трудовых подвигах. Так, Тунгатаров Сарсенбай, ныне бригадир 2-й бригады, славящийся в колхозе «Бельбасар» как акын-импровизатор, при отъезде на фронт спел песню — обращение к женщинам и старикам, призывая их заменить ушедших и продолжать поддерживать трудовую славу колхоза. Такого же содержания письмо в стихах он прислал с фронта, прося прочесть его всем колхозникам.

Оставшиеся в колхозе активно помогали фронту как своими трудовыми подвигами, так и подарками бойцам и пожертвованиями на вооружение. Именно в годы войны освоили колхозницы «Бельбасара» трудоемкую культуру свеклы. За 2 первых года войны этот колхоз 4 раза завоевывал переходящее Красное Знамя района. Одновременно в порядке взаимопомощи «Бельбасар» ежегодно снабжал семенами многие колхозы Чуйского района, а также некоторые колхозы Павлодарской, Кустанайской, Алма-Атинской областей. Много лошадей, седельной теплой одежды, муки, мяса, масла дал колхоз фронту. В 1944 г. колхозники собрали большую сумму на постройку танков и самолетов.

Советский патриотизм колхозников Казахстана, беспредельная любовь к социалистической Родине является ярким подтверждением слов товарища Сталина, сказанных им в докладе о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции: «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народу своей советской Родине, братское содружество трудящихся всех национальностей нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются

национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза. Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью. В этом надо видеть основы нерушимой и все более крепнущей дружбы народов Советского Союза»²⁰.

---

²⁰ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ, 1946, стр. 160—161.

Г. А. ПЕЛИСОВ

О ФОЛЬКЛОРНЫХ ОСНОВАХ «СКАЗОК» А. С. ПУШКИНА

I

А. С. Пушкин был первым великим реалистом в мировой литературе XIX века. Революционный демократ Добролюбов писал, что Пушкин произвел открытие действительности.

Где же источник и что породило удивительную силу и глубину пушкинского реализма? В чем заключается основа, на которой Пушкин совершил великое преобразование русской литературы и русского литературного языка?

Пушкин истинное дитя 1812 года. Об этих замечательных годах В. Г. Белинский писал: «Время от 1812 г. до 1815 года было великою эпохою для России. Мы разумеем здесь не только внешнее величие и блеск, какими покрыла себя Россия в эту великую для нее эпоху, но и внутреннее преуспевание в гражданственности и образовании, бывшие результатом этой эпохи. Можно сказать без преувеличения, что Россия больше прожила и дальше шагнула от 1812 года до настоящей минуты, нежели от царствования Петра до 1812 года. С одной стороны, 12 год потрясши всю Россию из конца в конец, пробудил ее спящие силы и открыл в ней новые, дотоле неизвестные источники сил... Кроме того, 12 год нанес сильный удар коснеющей старине... глушь и дичь быстро исчезали вместе с потрясенными остатками старины... В двадцатых годах текущего столетия русская литература... устремилась к самостоятельности: явился Пушкин».

Эти же черты эпохи подчеркивал и декабрист Бестужев: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда народ русский впервые ощутил свою силу, тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии и народной».

События 1812 года, показавшие, какой неисчерпаемой силой обладает русский народ, пробудившие в передовых кругах общества движение за освобождение народа, естественно вызвали живейший интерес к устному поэтическому народному творчеству. Этот интерес захватил и Пушкина. Он был не только восторженным любителем, но и страстным и неутомимым собирателем произведений устной поэзии. Известно, что Пушкин подготавливал материал для издания первого систематизированного научного сборника русских песен. Собиратель народных песен П. Киреевский, современник поэта, оставил в тетради свадебных песен такую заметку:

«Покойный А. С. Пушкин оставил мне 50 номеров песен, которые он с большою точностью записал сам со слов народа, хотя и не обозначил, где именно, вероятно, что он записал их у себя в деревне в Псковской губернии».

Как истинный патриот Пушкин высоко ценил поэзию своего народа, подчеркивал превосходство ее по красоте и силе над европейской поэзией.

«Приступая к изучению нашей словесности,— писал он в «Мыслях на дороге»,— мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники, сравнить их с бездннми поэм, романов, героических, и любовных, и простодушных, и сатирических, коими наводнены Европейские литературы средних веков. В сих первоначальных играх творческого духа нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа... Мы бы увидели разницу между простодушною сатирою французского трувера и лукавой насмешливостью скомороха, между площадной полудуховной мистерией и затеями нашей старой комедии».

Сравнивая русскую и французские литературы, Пушкин противопоставлял именно народную поэзию: «Но есть и у нас свой язык: смелее! — песни, обычаи, история, сказки».

Однако для Пушкина в отличие от официальной «народности» придворных поэтов фольклор не был просто модой.

Для него, певца и вдохновителя дворянских революционеров, народная поэзия раскрывала величие русского национального характера, мощь и гений русского народа, была замечательным образцом правдивого реалистического искусства.

В заметках по вопросу о народности Пушкин писал:

«С некоторого времени у нас вошло в обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствие народности; но никто не думал определить, что разумеет он под этим словом народность. Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории. Другие видят народность в словах, оборотах, выражениях, т. е. радуются тому, что изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения. Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками... Есть образ мыслей и чувствований; есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу. Климат, образ жизни, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается и в поэзии».

Пушкин рассматривает фольклор как основу, на которой выросли все великие создания мировой литературы. Пушкин говорил, что «поэзия существовала прежде появления бессмертных гениев, одаривших человечество великими созданиями. Сии гении шли по дороге, уже проложенной».

Вот почему и сам поэт обращается прежде всего к народной поэзии, которая сыграла огромную роль в развитии его мировоззрения и творчества, которая, следовательно, явилась одной из ведущих основ пушкинского реализма.

Вопрос о месте и той роли, которую сыграл фольклор в развитии творчества Пушкина, к сожалению, изучен очень недостаточно. Он затрагивается в работах, посвященных А. С. Пушкину, либо мимоходом, «в связи», либо в общем плане. Между тем есть настоятельная необходимость в специальном и обширном исследовании этого вопроса.

Настоящая работа делает попытку положить пробный камень в этом направлении. Она будет посвящена генезису и характеру «Сказок» А. С. Пушкина. Эти произведения выбраны потому, что они наиболее показательны для работы Пушкина над овладением богатством устного поэтического творчества народа. В статье о Крылове Пушкин писал:

«Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться».

Вот эти черты русского национального характера и нашли свое наиболее яркое выражение в сказках. Русские народные сказки очаровали Пушкина своей художественной прелестью, своим сочным, образным языком, богатой фантастичностью, а главное полнокровным реалисти-

ческим духом. В них Пушкин видел как бы синтез всех элементов фольклора.

«Что за прелесть эти Сказки! Каждая есть поэма», — писал он в письме к брату. О Сказках особенно следует говорить и потому, что имеющиеся исследования «Сказок» содержат вопиющие искажения существа этих Пушкинских произведений и характера их происхождения.

Они следуют буржуазной космополитической «веселовщине» в литературоведении, которая отрицала национально-самобытную основу Пушкинского творчества и представляла великого русского поэта в роли способного ученика и последователя европейской литературы. Б. Томашевский, например, утверждает в статье «Пушкин и народность», что к фольклору поэт обратился тогда, когда прочитал книгу господина де-Сталь «О Германии», где он и нашел «тезис о народности в литературе»¹.

Из этого же исходит и М. К. Азадовский, правда, с некоторыми вариациями. В статье «Пушкин и фольклор» он пишет: «Взгляды Пушкина на фольклор во многом совпадают с воззрениями той школы, наиболее ярким представителем которой был Фориэль. Пушкину Фориэль был известен, главным образом, в интерпретации Гнедича, впрочем, не исключена возможность и непосредственного знакомства Пушкина с книгой Фориэля»...²

Здесь не де-Сталь, а другой француз выступает в роли наставника Пушкина по фольклору, но сущность одна и та же: стремление доказать, что не героическая борьба русского народа против нашествия Наполеона, раскрывшая перед передовой дворянской молодежью величие русского национального характера, живые родники русской речи — прелесть родных сказаний и песен, т. е. не сама жизнь натолкнула Пушкина на народную поэзию, а книжные иностранные влияния.

В работах, посвященных «Сказкам», М. К. Азадовский, претворяя изложенный выше общий взгляд на фольклоризм Пушкина, настойчиво пытается доказать, что Пушкин при создании своих «Сказок» воспользовался книжными иностранными источниками, а не живой русской народной поэзией. В статье «Источники сказок Пушкина» он так пишет:

«Таким образом, из шести сказок, записанных Пушкиным, только одна («Сказка о попе и работнике его Балде») идет непосредственно из устного творчества, все остальные идут из книг, от книжных и западно-европейских источников»...³

«Сказка о рыбаке и рыбке», по Азадовскому, вообще «выпадает из русской традиции, но всецело примыкает... к традициям западно-европейским»⁴ и заимствована Пушкиным из сборника братьев Гримм. К этому же источнику возводит Азадовский и «Сказку о мертвой царевне». В оценке «Сказки о золотом петушке» он полностью солидаризируется с А. Ахматовой, которая «открыла», что сказку эту Пушкин позаимствовал у Вашингтона Ирвинга. Что же касается «Сказки о царе Салтане», то Азадовский доходит до утверждения, что Пушкин при создании этого произведения лишь частично пользовался фольклорным материалом, на ней лежит печать влияния западноевропейской авантюристической повести.

Подобная «точка зрения» не встретила не только возражение, но и нашла признание ряда пушкиноведов и фольклористов. М. К. Азадовский был объявлен непререкаемым авторитетом по вопросам происхождения

¹ Сборник «Пушкин — родоначальник новой русской литературы». Изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1941.

² «Временник», т. III, Изд. Академии Наук СССР, 1937.

³ «Временник», т. I, Изд. Академии Наук СССР, 1937.

⁴ Там же.

дения пушкинских сказок. Так, проф. Плотников в своей книге «Пушкин и народное творчество»⁵ по вопросу об источниках сказок Пушкина опирается исключительно на «исследования» Азадовского. Например, говоря об источниках «Сказки о царе Салтане», он пишет: «мы имеем очень ценную работу проф. Азадовского..., окончательные выводы проф. Азадовского, достаточно подкрепленные фактическими данными... «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» — лучшая разработка вопроса об источниках этой сказки принадлежит проф. Азадовскому. На основании сличения пушкинской сказки с параллельными сюжетами русских народных сказок, а также с текстом немецкой народной сказки «Белоснежка», проф. Азадовский подходит к заключению, что основным источником пушкинской сказки является только что названная гриммовская сказка...» Вот только по вопросу об источниках «Сказка о рыбаке и рыбке» проф. И. Плотников решается вступить в полемику с Азадовским и делает попытку доказать, что Пушкин использовал не немецкую, а ...шведскую сказку.

На авторитет Азадовского в вопросе об источниках «Сказки о рыбаке и рыбке» ссылается и А. Желанский: «М. К. Азадовский нашел гриммовскую сказку во французском переводе»...⁶

Но книга А. Желанского страдает и другими порочными заключениями. Ей свойственен примитивно-вульгарный социологизм. Исследуя рукописи Пушкина, Желанский делает выводы, что Пушкин шел к смягчению характера расправы Балды над Попом и объясняет это дворянской идеологией Пушкина. Принадлежность к 600-летнему дворянству заставила будто бы Пушкина в сказке о Медведихе при характеристике волка-дворянина вместо «лапы-загребистые», как было в первой редакции, написать «завистливые глаза». Желанский так и пишет, что «дворянин Пушкин смягчает признак хищнических наклонностей дворянина»⁷.

Следует заметить, что Желанский вообще обнаруживает непонимание русского фольклора.

Анализируя типы сказочных работников — предков Балды, он делит их на следующие категории: смирные, борцы-педагоги (!), борцы неприимимые. Работники — борцы-педагоги, оказывается, занимаются перевоспитанием в духе добродетели скаредных попов и купцов.

Дикую несурязицу несет Е. Аничков в работе, специально посвященной исследованию происхождения «Сказки о царе Салтане». Оказывается, самым древним источником пушкинской сказки является миф о Персее, начало же взято Пушкиным из «Тысячи и одной ночи» во французском переводе Галлана. Далее Пушкин использует кавказский, татарский фольклор. Наконец, Пушкину попалась книга английского поэта Чосера, где он неожиданно открыл свою сказку. И уже тогда он закончил «Сказку о царе Салтане» по образу и подобию английскому. Поистине смешались кони, люди! Назвать Пушкина эпигонствующим эклектиком — гнуснее придумать, кажется, невозможно!

Есть несколько исследований, которые на значительном и убедительном материале раскрывают работу Пушкина над освоением русской народной поэзии. Таковы статьи проф. Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова, М. А. Шнеерсона⁸.

Но вот что удивительно: эти авторы в заключении делают выводы, прямо противоположные всему, что ими до этого доказывалось, выводы

⁵ И. Плотников, Пушкин и народное творчество, Воронеж, 1937.

⁶ А. Желанский, «Сказки в народном стиле», Гослитиздат, 1936.

⁷ Там же.

⁸ Н. П. Андреев, Пушкин и народное творчество. «Ученые записки Ленинградского пед. института им. Герцена». XIV, 1938; Ю. М. Соколов, Пушкин и народное творчество, «Литературный критик», 1937, № 1; М. А. Шнеерсон, Фольклорный стиль в сказках Пушкина, «Ученые записки Ленинградского университета», 1939.

об иностранных заимствованиях. «Черпая сюжеты для своих сказок сборника братьев Гримм, из «Тысячи и одной ночи», из русской сказочной традиции, Пушкин отбирает те сюжеты, которые имеют варианты в международном фольклоре — с одной стороны, у которых есть параллели среди русских сказок — с другой» (М. А. Шнейерсон). «Создавая свои сказки, глубоко народные и в значительной мере опирающиеся на материал народной словесности, Пушкин вместе с тем обогащает сказки материалом народного творчества немецкого» (Н. П. Андреев). «Брал ли Пушкин сюжеты из русских сказок или из западной поэзии, созданные им сказки могут считаться подлинными народными русскими сказками. Беря порою сюжет из народного творчества других стран, Пушкин создавал на его основе совершенно новые произведения» (Ю. Соколов).

Порочная идея заимствования, оказавшаяся, таким образом, весьма устойчивой, перекечевала в учебники и, к сожалению, продолжает прививать учащейся молодежи искаженный взгляд на характер пушкинского творчества.

В учебнике для вузов «Русская литература XIX века» А. Г. Цейтлин пишет: «В своих сказках Пушкин использовал ряд европейских исторических типов».

В учебнике по русской литературе для педагогических училищ А. А. Зерчанинова и Н. Л. Парфиридова под редакцией Н. Л. Бродского, изданном в 1948 г. мы читаем: «Сказка о рыбаке и рыбке» — сатирическая сказка. Тема ее — обличение жадности и глупости, центральный образ — сварливая старуха. Подобный сюжет имеется в сборнике бр. Гримм, но Пушкин обработал его в чисто русском народном духе».

Выводы и аргументация М. К. Азадовского и его последователей ложны в своей основе, абсолютно бездоказательны и легко опровержимы.

Где доказательства того, что Пушкин использовал именно гриммовский сборник и Вашингтона Ирвинга?

Известно, что Пушкин не знал немецкого языка. Правда, Азадовский это обстоятельство не смущает. Знакомство поэта с сказками Гримма, утверждает Азадовский, «могло быть осуществлено через Жуковского, во-первых, и по французскому переводу немецких сказок, который имелся в библиотеке Пушкина, во-вторых».

Однако «могло быть» вряд ли можно принять за серьезное научное доказательство. Не выдерживает критики и второй аргумент. Как указывает сам Азадовский, французский сборник вышел в свет в 1830 г. Между тем Пушкин еще в 1822 году делает первые наброски «Сказки о царе Салтане».

Таким образом, знание Пушкиным гриммовского сборника предположительно и ни чем не доказывается, тогда как для доказательства использования Пушкиным именно русских сказок имеются и записанные сказки и убедительные свидетельства самого поэта, что эти сказки он слышал от Арины Родионовны, а не конспектировал книжные источники, и, кроме того, соответствие сюжетов «Сказок» Пушкина сказкам русского народа, зафиксированным в многочисленных сборниках.

Русская традиция «Сказки о царе Салтане» доказывается не только тем, что сюжет ее имеется в михайловских и кишиневских записках Пушкина, но и тем, что этот сюжет принадлежит к самым распространенным и популярным русским сказкам. Ю. М. Соколов ставит его по степени популярности на пятое место после сказок «О трех царствах», «Чудесном богатстве», «Ивашке и ведьме», «Волшебном золотом кольце». В сборнике А. Н. Афанасьева сюжет представлен, как сказка «По колено ноги в золоте, по локоть руки в серебре» (№ 283—287). К этому же сюжету примыкает и сказка афанасьевского сборника «К

сручка» (№ 279—282). Мотив оклеветанной жены вообще довольно распространен в русских сказках. В качестве примера можно указать сказку «Арысь-поле» из сборника Афанасьева.

Столь же богато представлен среди русских сказок и сюжет «Мертвой царевны». По указателю Андреева он зарегистрирован в количестве 30 номеров. Неверно утверждение Азадовского, что мотив зависти отсутствует в русских сказках. В сказке «Волшебное зеркальце» (Афанасьев, № 211—121) говорится:

«В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любитесь своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!» А зеркальце в ответ: «Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живет у двух богатых в дремучем лесу — та еще прекраснее!» Не полюбились эти речи матеке, тотчас позвала к себе злую старушку: «На, говорит — тебе колечко, ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живет моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: «братец на память прислал!»

Сюжет сказки «О рыбаке и рыбке» был записан Далем, который и сообщил ее Пушкину, а впоследствии передал Афанасьеву.

Это признает и Азадовский, который в комментариях к сказкам в академическом собрании сочинений А. С. Пушкина писал: «Исключением является сказка, приведенная Афанасьевым (№ 39), имеющая то же заглавие и взятая очевидно, из сборника Даля». Правда, через несколько строк Азадовский говорит: «Сказка афанасьевского сборника является не чем иным, как прозаическим пересказом пушкинской сказки, вошедшей через книгу в крестьянскую среду и там записанной».

Такое предположение более чем сомнительно. В народном творчестве есть произведения очень близкие пушкинской сказке и нет никаких оснований предполагать, что вариант Даля не фольклорного происхождения.

В сборнике Афанасьева есть и другой вариант этой сказки под названием «Жадная старуха» (№ 40), где роль рыбки исполняет чудесное дерево. Однако персонаж рыбки, выступающей в роли чудесной помощницы, очень характерен для русских волшебных сказок. Она стоит в ряду героев животных, помогающих основному герою: сивки-бурки, золотогривого и золотокопытого коня, щуки («По шучьему веленью»), «свинки — золотой щетинки», рыбы из ручейка, осы из осинового гнезда, серого волка, орла, ворона и т. д. Так, например, в сказке «Золотой башмачек» (Афанасьев, № 292—162) рыбка последовательно помогает и исполняет желания младшей дочери старухи.

Нет никакого сомнения, что Пушкину, блестящему знатоку народного творчества, были известны не только сюжеты, имеющие прямое отношение к его сказкам, но и их вариации и многие другие мотивы, которые он использовал при создании сказок.

Нелепо предполагать, что Пушкин, знавший русские сказки не по книжным источникам, а из уст самого народа, любивший их, восторженно отзывавшийся о них, предпочел им неизвестные или слабо известные ему иностранные сборники.

Причина хождения порочного толкования об иностранных источниках сказок заключается в том, что исследование сказок ведется с формалистической платформы. «Изыскания» Азадовского целиком построены на текстологических сопоставлениях сюжетов и мотивов. Так о «Сказке о рыбаке и рыбке» Азадовский пишет: «Среди известных русских сказок нет сказки, вполне соответствующей пушкинскому тексту, ни в одной русской сказке нет упоминаний ни о золотой рыбке, ни о какой либо вообще рыбке».

Исследователей «Сказки о мертвой царевне» Азадовский прямо упрекает, что они «не дали себе труда вчитаться и вдуматься в детали» и не нашли, что мотив зависти и мотив рождения дочери, имеющиеся у Пушкина, отсутствуют в русских сказках. А если все эти «детали» и

«мотивы» имеются в сборнике бр. Гримм, то, ясно, Пушкин использовал именно этот сборник!

И. Плотников и А. Желанский с немалым усердием занялись скрупулезными текстологическими сопоставлениями и анализами, совершенно забывая об идейном содержании «Сказок» Пушкина и народных сказок. К чему приводит подобное копание в «деталих» и «мотивах»? К тому, что пушкинские «Сказки» по сути ставятся вровень с произведениями официальной, дворянской «народности», лишь стилизованными под фольклор. В самом деле, подобным же образом с успехом можно анализировать и «Сказки» Жуковского и «Песни» Дельвига. В чем тогда величие и своеобразие «Сказок» А. С. Пушкина?

Совершенно ясно, исследования «Сказок» Пушкина типа работ Азаровского должны быть решительно отвергнуты, как противоречащие марксистскому литературоведению, как формалистические, проникнутые духом низкопоклонства, клеветничества, исключают национально-самобытную основу творчества великого русского поэта и как не имеющие под собой никакой серьезной научной базы.

II

Истинный ключ для правильного понимания фольклорного характера «Сказок» А. С. Пушкина мы найдем в замечательных высказываниях В. Г. Белинского и А. М. Горького.

Правда, в статьях о Пушкине Белинский отрицательно отзывался о его сказках, назвав их «плодом довольно ложного стремления к народности». Но здесь следует иметь в виду, что в это время великий критик-демократ вел борьбу с реакционной официальной «народностью», псевдонародностью дворянских писателей, готовых в любой момент назвать «народным произведением» всякую пьесу, в которой действуют мужики и бабы, бородатые купцы и мещане или в которой действующие лица пересыпают свой незатейливый разговор русскими пословицами и поговорками...»

Для Белинского подлинная народность заключается «не в описании сарафана, а в самом духе народа». Народность творчества писателя означает прежде всего необходимость «быть верным действительности». Вот почему Белинский сурово и беспощадно разоблачает всякую попытку подменить глубокое изображение российской действительности поверхностным описанием простонародной жизни. В этом отношении он был несправедлив к Пушкину, считая, что в сказках великий поэт делает отступление от присущего ему реализма в угоду модной народности.

Однако ясно, Пушкин коренным образом отличался от дворянских стилизаторов под народную поэзию. Разница между ними и Пушкиным была ясна еще их современникам и даже тем, кому пушкинское направление в поэзии было чуждо.

Современник Пушкина Комовский в письме к Н. Языкову писал: «Жуковский, как сказочник, обрелся и приделся на новый лад. Пушкин — в бороде и армяке».

Баратынский критиковал «Сказку о царе Салтане» за то, что «совершенно русская сказка, и в этом мне кажется, ее недостаток... Которое далеко от этого подражания русским песням Дельвига».

Понятна была эта разница и Белинскому. Великий критик при отнесении народности литературы подчеркивал творческое начало, необходимость для писателя, став «полным властелином» народности, создавать новое «гармоническое» произведение, иначе ему грозит опасность «простонародности», упрощения и вульгаризации. Вот это творческое начало отмечает Белинский и у Пушкина в той же статье, в которой отрицательно отзывался о сказках. Белинский выделяет «Сказку

рыбаке и рыбке», в которой «народу принадлежит только ее мысль, но выражение, рассказ, стих, самый колорит — все принадлежит поэту».

На эту черту указывает Белинский и в статье о Кольцове, где уже содержится высокая оценка пушкинских произведений, исполненных в народном стиле: «Русские песни мог создать только русский человек, сын народа... В пьесах Пушкина, содержание которых взято из народной жизни и выражено в народной форме, видна душа глубоко-русская, но, в то же время, видна и та художественная объективность, которая делала для Пушкина возможным быть у себя дома во всех сферах жизни, даже самых противоположных друг другу, и благодаря которой он в «Каменном госте» изобразил природу и нравы Испании с такою же поразительной верностью, как в «Русалке» изобразил природу и нравы Руси времен уделов».

Мысль великого критика о творческом использовании фольклора Пушкиным подтверждает и развивает А. М. Горький. Он писал, что Пушкин «украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменным их смысл и силу. Возьмите сказку «О попе и работнике его Балде», «О золотом петушке», «О царе Салтане» и т. д. Во всех этих сказках насмешливое отрицательное отношение народа к полам и царям — Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив, оттенил еще более резко».

В свете этих исключительных по глубине высказываний ясна неслучайность сопоставлений сюжетных схем, мотивов и имен при анализе сказок Пушкина. Они не являются только обработкой каких-то определенных сказочных сюжетов, они явились результатом глубокого освоения всего богатства народной поэзии, гениального проникновения в смысл, содержание, дух народного творчества.

Поэтические создания народа были той живительной основой, на которой Пушкин и свершал свои великие преобразования русской литературы и русского литературного языка. Гармонический синтез лучших литературных традиций и сочного, ярко-образного реализма народной поэзии и явили миру новую русскую литературу.

Почти на протяжении всей жизни Пушкин неустанно трудился над овладением фольклором. Уже о первом своем большом произведении — поэме «Руслан и Людмила» — Пушкин мог с полным правом сказать словами своего стихотворного вступления ко второму изданию поэмы: «Ам русский дух, там Русью пахнет!»

Некий реакционный критик, скрывшийся под псевдонимом «Житель Бутырской слободы», в «Вестнике Европы» в 1820 г. писал по поводу этой поэмы:

«Извольте же заглянуть в 15 и 16 №№ «Сына отечества». Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей «Людмила и Руслан»... Не знаю, что будет содержать целая поэма, но образчик хоть кого выведет из терпения.

Пиит оживляет «мужичка сам ноготь, а борода с локоть», придает ему бесконечные усы, показывает нам ведьму, шапку-невидимку и проч. Но вот всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которой лежит меч-кладенец; голова с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как все это бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же услышать от поэтов нынешнего времени.

Для большей точности или, чтобы лучше выразить всю прелесть старинного нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

...Шутите вы со мною,
Всех удавлю вас бороδοю!

Каково?

Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова!

Далее чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот что говорит рыцарь,

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!

...Извольте спросить: если бы в Московское Благородное общество как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с родю, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здравствуйте, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться!»

Хотя цитата и длинна, и тон ее презрительно-озлобленный, но «Бутырский критик» против воли своей довольно верно изобразил характер поэмы. Действительно, Пушкин этой поэмой «зычным» голосом возвестил о приходе в литературу народа со всем богатством его устного поэтического творчества. Поэма «Руслан и Людмила» — только началом, пробой в длинном и упорном процессе освоения фольклором.

Эта линия развивается им дальше в балладе «Жених», о которой В. Г. Белинский писал, что она и со стороны формы и со стороны содержания насквозь проникнута русским духом, и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать: «Там русский дух, там Русью пахнет».

В «Женихе» Пушкин шире использует фольклорные образы и средства: постоянные эпитеты — у тесовых у ворот, гости честные, не красная, девица-краса; народные выражения: «век вековать, диву даваться», «током слезы точит», образы обрядовой свадебной поэзии.

Вместе с тем, в целом баллада является литературным произведением. Для нее характерны метрическая структура, строфическое построение, правильно чередующаяся перекрестная рифма, задний план, то, что не свойственно фольклорным произведениям.

Пробует Пушкин и другой путь. В неоконченной сказке о Медведице он точно имитирует фольклорный стиль. Литературные приемы совершенно отсутствуют. Язык воспроизводит народную речь — просторечие и по синтаксису: промез, обниматися, боротися, отколь, кать, осержалася, запечалился, ходити, не игрывати, «как веселой порою, из-под утренней белой зорюшки, что из лесу, из лесу дремучего...» (здесь союз «что» сочинительный).

Употребляется большое число уменьшительных ласкательных форм: зорюшки, детушек, медвежатюшек, скоморох-горностаюшка. Эпителика, сравнения также фольклорного характера: белой зорюшки, сыру землю, «не звоны пошли по городу, пошли вести по всему по лесу». Стихотворение приближается к былинному стиху, рифма, как и в былинах, встречается лишь случайно, причем характер ее также фольклорный: ассонаты — выдам, закусливые, завистливые.

Однако Пушкин в дальнейшем отказывается от простого подражания фольклорным образцам.

Пламенный патриот-поэт горячо любил свой народ — мудрый, талантливый, свободолюбивый. Эти качества русского народа нашли яркое отражение в устных поэтических созданиях. Пушкин, по праву считавший свой «неподкупный голос» «эхом русского народа», в сказках стремился прежде всего передать дух, смысл, идейное содержание именно народной поэзии, утвердить право выразительных средств фольклора быть литературными, украсить народную поэзию «блеском сво-

«Салтанта» и на этой основе создать произведения нового качества, достойные великого народа.

«Сказка о царе Салтане», «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», «Сказка о рыбаке и рыбке» по общему своему характеру являются волшебными.

Ведущая тема русских волшебных сказок — борьба добра со злом, справедливости с несправедливостью, света с тьмой. Это составляет основное содержание первых двух сказок.

Злобная и сварливая повариха, ткачиха и сватья баба Бабариха, мачеха-мачеха и чернавка олицетворяют собой мир зла и несправедливости. Им противостоят отважный и великодушный Гвидон, его мать, царевна-лебедь, воплощение добра, красоты и молодости, добродушные богатыри, кроткий светлый образ царевны и ее преданного жениха королевича Елисея.

А. М. Горький в докладе на I-м съезде советских писателей говорил, что «фольклору совершенно чужд пессимизм... коллективу как бы свойственно сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными силами».

В сказках Пушкина мужественная борьба положительных героев со злом и несправедливостью венчается успехом, победой, а ткачиха, повариха, сватья баба Бабариха и злая цариха, пытавшаяся погубить свою падчерицу, несут суровую и заслуженную кару. Сказки Пушкина нередко праздничны, солнечны, исполнены глубочайшего оптимизма, веры в народ, его силу и разум. В эпоху мрачной николаевской реакции они поднимали дух, пробуждали веру в лучшее будущее. В наше время сказки помогают воспитывать в детях лучшие человеческие качества.

Для русских народных сказок характерно или ироническое или отрицательное изображение царей. Так, в сказке «Вещий сон» (Афанасьев, № 240) Иван-царевич изображен беспомощным, бессильным разрезать загадки Елены прекрасной. Это за него делает Иван — купеческий сын. В сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» с тонкой насмешкой говорится о том, как царь из-за глупого любопытства едва не лишился содержимого чудесного сундука, а из-за слишком высокого самомнения лишился сына.

Пушкин эту отрицательную характеристику царствующих особ «отрицал еще более резко», что выражало и собственный взгляд поэта на самодержавие. Царь Салтан, внешне добродушный, на самом деле бесприличный, безвольный, глупый. Он легко позволяет водить себя за нос завистливым сестрам ткачихе, поварихе и злобной бабе Бабарихе. Какой тонкой и в то же время острой иронией звучат хотя бы такие строки:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает

И как раз их унимает:
«Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!» — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» социальная заостренность выступает сильнее и явственнее. Здесь обличается не только жадность как нравственный порок, но раскрывается и социальное зло.

Ю. М. Соколов пишет о народных сказках, изображающих отношение мужика к барину:

«Вековая крепостная зависимость мужика от барина выработала в крестьянстве резкое чувство классовой вражды: каждая сказка на эту тему является выражением протеста против бар, ненависти и презрения к ним».

Следующие строки из пушкинской сказки могут служить прекрасной иллюстрацией к этой характеристике русских народных сказок о мужике и барине:

Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Осердилася пуще старуха.
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со
Со мною, дворянкой столбовою?»

Здесь зафиксирована русская душа крестьянина, его глубокая ненависть к несправедливости и угнетению, здесь Пушкин, как и в других своих произведениях обличает «барство дикое, без чувства закона».

В. Г. Белинский в знаменитом письме к Гоголю указывал на исключительно отрицательное отношение народа к духовенству: «Про русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попу дочку и попова работника. Кого русский народ называет: д породе, брюхаты жеребцы? Попов... Не есть ли поп на Руси для русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, стыдства?»

Русские сказки обличают в духовенстве сластолюбие, завистливое мелкое недоброжелательство, пьянство, хвастовство и особенно жадность, скупость, требование «приношений», стремление максимально эксплуатировать батрака-работника и как можно меньше оплачивать труд. Сказочные сюжеты с такими названиями, как «Жадный поп», «Поп работника морил», «Девушка попа пристыдила», «Завистливый поп» и Николай Чудотворец и другие, особенно популярны в народе.

Пушкин не только удивительно точно передал в своей «Сказке о попе и работнике его Балде» эту ненависть народа к духовенству, но и настолько резко усилил социальную направленность, что сказка в дореволюционной России не было возможности напечатать в полном виде. Долгие годы она ходила как «Сказка о купце Остолопе и его работнике Балде».

Делегатка VIII Чрезвычайного съезда Советов, доярка колхоза «Октябрьская революция» Донецкой области Пелагея Зинченко в своем выступлении прекрасно раскрыла социальный смысл сказки.

«Есть у Пушкина сказка «О попе и о работнике его Балде». В ней рассказывается, как поп искал себе работника подешевле и как голый поп заплатил за свою жадность».

Я думаю, что в этой сказке Пушкин хотел не только посмеяться над жадностью попов, но и показать, что богатым придется расплачиваться за свое дармоедство».

К этому высказыванию трудно что-либо прибавить: так верно, так глубоко здесь вскрыто идейное содержание сказки. И разве не в этой связи эта сказка с эпиграммой на Фотия, с «Гаврилиадой» и другими Пушкинскими произведениями, направленными против духовенства и церкви?

Народ создал в своих сказках героя-победителя. Это главным образом мужик, большей частью бедняк, работник, солдат, бурлак, шечник, пастух, простая деревенская женщина или девушка.

В их характерах отразилось чувство собственного достоинства, сознание народом своего превосходства над правящими классами.

Герои всегда оказываются хитрее, умнее, сильнее барина, генерала, попа, купца, царя. Одна из этих сказок, например, так и называется «Как мужик господ в дураках оставил».

Пушкин подчеркнул и эту черту русских народных сказок. Его задача обнаруживает исключительную сообразительность, ловкость, смекалку и любовь к труду. В его умелых руках все играет:

Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла все у него пляшет,

Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, все заготовит, закупит,
Яничко испечет да сам и облупит.

Анализ идейного содержания «Сказок» убеждает нас в том, что эти произведения Пушкиным созданы не для того, чтобы щегольнуть «народностью». Было бы серьезной ошибкой рассматривать «Сказки» только как произведения, исполненные в фольклорном стиле. Они правдиво отражают сознание, образ мыслей народа, его отношение к общественному устройству и своему социальному положению, продолжают линию обличения поэтом общественного зла и пороков, выражают неугасимую веру поэта в народ и, следовательно, раскрывают истоки оптимизма поэзии Пушкина. «Сказки» являются важным звеном в общем реалистическом направлении пушкинского творчества. Сила реализма обусловливается глубоким проникновением в существо народного творчества, народного характера и народных интересов.

Все это определило художественные особенности «Сказок», которые так же очень далеки от стилизации под фольклор, как и их содержание. Народность содержания раскрывается творчески использованными народными художественными изобразительными средствами.

Прав С. Маршак, когда говорит, что в «Сказках» художественные средства, которыми пользуется поэт, еще лаконичнее и строже, чем в «Онегине», «Полтаве» и в лирических стихах. Такого поэтического совершенства Пушкин достигает очень тонким, вдумчивым использованием точного, выразительного, меткого языка, лаконичных и строгих, но вместе с тем ярких и красочных изобразительных средств народной поэзии, умелым сочетанием с мастерскими литературными приемами.

Сказки были школой овладения Пушкиным народным языком, так как «Языку нашему нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке».

Пушкин не засоряет «Сказки» просторечиями. Основной массив «Сказок» состоит из выражений и слов общих, как для народной, так и литературной речи. Есть в «Сказках» и специфически народные слова, обороты и выражения, причем опять-таки не диалектизмы, а общерусские.

В «Сказке о царе Салтане»: позадь забора; во все время разговора; пир честной; с той же ночи понесла; в те поры война была; неведому зверушку; окиян; гульлива; это горе — все не горе; лебедь-птица; на знакомом острову; опечалился чему?; комаром оборотился; чудо-чудное; грусть-тоска; свет о белке правду бает; при честном при всем народе; строгий счет орехам вест; изоб нет — везде палаты; усмехнувшись исподтиха; и наказом наказала; вот уж! Пожди немножко, отсель; до-селе не собрался; жонка; громогласно, возопил; крылами.

В сказке «О мертвой царевне»: В путь-дорогу снарядился; инда очи; глядючи; белешенька; издалеча; молвить; уж и впрямь; ломлива; тужит; мне ровной нет; спознали; не прекословит; не перечат; всем во-прос его мудрен; насторож; ветер дале побежал.

Употребление ласкательных уменьшительных суффиксов: тяжеле-шенько, зеркальце, ручек, каблучком, старушонка.

«Сказка о рыбаке и рыбке»: молвит, забранила, дурачина ты, про-стофиля; кликать; с дубовыми, тесовыми вороты; сдурилась; чай, теперь твоя душенька довольна; что ты, баба, белены объелась; пряником печатным, взамен, перечить.

В «Сказке о попе и работнике его Балде» просторечий несколько больше.

Эти особенности народной речи помогали поэту наиболее точно и вместе с тем ярко выразить мысли, настроения или черты характера. Так, уменьшительный суффикс, очень характерный для народной поэзии, в выражении «Тяжелешенько вздохнула» особенно рельефно передал душевное состояние героини.

В рукописи «Сказки о рыбаке и рыбке» сначала было записано: «Глупый ты, старик, неразумный». Однако эта фраза явно смягчает сварливый характер старухи и Пушкин заменяет ее другой фразой: «Дурачина ты, простофиля».

В рукописи «Сказки о мертвой царевне» было написано: «Спорно ли с бабой гневной». Пушкин усиливает эту фразу народными словами: «Чорт ли сладит с бабой гневной», но там, где в этом необходимости не было, Пушкин употреблял обычные литературные выражения. Так, в рукописи «Сказки о мертвой царевне» фраза «Белы руки опустились, скоры ноги подкосились» в окончательной редакции была заменена более литературной: «Белы руки опустились, плод румяный урони».

Фраза пушкинских сказок всегда простая, ясная, без всяких лишнего украшений. Эпитеты в большинстве случаев фольклорные, отличающиеся удивительной сочностью, точностью и простотой: красная девица, честные гости; горькая вдовица; сладки речи; белы груди; месяц ясный; ветер буйный и т. д. Одним и тем же постоянным эпитетом Пушкин умеет создать замечательно образную картину.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут.

Всего две строчки, один эпитет, дважды повторенный, но сразу же воображению рисуется огромное синее, синее бездонное небо и такое же синее, синее безбрежное море.

Однако Пушкин не довольствуется использованием фольклорных изобразительных средств. Он усиливает их выразительность литературными эпитетами и метафорами: во мгле печальной; в безмолвии чудном; в лазоревой дали; сердитые волны; в шумном беге; лишь едва трепещет и т. д. В фольклоре речка обычно быстрая, а Пушкин пишет: «Там за речкой тихоструйной». Литературный эпитет здесь был уместен, ибо он создает в этой строке тон печали и грусти.

В произведениях народной поэзии образы героев рисуются не столько странным описанием их внешнего облика, а самим действием, раскрывающим внутренний мир персонажа.

Лишь иногда употребляется портретная характеристика. Она все немногословна, скупа, две-три фразы, но такие меткие, выпуклые, сразу создают представление о герое. Пушкин доводит эту художественную особенность фольклора до гениального совершенства. В этом отношении нельзя признать правильным точку зрения М. А. Шнейерсона, Пушкин в «Сказках», в отличие от народных сказок, применяет литературный прием автохарактеристики и создает портреты героев.

Пушкин рисует живой, зримый образ персонажа, почти не прибегая к специальным портретным приемам изображения. Вот как, например, Пушкин создает образ ткачихи, поварихи, сватьи бабы Бабарихи. Это

В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.

вызывают в воображении представление сухих, черствых черт героини. Это усиливается и развивается следующими стихами:

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обождать его велят.

Сначала ткачиха, повариха и Бабариха сидят около царя «и в глаза ему глядят», а во второе посещение Гвидона они.

Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.

Окривели повариха и ткачиха и вот они

Около царя сидят —
Четырмя все три глядят.

Если добавить ко всему этому волдырь, вскочивший после укуса царевича на носу Бабарихи, то портрет запечных, отвратительных существ, воплощающих мир тьмы и зла, готов. Нетрудно заметить, что он создается одними глаголами: злится, завидуют, извести, обобрать, глядят, окривела, вскочил волдырь. Глаголами же рисует Пушкин образ царевны-лебеди:

Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит...

Однако глаголы здесь уже иные: блестит, горит, журчит, — вызывают представление светлого, яркого, нежного.

Чисто портретная характеристика применяется Пушкиным только в «Сказке о мертвой царевне». Но и здесь он не выходит за рамки фольклора: так же просто и строго описывается царица-мачеха

Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела...

Но царевна молодая
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого.

Большую роль в характеристике действующих лиц в сказках Пушкина играет ритм.

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться, подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Ритм этих стихов как нельзя лучше раскрывает самовлюбленный характер царицы-мачехи.

Сказки «О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке» написаны четырехстопным хореом. Этот размер в основном народен; вот почему ритмика сказок близка к песенной ритмике.

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.

(Сказка о царе Салтане)

Отлетела лебедь белая
Что от стада лебединого,
Приставала лебедь белая,
Что ко стаду гусей серых.

(Народная песня)

Ты, царевич, мой спаситель.
Мой могучий избавитель.

(Сказка о царе Салтане)

Ты садись ко, добрый молодец,
Поплотнее со мной рядышком.

(Народная песня)

Сильно напоминают песенные мотивы и такие строки из «Мертвой царевны»:

Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченый рожок!

Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч...

Народный размер усложняется правильно чередующимися мужскими и женскими окончаниями и парной рифмовкой. Однако характерный рифм в основном фольклорен. Пушкин употребляет большое число голых рифм, которые придают стиху действенность, стремительность, бодрость: гуляет — подгоняет, дивятся — толпятся, палат — велят и т.

Сказки «О рыбаке и рыбке», «О попе и работнике его Балде» написаны белым стихом.

В народных сказках композиция обычно усложняется добавочными эпизодами. Они имеются и в записях сказок, сделанных Пушкиным. Композиция же сказок Пушкина необычайно проста, в них действие разворачивается только вокруг одного конфликта. Это придает сказкам большую целеустремленность, заключенная в них мораль и социальная идея раскрываются полнее и глубже. Композиция «Сказки о попе и работнике его Балде» строится на диалоге, что очень характерно для народных сатирико-новеллистических сказок.

Выше уже говорилось об использовании Пушкиным в «Сказках» песенной ритмики, песенных мотивов и других стилизованных приемов, которые имеют общее применение в разнообразных фольклорных жанрах. Можно еще привести примеры того, что Пушкин при создании сказок использовал материал различных жанров фольклора, а не только специфически сказочный. Так, в сказках встречаются пословицы: «Жена не рукавица с белой ручки не страхнешь, да за пояс не заткнешь»; «Спрос не грех», «Чорт ли сладит с бабой гневной», «Ум у бабы догадлив, на всякого хитроуми повадлив». В «Сказке о мертвой царевне» есть черты свадебной поэзии и обряда.

Сказывается в этих пушкинских произведениях и влияние былины, особенно в «Сказке о царе Салтане» и «Сказке о мертвой царевне». Таков, например, былинный прием троичности, создающий замедленность действия, плавную эпичность повествования.

Таким образом, Пушкин широко использует стиль русской народной поэзии, обогащает его литературными приемами, но такими, которые по природе своей не чужды народному творчеству.

Синтез фольклорного и литературного стиля дает новые качества, обогащает литературу. «Сказка о золотом петушке» не имеет сюжетного соответствия в русских народных сказках. Это в сущности яркая социальная сатира на самодержавие в форме сказки. И вместе с тем она вся дышит тем же русским духом и очарованием народной поэзии. Чтобы лучше раскрыть орлиную широту натуры Пугачева, считающего, что миг вольной и яркой жизни лучше многих лет прозябания, Пушкин вкладывает в его уста народную сказку «Об орле и вороне». И такими примерами из пушкинских произведений можно привести немало.

Совершенно ясно, что «Сказки» А. С. Пушкина и с точки зрения идейного содержания, и с точки зрения художественной формы являются результатом творческого освоения великим русским поэтом устного поэтического наследия своего народа, что явилось и одной из основ народности всего творчества Пушкина.

Н. И. ЛЕБЕДЕВА и Н. П. МИЛОНОВ

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

*(По документам Рязанского областного архива и Научного архива
Рязанского краеведческого музея)*

Изучение планов селений, размещение жилых и сельскохозяйственных построек, их взаимная связь, их связь с топографическими условиями, социально-экономической жизнью населения — все эти вопросы давно побуждали поставить комплексное и сравнительное изучение поселений перед археологами, этнографами и историками русской деревни. Но этой теме менее посчастливилось, чем другим.

Начиная изучение планов поселений русских, народа, прошедшего долгую и сложную историю, этнограф и историк наталкивались на ряд затруднений, например, на трудность охватить и осмыслить подчас сложный план большого селения, невозможность произвести в каждом отдельном случае топографическую съемку, готовые же планы XVIII—XIX вв., эти ценнейшие документальные материалы, найденные нами в рязанских архивах, еще не были известны. Этнограф, изучающий селения в XX в., в Рязанской области при полевой работе имел лишь дело с селениями в таком виде, какими их сделала перепланировка XIX в. Они отражали основные особенности социально-экономической структуры деревни после реформы 1861 г. Правда, на них остались черты старого плана (круговые площади, остатки радиального расположения улиц, размещение отдельных частей селения по буграм), но они были уже так затушеваны перепланировкой, что едва улавливались.

Первый указ о перестройке селений в связи со строительным уставом был издан в 1722 г. В 1773—1774 гг. проводилось генеральное межевание помещичьих земель, перепланировка городов (перепланирована была и Рязань). Перепланировка селений в Рязанской области началась в 1830—1840-х гг. в селах казенных и коннозаводских крестьян, а после реформы 1861 г. в селениях помещичьих крестьян. Согласно строительному уставу, проведены были параллельные и перпендикулярные улицы, прожоги (переулки), широкие дороги, нарезаны были усадьбные места для дворов, хозяйственных построек и риг, огороды, конопляники. Заглянуть в глубь веков, проследить историю села при этих условиях было трудно.

Итак, за отсутствием материала, эта интереснейшая тема оставалась в стороне.

В 1949 г. авторами настоящей статьи найден в Рязанском областном краеведческом музее (инв. № 1382) архив умершего санитарного врача П. Ф. Кудрявцева, который, сначала по заданиям Рязанского губернского земства, а потом облздравотдела, в течение многих лет собирал материал по вопросам снабжения населения питьевой водой. Он рассылал анкеты с просьбой вместе с ними по заполнении присылать планы селений — топографические и схематические. С 1917 г. планы селений, составленные межевой канцелярией Рязанского губернского правления, потерявшие юридическую значимость, посылались к нему в

большом количестве. Попали к нему и планы страхового отдела Рязского губернского земства, составленные учителями по специально заданию оценочного отделения земства.

Весь фонд Кудрявцева содержит 1494 единицы хранения: из топографической съемки и около 1000 планов схематических, что 3½ тысячах селений области охватывает около 70% территории.

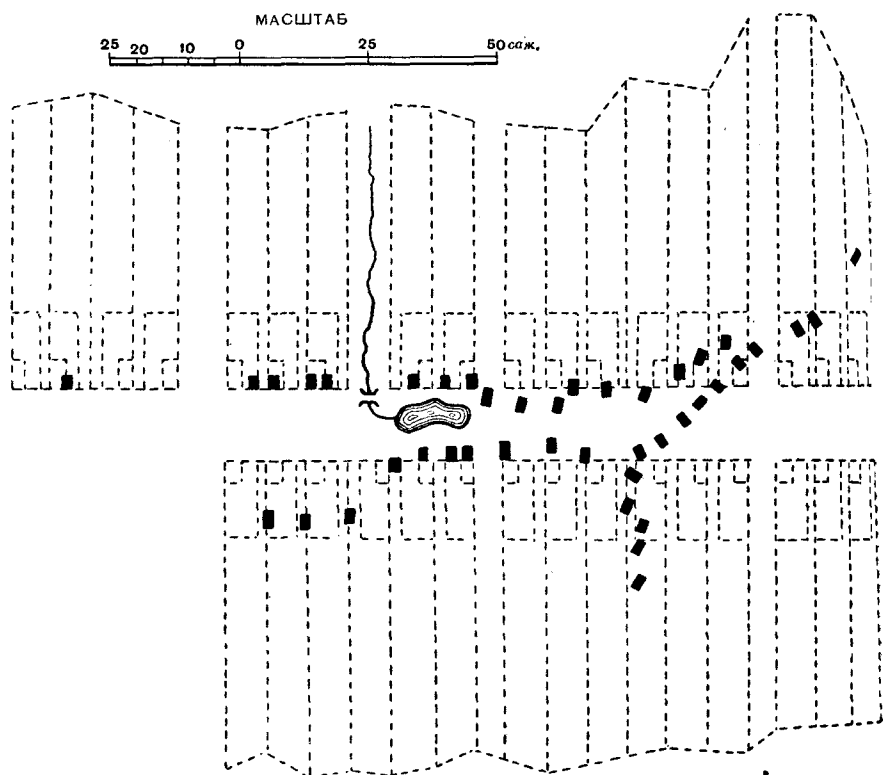

Рис. 1. План деревни Яковлевой бывш. Егорьевского уезда, 1853 г. (Рязанский краеведческий музей). Образец плана земельного отдела Рязанского губ. правления. Старый план — круговой, соединенный с концевым; новый — линейный в два порядка (пунктиром)

Планы собрания Кудрявцева могут быть разделены на три группы: 1) планы Палаты государственных имуществ и губернского правления 1830—1890-х гг., масштабом 25—50 саж. в дюйме, составленные землемерами; 2) планы страхового отдела Рязанского губернского земства 70—90-х гг. прошлого века, составленные учителями, масштабом 50 арш в дюйме; 3) схематические планы, составленные учителями от руки конце XIX и в начале XX века.

Первые составляют особенную ценность. На них нанесены планы «существующие» и проектируемые, последние нанесены пунктиром (рис. 1 и 2). Существующие планы, поражающие своей примитивностью, отстоящие от нашего времени на 100 лет, являются документальным материалом, демонстрацией того, чем были наши деревни до перестройки. Некоторые села имеют при себе планы угодий (мелкие по б. Егорьевскому уезду); на многих планах обозначены социальные группы населения: помещичьи крестьяне, дворовые, однодворцы и др. Встречаются названия урочищ, болот, оврагов, рек — материал, имеющий значение для изучения топонимики области, связанный с говором населения, ценный для изучения ранней истории Рязанского края.

Вторые дают уже перестроенные селения (рис. 3); на них хорошо обозначено размещение хозяйственных построек (можно прокартографировать распределение по области южновеликорусских селений), наличие бань, овинов, каменных и деревянных домов, хлебных магазинов, а также названия улиц, рек, оврагов, нередко и списки всех обитателей села.

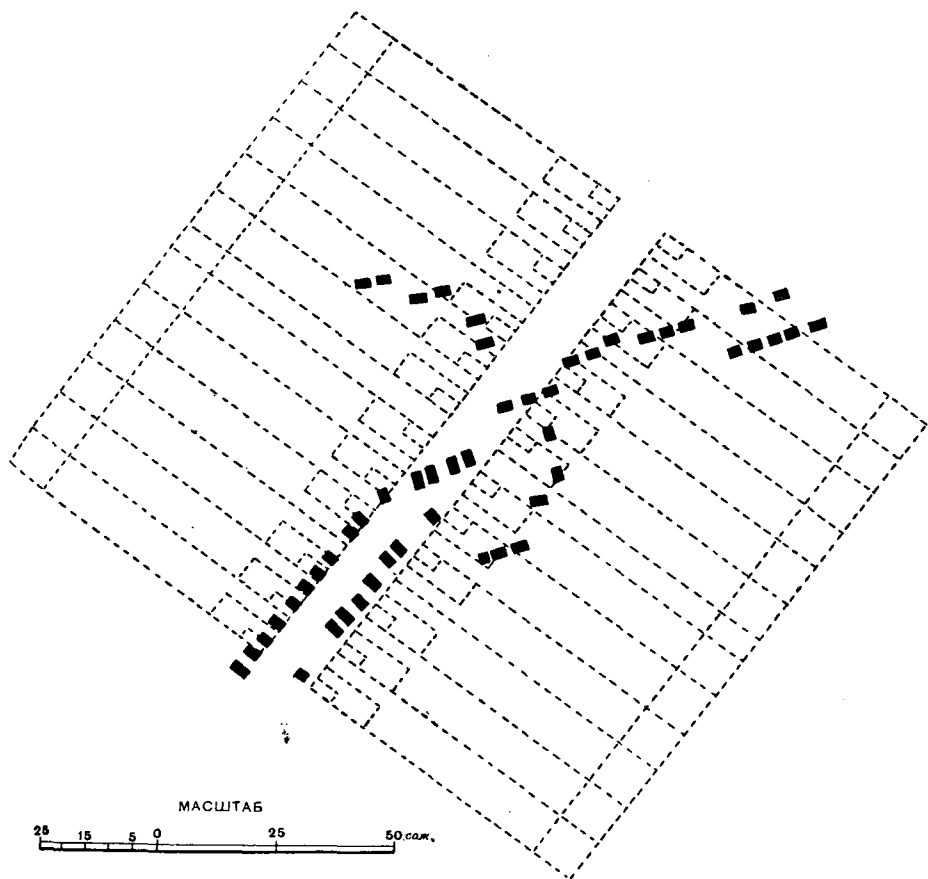

Рис. 2. План деревни Казыкиной бывш. Егорьевского уезда, 1822 г. (Рязанский краеведческий музей). Старый план—концевой, новый—в два порядка — линейный (пунктиром)

Третьи являются дополнительным материалом и ориентировочно дают материал для картографирования типов селений области. Планы многих селений, прокартографированных по схематическим, были позднее найдены в областном архиве, и наши выводы по ним подтвердились точными топографическими планами 1774 года.

Фонд межевой канцелярии Рязанского областного архива заключает в себе около 15 тыс. (?) единиц хранения. Поскольку фонд не описан, трудно говорить о полном его содержании. По просмотренным двум тысячам планов фонд может быть разделен на три группы.

1. Планы межевания 1773—1791 гг. Это планы угодий, но на них нанесены и деревни, имеются названия рек, урочищ, оврагов. Само выполнение планов очень примитивно, плохая экспликация, часто трудно понять, какие строения нанесены. Но, несмотря на это, среди них попадаются прекраснейшие образцы планов, демонстрирующие крепостную деревню и помещичью усадьбу, город XVIII в. (Касимов,

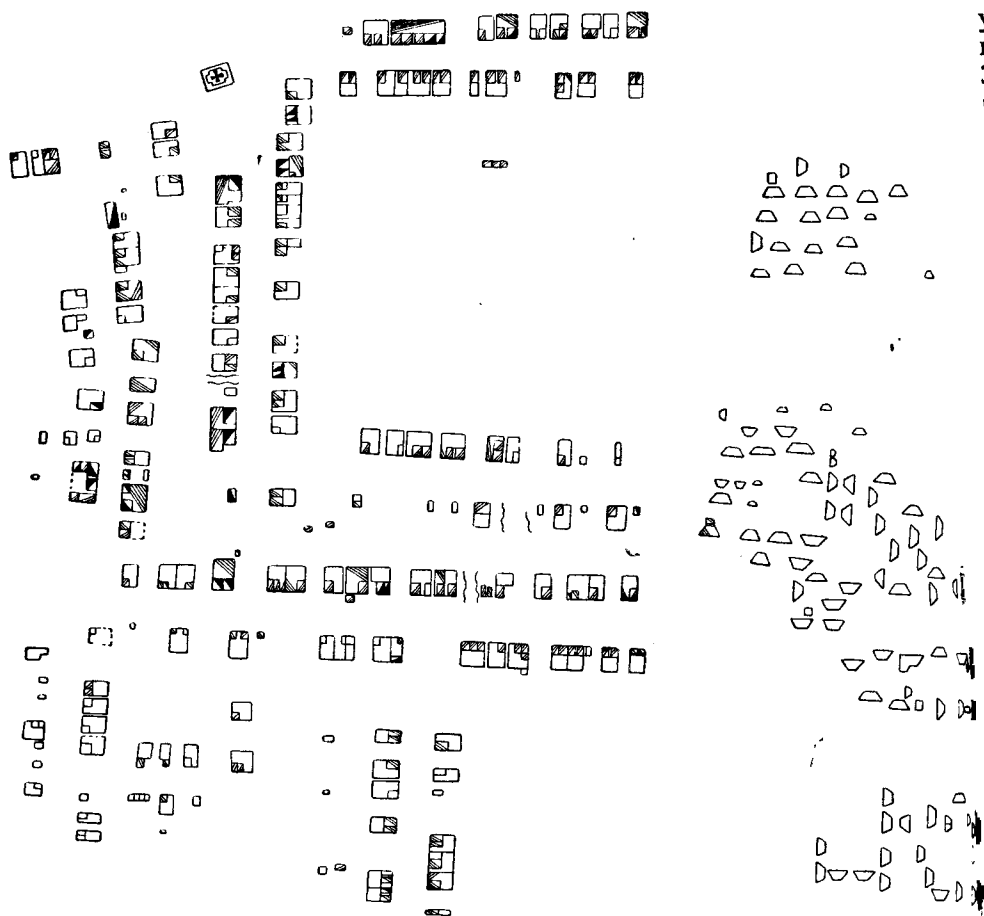

Рис. 3. План села Свинчус бывш. Касимовского уезда, 1898 (Рязанский краеведческий музей). Образец плана страхового отдела губернского земства. Риги вынесены в одно место

Пронск, Данков), селения казенных крестьян Пронского наместничества с их круговыми планами.

2. Планы Казенной палаты и Губернского правления.

3. Планы Губернского страхового земства.

2-я и 3-я группы аналогичны планам фонда Кудрявцева, хранящегося сейчас в Рязанском краеведческом музее.

Материалы обоих архивов дают большой массовый материал по всей области, кроме районов, прирезанных от Тамбовской губернии (этот материал нужно искать в Тамбовском областном архиве). Они дают возможность установить типы поселений области с 1774 по 1915 г., составить карты распространения наиболее ценных из них, проследить социально-экономическую структуру наших сел на протяжении ряда веков, описать некоторые архаизмы в планах, идущие чуть ли не от времени возникновения села. Мы имеем возможность составить микрокарты распространения южновеликорусских планов селений, бань, овинов, названий русских и нерусских селений, урочищ, рек и пр. А весь этот материал даст возможность подойти к вопросу этногенезиса населения Рязанской области.

Все планы — документальный материал. Это — документы-засъемки определенного времени на определенной территории. Обычно этнографы

упрекают в том, что собранный ими материал — собственные наблюдения, рассказы населения, материал, носящий отпечаток субъективности. Здесь вполне объективный материал. Жаль только, что материал отвечает не на все вопросы, волнующие этнографа при изучении селений (неясен вопрос с дворами, нет намеков на внутренний план дома).

Планы селений разнообразны. Многие очень сложны. Ни в этнографической, ни в археологической литературе установившихся классификаций типов поселений не имеется. Существующая классификация Семенова-Тянь-Шанского характеризует селения по связи с географическими условиями¹. Классификация имеет свою ценность, но не исчерпывает всех особенностей поселений. Главным недостатком ее является то, что игнорируется историческое развитие поселка и социально-экономический фактор этого развития.

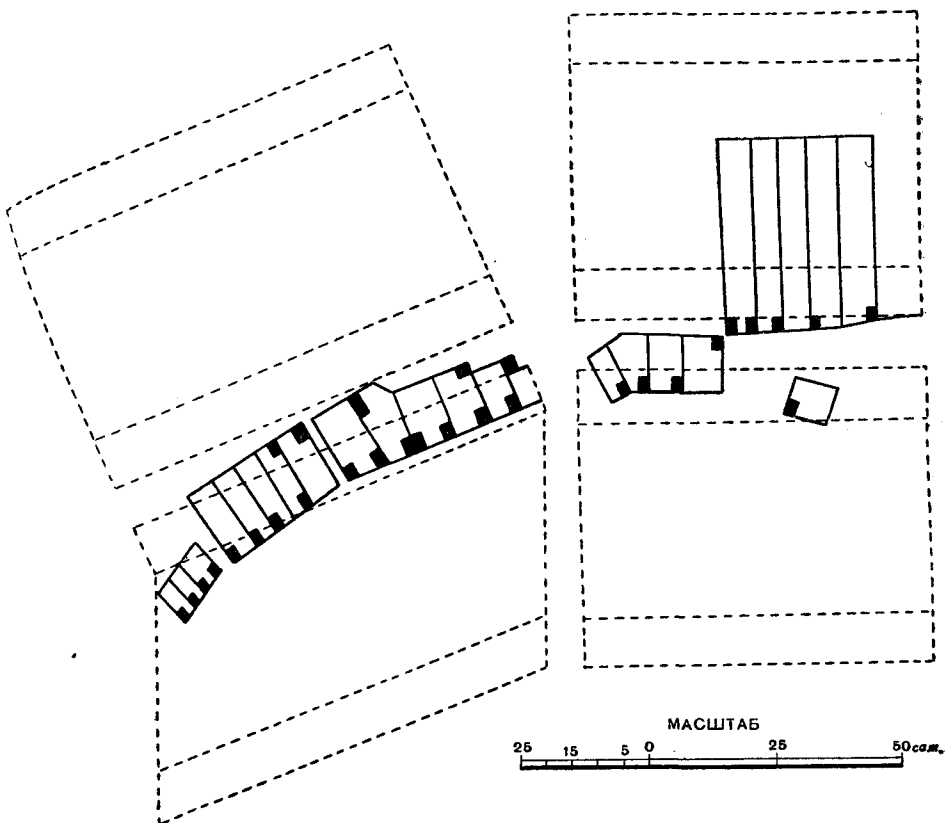

Рис. 4. План деревни Титовской бывш. Егорьевского уезда, 1862 г. (Рязанский краеведческий музей). План, дуговой, гнездами, по типу средневеликорусской застройки

Данная В. П. Семеновым характеристика² селений русской черноземной полосы, в том числе и южной части Рязанской области, касается лишь селений в том виде, какими они стали после перестройки во второй половине XIX в. Считая отличительной чертой русских селений их уличный план, т. е. расположение построек длинной улицей, он демонстрирует три плана рязанских селений: односторонний, двусторонний и звездообразный. Предлагаемая нами классификация, исходящая главным образом из планов селений XVIII и первой половины XIX в. до их

¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Город и деревня в Европейской России, СПб., 1910.

² В. П. Семенов, Россия, т. 2, СПб., 1902, стр. 173—174.

перестройки, является пока лишь рабочей классификацией, лишь многу приближает к вопросу классификации типов русских поселений, намечает пути к дальнейшему изучению. В основу своего описания мы кладем форму поселений, рельеф местности, связь с историей и с социально-экономическими условиями и сравнительное историческое развитие каждого типа селения.

По форме поселки разделяются на кучевые (гнездовые), линейные и линейные.

Для кучевых селений характерно то, что строения расположены группами, кучками и нередко на порядочном расстоянии друг от друга. Очень часто эти кучки размещаются по отдельным буграм (см. план с. Нармушадь)³, в других случаях дугой (рис. 4), в третьих — сходятся объединиться в круг⁴, в четвертых — разбрасываются без всякого порядка (рис. 5 и 6).

Рассматривая все эти поселки в их историческом прошлом по составу населения, мы можем их разделить на несколько групп, идя от дореволюционного времени:

1. Помещичья усадьба и группа крестьянских домов. Селение из нескольких помещиков, отсюда и несколько гнезд крестьянских поселений (Кумино, Пономаревка, Панфилово, Тарпино).

2. Одноворческие селения южных районов области. Строения расположены группами при усадьбах. Подворное владение усадьбами одноворцев при разрастании семьи к XIX в. приводило к наличию этих чужих домов (Никольская слобода, Напольное, Воршево, Колыбельское, теперь районный центр Рязанской обл.).

3. Селения казенных крестьян очень древние по времени возникновения, например, Тырново, Нармушадь. Как мы видели, возникновение кучевого плана у одноворцев было связано с разрастанием семьи; аналогичный процесс можно предполагать и у жителей с. Тырново⁵. Это, вероятно, родовые гнезда, объединившиеся уже в сельскую хозяйственную «вервь», поскольку в размещении домов и усадеб имеется явная тенденция к круговому плану.

Что же касается с. Нармушадь, то расположение на изолированном мысе сближает его с городищами дьякова типа, а само размещение строений близко к расположению землянок на известном Огубском городище Калужской области, на Городецком городище Рязанской области (раскопки В. А. Городцова).

Исходя из размеров строений, из масштабов планов на указанных городищах, можно говорить здесь только о жилых домах. А если так, то возникает вопрос: где же скотные дворы? Возможно, стояли отдельно. При раскопках Пронского городища Н. П. Милонов обнаружил скотные дворы, стоящие отдельно от жилых помещений (XI в.). В с. Заречье (Туровщина, БССР) в 1930 г. Н. И. Лебедевой были обнаружены скотные дворы, расположенные отдельными кварталами вдали от жилых помещений, что надо считать пережитком. Отсюда соединение жилого дома с помещением для скота — явление позднего времени, тем более, что во время летней пастбы скота в лугах и лесу в Рязанской области и в Туровщине скот загонялся в отдельно отгороженные пространства, общие для всех. Весьма вероятно, что и зимой скот содержался вместе. Нагромождение жилых помещений по отдельным буграм, имеющее место в с. Нармушадь, отделение скотных дворов от жилых — эти черты поселка позволяют говорить об одном из древних типов поселений Рязанской области.

³ См. Н. П. Милонов, Основные источники и приемы изучения истории селений Рязанской обл., Рязань, 1950.

⁴ См. там же.

⁵ План с. Тырново б. Пронского у., Научный архив Краеведческого музея, № 1382/64.

Возможно, что в прошлом происхождение кучевого плана связано родовыми отношениями. Прослеживание его при раскопках дьяков городищ и картографирование его по материалам наших планов — материал к изучению истории коренного населения области.

Круговые селения. Заборский при описании польских селений под этим планом понимает лишь селения в виде геометрического круга, выделяя при этом, как мы думаем, искусственно в особую группу «овальные селения». Мы же под круговым планом понимаем неметрически правильный круг, а размещение построек вокруг какого-либо центра: озера, выгона, пашни, церкви, кладбища, базара или даже всего командного центра. Тем самым ставится вопрос об источниках исторических условиях возникновения всех возможных вариантов кругового плана.

Расположение селения вокруг озера диктовалось прежде всего стремлением иметь питьевую воду, а также рыбными ловами. Правда, селения эти маленькие, но на то, что они имели значение для лова рыбы, указывает нередко само их название. Известно, что сама Рязань (основанная) возникла вокруг «Карасева озера» на высоком мысе при слиянии р. Лыбеди с р. Трубежом. Примером селения, расположенного вокруг озера, может служить деревня Старо-Васильева б. Егорьевского уезда (рис. 7). Таких селений немало в Егорьевском районе, в Пронском (с. Городецкое, 1861; Малинищи, 1864; Студенец), в Спасском районе (с. Сумбулово, Половское, 1882, и др. Примерами селений, расположенных вокруг выгона, могут служить села — Степановское и Троица-Поляны б. Спасского уезда Рязанской губернии.

Преобладающее число селений расположено вокруг пашни, конюшен и огородов, между которыми или остается выгон, или получается сплошь распаханное пространство (рис. 8). В середине селения — выгон, окаймленный огородами или конопляниками, далее полоса строений, за которыми вторая полоса строений с огородами. Этот план усложнен вторым рядом строений, возникших на огородах; при семейных разделах участки выгона поделались на две части. Но в фондах Рязанского областного архива имеются планы с одним рядом строений и пахотной землей по обе стороны их (Букрино). Примером расположения строений вокруг сплошь распаханной земли является план с. Остропластика⁶. Все дома и усадьбы крестьян расположены по линиям вокруг двух четырехугольников, в середине которых находятся огороды.

Существование такой планировки и в ряде других селений (попеченское, Уньково и др.) позволяет сделать вывод, что здесь сказывается старинная традиция.

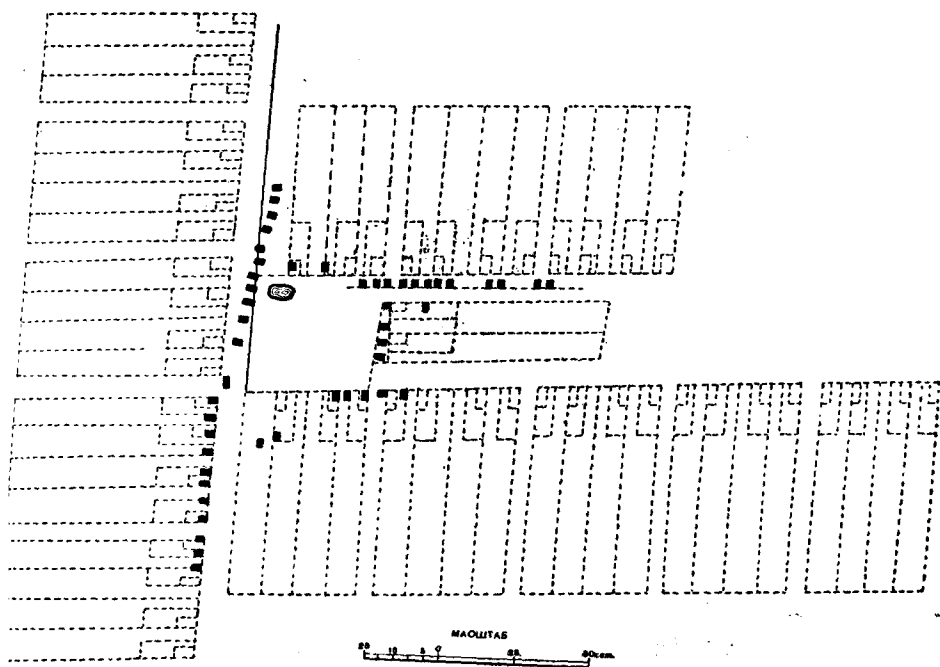
Энгельс считал, что сначала земледелие было в форме огорода с культур — хлебные злаки возделывались около домов⁷. Само селение — огород — ограда, огражденное место. Цепь домов, возможно, и была той оградой, которая отделяла освоенную обработанную землю от неосвоенной. Внутри цепи домов в XVIII в. находились конопляники и огороды, а ранее, возможно, были посевы хлебов.

Круговые селения вокруг церкви моложе селений, расположенных вокруг пашни и озера, но некоторые из них могут быть датированы XI в., например, Печерники б. Михайловского уезда Рязанской губ. Это — бывший город, известный уже в XI в. К этой группе селений относятся Осово, около которого известны курганы и городище XI в., и др.

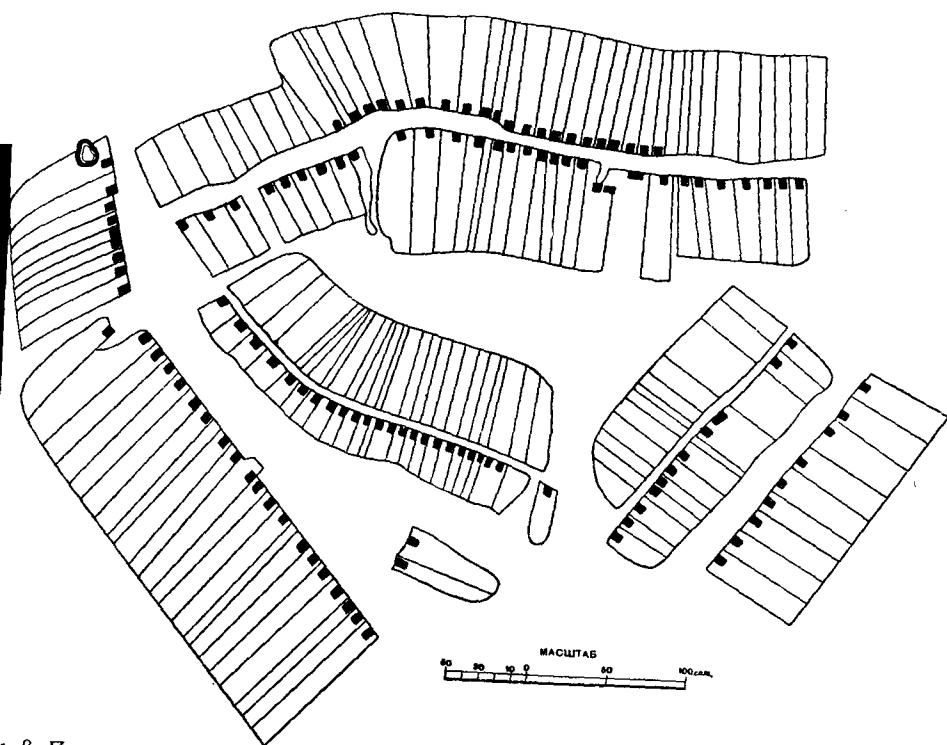
Расположение селения вокруг кладбища приходится признать еще более поздним, хотя не исключена возможность, что кладбище возникло

⁶ Н. П. Милонов, Указ. раб., план № 2.

⁷ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1945, стр. 182.

7. План деревни Старо-Васильева бывш. Егорьевского уезда, 1878 г. (Рязанский краеведческий музей). План — круговой, вокруг озера, с концами

8. План села Карповского бывш. Пронского уезда, 1861 г. (Рязанский краеведческий музей). План — круговой, вокруг пашни

лось в уже существующее круговое селение. До XIV в. рязанцы хоронили в курганах, которые выносились за пределы селения. У них могли хоронить духовных и людей господствующего класса, так как перешли ранее к новому обычаю погребения (гробницы рязанских князей в храмах и у храмов Старой Рязани).

Особое место в планах селений Рязанской области занимают гостинные планы, т. е. расположение домов вокруг площади, на которой имеются церкви, лавки, хозяйственные общественные амбары, общественные сараи, иногда кузницы, мастерские. Наиболее ярко выраженный тип поселка-погоста, сохранившего в своем плане архаичные черты, относящиеся к древнему погосту, представляют два примера: погост Ялмонт (рис. 9) б. Егорьевского уезда (аналогичен погосту Колычево), когда вокруг правильного четырехугольника площади, на которой стоит церковь, размещены жилые строения. Этот погост соответствует тому назначению, о котором говорит Лаппо-левский, утверждая, что в Рязанском уезде погост является исключительно религиозным центром⁸. Но исключительно религиозным центром Рязанский погост, главным образом на севере от Рязани и Зарайска, стал только в XVI—XVII вв., и в писцовых книгах этого времени встречается около 50 погостов, расположенных в Рязанском, Рязанском, Пронском, Михайловском, Егорьевском, Касимовском, Спасском уездах. Границы распространения этих погостов резко совпадают с границей 2-й засечной черты Московского государства. Как религиозные центры они находятся в черте владений архиерейской кафедры и рязанских монастырей, и не случайно, что в районе этих погостов часто были «обные ужожаи» и «бобровые гоны», принадлежавшие архиерею и монастырям. Позднее погосты этого типа становятся бесприходными, теряют значение религиозных центров.

Вторым примером плана поселка-погоста может служить Дмитриевский погост б. Егорьевского уезда. На плане № 7, изданном в 1880 г. Н. П. Милонова¹⁰, отмечены в центре 22 лавки, расположенные в два ряда, а по краям площади стоят жилые дома. Служная слобода Егорьевского уезда и с. Ухолово дает картину размещения лавок, жилых построек вокруг лавок, хотя они не являются старыми погостами, известны как позднейшие базарные центры. В плане Дмитриевского погоста и ему подобных мы видим значение погоста как не столько религиозного, сколько торгового центра для всей округи, тянувшейся к нему.

В связи с этими двумя основными типами рязанских погостов, являющимися по планам XVIII и XIX вв. небезынтересно коснуться самой истории возникновения и развития погостов в древней Руси и ее отражения ее в Рязанском крае.

Погост, в самом древнем значении этого термина, — место стоянки князя, его свиты при объезде подвластного населения, при взимании подати, позднее — совокупность крестьянских дворов, составляющих административную единицу и обязанных содержать и снабжать всем необходимым князя или сборщика дани во время его пребывания в погосте. Известно, что в Киевской Руси погосты были установлены княгиней Ольгой, проводившей, как полагает проф. С. В. Юшков¹¹, серьезные финансово-административные реформы. Действительно, в Лаврентьевской летописи

⁸ См. С. Б. Веселовский, *Село и деревня в Северо-восточной Руси XII—XVII вв.*, ГАИМК, М.—Л., 1936, стр. 14—17.

⁹ Н. П. Милонов, *Об изучении археологических памятников и истории городов Рязань*, 1949.

¹⁰ Н. П. Милонов, *Основные источники и приемы изучения истории сел и деревень Рязанского края*, 1949.

¹¹ С. В. Юшков, *Общественно-политический строй Киевского государства*, М., 1949, стр. 108.

946 и 947 гг. так говорится о погостах и реформах Ольги: «в лето 946 иде Вольга Новогороду и устави на Мсте погосты и дани и по Дузе оброки и дани; ловища ее суть по всей земли, знамения, и мест погосты, и сани ее стоять в Плесковне и до сего дни и по Днепру деревесища, и по Десне, и есть село Ольгино и до-селе». В этом издании летописи, сообщающем, в частности, и о погостах, не упоминает-

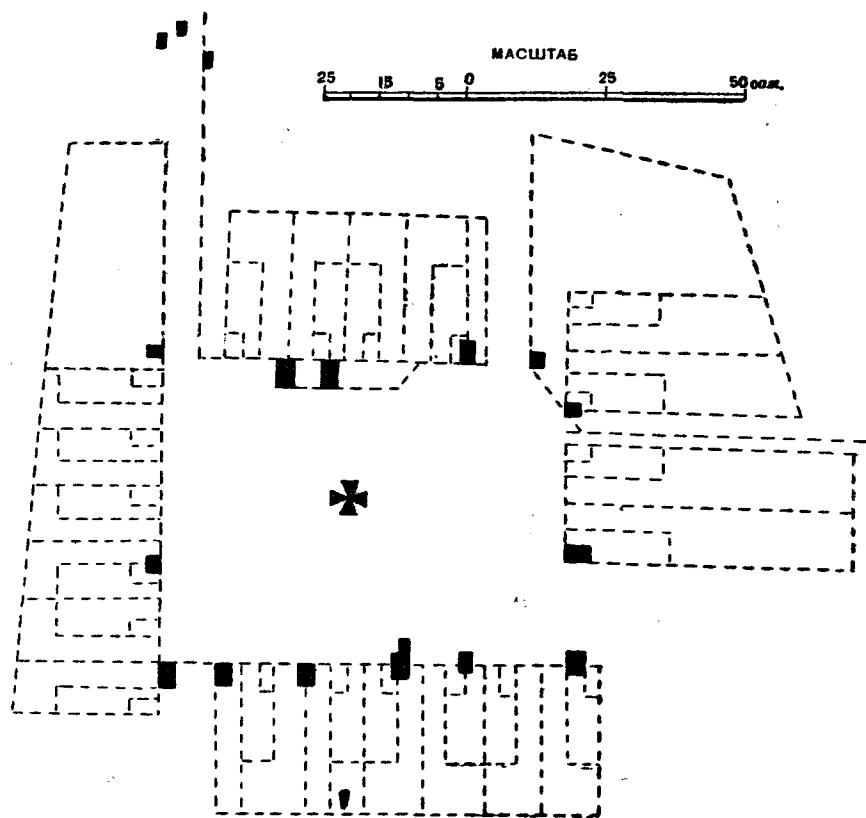

Рис. 9. План погоста Ялмонт бывш. Егорьевского уезда (Рязанский краеведческий музей)

Волго-Окское междуречье и Ока, верхнее и среднее течения которой принадлежали вятичам. До похода Святослава на вятичей, т. е. до 964 г., вятичи дань платили хозарам, и естественно поэтому, что в 946—947 гг. здесь не могло быть установлено Ольгой погостов. Но после того, как вятичи стали платить дань Святославу, т. е. после 964 г. погосты и здесь не могли не быть установлены, ибо Святославу, сидевшему в Киеве, невозможно все же было часто бывать в земле вятичей, и дань в его отсутствие, вероятно, собирали его наместники, сидевшие в укрепленных городищах, представляющих собой поселки — центры определенной сельской округи. Поэтому большинство исследователей ставят возникновение погостов в связь не с торговлей, а с установлением оброков и даней¹². Впоследствии такие погосты становятся административными центрами и торговыми факториями и в ряде случаев центрами религиозными. В качестве такого раннего укрепленного пункта, игравшего роль погоста, центра для сбора дани с окрестного населения, известен на берегу Оки, недалеко от Рязани, в конце X в. городок

¹² Казаков и Шаскольский, Русь и Прибалтика XVII в., Л., 1945, стр. 16

Хозарь (ныне село Козарь Солотчинского района Рязанской обл.) Это — укрепленный пункт Хозарского каганата в земле вятичей, шших дань хозарам. При археологических обследованиях Козарского родища и селища обнаружен был слой, содержащий керамику, бы к той, которую считают типичной для культуры хозар. В ле (Воскресенской) Козарь упоминается под 1147 г. как древнер город. Археологическими обследованиями отдельно в более в слое обнаружена керамика XI—XII вв. Козарь преемственно от делался древнерусским городом, где, возможно, сидел наместник ского князя. Подобные пункты под названием «Козарь» извест Тульской области¹³.

Известны 4 погоста-городка в Рязанской области, на оу р. Прони, в которых князь Всеволод III Большое гнездо, победив р ских князей, посадил своих наместников. Это — Толпино на П Ижеславль на Жраке (приток Прони) и др., являвшиеся славян городищами. Итак, план погоста ведет свое начало от X—XI вв., пережиток сохраняется в захудалых погостах в XIX веке.

Возникновение селений с круговым планом известно в нашей о и в более позднее время. Перед нами план селения Полково (Сол ского района). Оно возникло при Петре I, здесь был расселен т Одна часть селения представляет собой группу усадеб, размещ вокруг одной центральной усадьбы, возможно, командира полка.

Круговые планы, известные со времен трипольской культуры нашей территории пока твердо связываются со временем слав культур; наиболее древних их датировок, за отсутствием архео ских данных, мы пока дать не можем. Но о связи круговых пл с славянскими археологическими памятниками можно говорить опр но по отношению к территории Рязанской области.

Как показывает составленная нами карта распространения р планов селений (рис. 10), из которых бо́льшая часть по своему хождению связывается с древнеславянским населением, основной торией их распространения является территория Рязанского кня т. е. треугольник, ограниченный реками Окой, Проней, Осетром.

Основная масса вятических и частично кривических древнег курганов, городищ, селищ, городов, исследованных археологами сится к этой территории.

Сопоставляя две карты — размещения археологических памят распространения круговых планов, мы видим, что нередко наличие гового селения совпадает с наличием славянского городища, раскоп ных курганов, славянского селища. Такое совпадение отмечено в Ка гощи Захаровского района, Осове, Дятлове б. Зарайского уезда. Печер ках б. Михайловского уезда и во многих других случаях. Все памятники датируются XI—XII веками.

Исключение представляют курганы и селище в Алеканове (курга раскопаны были В. А. Городцовым в 1896 г.)¹⁴, известные по нахо там сосуда с рунической надписью. Очень мало было известно о слав ских и древнерусских селищах, если не считать упоминания о них в от тах В. А. Городцова. Это привело к тому, что в истории славян местн края (бассейн средней Оки) оставался совершенно не ясным вопрос наличия их здесь в промежуток времени между крайней датой поздн дьяковской культуры (по датировке В. А. Городцова) — V в. н. э. и р

¹³ Писцовые книги XVI в., под редакцией Н. В. Калачова, отд. 2-е, част СПб., 1877, стр. 1165.

¹⁴ Д о б р о л ю б о в, Историко-статистическое описание церквей и приходов рязанской губ., Рязань, 1899.

¹⁵ Т. С. П а с с е к, Трипольская культура, «Вестник древней истории», 1 № 1/2, стр. 265.

¹⁶ Коллекции Рязанского музея.

ей датировкой исследованных славянских курганов XI в. Сосуд с рунической надписью, найденный Городцовым, и Алекановское селище, исследованное Н. П. Милоновым в 1948—1949 гг., отодвигают эти даты к VII—VIII вв. Культурный слой славянского селища на Алекановской доне содержит очень характерную славянскую керамику. Она характеризуется следующими признаками: 1) сосуды изготовлены без гончарного круга; 2) венчики сосудов заметно отогнуты наружу, а плечики слегка выпуклы; 3) днища сосудов толстые с шероховатой наружной поверхностью. Эти сосуды по технике лепки близки к позднетьяковской культуре, по устройству шейки и стенок примыкают к сосудам из славянских курганов с трупосожжением. Культурный слой этого селища отложился на позднетьяковском слое, залегающем в свою очередь на слое, содержащем сетчатую дьяковскую керамику.

В указанном слое славянского селища найдены металлосплав и куски железной руды. Металлосплав содержит в составе свинец и немного олова, а химический анализ железной руды дает следующий ее состав: качественный — железо, двуокись кремния, воду; количественный — 33,44 % чистого железа. Нахождение здесь кусков железной руды, железных ножинок с изогнутым лезвием и других железных вещей свидетельствует о том, что металлургия складывалась здесь очень рано в самостоятельный вид производства. Дальнейшее изучение этого селища даст возможность выявить тип жилищ, возможно, форму и самого поселка, а это будет особенно интересно, поскольку в позднейшее время мы видим здесь следы круговых селений (Дубровичи, Поляны, Мурмино, Коростово и др.; в Коростове найдена керамика X в.).

Вторая группа круговых селений расположена южнее течения р. Прони, около Скопина и идет полосой параллельно течению Дона по обе его стороны и несколько в стороне от него. Около Скопина были раскопаны Милоновым Маклаковские курганы и найден ряд славянских городищ, говорящих о пребывании здесь вятичей в XI в. Но самая долина бассейна верхнего Дона до сих пор остается неизученной.

Кроме того, необходимо отметить, что в соседних районах Подонья и верхней Оки, как это отмечает П. Н. Третьяков, распространены славянские археологические памятники IX—X вв., о чем сообщали и арабские писатели, например Гаркави¹⁷.

Наличие круговых селений и отдельных археологических памятников в южных уездах области и особенно в Рязанском Подонье говорят о том, что часть древних вятических племен на территории Рязанского края развивалась гораздо раньше XI в. и явилась автохтонным населением, именно в районах, тяготеющих к верховьям Дона. Дальнейшие археологические исследования уточнят решение этого вопроса в отношении территории Рязанской области.

Надо учесть, что на Дону зарегистрирован ряд славянских городищ, а именно: Барятинское¹⁸, Стрешневское¹⁹, Дубок²⁰, Ярослав²¹ и др.

Наличие круговых планов и археологических памятников в бассейне Дона подтверждает давно уже поднятый вопрос об особой группе

¹⁷ Сказания арабских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 12; П. Н. Третьяков и П. П. Ефименко, Древнерусские поселения на Дону, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1948, № 8, стр. 8.

¹⁸ Карта археологических памятников Рязанской области по археол. каталогам Рязанского музея.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

ней датировкой исследованных славянских курганов XI в. Сосуд с рунической надписью, найденный Городцовым, и Алекановское селище, обследованное Н. П. Милоновым в 1948—1949 гг., отодвигают эти даты к VII—VIII вв. Культурный слой славянского селища на Алекановской доне содержит очень характерную славянскую керамику. Она характеризуется следующими признаками: 1) сосуды изготовлены без гончарного круга; 2) венчики сосудов заметно отогнуты наружу, а плечики слегка выпуклы; 3) днища сосудов толстые с шероховатой наружной поверхностью. Эти сосуды по технике лепки близки к позднедьяковской культуре, по устройству шейки и стенок примыкают к сосудам из славянских курганов с трупосожжением. Культурный слой этого селища отложился на позднедьяковском слое, залегающем в свою очередь на слое, содержащем сетчатую дьяковскую керамику.

В указанном слое славянского селища найдены металлосплав и куски железной руды. Металлосплав содержит в составе свинец и немного олова, а химический анализ железной руды дает следующий ее состав: качественный — железо, двуокись кремния, воду; количественный — 33,44 % чистого железа. Нахождение здесь кусков железной руды, железных ножигов с изогнутым лезвием и других железных вещей свидетельствует о том, что металлургия складывалась здесь очень рано в самостоятельный вид производства. Дальнейшее изучение этого селища даст возможность выявить тип жилищ, возможно, форму и самого поселка, а это будет особенно интересно, поскольку в позднейшее время мы видим здесь следы круговых селений (Дубровичи, Поляны, Мурмино, Коростово и др.; в Коростове найдена керамика X в.).

Вторая группа круговых селений расположена южнее течения р. Прони, около Скопина и идет полосой параллельно течению Дона по обе его стороны и несколько в стороне от него. Около Скопина были раскопаны Милоновым Маклаковские курганы и найден ряд славянских городищ, говорящих о пребывании здесь вятичей в XI в. Но самая долина бассейна верхнего Дона до сих пор остается неизученной.

Кроме того, необходимо отметить, что в соседних районах Подонья и верхней Оки, как это отмечает П. Н. Третьяков, распространены славянские археологические памятники IX—X вв., о чем сообщали и арабские писатели, например Гаркави¹⁷.

Наличие круговых селений и отдельных археологических памятников в южных уездах области и особенно в Рязанском Подонье говорят о том, что часть древних вятических племен на территории Рязанского края развивалась гораздо раньше XI в. и явилась автохтонным населением, именно в районах, тяготеющих к верховьям Дона. Дальнейшие археологические исследования уточнят решение этого вопроса в отношении территории Рязанской области.

Надо учесть, что на Дону зарегистрирован ряд славянских городищ, а именно: Барятинское¹⁸, Стрешневское¹⁹, Дубок²⁰, Ярославы²¹ и др.

Наличие круговых планов и археологических памятников в бассейне Дона подтверждает давно уже поднятый вопрос об особой группе

¹⁷ Сказания арабских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 12; П. Н. Третьяков и П. П. Ефременко, Древнерусские поселения на Дону. «Материалы и исследования по археологии СССР», 1948, № 8, стр. 8.

¹⁸ Карта археологических памятников Рязанской области по археол. каталогам Рязанского музея.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

населения, вошедшей в состав рязанцев. Шахматов на основании лингвистических данных выделял насельников Дона в отдельную группу, называя их одно время вятичами, в другое время северянами²²; Г

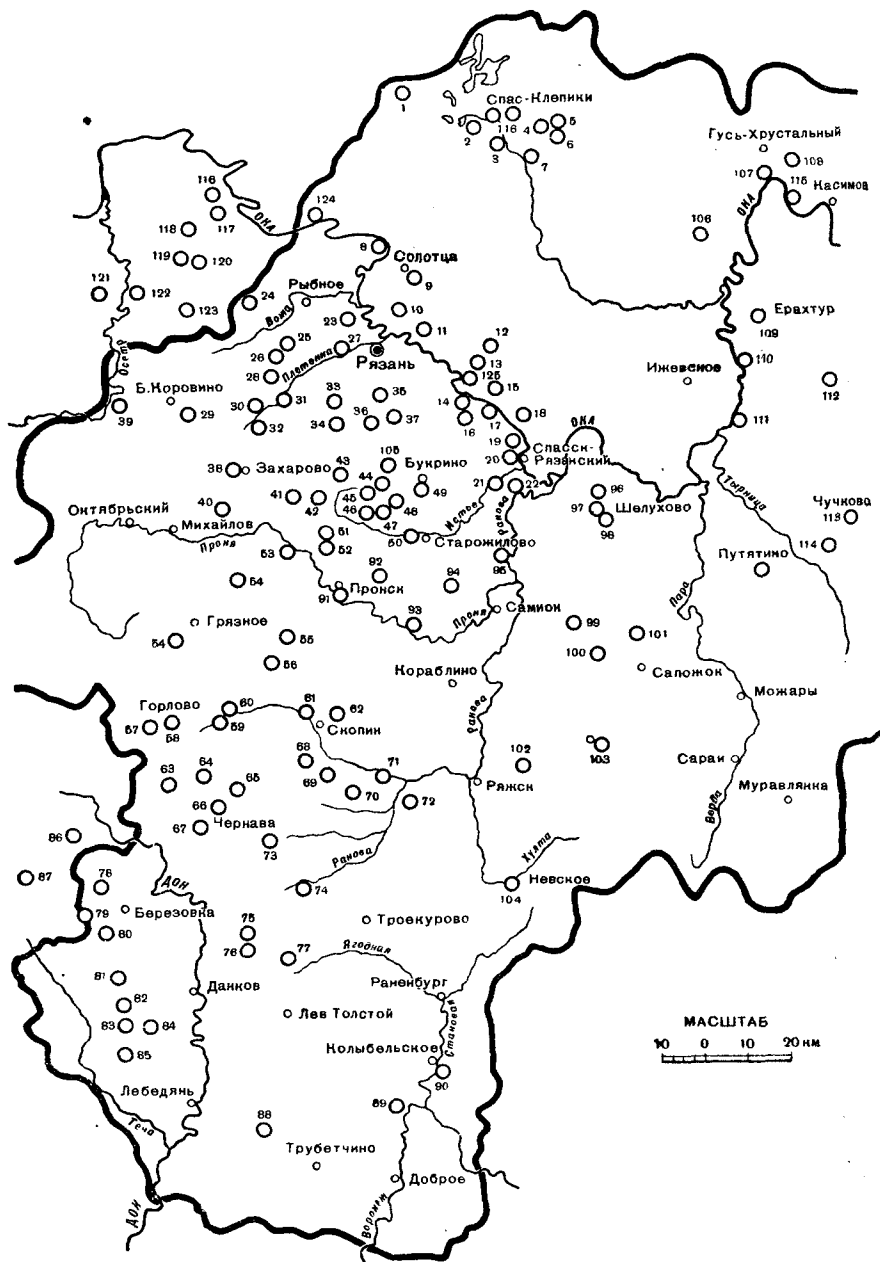

Рис. 10. Карта круговых селений

хоменко, а вслед за ним Б. А. Куфтин говорят о связях с Тмутарканью и о приливе сюда населения, теснимого степными кочевникам хозарами, печенёгами, половцами, позднее татарами²³.

²² А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, 1919; его же, Введение в курс истории русского языка, 1916.

²³ Б. А. Куфтин, Задачи и методы изучения жилища Рязанской губ., «Вестник рязанских краеведов», 1925, № 2 (6).

Раскопки П. П. Ефименко и П. Н. Третьякова на среднем Дону в Боршеве дали основание исследователям утверждать, что они обнаружили археологические памятники вятичей VII—VIII вв. Возможно предполагать наличие ранних вятических племен и в верховьях Дона, хотя, как думает П. Н. Третьяков, время появления этих памятников не нашло своего окончательного решения²⁴. Следовательно, возможность поисков славянских памятников VII—X вв. в Рязанском Подонье имеется, и она теперь еще более подтверждается найденными круговыми планами селений по Дону, в Рязанской области.

Второй вопрос, связанный с этой территорией,— это вопрос запустения Рязанской степи в XIV—XVI вв. (набеги ногайцев и крымских татар), когда население южных районов нашей области уходило в леса за Оку.

Обычно основанием для такого мнения служило свидетельство одного из путешественников XIV в. митрополита Пимена, попавшее в Никоновскую летопись²⁵. Он характеризует верхнее Подонье как «край пустыни, где нет ни града, ни села, пустынно все и ненаселено, нигде бо видеть человека». Этот взгляд о запустении Рязанского Подонья после разорения в 1237 г. Батыем города Дубка, известного здесь еще с 1147 г., нашел отражение и у историка Рязанского края Д. И. Иловой-ского в его труде «История Рязанского княжества», и у большинства историков дореволюционного времени. Этого мнения придерживается и Б. А. Куфтин²⁶. Этнографическое изучение Н. И. Лебедевой бывших южных уездов Рязанской области и Тульской в 1924—1925 гг. привело к убеждению о наличии очажков среди селений государственных крестьян, в материальной культуре которых сохранились старые элементы. Сохранность еще в начале XX в. архаизмов в одежде и постройках этого населения, отличных от других районов области (шुшки, кодманы, самый план жилища), говорила о наличии здесь старого населения, давшего позднее первую волну колонизации в южные степи, оторванного пришлыми поздними волнами от большой группы, ушедшей на юг, сохранившей общие черты в одежде и жилище. Дополнительно подтвердилось это и открытыми нами в архиве круговыми планами. Они размещаются как раз по тем местам, где предполагались остатки населения, еще до нашествия Батыя, жившего здесь, т. е. южнее Прони, около Скопина, по притокам Дона, в глубине лесов и вдали от татарских шляхов.

Представление о южной части Рязанской области как «чисто» степной опровергается данными наших планов XVIII в., по которым мы видим, что в тех местах, где было так называемое «Дикое поле», еще в XVIII в. до 60% площади было занято лесом. По берегам же рек в лесостепной полосе разбросаны были древнерусские селища и городища, удаленные от опасных для населения татарских шляхов, сакм и т. д.

Третья группа круговых селений располагается на севере Рязанской области в б. Егорьевском уезде и у озер Спас-Клепиковского района.

Н. П. Милонов предполагает, что захождение данного рода памятников за границу указанного треугольника Рязанского княжества безусловно свидетельствует о продвижении вятичей еще в XI—XII вв. за черту своей основной оседлости — на восток и на север, так как известны случаи нахождения курганов с вятическим инвентарем (перстни и другие), например, у дер. Лесное — Ялтуново Конобеевского района на правом (лесном) берегу Цны.

²⁴ П. Н. Третьяков и П. П. Ефименко, Указ. раб., стр. 8.

²⁵ «Русский временник», М., 1870, стр. 243—251.

²⁶ Б. А. Куфтин, Задачи и методы изучения крестьянских жилищ Рязанской губ., «Вестник Рязанских краеведов», 1925, № 2, стр. 8.

Однако в литературе существуют и другие мнения. В. А. Городцов, А. А. Спицын, Б. А. Куфтин²⁷ считают, что север Рязанской области связан с расселением кривичей. Малочисленные курганы северных районов области дают сочетание типично кривической культуры с какой-то местной. Круговые планы селений могли быть и у кривичей, поскольку мы их знаем, у радимичей по Сожу, у древлян по Днепру. Этнографический материал, собранный Г. С. Масловой по Спас-Клепиковскому району, характеризует эту часть области как средневеликорусскую, имеющую общие черты с севером Московской, Калининской областей.

Итак, круговые планы являются пережитком, идущим от времен славян, с VII в. н. э. Данных же, позволяющих говорить сейчас об их связи с «дославянским» населением на нашей территории, мы пока не имеем.

Линейные планы (порядковый — по ряду, рядом). Расположение селений по прямой линии в старых планах мало встречаем, зато встречаем в большом количестве дуговые, кривые, концевые планы поселков.

Примером дугового селения может служить план деревни Титовской 1862 г. (см. рис. 4).

Концевыми селениями мы называем селения, состоящие из двух, трех, четырех улиц, расположенных под углом (см. рис. 2). Название улиц концами очень распространено в нашей области. Этот термин известен в Пскове — в Псковской судной грамоте встречаем кончатский старост. В Рязанской области нередко с отдельными концами поселка связывается помещичье владение крестьянами. Так, в с. Городковичи б. Спасского уезда было три конца и три помещика. Концы отходили от площади, на которой была церковь.

Концевые селения встречаются в двух разновидностях: 1) концы отходят от площади; 2) концы образованы пересечением двух линий. Из первых могли развиваться радиальные планы.

Планы селений, помимо разнообразия своих форм, связанных с историей села и с социально-экономическими отношениями, имеют различия в зависимости от географических условий. По характеру ландшафта Рязанская область может быть разделена на две части: низменную, Мещерскую на севере и Мокшанскую на востоке, и вторую, возвышенную, Рязанскую сторону. Низменности представляют собой равнинную местность, где рельефообразовательным фактором был ветер, переувлажненный валунные пески и образовавший холмы, покрывшиеся сосновым лесом. Эти песчаные образования вместе с возвышенными берегами рек являются теми суходольными пространствами, по которым главным образом и ютятся поселки среди крупных лесных «раменных» и болотистых незаселенных пространств и лугов. Поселки расположены группами вокруг центральных селений, приходов, являясь их колониями²⁸.

Вторая часть — Рязанская сторона является возвышенностью по отношению к Мещерской низменности и котловиной по отношению к Среднерусской и Приволжской возвышенностям, окаймляющим ее с запада и востока²⁹.

Главная роль в изменении рельефа этой части нашей области принадлежит оврагам. К югу от Оки всюду овраги³⁰. Только два небольших очажка, где отсутствуют овраги, это пространство между рр. Рано

²⁷ А. А. Спицын, К истории заселения верхнего Поволжья, Труды Тверского областного арх. съезда, 1903; его же, Владимирские курганы, Изв. Арх. комиссии, вып. 15, 1905, стр. 95, 167—172; В. А. Городцов, Древнейшее население Рязанской области, Изв. II отд. Академии Наук, XIII, 1908.

²⁸ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мещеры, М., 1926, стр. 10.

²⁹ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 2.

³⁰ Там же, стр. 17.

вой и Парой и между Истьей и Проней. Ввиду особенностей рельефа местности планы селений могут быть разделены на дюнные, террасовые (с подразделением на расположенные по гребню реки и на овражные) и равнинные.

Дюнные поселения являются наиболее древними, если не говорить о стоянках палеолитических, теперь уже известных на нашей территории. Дюны обитаемы со времен неолита. Но это были еще стоянки, а не оседлые поселки. О более устойчивых селениях можно пока говорить лишь со времени появления земледелия на территории Рязанской области, с эпохи раннего железа.

Дюны левого берега Оки сплошь были обитаемы, начиная с эпохи неолита и до позднего времени. Является ли это свидетельством автономности населения или здесь имеется преемственность в выборе мест поселений и оседание населения на излюбленных местах в силу выгодных природных условий, удовлетворяющих население на данном этапе развития, на этот вопрос пока ответа нет. На дюнах мы встречаем и круговые и линейные поселения. Большое количество круговых селений на дюнах, у озер ставит вопрос о наличии их в ранних культурах еще до нашей эры.

Поселки, расположенные по гребням рек или по оврагам, на мысе, при впадении оврага в реку или при соединении двух оврагов, ведут свое начало со времени городищ дьякова типа. По топографии они их напоминают, отсутствует лишь вал. Есть даже одно поселение с валом: это на плане XVIII в. около села Кривель б. Сапожковского уезда, по другую сторону р. Пары. На этом городище имеется ряд строений и небольшая кучка домов поодаль. Городище содержит культурный слой XIV в. Это укрепленная помещичья усадьба? К сожалению, экспликация плана ответа на этот вопрос не дает. Отделение помещичьей усадьбы, стоящей на мысе близ оврагов, от поля малым ровиком с валом вместо ограды, встречалось довольно часто в XIX веке.

Часто встречается, что усадьбы одного и того же села размещены на трех отдельных буграх и каждая часть поселка представляет собой как бы самостоятельное городище, т. е. ограждено с трех сторон естественной защитой в виде глубоких оврагов. Такие планы встречаются как в очень старых селениях (Нармушадь, Тырнова слобода, Чернава, в последней, как известно, церковь существовала с XII в., и др.), так и в южных районах среди помещичьих селений (Луканеток б. Скопинского уезда, Брусок Скопинского уезда, Заболотье, Барятино б. Данковского уезда).

На буграх мы встречаем гнездовые планы (Нармушадь, Мелехово), дуговые (Тырнова слобода, Антоново), причем дуга идет по краю бугра, в других случаях перехватывает бугор в том месте, где обычно бывал вал. Встречаются концевые, линейные планы с положением порядка перпендикулярно или параллельно краю оврага (см. план селения Тырнова слобода). Такое расположение построек по двору городища дает материал археологу для планирования раскопок. Это особенно важно, потому что не всегда выявляются обнажения культурных слоев по краю оврага, а тем более на ровной поверхности. Эти расположения строений дают материал для суждения о более старых и новых частях селения. Перепланировка селения, нанесенная пунктиром, указывает, какие части селения остались незаселенными, и раскопки старой части селения могут дать богатый материал для выяснения вопросов о самих планах жилья. Так, например, вопрос о северновеликорусском, вернее средне-великорусском плане, на территории Рязанской области плохо поддается изучению за отсутствием, вследствие перепланировки селений, старых изб.

Характерной особенностью расположения жилых домов является их положение — окнами к полю, а не к реке и оврагу, а также нередко

размещение к краю оврага хозяйственных построек (с. Городище Рыновского района).

Когда едешь вечером по Оке на пароходе, резко бросается в глаза отсутствие освещенных окон домов: они обращены в противоположную сторону от реки.

Равнинные селения, расположенные в междуречье рек Пары и Рановой, Истья и Прони, между Тумой и Касимовым, сравнительно познание по своему происхождению, вытягиваются длинной линией, в один или два порядка, вдоль большой дороги, вдоль реки.

Развитие большого селения шло двумя путями: от центра к концам и от концов к центру.

Большие селения очень часто в своей планировке совмещают соединение нескольких круговых (например, Поляны, Дубровичи), нескольких гнездовых (Воршево, Напольное). Хорошим примером такого соединения является план селения Тырнова слобода (рис. 11). Здесь несколько маленьких, расположенных по луговым линиям поселков помещичьих крестьян, квадраты, обнесенные домами, длинная слобода (улица) казенных крестьян, в центре селения площадь и базар, от них идут концы. Все эти части расположены по отдельным буграм, в осях которых видны культурные слои XI в., говорящие о существовании здесь старых поселков. Базарная площадь объединила их в одно селение, она, может быть, и давно была торговым пунктом; на эту мысль наводит положение селения на берегу Оки, по которой шла торговая дорога к древним болгарам, о чем говорят находки арабских монет.

Среди больших селений нужно отметить наличие в большом количестве селений с радиальными планами. Эта радиальность частично сохраняется и при перепланировке селений.

При решении вопроса о происхождении радиальных планов селений необходимо учесть два момента: селение развивается из кругового, расположенного вокруг пашни (Мервино) концентрическими кругами, начало развития которых мы видим в прилагаемом плане с. Карповского; селение развивается из концевой плана, когда концы отходят от центральной площади.

Разобраться в истории развития такого плана селения часто помогают названия его частей, встречаемые на планах. Так в с. Борки Мервинского района одна часть селения называется Селом, а другая Бором, в Путятине группа радиусами отходящих улиц с одной стороны площади, где церковь и базар, называется Селом, а длинная улица в два порядка, примыкающая к селу, называется Мордовский конец (название, наводящее на ряд размышлений, поскольку это территория, где происходила консолидация русских и мордвы в сравнительно недавнее время).

Названия второстепенных улиц: Выдерга (в с. Мурмино), Вылетовка (Борщевое), Бугровка (Загрядчино б. Раненбургского уезда), Заулок, т. е. за улицей (Остромино Рязанского района) или Иванов, Карпов конец и т. п.— указывают на позднее возникновение частей села.

Название «конец» очень распространено в нашей области. Это части села, расположенного вокруг площади; это улицы, принадлежавшие разным помещикам (Тютчев конец, Рюмин конец).

«Порядок» — этим термином называется основная часть селения основная улица (Д. Хорошевка) или вообще улица (Сапожок порядок в с. Кремлеве, Беломестный порядок в с. Пупки, Загорин порядок в с. Городецком, Ванюков порядок в с. Павелец). Селом в один порядок называются селения, когда дома расположены по одну сторону улицы в два порядка, когда дома идут по обе стороны улицы. Сам термин «порядок», возможно, возник в противовес старому нелинейному плану

расположения селения, при появлении линейных селений. Большинство помещичьих селений в южных районах нашей области, возникших в XVI в., имеют этот порядковый план.

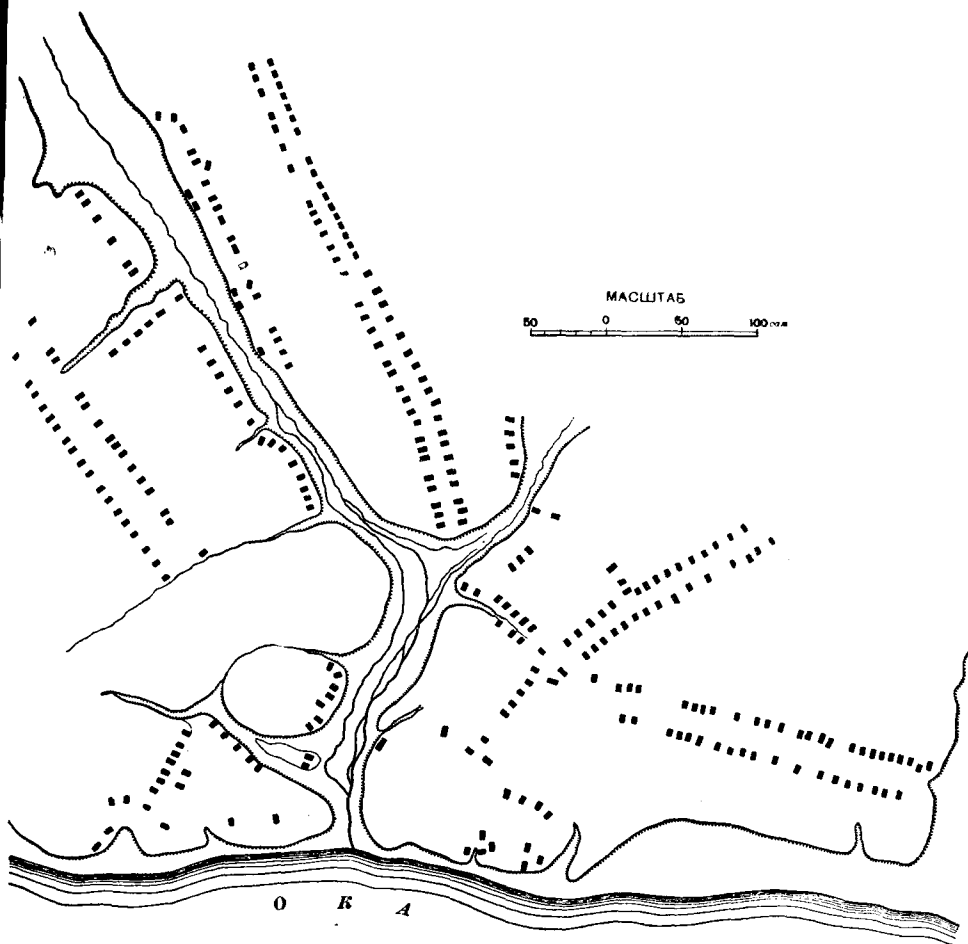

Рис. 11. План села Тырнова бывш. Спасского уезда, 1882 г. (Рязанский краеведческий музей). Торговое село XIX века. Тип села, образовавшегося от слияния отдельных бугровых поселков

Слободой называется нередко само селение в целом (Заокская слобода, Рыкова слобода — Солотчинский район). Так называются многочисленные слободы южных городов нашей области, расположенные радиусами вокруг них (вокруг Пронска, Шацка, Михайлова, Кадома, Данкова, Лебедяни), известные под названием Стрелецких, Пушкарских, Солдатских, Беломестных, связанных с мелкими военнослужилыми людьми Московского государства; Плотницких, Ямских, населенных людьми, несущими определенные повинности в пользу государства. Слободой называется и главная улица селения — Красная слобода (с. Загрядчина б. Раненбургского уезда).

Название слободы связывается не только с военнослужилыми людьми, но и с поселениями ремесленного и промыслового населения (Плотницкая слобода у г. Пронска, Рыбацкая слобода в г. Рязани — рыбаки архиерейского дома в XVII в.).

Планы селений Рязанской области отмечают особенности селений по размещению хозяйственных построек в отношении двора, размещению риг, овинов, амбаров, по наличию или отсутствию бань.

По связи жилого помещения с двором, с амбарами мы встречаем два основных типа: средневеликорусский и южновеликорусский типы застройки.

Первый характеризуется перпендикулярным положением избы в отношении к улице, открытым четырехугольным двором, объединяющим в себе амбар, погреб, сарай.

Второй характеризуется параллельным положением избы в отношении улицы, четырехугольным открытым в середине двором, с амбарами, сараями, погребами, мазанками, вынесенными на улицу или позади двора, на огород (рис. 12).

Первый вариант (хозяйственные строения вынесены на улицу) характерен для южных районов области (с. Грачи, Толстые Ольхи, Какуйское, Ухорь). Идя по улице такого села, можно было видеть два ряда строений: избу со двором и параллельно ей на улице мазанку «кровать», выход, погреб. Встречалась мазанка в виде четырехугольного глинобитного или каменного амбара, «кровать» — плетневое сооружение на помосте, на четырех столбах, с четырехскатной соломенной крышей, служащей для спанья летом. П. П. Семенов³¹ писал о таких же постройках, устраиваемых на сучьях старых ветел, и отождествлял их с шалашиами вятичей, живших «на дубах». Встречались выходы-кладушки для добра — полуземлянки со срубом внутри и с двускатной крышей, засыпанной землей, поросшей травой и мелкими березками; по устройству они аналогичны землянкам, найденным при раскопках Боршеве.

Второй вариант указанных жилых домов с постройками, вынесенными на огороды, встречался в Елатомском районе, в южной части Касимовского (см. план № 12, д. Аниковой) и был распространен по р. Парде до впадения в нее р. Верды.

Границей средневеликорусского и южновеликорусского двора является р. Пра. Встречались селения, где все амбары были вынесены на одно место (Борисловы б. Зарайского уезда).

Хлебные магазины, возникшие в 30-х гг. прошлого столетия, также выносятся на центральную площадь или на выгон (с. Никитское б. Данковского уезда).

Вынесение гумен с овинами или ригами в одно место широко было распространено в нашей области (см. часть плана с. Свинчус, рис. 3). Оно известно в Касимовском уезде (Самойлово, Копнино, Ерахтур, Свинчус, Занутринская слобода, Чисменки, Собакино), в б. Спасском уезде [Фатьяновка (рис. 13) Тырнова слобода], в Зарайском (Белыничинское), в Пронском (Поляны, Семенов) в Рязанском (Долгино, Слепцово, Старое Веселево), в Сапожковском (Максы), в Данковском (Хрущев, Дурневка).

Гумен и овинов гораздо меньше, чем жилых домов. Гумна часто принадлежали складникам: вместе строили овин, вместе им пользовались, вместе, помогая друг другу, молотили. Складниками были не столько родственники, сколько соседи, а то и просто товарищи — «шабры», как их называли в Московской области, в Дмитровском районе (овины шабров приходилось еще наблюдать в 1930 г.).

Вынесение гумен в одно место, складничество при построении овинов, риг, «толока» — взаимопомощь при обмолоте — все это архаизмы пережитки старых отношений, ведущих свое начало от родовой организации и после разложения родового быта связавшихся с «вервью» «миром» Киевской Руси.

Встречавшиеся примеры вынесения огородов в одно место в стороне от селения (Борки б. Рязанского уезда, Марково Рыбновского района), — возможно, также пережиток тех же отношений.

³¹ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 53.

Составители планов страхового отдела Рязанского губернского земства, имея в виду оценку страховых премий в связи с опасностью пожаров, обратили внимание на бани, а этим дали нам ценнейший материал. Бани встречались не у всех групп восточных славян. Киевская Русь бани знала: всем известен рассказ о казни древлянских послов Ольгой в бане. Бани широко были распространены по Днепру, Сожу, Ловати, вокруг Новгорода, на севере по путям новгородской колонизации и шли с этой колонизацией в Сибирь (Тюмень). Бань совсем не

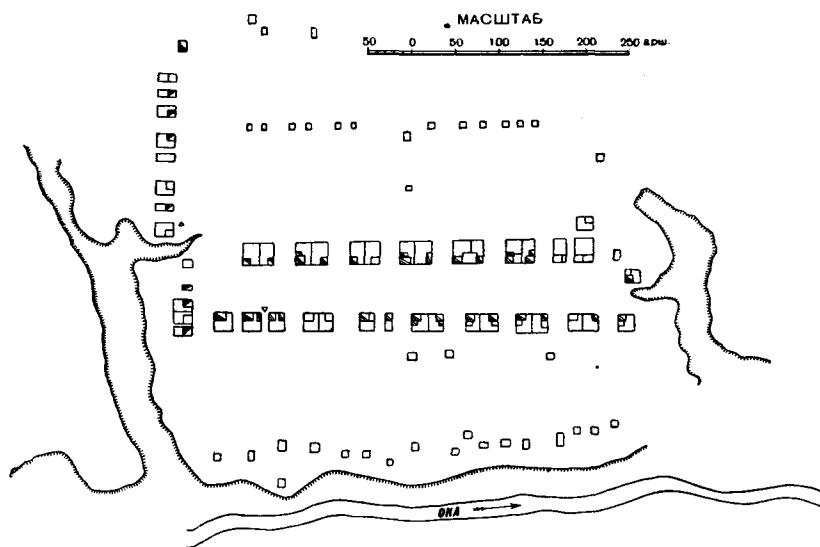

Рис. 12. План деревни Аниковой бывш. Касимовского уезда, 1903 г. (Рязанский краеведческий музей). Один из вариантов южновеликорусского типа поселений. До переустройства по плану 1876 г. был из трех концов

было в Мозырщине (БССР), в Брянском и Калужском полесье, в Орловской и южной части Тульской области. В Рязанской области бани в одних местах встречались, а в других нет.

Составленная карта распространения бань по области намечает территорию их распространения к северу от р. Пры и на восток от р. Рановой. На севере территория распространения бань совпадает со средневеликорусским планом жилища и двора, а также с особым вариантом южновеликорусского костюма. Обычно считали бани результатом культурного влияния Византии, основываясь на территории их распространения по Великому водному пути «из Варяг в Греки». А. П. Смирнов в своей работе «Древняя история чувашского народа» говорит о наличии бань у чувашей, отмечает наличие общественных бань в Болгарах, считает, что они были принесены от арабов, заимствовавших их от Византии³².

Мы думаем, что бани — местного происхождения. Как строения они глубокими корнями связаны с нашими избами (печь — каменка; план бани), с элементами жилища, встречаемыми в раскопках селищ XI—XII вв.

Наличие или отсутствие бань говорит о двух этнокультурных комплексах на нашей территории.

³² А. П. Смирнов, Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948, стр. 53.

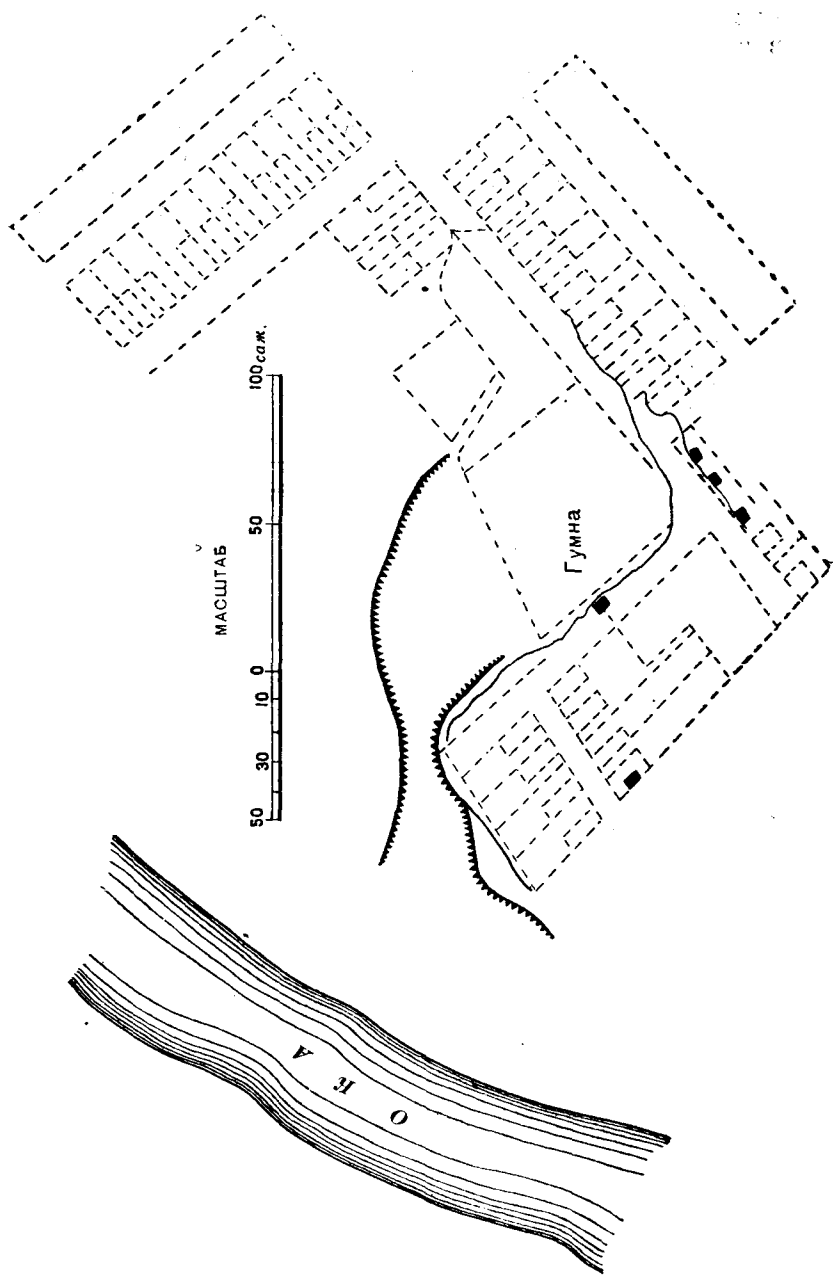

Рис. 13. План села фатьяновка бывш. Сласского уезда, 1874 г. (Рязанский краеведческий музей). Риги вынесены в одно место

Бани строились так же, как и овины, складниками. Ставили их группами у пруда (Прасковьиные выселки б. Сапожковского уезда) на огородах (Максы б. Сапожковского уезда).

В исследованных нами архивных документальных планах селений имеются сведения относительно названий рек, урочищ, оврагов, ручьев и др. Название местных рек, урочищ, ручьев непосредственно связано с каждым селением и является важным материалом, могущим пролить свет на этногенез рязанцев.

Вся топонимика, встречающаяся на нашей территории, резко разделяется на чисто русскую и общую с восточными финнами.

Русские названия в большом количестве связаны с обилием леса, с лесным хозяйством³³, например: «Просинка» — просека; «прочисти» — расчищенный лес; «Повалушка» — поваленный лес; «Сечи» — вырубленный лес, старинное слово сечь — рубить: «Погарище» — сторелый, выжженный лес; «Мостище» — мост через трясины; «Осинник» — осиновый лес (Хрушево Старожиловского района), речка Березовка (Глебово, Астромино Рязанского района); «Варановка» — от ворона (южнорусское аканье); «кулиги» — птички; «Пасеки» — пасека, речка Бобровка (Храпово Рязанского района); «Комариное болото» (Рыбное Рыбновского района и в Чапаевском районе). Все эти названия связываются с лесом, хотя его давно уже нет. Карта (схема) движения леса на тепь, составленная П. П. Семеновым³⁴, показывает, что весь юг нашей области был покрыт лесом, лес шел вдоль рек; было два степных района — это Половецкое поле — южнее р. Прони, где у с. Арцыбашева была раскопана в конце прошлого столетия могила «всадника», которая, по определению В. А. Городцова, относится к XI в., и Рясское поле (село Ряссы, Шелуховский район).

В наши дни осуществляется великий Сталинский план преобразования природы; создаются мощные лесозащитные полосы, строятся величайшие в мире по своей мощности Сталинградская, Куйбышевская гидроэлектростанции, прорываются грандиозные каналы для обводнения засушливых земель, совершенно преобразуется и изменяется лицо земли. Наряду с этим внедрение в практику травопольных севооборотов неизменно повысит урожайность хлебов.

Документальные данные в виде исторической справки о природных условиях и о развитии поселков в прошлом, связанные теперь с выбором места для лесопосадок в юго-восточной части Рязанской области, могут оказать пользу в деле составления микрокарт в районе новых лесонасаждений.

Есть названия, связанные с промыслами местного населения, с добычей и использованием естественных богатств края. Название ручья Жавец (Сысоево Рязанского района, Городецкое Старожиловского района, Рождественское Скопинского района и Алексеевское Чапаевского района) говорит о выходе болотной железной руды, которая со времен городищ дьякова типа использовалась для выработки железных изделий. Урочище Кузнецы говорит о наличии здесь мастеров этого дела (Хрушево Старожиловского района). Название Глинные ямы (Можарского района) связано с гончарством и т. д.

Русские названия охватывают всю территорию, поскольку в настоящее время вся область чисто русская, за исключением небольшого числа татар и мордвы; русские названия господствуют целиком, не перемешиваясь с другими южнее р. Прони и западнее Пары. К северу от Пары и к востоку от Пары много нерусских названий: овраг Шимашур (Мелехово Чучковского района), Курша (река и селение, целый район); урочище Ванхор (Путятинского района), Мутор, Унгарь (селение Унгарь позднее называется от реки), Нарма (селение), ручей Хайда (с. Астромино Рязанского района), лощина Эндова (с. Астромино Рязанского района), с. Можары, районный центр.

В курсах исторических географий Любавского, Середонина, Кузнецова, а также Иловайским, Ключевским поднимался вопрос о значении этих названий; их относили к мерянским, мещерским, марийским и мордовским. Б. А. Куфтин³⁵ склонен был считать их эрзянскими, переводя

³³ Ф. П. Саваринский, «О географических названиях Тульской губернии в связи с почвенными данными», Труды Тульской арх. ученой комиссии, вып. 2, 1914 — октябрь 1915 г., стр. 133.

³⁴ В. П. Семенов, Россия, т. 2, стр. 53.

³⁵ Б. А. Куфтин, Материальная культура русской мещеды стр. 14.

название с. Пекселы — большой вяз, Салаур — большой лес, р. Праголова, р. Поль — кайма, край, и поддерживал мнение Шахматова происхождения названия Рязани от слова «Эрзянь».

Весь этот материал подлежит изучению лингвистами и картографированию. Микрокарты прольют свет на далекое прошлое края, пойдут к тем временам, когда складывались славянские и восточнофинские языки и вместе с археологическими материалами и архаизмами — пережитками в области материальной и духовной культуры — помогут разрешению вопроса об этногенезе рязанцев.

При этом указания, данные И. В. Сталиным в его новом гениальном труде «Относительно марксизма в языкознании», о том, что «язык является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется»³⁶, служат той основой, на которой зиждется и изучение общерусской топонимики, связанной с названием рек, поселков, угодий, урочищ.

Рассмотрев планы селений в их основных вариантах в отношении происхождения и развития их в историческом прошлом, мы приходим к ряду выводов.

1. План селения XVIII—XIX вв. — сложный конгломерат прожитков времени, ярчайшая иллюстрация ушедших социально-экономических отношений. Даже при первичном анализе всех материалов, относящихся к этим темам, мы обнаруживаем остатки древнерусской верви (круговые планы; вынесение отдельно от усадьбы скотных дворов, амбаров, речных овинов; складничество; толока), т. е. той сельской общины, которая выросла, по Марксу и Энгельсу, из патриархальной семьи, которая является последним словом архаической общественной формации, переходной фазой ко «вторичной формации», к обществу, покоящемуся на рабстве и крепостничестве³⁷. Изменения планов поселков связаны с изменением в социально-экономической жизни населения, поэтому на планах видны картины феодальной Руси, помещичьих усадеб, занимающих часто гораздо большую территорию, чем целая деревня крепостных, на труде которых зиждилось все их благополучие (дома — жилье дворянских, без хозяйственных построек). На планах отразилось и разложение феодализма и внедрение в деревню купцов, мещан, разночинцев, рост торговых сел; этот процесс замечен уже на планах, относящихся ко второй половине XVIII в. и к первой, а особенно ко второй половине XIX века.

Изданный альбом этих планов мог бы служить иллюстрацией для истории ряда веков; многие из этих планов могут быть использованы в музейных экспозициях и в пособиях для школ, в частности планы, отражающие классовое расслоение деревни в XIX веке.

2. Зависимость плана селения и хозяйства от географических условий была гораздо меньшей, чем это было принято думать. Это особенно ярко видно на гнездовых, радиальных планах, отражающих социально-экономическую, классовую дифференциацию села в XVIII—XIX веках.

3. Одна форма поселения без анализа социально-экономических отношений, без связи с географической средой в древние времена и без датировки во времени ничего не говорит. Только характеристика плана по трем показателям (форма, социально-экономические отношения, географическая среда) дает результат. Это мы видим как на гнездовых так и на круговых планах.

Гнездовой план селения — пережиток родовых отношений, и его расположение на бугре уводит нас ко времени древнейших поселений (не позже раннего железного века).

³⁶ И. Сталин, *Относительно марксизма в языкознании*, изд. «Правда», 1950, стр.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. XXVII, стр. 694—696.

Гнездовой план однодворческих селений, частично расположенный по оврагам, но чаще по равнинам (поскольку это связывается с освоением больших пахотных пространств) характеризует пути т. н. московской колонизации южной части Рязанской области и объясняет тип однодворческого двора, «двора-крепости», существование которого мало было понятно при нахождении его в перепланированном в одну линию селении (двср Уколова, с. Сурки Данковского уезда, 1924).

Наличие круговых сел на дюнах наводит на мысль о необходимости археологических дополнительных исследований, которые могут вскрыть существование круговых поселков в период до городищ дьякова типа.

Круговые поселения вокруг пашни характеризуют большое сосредоточение на нашей территории в XI—XIII вв. населения, связанного с сельским хозяйством.

Радиальные планы городов XVI в. южной окраины (Рязанское Подонье) говорят о том строительстве, которое вело Московское государство при охране своих южных границ. Радиальные планы селений конца XVIII—XIX вв. фиксируют роль торговых пунктов, рост крупных хлебных рынков в черноземной полосе нашей области (Ухолово).

4. Детальное изучение планов селений в связи с историей каждого из них, в связи с археологическими и лингвистическими данными может быть ценнейшим материалом для этногенеза рязанцев.

5. Планы характеризуют в этнографическом отношении Рязанскую область в конце XIX в. как область южновеликорусскую и средневеликорусскую, помогают наметить границу между этими двумя группами русского населения по р. Пре. Оставшиеся незастроенными места после перепланировки изб являются в наиболее старых селениях в известной мере археологическим памятником, изучение которого может вскрыть генезис средневеликорусского плана избы, поскольку он до сих пор еще этнографами не выявлен.

Перепланировка селений в конце XIX в. создала большую нивелировку их, внося линейность, но сохранила площади и круговое расположение домов вокруг них, как бы признав за ними «права гражданства».

Перепланировка селений создала индивидуальные усадьбы, объединила их со всеми хозяйственными постройками; тем самым осуществлена была тенденция того времени — создание индивидуальных мелких хозяйств.

В XX в. столыпинской реформой о хуторском хозяйстве, стремившейся усилить капитализацию русской деревни, были созданы хутора, но их в Рязанской области было так мало, что они почти не изменили картины области (материал по ним имеется в областном архиве).

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла большие изменения в планы селений. Коллективизация сельского хозяйства резко изменила весь облик деревни. Подходя к любой современной деревне, мы видим коллективное хозяйство: большие скотные дворы, зернохранилища, овощехранилище, вынесенные часто на простор, на выгоны, и др.

В настоящее время мы стоим перед новой фазой планировки наших селений в связи с укрупнением колхозов и созданием агрогородов. Не плохо было бы, чтобы землеустроители при создании новых агрогородов зафиксировали бы планы существующих селений. Это будет документом проведенного грандиозного социалистического переустройства жизни деревни, идущей по новому, социалистическому пути.

«...Народу русскому дороги не заказаны, пред ним широкий путь»

СПИСОК КРУГОВЫХ СЕЛЕНИЙ, НАНЕСЕННЫХ НА КАРТУ РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Курапово	59. Кремлево
2. Ершово	60. Мшанка
3. Заднее Пилево	61. Вослебово
4. Потапово	62. Липяги
5. Лысово	63. Борщевое
6. Бусаево	64. Павловское
7. Гришино	65. Богородицкое (Черные курганы)
8. Новоселки	66. Чернава
9. Полково	67. Секирино
10. Поляны	68. Чулково
11. Дубровичи	69. Поляны
12. Долгинино	70. Городецкое
13. Мурмино	71. Журавинка
14. Вышгород	72. Милославское
15. Сумбулово	73. Мураевня
16. Гавердово	74. Избищи
17. Половское	75. Ягодное
18. Агламазово	76. Домачи
19. Красильники	77. Колодези
20. Троица-Поляница	78. Вязовенка
21. Степановское	79. Измайловка
22. Перевлес	80. Ярославы
23. Коростово	81. Теплое
24. Житово	82. Круглое
25. Жолчино	83. Зашево
26. Бахмачево	84. Хрушево
27. Мервино	85. Ивановка
28. Подлесное	86. Софьянка
29. Лямино	87. Большие Избищи
30. Дербень	88. Крутое
31. Плахино	89. Пупки
32. Пупкино	90. Колыбельское
33. Рожок	91. Пронск
34. Екимовка (погост)	92. Бестужево
35. Мордасово	93. Смыглово
36. Романцево	94. Столбцы
37. Ялтуново	95. Фролово
38. Захарово	96. Мосалово
39. Осово	97. Шелухово
40. Хавердово	98. Дмитриевка
41. Студенец	99. Смыково
42. Троицкое	100. Коровка
43. Тырново	101. Еголдаево
44. Долматово	102. Ухолово
45. Карповское	103. Норовка
46. Хрушево	104. Киселево
47. Тырново	105. Кытово
48. Никитское	106. Погост
49. Букрино	107. Даньково
50. Старожилово	108. Ерахтур
51. Чулково	109. Колоново
52. Красное	110. Тырнова слобода
53. Яблонино	111. Лубонос
54. Печерники	112. Чучково
55. Семеновское	113. Остропластиково
56. Высокое	114. Клетино
57. Горлово	115. Лаптево
58. Рудинка	

Примечание: Нанесенные на карту №№ 116—123 в настоящее время к Рязанской области не относятся.

КУЛЬТУРА И БЫТ КОЛХОЗНИКОВ ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ

*(По материалам колхоза имени Молотова
Новомилятинского района) **

Изучение культуры и быта колхозников западных областей Украины имеет свою специфику. Эти области вошли в состав Советской Украины только в 1939 г.; сплошная коллективизация фактически закончилась здесь лишь в 1950 г. Но даже за этот короткий срок новые производственные отношения на селе коренным образом изменили мировоззрение колхозников, оказали воздействие на их культуру и быт.

В 1939 г. осуществились вековые чаяния украинского народа — западные земли стали неотъемлемой частью единого Украинского Советского социалистического государства.

Западноукраинские земли, или, как они назывались раньше, Галиция, были колониальным придатком Австро-Венгрии, а позже — Польши, Румынии, Чехословакии. Промышленность этого края была ничтожной, ее развитие насильственно тормозилось. На крайне низком уровне развития стояло и сельское хозяйство.

В нужде и горе жили рабочие и сельская беднота Западной Украины. Нищенское существование галицийских крестьян было известно всему миру. Об этом очень ярко рассказывают в своих произведениях Франко, Стефаник, Черемшина, Мартович.

На протяжении многих лет население Галиции насильственно было отделено государственной границей от украинцев восточной части Украины.

Но жизнь и революционно-освободительная борьба населения западных областей развивались под влиянием борьбы населения восточных областей Украины, жизни и борьбы великого русского народа, под влиянием революции 1905 г., Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и послеоктябрьского социалистического строительства в СССР. Сейчас социалистическое переустройство села в западных областях УССР идет при большой повседневной помощи трудящихся ее восточных областей и всего Советского Союза. Это значительно сокращает те пути социалистического переустройства народного хозяйства, культуры и быта местного населения, которые пришлось пройти восточным областям УССР после Октября, и дает возможность западным областям весьма быстро догнать в экономическом и культурном развитии восточные области.

Новомилятинский район Львовской области, входивший ранее в Каменко-Струмиловский уезд, расположен в так называемой Надбужанской низменности, которая пересекается большими и малыми холмами.

---

* Настоящая статья написана по материалам экспедиции Этнографического музея Академии Наук УССР 1949 г. научными сотрудниками Музея тт. Ломовой, Фиголь, Матейко, Гарасимчук, Сидорович, Козакевич.

Село Неслухов находится в 12 км от ближайшей станции Задворья в 6 км от районного центра — Новомилятина и в 45 км от областного центра — Львова, на прекрасной асфальтированной магистрали Львов-Киев, по которой два раза в день проходит автобус. Основное население села составляют украинцы.

Село Неслухов до 1939 г. имело 722 га земли, из которых 442 га лучшей земли принадлежало графу Дедушицкому, церкви и кулакам. И только около 280 га, что составляет меньше 40% всей земли, принадлежало 162 дворам бедняков и середняков. Каждый двор в среднем имел 1—0,5 га земли. Это были худшие земли, расположенные далеко от села, по краям помещичьих владений.

Прожить на таких наделах было невозможно, и этим объясняется тот факт, что 25% населения села (40 дворов из 162) стали батраками графа Дедушицкого, постепенно лишившись не только земли, но и хаты. Не менее тяжело, чем батракам, жилось и крестьянам-беднякам на их мизерных наделах. Крестьяне искали выхода в эмиграции, выезжая на заработки во Францию, в Америку.

Большинство населения было неграмотным. О медицинской помощи, клубе, библиотеке, читальне, кино население даже ничего и не слышало.

Крестьяне с. Неслухова вместе с населением всей Западной Украины упорно боролись за свое освобождение против австрийского господства против помещиков и капиталистов. В 1902 г. против графа Дедушицкого вспыхнуло восстание батраков и бедняков Неслухова, во главе Марком Слющинским, Терентием Галан, Алексеем Зацерковным, Михайлом Касаяком.

Против крестьян, вооруженных вилами и косами, были вызваны улань. Но крестьяне твердо стояли на своем, и Дедушицкий вынужден был временно пойти на уступки.

В 1912 г. в Бусске был создан рабочий комитет с отделением и в Неслухове, где во главе его стояли Михаил Козуб и Владислав Грабовский. Комитет созывал собрания крестьян в Неслухове, следил, как выплачивались деньги батракам и рабочим в кузнице Дедушицкого.

Октябрьская революция оказала решающее влияние на развитие украинского народа, в частности населения западных областей Украины. В. М. Молотов говорит, что вслед за русским народом украинский народ первый пошел революционным путем.

Огромную роль в распространении и укреплении революционных настроений сыграли военнопленные, выходцы из Галиции. Возвращаясь домой, они стали пропагандистами советской власти, призывая крестьян Неслухова прогнать Дедушицкого, отобрать у него землю, распределить ее между крестьянами. Они призывали к борьбе за воссоединение Галиции с Советской Украиной. Таковы Федор Трач, убитый в 1925 г. польскими войсками, Николай Боркун, в настоящее время работающий огородником в колхозе, колхозница Настасья Огниста, которая возвратилась из России в 1921 г. С братской помощью Красной Армии в 1920 г. в 18 районах Львовской области была установлена советская власть; в числе их был и Новомилятинский район вместе с входившим в его состав Неслуховым¹.

В 1920, 1921, 1923 гг. в Каменко-Струмиловском уезде, в который входила территория нынешнего Новомилятинского района, проходит волна восстаний против установления в западных областях господства панской Польши. Годы 1928, 1929, 1930 характерны выступлениями крестьян против помещиков; горели помещичьи имения, скирды. В Неслухове в эти годы горели скирды Дедушицкого, подожженные крестьянами.

¹ См. газ. «Львовская Правда» от 8. I. 1948.

Революционное движение среди галицийского крестьянства не прекращалось вплоть до 1939 г., когда произошел коренной перелом в его судьбе. Крестьяне получили землю; Советское государство выделило бедноте кредиты, помогло в приобретении лошадей, коров и инвентаря. Следуя указаниям партии Ленина — Сталина и используя опыт восточных областей УССР, крестьяне с Неслухов сразу же приступили к организации колхоза.

По инициативе батраков и бедняков Николая Галан, Луки Карасюк, Елены Стецкив и др., с помощью партийных и советских организаций района в 1940 г., в условиях жестокой классовой борьбы, здесь был создан один из первых в Новомилятинском районе колхоз имени Молотова, состоявший из 30 дворов. В 1948 г., после освобождения западных областей УССР от фашистской оккупации этот колхоз был восстановлен.

В 1949 г. весь Новомилятинский район стал районом сплошной коллективизации. Совершенно изменился полевой пейзаж села. Навсегда исчезли маленькие, узенькие полоски земли, создана одна колхозная нива. Растет и крепнет общественное хозяйство колхоза. Вместе с этим идет процесс воспитания нового человека, человека социалистического общества.

Созданные в колхозе партийная и комсомольская организации уделяют большое внимание воспитанию добросовестного отношения колхозников к работе, бережного отношения к общественному имуществу и умению сочетать интересы колхоза с личными интересами.

Лучшие, более сознательные колхозники, по примеру коммунистов, становятся новаторами колхозного строительства, оказывая влияние на менее сознательных, помогая им подняться до уровня передовиков. Такова колхозница коммунистка бывшая батрачка Елена Стецкив, получившая в 1949 г. 429 ц с гектара сахарной свеклы и являющаяся активным общественным деятелем. Такова комсомолка звеньевая Стефания Галан, давшая обязательство вырастить в 1950 г. урожай свеклы по 620 ц с гектара. Указом Президиума Верховного Совета СССР обе колхозницы награждены орденами «Трудового Красного Знамени».

Настойчиво выполняя постановление партии и правительства о трехлетнем плане развития общественного животноводства, бывшая батрачка доярка Настя Шостак в 1949 г. добилась самого высокого по Львовской области удоя молока — по 2600 л от каждой коровы; она отмечена правительственной наградой, а также премирована 800 л молока.

Жизнь и работа в колхозе коренным образом изменили бюджет крестьянина, бюджет, который теперь зависит исключительно от его стараний и усилий, от его труда. Основные источники дохода каждой колхозной семьи составляют продукты и деньги в счет выработанных трудодней, премии за высокий урожай и добавочные доходы от собственного хозяйства. Из 30 обследованных семейств в Неслухове в среднем каждая семья там, где есть один трудоспособный, например, Стецкив, Новосад, Гайлаш, Куплевская, Гедзун и другие, выработала до 400 трудодней, а такие семьи, где двое-трое трудоспособных, как Галан, Олийник и другие, выработали до 1000 трудодней. В 1949 г. оплата на трудодень составляла 2 р. 50 коп. деньгами и 3 кг зерна, что дало первой группе колхозников по 1000 руб. деньгами, по 12 ц хлеба, а другой группе по 2500 руб. деньгами и по 30 ц хлеба. К этому надо добавить плату сахаром, которая составляла в таких семействах, как Олийник, 70 кг, Гедзун — 48 кг, Куплевская — 102 кг, Михайлишин — 100 кг, и полученные премии: Олийник — 800 руб., Гедзун — 400 руб., Куплевская — 788 руб., Михайлишин — 1022 руб., Лятовская — два поросенка, Настя Шостак — 800 л молока. К этому надо еще прибавить доходы от приусадебных наделов — доходы от огорода, сада, коровы, свиньи, кур.

Все это вместе составляет бюджет колхозной семьи, равняющийся среднему от 15 до 20 тыс. руб. в год. Колхозница О. Стецкив, которая в прошлом была батрачкой у Дедушицкого, не имела даже своей хаты и жила в «чвораку» (помещение для батраков), теперь имеет свою хату. Выработала она в 1949 г. 400 трудодней, получила 1000 руб. деньгами, 12 ц зерна, 120 кг сахара, премию 1000 руб. за свеклу, а колхозница с. Неслухова Клина Владимировна Михайлишина вот что рассказывает о своей жизни:

«Я, многодетная мать, в панской Польше пережила всю тяжесть бедности, презрения и обид. Земли было у нас мало, не было, чем детей прокормить. Я батраковала поденщицей у пана Дедушицкого, а муж мой был колесником. Зарботки были ничтожные, а поля всего четверть гектара. В те времена сама я одна с детьми пропала бы.

Теперь другое дело, хоть мужа нет, он погиб на войне с немецкими фашистами. Государство мне ежемесячно помогает. Я член сельской хозяйственной артели, могу сама заработать для себя и для детей — за работала в 1949 г. 309 трудодней. Жаль, что нет мужа, но и его смерть как и смерть других, защитила нас от дальнейших бедствований и гор. Живу для нового дела, живу для детей. Дети хорошо учатся в школе. Я хочу послать их дальше учиться в высшую школу».

Современная колхозная семья освободилась в советских условиях от тяжелой необходимости всю жизнь собирать деньги для покупки земли. Теперь колхозники все свои материальные возможности используют на то, чтобы улучшить свой быт: строится просторная, чистая, светлая хата с несколькими комнатами; возле хаты сажают сад, заводится пасека, приобретается обувь, одежда, улучшается питание семьи. Дети учатся в средней, а некоторые в высшей школе. Колхозная семья пользуется электричеством, радио, газетой, книгой, кино.

Внешний вид с. Неслухова типичен для Украины. Беленькие аккуратные хатки раскрашены цветной глиной и окружены деревьями, кустами роз и сирени. За привлекательной внешностью этих хат буржуазные ученые (Грушевский, Волков, Коваленко) не видели классовой дифференциации капиталистического села. Между тем следы этой классовой дифференциации, имевшей место в Неслухове в прошлом, сказываются в усадьбе и в жилье колхозников еще и в настоящее время (рис. 1).

Усадьбы бывших бедняков — прямоугольные, очень узкие, имеют только одну хату, с пристроенной к ней стайней.

Усадьбы бывших кулаков — просторные и имеют обычно квадратный план, центральное место которого занимает хата. Хозяйственные постройки здесь ставились отдельно от хаты — хлев, навес и рига. В этих усадьбах за домом есть сад и огород.

Строительным материалом в Новомилятинском районе является дуб, сосна, кирпич, глина, смешанная с соломой («вальки») — для стен; солома, черепица и железо — для крыши.

Хата бедняка строилась на деревянном основании без фундамента. Невысокие «валькованные» стены с деревянными столбами покрывались соломенной крышей с пирамидальной квадратной в основании дымоходной трубой, сплетенной из хвороста и обмазанной глиной. Пол в хате глинобитный или земляной; окна маленькие, квадратной или прямоугольной формы из четырех, редко из 6 частей. Двери одностворчатые на железных петлях, некоторые с деревянными засовами; небеленый потолок опирался обычно на поперечные балки. По плану такая хата трехраздельная и состояла из жилой комнаты, сеней и хлева или кладовой. Более новые хаты имели две жилые комнаты, разделявшиеся сенями. Встречаются также, правда, сравнительно редко, хаты бывших бедняков, состоящие только из сеней и жилой комнаты. Внутреннюю обстановку составляли деревянная кровать, скамейка и сундук, который часто заменял стол.

Хаты бывших середняков размером больше бедняцких и построены из более дорогого материала. Стены их сделаны обычно из досок, вделанных в столбы, реже стены валькованные, очень редко построены из бревен, в угол. С обеих сторон стены обмазаны белой глиной, а внизу обведены желтой глиной. Некоторые хаты, главным образом новые, имеют двускатную железную крышу. Над кирпичной печью новой

Рис. 1. Хата М. Т. Галана, бывш. батрака графа Дедушицкого

конструкции (варистая печь «пiкна пiч» и плита) построен кирпичный дымоход. В таких хатах можно встретить иногда кирпичный фундамент, деревянный пол, прямоугольные четырехстекольные окна, а также новейшей конструкции (филенчатые двустворчатые) двери.

Хаты бывших кулаков размерами велики, построены из прочного и дорогого материала, имеют деревянные стены на кирпичном фундаменте, двускатную, реже четырехскатную железную или черепичную крышу. Отличаются они от хат бедняков и середняков также наличием печей более совершенной конструкции, кирпичных дымоходов, деревянным полом, большими и широкими окнами, двустворчатыми дверьми с железными замками. Вход в дом имеет крыльцо с несколькими ступеньками. Дом состоит из 4—5 или 6 частей. По середине дома расположены сени, а за ними — летняя кухня; с левой стороны — жилая комната, а за ней — зимняя кухня с печью и плитой; по правой стороне сеней — «светлица», а за ней — кладовая с ходом на чердак. Характерной для этого типа жилья была богатая домашняя обстановка городского типа, например, столы, кровати, шкафы, сундуки, украшения на стенах и занавеси на окнах.

В результате коллективизации меняется внешний вид села и отдельных усадеб колхозников. Появляется новый центр в селе (рис. 2) — колхозный двор, правление колхоза. В хозяйственный центр колхоза входят новые постройки: конюшня, хлев, свинарник, зернохранилище, коровник, два крытых тока, навес для сена, птичник, кладовая, хата-лаборатория. Все эти строения имеют валькованные стены, крыты железом, и только

одно-два из них крыты временно соломой. В бывших кулацких дворах размещены сельсовет, медицинский пункт, сельмаг, библиотека, молодежный пункт.

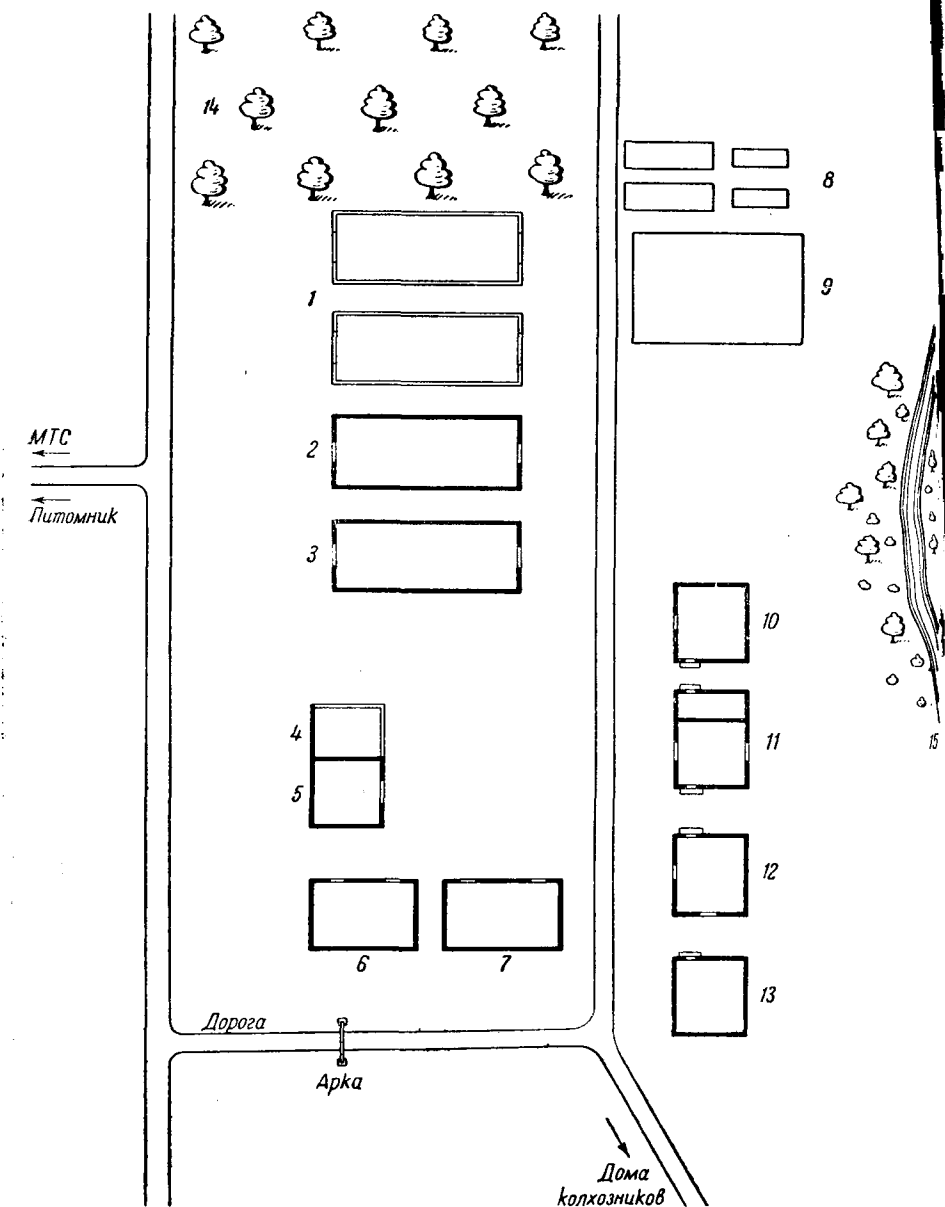

Рис. 2. План хозяйственного центра колхоза им. Молотова (с. Неслухов): 1 — крытый ток; 2 — коровник; 3 — конюшня; 4 — помещение для инвентаря; 5 — зернохранилище; 6 — помещение для минеральных удобрений; 7 — телятник; 8 — скирды; 9 — ток для молотбы; 10 — птицеферма; 11 — правление колхоза и кладовая; 12 — хата-лаборатория; 13 — склад; 14 — сад; 15 — зеленые насаждения

Изменяют свой облик усадьбы колхозников. Исчезают на дворах большие хозяйственные постройки, как, например, рига.

Теперь никто уже не строит таких хат, какие были раньше у бедняков. Новые хаты возводятся из дерева на фундаменте или на «підмурку»; по плану они трехкамерные, крыты железом или черепицей, с бол-

шим числом светлых окон, с крыльцом перед входом, с деревянным полом, окрашенным масляной краской (рис. 3).

Хозяйственные постройки — коровник, свинарник, курятник — стоят отдельно от хаты. Под крыльцом хаты помещается погреб. Теперь нет надобности в больших хозяйственных постройках; вместо них около дома сажают сад, под окнами разводят цветы. Изменилось и назначение отдельных помещений внутри жилья. В новых колхозных домах кухня отделена от двух других комнат — спальни и чистой комнаты

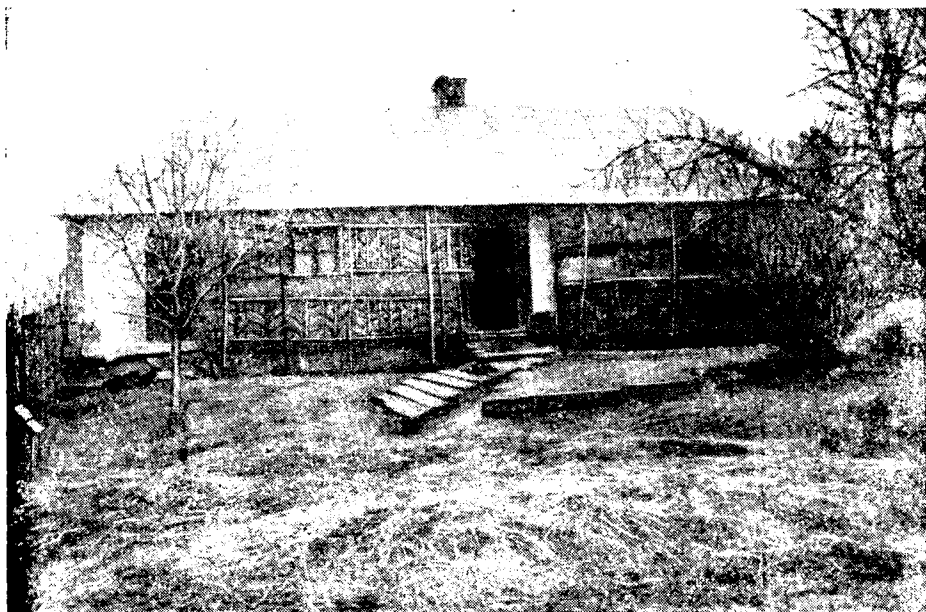

Рис. 3. Новый дом бригадира Владимира Стецкого. Стены снаружи обложены соломой на зимнее время (так наз. «загата»)

или комнаты для дочери, если есть взрослая девушка в семье. Старая печь, которая занимала $\frac{1}{4}$ площади жилого помещения, в которой варили пищу, пекли хлеб, около которой сушили белье, на которой спала вся семья, укрытая одной «веретою», в современном колхозном быту исчезает. В кухнях строится небольшая печь для выпечки хлеба, а около нее сделана железная плита для варки пищи; в других комнатах поставлены обогревательные, часто с плитами, печи, украшаемые росписью (рис. 4).

Взросшие материальные возможности стимулируют рост культурных потребностей колхозников, что находит свое отражение во внутренней обстановке и убранстве хаты. Появляются железные кровати отдельно для детей и для взрослых. Для сна также используется деревянный диван «бамбетель». Новым моментом в культурном колхозном быту села является постельное оборудование. На кровати лежит сенник или матрац, одеяло, перина. Тулупом, «веретой» или своей «свитиной» никто уже не укрывается. На подушках и перинах — ситцевые в крапинку или белые вышитые наволочки. Постель покрывают хлопчатými узорчатыми «капами» или байковыми крашенными в один цвет «коцами» или из узорной ткани — «наліпениками». Совершенно новым предметом среди постельных принадлежностей является одеяло (рис. 5). Новая одежда городского покрова, особенно у молодежи, требует новых условий хранения. Сундук («скриня») отживает свой век, стоя где-нибудь на кухне или в сенях. В лучшем случае он заменяет на кухне стол, и в нем сохраняют старую зимнюю одежду. Новая современная

одежда хранится в шкафах, и для глажения ее применяется утюг. В кухне еще сохраняются скамейки вдоль печи и стола, а в других комнатах их уже заменили фабричные гнутые стулья или разнообразные табуретки, которые стоят около стола, накрытого скатертью. В жилых комнатах стол стоит не так, как раньше, в углу хаты, а около стены.

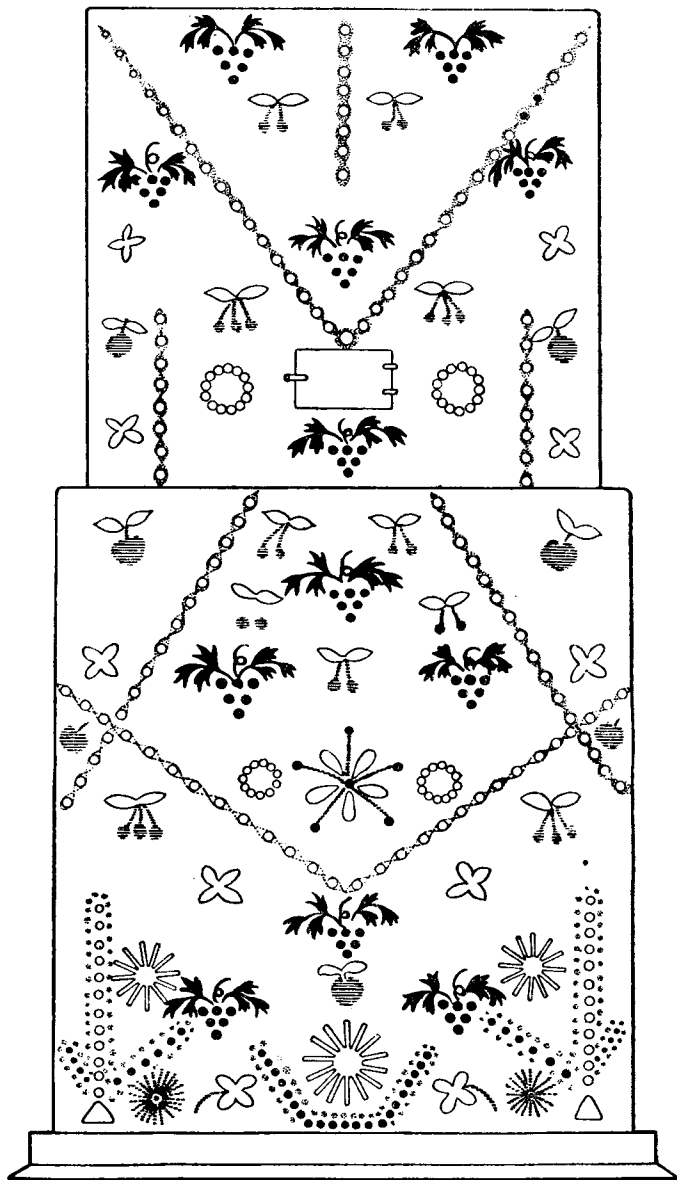

Рис. 4. Роспись на печи в хате колхозника С. И. Михайлишина, выполненная в 1949 г. М. Михайлишиной

между окон. Зеркало на стене или трюмо («психа») стало обыкновенной вещью в хате колхозника. Во многих семьях есть швейная машина. Всюду на окнах есть занавески («франки») из белого тонкого материала. Портреты вождей рядом с семейными фотографиями, художественные плакаты, вырезки из газет украшают стены колхозных хат.

Показателем культурного роста населения является распространение прочно вошедших в быт газет и книг. Во многих семьях для них от-

дено особое место — полка или этажерка. Освещение в хате электрическое. В каждой хате есть радио.

Лучшая материальная обеспеченность создает благоприятные условия для повышения культурного уровня колхозных семейств, выдвигает новые требования к бытовым условиям. Колхозники планируют в своем бюджете расходы на новые хаты, на новую обстановку, на одежду.

Значительные изменения наступили в питании колхозников. При капитализме для Неслухова было типичным, что к весне уже нехватало хлеба. В связи с недостаточным питанием крестьяне часто болели так

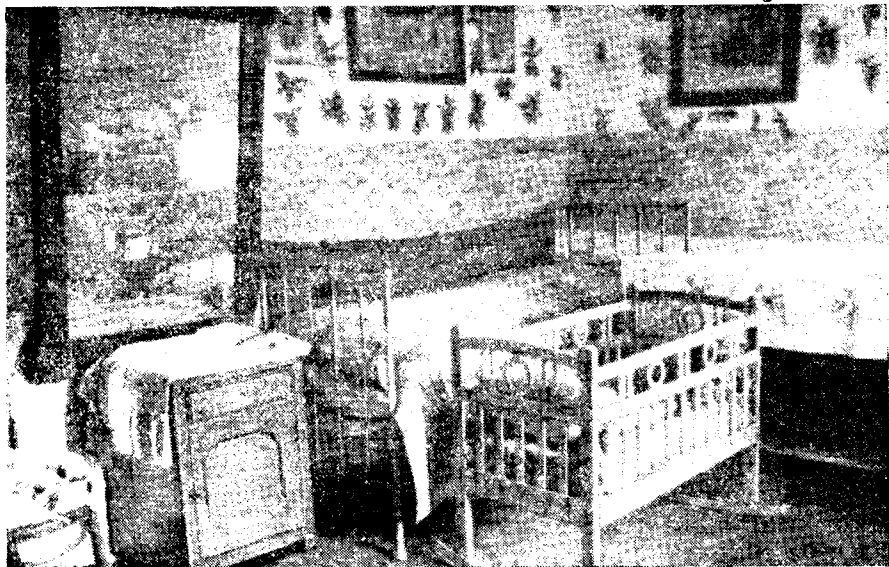

Рис. 5. Внутренняя обстановка комнаты колхозницы Стефании Антоновой

называемой «куриной слепотой». Пища их была мало питательна, нехватало жиров, сахара, вследствие чего во время тяжелых работ с крестьянами случались обмороки. Плохое питание и антисанитарные условия жизни приводили ежегодно к заболеванию сыпным и брюшным тифом.

Теперь в питании колхозников существенную роль играет сахар. Обычным явлением в быту колхозной семьи стало кофе на молоке с сахаром, которое обычно пьют по утрам. Питание трехразовое: завтрак, обед и ужин. На обед в будни обычно готовят суп, борщ или капустняк, кашу гречневую, пшенную, ячменную, картофель, творог, тесто, летом приправленные сливками и маслом, а зимой салом. Для приправы употребляют также льняное масло. В выходные дни (это обычно воскресенье) варят «пироги», т. е. вареники с творогом, картофелем, капустой, готовят голубцы с кашей. Ужин составляет какой-нибудь суп — мясной или молочный. Из муки, кроме хлеба, пекут теперь пироги с творогом, картофелем, с пшенной кашей, с яблоками, пекут «медовники», «крухи», «завивальники» и рогаики. Из жидкого теста делают «хляповки», т. е. блины, жаренные на масле или смальце и обсыпанные сахаром; жарят также и «пампухи».

На праздники — в Первое мая, годовщину Октября, новый год — меню разнообразится большим количеством мясных и мучных блюд и напитками.

В праздники едят за столом, покрытым скатертью. Очень редко теперь едят все из одной миски; в новый колхозный быт вошли тарелки, металлические ложки, вилки, ножи. Деревянную ложку можно встретить

только на кухне. Новая пища, новая печь с плитой и так называемая «братурой» (духовкой) изменили кухонную посуду. Глиняная посуда («сиваки») стала только вспомогательной и употребляется главным образом для молочных продуктов. Распространена посуда «поливянная» — алюминиевая. Деревянное ведро заменено ведром из оцинкованного железа, а деревянный «цебрик», который раньше служил для мытья посуды, заменен железной так называемой «бритванкой» (тазик). Вошел в быт терка, сита, жестяные «поливянные» друшлаки, мельничка для размола кофе, мясорубка, секач, сковородки, металлические формы для выпечки теста. Место для кухонной посуды отведено около входных дверей в кухню; направо от них, там, где раньше был «мисник», теперь стоит столик или шкаф.

Еще в начале XX в. в Неслухове большое значение в жизни крестьянской семьи имела обработка волокнистых веществ. Ткань домашнего изготовления употреблялась для одежды, а также служила для внутреннего оборудования жилья и предметов сельскохозяйственного назначения. Из всех видов тканей первое место по распространенности занимали льняные и конопляные ткани, второе место — шерстяные ткани, которые население покупало в соседних районах.

Посевы льна и конопли имелись в каждом хозяйстве. Работа, связанная с выращиванием и переработкой волокнистых растений, занимала в цикле годовых хозяйственных работ Неслухова значительное место.

Вся первичная обработка льна и конопли производилась вручную примитивными средствами, а некоторые этапы работы, как, например, осеннее вымачивание конопляной ткани, происходили в крайне негигиенических условиях. Социалистическое переустройство в нашей стране положило этому конец. В связи с планированием посевной площади культуры льноводство сконцентрировано в тех районах, где для этого имеются наилучшие естественные условия. Новомилятинский район потерял свое значение льноводческого центра. Посевы волокнистых культур здесь незначительны.

Но и сейчас, в условиях колхозного хозяйствования, обработка льна и конопли — прополка «брання» и все дальнейшие процессы переработки их по сохранившимся еще старым традициям остаются за женщинами. В организации труда сохранилось много моментов, которые напоминают бывшие «толоки». Технической новостью в теперешней обработке волокна является применение вместо ручных терок механического способа обработки.

Лен и конопля используются колхозами главным образом для изготовления веревок, мешков, простынь и других предметов, необходимых в сельском хозяйстве. Основная потребность колхозников в тканях удовлетворяется текстильной промышленностью. Советская система организации торговли, исключая эксплуататорское посредничество, обеспечивает теперь колхозное село фабричной тканью различных сортов в достаточном количестве.

Среди тканей, служащих для украшения комнаты, чаще, чем, например, в тканях для одежды, встречаются давние домотканые льняные и конопляные изделия работы местных ткачей: «простираля», которыми застилают солому в кровати, вереты, которые служат для покрытия постели, «пошивки» на подушки, «настольники». Вытканы они преимущественно «чиноватим» переплетением («саржой»), ибо такое переплетение делает ткань более прочной и дает на белом полотне тонкий рисунок в виде «елочки», «окошек». Особенно красивые рисунки встречаются на полотенцах и на настольниках; здесь этот эффект умышленно используется как декоративное средство.

Иногда белая поверхность настольников и верет бывает оживлена несколькими поперечными полосами цветных ниток, которые ритмично повторяются.

На тканях Новомилятинского района узорное тканье как декоративное средство применяется довольно редко. Чаще встречаются вышивки. Белые льняные или конопляные «вереты», «пошивки», «настольники» и полотенца украшены вышивкой. Рисунок этих вышивок очень богат. Наиболее популярными мотивами в позднейших вышивках являются цветы, ветки с цветами, букеты цветов в кувшинах, птицы на ветках. Для старинных вышивок более характерен геометрический орнамент, вышитый хлопчатобумажными нитками черного и красного цвета техникой креста. В композиции преобладает случайное сочетание мотивов (рис. 6), реже встречается шахматный узор.

Рис. 6. Вышивка на постельном белье в хате колхозницы Ивашевой

Полотенца делают из лучших сортов полотна, разрезая его вдоль пополам и отделявая одну сторону рубцом. Иногда ткнут полотенца поштучно. Кроме полотенец, использующихся утилитарно, встречаются также декоративные полотенца. В орнаменте вышивок на этих полотенцах рядом с местными узорами с геометрическим орнаментом, вышитым крестом, встречаются элементы вышивок, характерных для полтавских и киевских полотенец, что проявляется в технике шитья и характере рисунка (преобладает растительный орнамент — мелкие букеты цветов, цветы в вазах и птицы) и способе размещения орнамента на поле полотенца. В старинных местных полотенцах орнамент помещен на краях, в новых декоративных полотенцах он размещается почти на всей площади полотенца.

Комната, убранная белыми вышитыми тканями, вызывает приятное чувство свежести и чистоты.

Новые условия труда, повышение материального благосостояния колхозного крестьянства внесли большие изменения в народную одежду. Теперь крестьянская одежда приняла в общем городские формы, но не слепо, сохраняя при этом свою оригинальность и особый стиль.

На первый план в вопросе одежды выступает момент практичности. Форма отдельных частей одежды применяется прежде всего к потребностям сегодняшних условий работы. Наиболее выразительно выступает эта черта в ежедневной рабочей одежде.

Верхней рабочей одеждой мужчин и женщин, удержавшейся до сих пор в Неслухове и других селах района, является так называемый

«куцак» (куртка) длиной до бедер, с длинными рукавами, с отложным воротником, застегивающийся спереди на пуговицы, с двумя карманами по бокам, прилегающий к телу, но настолько свободный, что вызывает движения при работе.

Совсем новым элементом плечевой одежды является «фуфайка» — стеганный ватник из тонкого, но плотного хлопчатобумажного материала серой, зеленой или темносиней расцветки, покроем напоминающим куцак. Удобство и практичность ватника способствовали его широкому распространению среди колхозников. В праздничные дни старые мужчины носят «футерко» — куртку, подбитую мехом, иногда с карманом и воротником. Женщины постарше носят длинные футерки или пальто с четвертными, крытые сукном.

Поясная одежда мужчин во время работы — «цайговые» штаны — длинные, заправленные в сапоги. Женщины носят юбки из темной хлопчатобумажной или полушерстяной ткани длиной 10—20 см ниже колен и настолько широкие, чтобы не связывать свободы движений при работе.

Из обуви более всего употребляются зимой сапоги, летом — ботинки. Молодые девушки носят «мешти» (туфли) из черной и коричневой кожи с галошами. Эти последние носят не только по грязи, но еще часто прикрепляя к ним по бокам тесьму или ремешки, одевают летом на босу ногу на жнивях. В зимний период старшие, иногда и дети, употребляют валенки.

В качестве головного убора женщины употребляют в рабочие дни небольшие, из белого ситца, иногда с мелким узором, платки. Концы платков завязывают под подбородком. Старшие женщины одевают поверх платка льняного платка большие шерстяные платки фабричного производства, концы которых обвивают вокруг шеи, а в праздничные дни зимой поверх платка надевают большой платок, который покрывает не только голову, но достигает пояса.

Мужчины носят «кашкеты» (кепки), зимой шапки-ушанки, которые появились в Новомилятинском районе после войны, занесенные сюда красноармейцами. У старших мужчин как остаток прежней одежды встречаются высокие барашковые шапки.

У старшего поколения на селе еще встречаются старинные формы одежды: льняные рубашки, «кабаты», «полотнянки», «штаны», «кафтанчики» из домотканых материалов, белые бараньи кожухи. У некоторых старых женщин можно увидеть «камизольки» из сукна или другой шерстяной материи, без рукавов; из поясной женской одежды — широкие шерстяные юбки из «дубельтовой» материи, с густыми фалдами («кабанами»), сшитые в три-четыре полосы («пільки»). К комплексу старинной одежды принадлежат также запаска, фартух и блузка, украшенная бахромой, нашивками и расшитая узорами, и малых размеров платки, надетые на голову, так называемые «мазурки». Замужние женщины повязывали их поверх чепца на затылке, а сверху надевали еще другой большой платок, с бахромой, которая прикрывала всю спину. У некоторых пожилых женщин и мужчин имеются еще длинные белые кожухи, стеганные в поясе, с большим меховым (бараньим) воротником.

В селе досоветского периода наблюдалась большая разница между одеждой сельской бедноты и богачей, сказывающаяся в качестве материала, в богатстве украшений и разнообразном виде одежды. Например, кожух в панской Польше был в семье бедняка редкостью (рис. 7). Деньги на него собирали несколько лет. Кожух берегли, чтобы оставить в наследство детям. В то же время у кулаков бывало по два — три кожуха.

Типичной кулацкой одеждой была «бунда» — длинная до земли одежда из сукна, с «капой» (капюшоном), которую надевали поверх куртки или кожуха зимой в дорогу. Бедняк же, как рассказывает колхозник Бойко, надевал для тепла две пары штанов или два «сіряки».

Зимой в бедняцкой семье обували поочередно одну и ту же пару сапог и отец, и мать, и дети.

Теперь одежда села стала более богатой, что особенно заметно на праздничной одежде, в первую очередь на одежде молодежи. Молодые колхозницы и колхозники любят одеться хорошо и аккуратно, и свой заработок они в значительной мере расходуют на одежду.

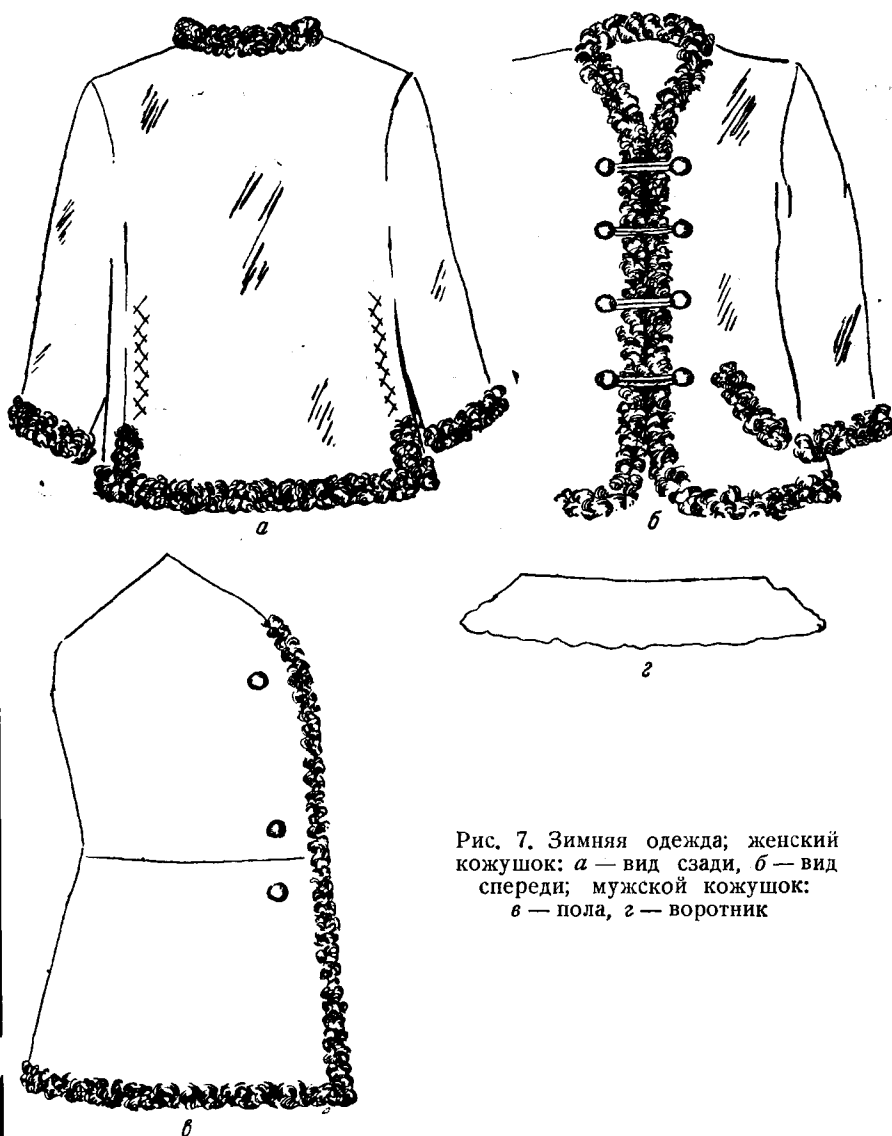

Рис. 7. Зимняя одежда; женский кожанок: а — вид сзади, б — вид спереди; мужской кожанок: в — пола, г — воротник

Праздничную одежду шьют сейчас из шерсти и шелка. Из хлопчатобумажного материала делают рабочую одежду, а также детскую.

Все чаще через сельские кооперативы покупают колхозники готовую одежду, сшитую в городских артелях или фабриках. По отчетам Облпотребсоюза Львовской области о движении товаров в мелких предприятиях, в Новомилятинском районе закуплено было в 1949 г. населением шортняжных изделий, включая и меховые (в рублях):

Трикотажных изделий	12 000
Головных уборов	168 000
Чулоч и носков	92 000
Кожаной обуви	155 000
Резиновой обуви	66 000
Валенок	8 000
Галантерейных товаров	81 000
Ниток	50 000
Итого	482 000

Эти данные не дают полного представления о сумме, которую расходует село на покупку готовой одежды, ибо последнюю колхозники очень часто покупают во Львове или других районных центрах — в Бусе или Каменке Бусской.

Обогащается ассортимент одежды, поднимается гигиена ее. Немалое значение в колхозном селе имеют также вопросы моды. В этом отношении наиболее восприимчивой оказывается молодежь. В костюме девушек стали модными шерстяные юбки в складочку или с двумя контрастными спереди, шерстяные платья из фабричных тканей, ручные, собственного изделия, вязанные цветные кофточки, свитры, которые надевают поверх блузки. Очень популярными стали вязанные ручным способом шалики, платки, рукавицы. Летнюю одежду — блузки и платья — вушки украшают вышивками.

Для хороших выступлений, праздничных демонстраций девушки надевают национальные костюмы, которые состоят из вышитой блузки с длинным рукавом, вместо употребляемой раньше рубашки, широкой присобранной юбки в цветах и запаски, иногда украшенной «гафтовыми» цветами с бахромой. Поверх блузки надевают шерстяной «кардиган» в виде жилета без рукавов, с глубоким вырезом на груди. На ноги надевают бусы, на голову — ленты и цветы. К этому наряду прибавляют черные сапоги, а иногда коричневые, отделанные кожаной плетенью или декоративными узорами.

Парни надевают белые рубашки с вышитым воротником, манжетами и манишкой.

Изменения наблюдаются также в детской одежде. Дети одеты теперь более заботливо и более аккуратно. В прошлом недостаток обуви позволял детям посещать школу; одни сапоги обслуживали всю семью, что зачастую являлось одной из причин неграмотности многих крестьян. Колхозница Гайлаш Анна рассказывает: «Зимой не было во что одеться, летом надо было справляться с домашней работой, в свободное время как мать работала в поле». Все отошло в прошлое. Теперь детская одежда соответствует возрасту и хорошо сшита, часто покупается готовую детскую одежду. Так, например, колхозница Ивашкив купила в 1949 г. 5 пар сапог за 1500 руб. и 3 пары валенок за 500 руб., манжеты для костюмов мальчикам на 1200 руб. В семьях Галана, Милушина, Трача, Куплевской и других колхозников расходы на одежду в 1949 г. составили до 3—4 тыс. рублей.

Коммунистическая партия и советская власть создают все условия для улучшения быта колхозников, оказывают всестороннюю помощь в обеспечении советского села широким ассортиментом тканей и готовой одежды. Упорная работа проводится теперь в деле повышения художественности текстильных изделий. Художественная ткань, доступная в прошлом только небольшому числу потребителей, становится теперь доступной для широких слоев трудящихся масс. Потребности и запросы в этой области возрастают с каждым днем.

Особенно заметен культурный рост детей и молодежи Неслухов. Неполная средняя школа заменила бывшую четырехклассную начальную школу. Молодежь читает книги и газеты, и это положительно

яет на изменение мировоззрения семьи и на быт ее. Через книги и газеты распространяются в семьях колхозников научные знания о солнечной системе, о явлениях природы, о животном мире, о человеке. Книжки Лебединского «В мире звезд», Всехсвятского «Солнечная система» и другие — обычное явление в колхозной семье. В связи с этим пересматриваются религиозные взгляды в семье. Иконы в домах есть, но отношение к ним разное. Молодежь их не замечает, не придает им никакого религиозного значения. В некоторых семьях к иконам относятся, как к

Рис. 8. В сельской библиотеке с. Неслухов Новомилятинского района Львовской области

чему-то связанному с памятью о родных, в других — как к украшению в доме: «Вот куплю другую картину, тогда сниму». И только в немногих, более отсталых семьях иконы связаны с религиозными убеждениями.

Школа играет огромную роль в борьбе с религиозными предрассудками. Она умело использует формы старых обычаев, наполняя их другим, советским содержанием, превращая культовый их характер в характер праздничного увеселения. Так, дети готовят елку на новый год, а в рождественские праздники в этом году они при помощи учителей сделали звезду, которую носили по селу. Но звезда — пятиконечная, оклеена красной бумагой «по образцу кремлевской» — объяснили дети. С этой звездой ходили они по селу, пели новые советские песни тоже о кремлевских звездах, о нашей славной Отчизне, о Героях Труда, о родном Сталине, противопоставляя их традиционным колядкам.

Молодежь пробуждает у старшего поколения интерес к общественной жизни нашей страны, к международным отношениям, читает газеты, произведения Чехова, Горького, Шевченко, Франко, Остапа Вышни. Большую роль в пропаганде книги на селе играет сельская библиотека (рис. 8).

В быт колхоза и колхозника входят новые советские праздники: Первое Мая, годовщина Октябрьской революции, новый год, праздник сбора урожая, которые сопровождаются митингами, праздничными речами, художественной самодеятельностью, музыкой, танцами, пением и подарками для детей.

Все это носит коллективный характер при участии правления колхоза и сельсовета, всех колхозников.

В майские и октябрьские праздники молодежь, школьники все являются активными участниками демонстраций; дети заботливо хранят красные флаги, сберегая их до следующих праздников.

В эти дни приводят в порядок могилы бойцов, павших в Великой отечественной войне, возлагают на них венки.

Очень велика роль школы в воспитании трудовых навыков у детей. Школа организовала детей для помощи колхозу в борьбе с долгоносиком, для собирания желудей и каштанов для лесонасаждений.

В корне изменился быт сельской молодежи. Если раньше молодежь знакомилась на свадьбах и гуляньях, то теперь знакомятся во время работы в колхозе, в клубе, на праздничных гуляньях, в кино, в кружках самодеятельности, в политкружке, в комсомольской организации, на собраниях. Приданое не имеет сейчас никакого значения. Изменились взгляды на брак с девушками из других сел. Раньше женились только на девушках этого же села, а если и брали девушек из других сел, то главным образом из богатых семейств.

Представление о хорошем женихе и хорошей невесте изменилось. «Морги» (мера земли), живой и мертвый инвентарь перестали играть роль мерила. Их место заменили собственные черты человека, его трудолюбие, образование, положение в колхозе, в селе.

Изменился возраст, в котором молодежь вступает в брак. Раньше парень женился с 20 лет, а девушка выходила замуж с 18; иногда бывало, что парень женился на богатой невесте старше себя на 5—8 лет. Теперь вступают в брак мужчины, имея 25—30 лет, а девушки — 19—25 лет. Раньше в свадьбе принимали участие только родственники, теперь, кроме них, приглашаются председатель колхоза, председатель сельсовета, бригадиры, колхозники — члены бригады.

До воссоединения Западной Украины с Советской Украиной при женитьбе обращали особое внимание на национальность. Украинка выходя замуж за поляка, должна была не только изменить веру, но и как бы перейти в другую национальность. Вопрос о национальности детей часто вызывал недоразумения в семьях, и если раньше молодежь разной национальности редко вступала в брак, то сейчас в быту колхозного села эти моменты не имеют значения.

Свадьба в Неслухове — большое торжество, но теперь не исполняются все старые свадебные обычаи. Нет больше «словин», «оглядин», а сохранились «заручини», «веселля», «обід», пение и танцы. Новым явлением является запись в ЗАГС. Свадьбу устраивают в выходной день. Расходы на свадьбу делят пополам жених и невеста. Гости дарят печенье, напитки, деньги. Раньше жена переходила жить в семью мужа, теперь это не обязательно. Колхоз выделяет бесплатно подводы для свадебных нужд, а также для перевозки имущества молодых.

В селе, в котором до 1939 г. люди обращались за помощью только к знахарю, теперь имеется амбулатория. Кроме того, есть больницы в Новомилятині и в Желехове.

Изменилась гигиена и санитарное обслуживание женщины во время родов. В амбулатории постоянно работает квалифицированная акушерка, исчезла баба «селячка». Изменились и обряды, связанные с рождением ребенка. После записи ребенка в ЗАГС устраивают обед. В нем принимают участие не только родственники, но и руководители колхоза и товарищи по производству.

Старый фольклор постепенно исчезает вместе с исчезновением старых обрядов и обычаев. Создается новый фольклор с новой тематикой о труде и быте колхозника, тракториста, о Советской Армии, о Герое Социалистического Труда. Вот, например, отрывки новой песни, которую поют в с. Неслухове:

Я іду до школи
Науку вивчати,
Радянську країну
Буду захищати.

Зараз у колгоспі
Роблю бригадиром,
Через два годочки
Буду командиром.

Новый фольклор проникает в быт через школу, хор, клуб. Песни поют на украинском и русском языках.

Комсомольцы с. Неслухова — Куплевская, Стефа и Владимир Галаны и др., — работая в хоровом кружке, который даже отмечен на областной олимпиаде, популяризируют современные советские песни: «Пісню про Сталіна» (Ревуцкого), «Священная война» (Александрова), «На бережку у ставка» (народная песня).

* * *

Этнографическое исследование быта, материальной и духовной культуры колхозников с. Неслухова вскрывает тот огромный процесс переустройства галицкого села, в котором в условиях социалистического способа производства, новых производственных отношений создается новый человек социалистического общества — колхозник. Характерные черты его — новое социалистическое отношение к труду, к колхозной собственности, наличие определенной и постоянной квалификации, политическая активность и высокая социалистическая сознательность.

И. С. ГУРВИЧ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА ЯКУТСКОЙ АССР

Вопрос о сложении новых, более широких этнических образований среди народов Севера после Великой Октябрьской социалистической революции в результате сближения между собой отдельных замкнутых в прошлом этнографических групп почти не освещался в нашей литературе.

Нередко встречаются совершенно обратные тенденции, пытающиеся игнорировать этнические новообразования и рассматривать единую народности как ряд самостоятельных этнических групп. Так, на этнографических картах население северо-запада Якутской АССР (бассейны рек Оленека и Анабары) обозначается как эвенки, тогда как в действительности оно представляет собой якутов, хотя и отличающихся своим хозяйственным и культурному укладу от якутов центральных районов Якутии. Вызывает большие сомнения правильность отнесения эвенкам части населения Нижней Лены, Нижней Яны.

Изучение процессов национальной консолидации на севере Сибири — огромная задача, стоящая перед историками и этнографами. В настоящей статье мы позволим себе ограничиться рассмотрением путей формирования якутской народности и якутской нации на северо-западе Якутии — в наиболее удаленных, оторванных и труднодоступных районах ЯАССР.

Изучение истории населения бассейнов Оленека и Анабары позволяет проследить, как сформировалась эта северо-западная группа якутов оленеводов.

В 20—30-х гг. XVII в., ко времени проникновения русских служилых и промышленных людей в бассейны Оленека и Анабары, эти области за исключением низовий последней, были населены тунгусскими племенами.

В 20-х гг. XVII в. мангазейские служилые люди уже собирали ясак с тунгусов, кочевавших в верховьях Оленека. В ясачной книге Мангазейского уезда за 7132 г. (1623—1624) впервые упоминается о сборе ясака с оленекских тунгусов из племени азян. «В Пядинском зимовье с новых людей с Оленьей реки род ачаны девять человек платили по пяти соболей»¹.

Устюжанин Елисей Юрьев (Буза), первый морским путем достигший устья Оленека, также обнаружил в низовьях Оленека тунгусов. По сообщению спутника Елисея Юрьева — служилого человека П. Лазарева, отряд поднялся по Оленеку до р. Пирипты «и на усть Пирипты реки поймали тунгуса и за тем тунгусом взяли государева ясаку 5 соболей на прошлый 145 год и с Оленека реки вывезли того аманата к Лену к усть Молоде реке»².

¹ Архив АН СССР (Ленинград), Портфели Миллера, ф. 21, оп. 4, л. 23.

² Там же, л. 92.

Одно из самых ранних упоминаний о сборе ясака с оленекских тунгусов находится в ясачной книге Якутского уезда за 7148 г., т. е. за 1639/40 г. «Збору енисейского служилого человека Дружинки Чистякова с товарищи за 148 год взято государева ясака с тунгусского князца Омнегина отца с Папырка и детей его и родников 67 соболей с хвосты, 7 соболей без хвосты, да две шубейки соболями тунгуские»³. Население бассейна Оленека неизменно определяется как тунгусское и в других документах за 40—50-е гг. XVII г. — в ясачных книгах, отписках служилых людей Ивана Реброва, Кузьмы Суздальца, Михаила Телицина и в челобитных ясачных людей.

Тунгусы были обнаружены и на Анабаре первой партией мангазейских служилых людей во главе с Васильем Сычевым в 1644 г.⁴ Они занимали весь бассейн Анабары за исключением низовий. В низовьях Анабары и далее по берегу моря на запад жили предки части авамских нганасан — тавги. В 139 г. (1631) в низовьях Анабары было 80 взрослых мужчин тавгов. В 40-х гг. XVII в., возможно, под натиском тунгусов, тавги откочевали на запад за Хатангу.

Большинство оленекских тунгусов принадлежало к племени азян. В середине XVII в. это племя занимало, повидимому, все нижнее и среднее течение Оленека. Азяны заходили на Лену, в верховья Оленека и Анабары, доходили до оз. Есей.

В 1639/40 г. в Есейском зимовье сидело три аманата. Два из них принадлежали к вонядырскому племени, а один к азянскому. В 1644 г. мангазейские служилые люди взяли в аманаты на р. Анабаре двух человек из азянских тунгусов⁵.

Однако оз. Есей и Анабара были, повидимому, чужой территорией для азянов. Своим основным местом обитания члены племени азян считали Оленек: «А житье наше искони де на Оленеке»⁶. В 1667 г. «оленекские ясачные тунгусы азянского роду Катуканка с товарищи и со всеми родниками» в своей челобитной сообщали, что промышленные люди поселились «на низу по Оленеку реки на усть Пура на старых наших житьях на которых местах мы, сироты ваши, великих государей ясак промышляем.... велити великие государи на Оленек реку служилому человеку казачьему десятнику Василию Игнатьеву им, промышленным людям, сказать, чтобы они на тех на наших житьях по Пуру и по Голимару соболей не промышляли и наших вотчинных житей не пустошили»⁷.

Другое тунгусское племя, близкое к азянам, синигир (чинигир) или, может быть, силигир, упоминается в документах реже. Данные о расселении синигиров крайне отрывочны. В наказе воеводе Головину сообщалось: «А по тем рекам по Чоне и по Вилюю живут люди многие синигири и нанагири»⁸.

В 1644 г. в Есейском зимовье в аманатах сидело два человека от синигирского рода. После бегства аманатов в этом же году служилые люди взяли новых: шесть человек от Вонядырского роду, одного аманата «Мугальского роду» и одного «Синигирского роду».

В 1647 г. служилые люди, во главе с Яковом Семеновым посланные на Анабару на перемену «Василию Сычеву с товарищи», зазимовав на Хете, совершили трудный и долгий поход в Есейское зимовье «по синигирского аманата Лагона» и «того синигирского аманата Лагона на

³ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 145, л. 152.

⁴ Архив АН СССР, Портфели Миллера, ф. 21, оп. 4, л. 226.

⁵ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», М.—Л., 1936, стр. 19.

⁶ Архив Института истории АН СССР (Ленинград), Якутские акты, картон 6, л. 3 (в дальнейшем цит. Якутские акты).

⁷ ЦГАДА, Фонд Якутского областного управления, оп. 1, ст. 235, л. 92.

⁸ Якутские акты, карт. 1, ст. 1, л. 1.

Хету привели апреля 29 день здорово». С синигирским аманатом служилые люди отправились на Анабару на поиски тунгусов. «И на Оленок хребет с тунгусом с Лагоном и по сторонним рекам тунгусов искал ним Василием Сычевым с товарищи и з Борисом Лукьяновым вместе и тынгусов не нашли»⁹. Повидимому, в распоряжении мангазейской приказной избы были какие-то сведения о том, что синигиры кочуют по Анабаре или по ее притокам. Этим следует объяснить, что служилым людям был выдан синигирский аманат из Есейского зимовья.

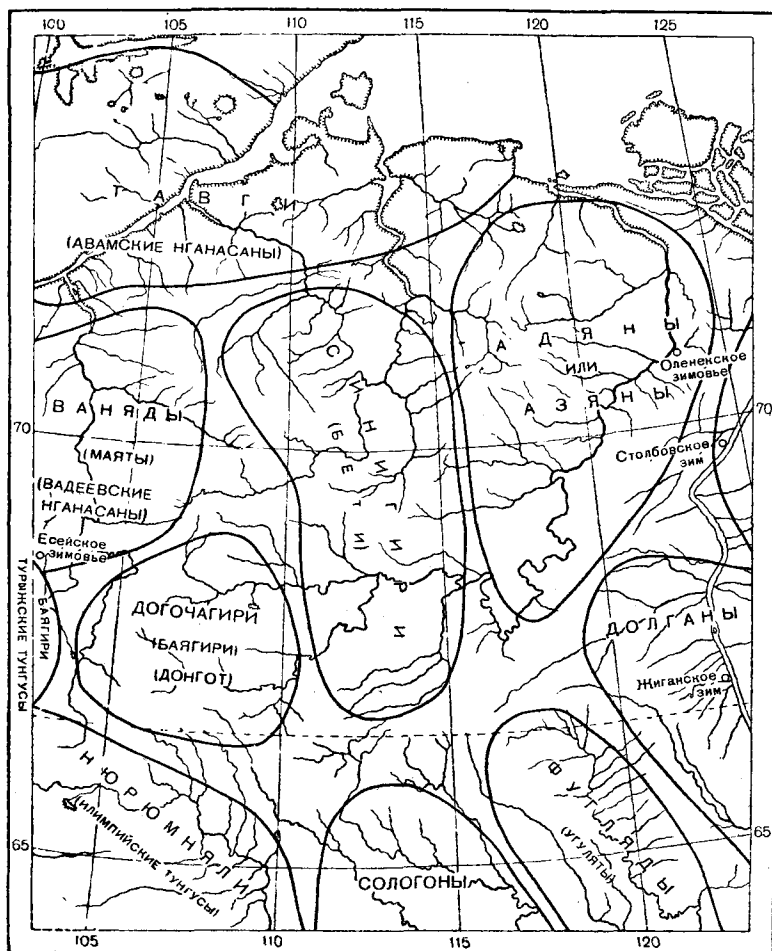

Рис. 1. Расселение племен бассейнов рек Анабары и Оленека в середине XVII в. (в скобках указаны названия потомков племен и родов, существовавших в XVII в.)

Следует также сопоставить название племени синигир с одним из крупных верхних притоков Оленека рекой Силигир, ее притоками Орто-Силигир, Аллара-Силигир и другими.

Все эти данные позволяют полагать, что местожительством племени синигир была область верхнего течения Оленека и его притоков, возможно также район истоков верхних Анабары, рр. Большая и Малая Конамки.

⁹ Архив АН СССР, Портфели Миллера, ф. 21, оп. 4, л. 235.

Таблица 1

Численность ясачных плательщиков Оленекского зимовья с 1644 по 1712 г.

Год	Сбор ясака	Число ясачных плательщиков	Число ясачных плательщиков, явившихся к ясачному платежу
1644	8 сор. 4 с. пом. 25 с.	64	Не указано
1645	—	85	85 чел.
1646	12 сор. 14 с. пом. 24 с.	99	Не указано
1647	9 сор. 8 с. пом. 30 с.	74	" "
1648	11 сор. 35 с. пом. 27 с.	95	" "
1649	13 сор. 18 с. пом. 27 с.	110	" "
1650	11 сор. 13 с. пом. 21 с.	91	" "
1651	11 сор. 10 с. пом. 22 с.	90	" "
	—	—	—
1653	11 сор. 11 с. пом. 22 с.	156	—
	Собр. 5 сор. 33 с.	—	68
1654	2 сор. 13 с.	39	—
1655	66 с. 1 пом. с.	26 чел. + 14 сошл.	28
1657	2 сор. 4 с.	33 чел. + 12 сошл.	37
1662	2 сор. 32 с.	38 чел. + 4 пришл.	42
1665	2 сор. 33 с.	45 чел. + 1 пришл.	42
1666	2 сор. 36 с.	42	?
1669	3 сор. 6 с. 1 л. к.	47	?
1673	2 сор. 17 с.	41	38
1678	2 сор. 21 с. 3 л. к.	60	—
	Собр. 74 с. 7 л. к.	—	43
1679	2 сор. 13 с. 8 л. к.	58	—
1681	2 сор. 14 с. 9 л. к.	59	—
	Собр. 50 с. 1 л. сив. 12 л. к.	—	40
1682	2 сор. 13 с. 31 л. к.	73	—
	Собр. 44 с. 7 л. сив. 35 л. к.	—	48
1683	2 сор. 11 с. 31 л. к.	92	—
1684	4 сор. 3 с. 34 л. к.	180	—
1685	4 сор. 22 с. 34 л. к.	180	—
1686	5 сор. 12 с. 35 л. к.	167	—
	Собр. 2 сор. 25 с. 34 л. к.	—	102
1687	2 сор. 14 с. 9 л. сив. 53 л. к.	—	—
1688	5 сор. 1 с. 38 л. к.	163	—
	Собр. 2 сор. 14 с. 7 л. сив. 49 л. к.	—	104
1689	4 сор. 36 с. 35 л. к.	158	—
1692	53 с. 37 л. к.	69	—
	Собр. 2 с. 1 л. сив. 37 л. к.	—	35
1693	53 с. 36 л. к.	68	—
1703	56 с. 51 л. к.	88	—
	Собр. 25 с. 33 л. к.	—	57
1704	56 с. 53 л. к.	90	—
1705	56 с. 53 л. к.	90	—
	Собр. 24 с. 27 л. к.	—	52
1706	56 с. 56 л. к.	93	—
	Собр. 23 с. 31 л. к.	—	54
1707	56 с. 56 л. к.	93	—
1708	56 с. 58 л. к.	95	—
	Собр. ?	—	50

Таблица 1 (продолжение)

Год	Сбор ясака	Число ясачных плательщиков	Число ясачных плательщиков, явившихся к ясачному платежу
1710	59 с. 60 л. к.	103	—
	Собр. ?	—	115
1712	59 с. 79 л. к.	119	—
	Собр. 21 с. 1 л. сив. 50 л. к. . . .	—	126

Примечания. Сокращения: соболь — с.; лисица красная — л. к.; лисица сиводушатая — л. сив.; сорок соболей — сор.; поминочные соболи — пом. Сколько собрано (указывалось при наличии «сметных списков» — данных о фактическом сборе ясака за год).

Таблица составлена по ясачным книгам Якутского уезда, хранящимся в Центральном государственном архиве древних актов.

Данные о численности населения бассейнов рек Оленека и Анабара появляются в документах лишь с 40-х гг. XVII в.

В 1644 г. число ясачных плательщиков на Оленеке было не менее 64 человек, так как в ясак без поминков было собрано 8 сороков соболей, т. е. 320 соболей¹⁰. В 40-х гг. XVII в. с одного ясачного человека на Оленеке взимали в ясак пять соболей в год и шестой поминочный¹¹. Среди плательщиков ясака были и подростки, платившие неполный оклад. Следовательно, разделив общее число сданных соболей на полный оклад — 5 соболей, мы получим минимальное число ясачных плательщиков применительно к 1644 г. — 64 человека.

В ясачных документах отражалась только численность ясачных плательщиков — взрослых мужчин и подростков. Принимая число ясачных плательщиков, т. е. взрослого мужского населения, за 25% всего населения, и округляя число ясачных плательщиков в сторону увеличения, так как, повидимому, часть тунгусов укрывалась между своими родственниками от ясачных платежей, можно с большей долей вероятности предположить, что численность населения в период с 1645 до 1652 г. доходила до 600—700 человек обоего пола (130—160 ясачных плательщиков) (табл. 1).

В 1652—1653 гг. в результате эпидемии оспы произошло резкое уменьшение численности населения на Оленеке. Из 156 человек, записанных в пометные списки, к ясачному платежу не явилось 85 человек. О причине их неявки в ясачной книге сохранилась запись, что «те тунгусы в прошлом в 159 году воспой померли и впредь те соболи и та доимка из пометы выложены»¹².

В следующем 1653 г. эпидемия продолжалась. От оспы погибло еще 54 человека ясачных плательщиков. В результате эпидемии и разгрому оленекских тунгусов в 1653 г. вонядырскими тунгусами по пометному списку на Оленеке осталось только 39 ясачных плательщиков, т. е. 160—170 человек обоего пола.

В последующие 25 лет число ясачных плательщиков на Оленеке колебалось в пределах между 38—45 человеками. Представление о численности ясачных плательщиков на Анабаре дает табл. 2.

С 1678 г. численность населения на Оленеке возрастает. В 1678 г. ясачных плательщиков по пометному списку значилось 60 человек, в

¹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, ст. 257, л. 253.

¹¹ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», стр. 19.

¹² ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 307, л. 721.

Т а б л и ц а 2

Численность анабарских тунгусов—плательщиков ясака
с 1653 по 1681 г.

Г о д	Ясачный сбор	Число ясачных людей по данным ясачного сбора	Число ясачных людей по доку- ментам
1653	64 с.	22	—
1654	64 „	22	—
1655	42 „	16	—
1656	36 „	12	—
1658	33 „	11	—
1659	—	—	10
1661	—	—	10
1662	—	—	10
1664	—	—	7
1665	—	—	8
1666	24 с.	8	—
1667	—	—	8
1668	—	—	8
с 1668 до 1678	—	—	8
1679	—	—	7
1680	—	—	6
1681	—	—	6

П р и м е ч а н и я. Графа «Число ясачных людей по дан-
ным ясачного сбора» заполнялась в том случае, когда в до-
кументах отсутствовали данные о числе ясачных плательщиков.

Таблица составлена по рукописи Б. О. Долгих «Родовой
и племенной состав народностей севера Средней Сибири».

1682 году — 73 человека¹³. В 1686 г. число ясачных людей по помет-
ному списку достигло рекордной цифры за XVII в. — 163 человека, из
них к ясачному платежу явилось 102 человека¹⁴.

Причины увеличения численности населения на Оленеке в последние
десятилетия XVII в. вполне ясны. Начиная с 1678 г., в ясачных книгах
значатся не одни тунгусы, а «якуты и тунгусы». Увеличение населения
шло за счет переселенцев якутов из центральных якутских районов.
Спасаясь от ясачных поборов еще в 30—40 гг. XVII в., якуты устреми-
лись в бассейн р. Вилюя и вниз по Лене к Жиганску и к Столбам.
В 50—60-х гг. эти районы уже были достаточно населены, и поток бег-
лецов якутов продвинулся дальше, захватив «сторонние дальние реки» —
Оленек, Анабару, Яну (низовье), Колыму. Проникновение якутов в бас-
сейны Оленека и Анабары облегчалось резким уменьшением тунгусского
населения на этих реках в результате отмеченных эпидемий и взаимных
междоусобных столкновений. В 1640 г. на устье р. Молоды, где запла-
тили ясак оленецкие тунгусы, уже платили ясак и 23 якута¹⁵.

В 1669 г. жиганский приказчик сын боярский Петр Ярышкин в чело-
битной якутскому воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому сооб-
щил: «Да в прошлых годах приказные люди будучи в Жиганах отпу-
стили ясачных якутов на Оленек реку с женами и детьми человек со-
сто и больше и в Жиганы с ясаком великого государя не бывали те, а
ныне ясачные якуты, подговорив ясачных якутов якутских бежать, убе-

¹³ Там же, кн. 688, л. 482, кн. 712, л. 817.

¹⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 830, лл. 458—460.

¹⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 150, л. 193.

жали с Оленки реки хребтом через горы на Вилюй в Среднее зимовье потому что отпущены на Оленек с женами и детьми без указа великих государей. И буде тех якутов и тех жен и детей с Оленки реки не будет по прежнему в Жиганы, и ясак великих государей будет в большем недоборе»¹⁶.

Переселение якутов на Оленек отразилось в ясачных книгах Оленского зимовья не сразу. Только в середине 70-х гг. якуты начинают упоминаться как постоянные плательщики ясака на Оленеке.

О социальной принадлежности этих якутов переселенцев можно судить по ряду документов. Так, по дошедшей до нас именной ясачной книге Жиганского зимовья за 1640 г. видно, что все 72 жиганских гуса платили по 3 соболя, тогда как пришлые якуты, принадлежавшие обычно к социальным низам, платили меньший оклад¹⁷.

На Оленеке пришлые якуты платили 1—2 соболя или 1 лисицу красную, как тунгусы-подростки. Многочисленные «памяти», посылавшиеся на Оленек о розыске беглых холопов и должников, в достаточной степени характеризуют состав якутов-переселенцев. Так, в 1682 г. жиганский ясачный сборщик Захар Шикеев сообщал о поимке беглой якутской Кучинейки: «Исполняя указ великого государя и твое воеводское повеление, того же дня 23 сентебря послал 3-х казаков по тое беглую якутскую девку в Оленекское зимовье к сыну боярскому Артемью Крупному, которую девку те казаки привели в Жиганское зимовье»¹⁸.

Тот же Захар Шикеев извещал о том, что на Оленеке обнаружена другая беглая девка Томотка. В 1686 г. служилому человеку Ивану Лыткину был дан наказ «сыскивать в Жиганах и на Оленеке — беглых холопей Сахарка Бултекеева да детей его Сылрысытка до Кутеря и женой его Намычейкой»¹⁹. В том же году Андрею Амосову была дана «память» о поимке «в Жиганах или в Оленекском зимовье беглых дворовых казака Максима Мухоплева и подговоривших их бежать якутов»²⁰. Большинство якутов-переселенцев принадлежали к «подгородным» якутским волостям — Кангаласской, Батулинской и др.

Районы Оленека и Анабары, непригодные для привычного якутского коневодства и скотоводства, привлекали якутов бедняков обилием диких оленей и возможностью добывать их на переправах через реки. В 1681 г. на Оленеке наступил голод вследствие отсутствия (изменения хода) диких оленей.

По этому поводу жиганский ясачный сборщик Захар Шикеев сообщал: «И иные якуты с Оленека реки сошли в Среднее вилюйское зимовье, а иные на Анабару реку, а иные в Жиганы на Красное приехали. А иные безвестно сошли. А сошли с Оленека реки многие в Жиган к Красному песку по первому пути снежному с женами и детьми, а многие от голоду мало не померли и посацкий человек Исаак умер от голоду, а потому с Оленека реки сошли якуты, что большой голод на Оленеке реке, весной и осень единого зверя по Оленеку не промыслили якуты»²¹.

«Зверями» (кыыл) и в настоящее время на Оленеке называют диких оленей. Из росписи «сошлых» с Оленека ясачных якутов видно, что в Среднее вилюйское зимовье сошло 17 человек якутов, на Анабару 10 человек якутов и трое русских²².

¹⁶ Якутские акты, карт. 22 (205), ст. 15, л. 59.

¹⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 145, лл. 155—160.

¹⁸ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», стр. 121.

¹⁹ Там же, стр. 216.

²⁰ Там же, стр. 191—195.

²¹ Якутские акты, карт. 33, ст. 2, л. 5 (часть документа помещена в сборн. «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.»).

²² Там же.

С 1683 г. население на Оленеке опять возрастает, на этот раз не только за счет пришлых якутов, но и за счет есейских тунгусов, «побивших служилых людей Ильюшку Рябова с товарищи» и переселившихся в Якутский уезд²³. До 1686 г. эти тунгусы платили ясак на Оленеке.

В 90-х гг. XVII в. население на Оленеке сократилось по сравнению с предыдущим десятилетием, так как есейские тунгусы откочевали обратно в пределы Мангазейского уезда.

Уменьшение населения несколько компенсировалось бегством на Оленек и Анабару жиганских якутов и тунгусов, спасавшихся от «морозного поветрия», хотя эпидемия коснулась и Оленекского зимовья. В 1693 г. жиганский приказчик Степан Кривогороницин, сообщая о гибельных последствиях эпидемии, между прочим писал: «А иные, которые иноземцы тунгусы и якуты разбежались от морозного поветрия по сторонним рекам... и по тех иноземцев я Стенька послал двух человек казаков сыскивать ясачных тунгусов и якутов по Оленеку реке и по сторонним рекам, да я же послал двух человек на Анабару реку сыскивать ясачных якутов и тунгусов»²⁴.

Таким образом, последние тридцать лет XVII в. характеризовались большой текучестью населения на Оленеке, в особенности пришлого якутского населения. Однако источники вполне определенно свидетельствуют, что в конце XVII в. якуты стали постоянными обитателями бассейнов рек Оленека и Анабары. Расселение якутов в бассейнах Оленека и Анабары нашло отражение в Чертежной книге Сибири, составленной в 1701 г. Семеном Ремезовым. Под условным обозначением Оленекского зимовья написано: «Оленекское зимовье живут якуты. Р. Оленек на усть Лены до моря пятеры сутки плыть, а живут многие ясачные иноземцы тунгусы и якуты разных волостей»²⁵. Знаки кочевий нанесены и по Анабаре. Под ними надпись: «Река Анабара живут якуты».

Для понимания этнических взаимоотношений в XVII—XVIII вв. в бассейнах рек Оленека и Анабары необходимо остановиться на пришедшем русском населении. С первыми отрядами служилых людей на Оленек и Анабару проникли партии русских торговых и промышленных людей. В 1637 г. с небольшим отрядом Елисея Юрьева (Бузы) на Оленек прибыло 40 человек промышленных людей²⁶. Часть из них осталась на Оленеке после того, как отряд казаков ушел на Лену. В 1643 г. промышленные люди с Оленека подали челобитную с просьбой послать к ним служилых людей, так как они страдали от нападений тунгусов. В 1657/58 г. к «распросным речам» с Анабары была приложена заручная челобитная промышленных людей — 41 человека²⁷.

На Оленеке и Анабаре промышленные люди жили небольшими группами по 4—6 человек в зимовье. Часть промышленников снаряжалась за свой счет, но многие вынуждены были брать все необходимое на крайне жестких условиях у ростовщиков и купцов. Совсем необеспеченные промышленники поступали в покрученники к купцам-промышленникам, отправлявшим целые торгово-промышленные экспедиции за соболями. В 1659 г. на Оленек был отпущен Михайло Максимов с 12 работниками и с ними было отпущено «хлебных запасов и деревенского заводу по таможенной оценке на 2325 руб. на 11 алтын на 4 деньги»²⁸.

В отличие от служилых людей, промышленники отправлялись на

²³ Дополнения к «Актам историческим» (ДАИ), т. XI, стр. 66.

²⁴ Якутские акты, карт. 44, ст. 12, л. 5.

²⁵ Чертежная книга Сибири 1701 г. С. Ремезова, Изд. Археологической комиссии, 1882.

²⁶ И. Фишер, Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, СПб., 1779, стр. 372.

²⁷ Архив АН СССР, Портфели Миллера, ф. 21, оп. 4, л. 258.

²⁸ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.» стр. 179.

дальние реки на долгие сроки и брали с собой своих жен, если были, или покупали женщин у якутов по дороге или у местного населения.

Промышленные люди, в особенности неимущие слои промышленников, не спешили возвращаться в Якутск, где должны были платить долги по кабалам. В связи с этим еще в 1661 г. служилому человеку Михаилу Шадре в Жиганское зимовье была дана воеводой Голениным-Кутузовым память: «Итти ему Мишке из Жиган с тем вождем служилыми людьми зимним путем через горы на нартах на Оленеку реку для того что в нынешнем в 169 году в Якутском остроге в съезде столынику и воеводе Ивану Федоровичу Большому Голенину Кутузову ведомо учинилось, что живут на Оленеке реке промышленные люди человек с сорок и больше, лет по пяти и по шести и на своих промыслах соболей промышляют и с тех соболей великого государя десятины не плачивают и теми соболями между собою без десяти пошлин торгуют, купят и продают и оброки с себя и пошлыны не плачивают²⁹. В 1660 г. служилому человеку Харитону Беляею была память «разыскивать в Жиганах и на Оленеке» и привести в Якутский промышленного человека Якова по произвищу Зырянина, должного подьячего якутской съезжей избы Ермолина³⁰.

Переселение русских на Оленек и Анабару из Якутска особенно усилилось в 1670-х гг. В 1677 г. ввиду «хлебной скудности» посадские люди в большом числе были отпущены в Жиганы «кормиться»³¹. И хотя не велено было отпускать дальше, тем не менее часть посадских людей сошла на Оленек, так как в дальнейших наказах жиганскому приказу их было велено возвращать обратно с Оленека и Анабары. Наказ о возвращении посадских людей с Оленека давались и раньше 1677 г. Повидимому, возвращать посадских и промышленных людей было просто, так как в 1682 г. жиганский приказчик послал на Анабару за Киприяна, «чтобы тех ясачных и посацких людей с Анабары (Анабары) реки в Жиганы выслать или чтоб они ясак и оброк с Анабары реки без посылки сами высылали ежегодно в пору с осени»³².

Оленек и Анабара своей удаленностью привлекали к себе беглых недовольных. В 1684 г. на Оленек сбежал казачий наемщик, «гуляк» человек Кузьма Михайлов³⁴, в том же году часть казаков, посланная на Колыму, оказалась в Оленском зимовье³⁵.

Из осевших промышленников, беглых посадских людей, казачьих детей сложился на северо-западе Якутии основной контингент русско-старожильческого населения. Промышленники в большинстве случаев выходцы из Поморья, — знакомые с таежным образом жизни и морем, легко осваивались в северных окраинах Якутии. Окруженные тунгусами и якутами, они быстро знакомились с их языком и сблизились с местным населением путем браков. Повидимому, в первую очередь через промышленных людей, близко соприкасавшихся с местным населением, передовая русская культура того времени проникла в бинные и периферийные районы Севера.

Таким образом, к концу XVII в. постоянное население в бассейне Оленека и Анабары состояло из тунгусов-аборигенов, якутов и русских.

²⁹ ЦГАДА, ф. Якутского областного управления, оп. 2, ст. 50, л. 127.

³⁰ Якутские акты, карт. 19, ст. 11, л. 36.

³¹ Якутские акты, карт. 30, ст. 4, лл. 4—49.

³² ДАИ, т. VII, стр. 138.

³³ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», стр. 121.

³⁴ ДАИ, т. XI, стр. 124.

³⁵ ДАИ, т. XV, стр. 62.

Документы первой четверти XVIII в. свидетельствуют о значительных переселениях якутов на Оленек.

В 1710 г. в Оленекском зимовье был взят ясак с 57 человек пришедших якутов³⁶. В 1712 г. на Оленек прибыло еще 56 человек «подгородних разных волостей сошлых ясачных якутов»³⁷. В том же году в Жиганском зимовье был взят ясак со 128 человек «сошлых ясачных якутов»³⁸.

Поток переселенцев якутов двигался по старому пути из Жиганска. Многие из якутов-пришельцев не приживались на Оленеке, возвращались обратно или перебирались в Мангазейский уезд. Так, в 1712 г. не явилось к платежу 49 человек из 119, внесенных в ясачные списки Оленекского зимовья.

В 20-х гг. XVIII в. в Жиганском и Оленекском зимовьях число якутов уже преобладало над числом тунгусов. В 1721 г. в Оленекском и Жиганском зимовьях числилось 465 ясачных людей³⁹, из них только 115 принадлежало к аборигенному населению, 350 человек были выходцы из различных якутских волостей.

С упадком соборного промысла на Оленеке в конце XVII — начале XVIII в. интерес якутской администрации к северо-западной периферии Ленского края упал. Возможно, именно благодаря этому поток якутов-переселенцев, искавших убежища от ясачного гнета и долгов, еще более усилился.

На Оленеке и Анабаре якуты-переселенцы могли укрыться хотя бы на время от притеснений со стороны администрации и улусных богатеев. Попадая в северные условия, якуты-скотоводы усваивали тунгусский образ жизни и вынуждены были добывать себе пропитание охотой на диких оленей и рыбной ловлей. Сближались с местным населением и русские переселенцы.

В 1735 г. участник Великой Северной экспедиции, руководимой капитаном В. Берингом, лейтенант Прончищев нашел в устье Оленека небольшое селение, состоявшее из 20 семейств оседлых русских промышленников. Выше селения, по данным Прончищева, располагались кочевья тунгусов и якутов⁴⁰. Одиночные зимовья русских промышленников, возникшие, повидимому, в XVII в., еще существовали в первой половине XVIII в. в устьях рек и заливов по морскому побережью от Оленека до Хатанги. В 1736 г. лейтенант Прончищев обнаружил в Хатангской губе по левому берегу зимовье русского промышленника. Повидимому, в ряде мест, подобно русским промышленникам, жили оседло или полуоседло якуты. В 1739 г. геодезист Чекин нашел в устье р. Таймыры проживавших там полуоседло якутов⁴¹. Ценным дополнением к сведениям Прончищева являются некоторые записи в дневнике Х. П. Лаптева: «Здесь (устье Оленека. — *И. Г.*) в зимовьях живут русские промышленники издавна семей 10, которые через жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычай схожи»⁴². Такое же население нашел Х. П. Лаптев не только в устье Оленека, но и на Хатанге.

Наблюдения участников Великой Северной экспедиции, таким образом, подтверждают отмеченный нами по архивным материалам процесс слияния трех этнических компонентов в бассейне Оленека и Анабары.

³⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 1533., л. 50.

³⁷ Там же, кн. 1564, л. 91.

³⁸ Там же, л. 87.

³⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, кн. 980, лл. 161—184 (сведения по Оленекскому и Жиганскому зимовьям даны вместе).

⁴⁰ Записки Гидрографического департамента Морского министерства, ч. IX, СПб., 1851, стр. 190.

⁴¹ Записки Гидрографического департамента Морского министерства, ч. IX, стр. 302.

⁴² Л. С. Берг, История географического ознакомления с якутским краем, Сборн. «Якутия», Л., 1927, стр. 23.

Особенно интересны показания Х. Лаптева в этом отношении. Повидимому, в 40-х гг. XVIII в. процесс ассимиляции якутами русских старожилов зашел уже очень далеко. Чрезвычайно ценно также сообщение Лаптева о том, что все население низовий участвовало в посылке оленей на переправу через реки.

Таким образом, хозяйственная деятельность тунгусов, якутов и русских с падением соболиных промыслов уже в 30—40-х гг. XVIII в. стала нивелироваться.

Наши источники по истории северо-запада Якутии во второй половине XVIII в. крайне бедны. Некоторые данные о населении низовий Лены и Оленека в 80-х гг. XVIII в. можно почерпнуть из ответов жиганского исправника Подчерткова якутскому коменданту Маркловскому в связи с указом Иркутского наместничества собрать историко-этнографические сведения о населении.

Из ответов Подчерткова следует, что в Жиганском округе в 1786 г. жили якуты и тунгусы, объединенные в три «наследных рода»⁴³. Отказываясь представить требуемое описание, жиганский исправник, между прочим, сообщал: «якуты тамошние объявляют мне, что как им памятно, что оне будучи в младых еще летах слышали от таких же стариков, что предки, отделяясь от подгородних города Якутска якутов, зашед сюда в Жиганы, поселились, почему и разговор их и вера и обряд стоят сходно с теми подгородными якутами»⁴⁴. Таким образом, в 80-х гг. переселение из Якутска еще не изгладилось в памяти якутов. Скучные источники по второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. позволяют полагать, что в бассейнах Оленека и Анабары продолжался процесс слияния русских оседлых промышленников с якутами, так же как и якутов с тунгусами. В то время как пришлое население — якуты и русские — усваивало тунгусский образ жизни, выработанные веками промыслово-охотничьи навыки и приемы, местное население усваивало якутский язык, русские технические приемы, элементы русской духовной культуры.

По отрывочным литературным данным и опросным материалам, полученным нами на месте, можно полагать, что на протяжении XIX в. районы северо-востока Якутии продолжали пополняться якутами из центральных волостей и отчасти русскими ссыльными поселенцами (низовье Оленека, первая половина XIX г.).

Социальный состав переселенцев якутов на Оленек и Анабару в XIX в., насколько позволяют судить наши источники, был более разнообразным, чем до деятельности I ясачной комиссии. Основная группа переселенцев якутов, повидимому, состояла из якутской бедноты, страдавшей от обид и притеснений тоенов, другая группа переселенцев состояла из якутской торговой верхушки.

После введения денежного сбора (70-е гг. XVIII в.) в бассейн Оленека и Анабары и далее на Хатангу и на оз. Есей, не встречая препятствий со стороны русской администрации, устремились торговцы якуты, скупщики пушнины. Повидимому, как и в более позднее время, эти якуты занимались попутно охотой и выгодной посреднической торговлей. «В начале настоящего столетия, когда 4 улуса Вилюйского округа составили один улус (Кангаласский), — писал Р. К. Маак, — главою был богатый якут Акыда. Он ежегодно ездил на р. Оленек, где вел выгодную торговлю с тунгусами с озера Жессея (Есея. — И. Г.), получая от них шкурки соболей, песцов и т. п., взамен пороха, свинца и якутских железных изделий. Кроме того, его привлекали на р. Оленек и охота

⁴³ А. П. Окладников, К истории этнографического изучения Якутии, Сборник материалов по этнографии якутов, Якутск, 1948, стр. 25.

⁴⁴ Там же.

са северными оленями, особенно осенью во время их переправ через реку»⁴⁵.

В начале XIX в. значительно укрепились торговые связи населения низовий Оленека и Анабары с Жиганском и верховий Оленека с Вилюйском. По сообщениям Р. К. Маака, в начале XIX в. вилюйские якуты вели регулярную торговлю с населением оз. Есей, совершая туда поездки зимой на оленях, летом на лошадях. Эти связи сохранялись и позднее.

Во время своей поездки по Оленеку в 1874 г. А. Л. Чекановский встретил на среднем течении Оленека тунгусов с оз. Сюрунгны и якута с р. Конамки, ходивших в Вилюйск за порохом и другими покупками⁴⁶. В своих заметках Чекановский упомянул и о том, что вилюйские якуты заходят для промысла на Оленек. «Немногие из них,— писал Чекановский об оленекских якутах,— имеют прочные сношения с единоплеменниками по Вилюю, от которых получают или домашних оленей для примотра и употребления или для меновой торговли некоторое количество товаров, имеющих ход и инородцев по реке Анабаре и далее на северо-западе у долган»⁴⁷. Несомненно, что торгово-обменные связи с Вилюйском и Жиганском способствовали сближению населения Оленека и Анабары с якутской культурой.

Сведения, доставленные П. Хитрово, А. Л. Чекановским и отчасти Р. К. Мааком, позволяют видеть, что население Оленека представляло собой ко второй половине XIX в. единое целое в языковом, культурном и хозяйственном отношениях. «По физиономии, образу жизни, языку и нравам,— писал П. Хитрово о поселении Жиганского улуса в 50-х гг. XIX в.,— здешних русских и тунгусов следует причислить к якутам: так во всем слились они с этими последними»⁴⁸.

А. Л. Чекановский, сообщая о постоянных жителях Оленека, отметил их принадлежность отчасти к Вилюйскому, отчасти к Верхоянскому округу. «У Оленека они имеют свои зимние жилища — якутские юрты с камельком. Остальное затем время года они ведут жизнь кочевую, причем не в особенно большом районе. По происхождению они тунгусы, но уже их деды усвоили себе язык, обычай и образ жизни якутов. Они занимаются рыбкой, диких оленей, лисиц и лесных гусей»⁴⁹. Часть населения, не имевшая зимников с большим размахом кочеваний, была причислена Чекановским к «бродячим», но и эту группу он не отождествлял с тунгусами. «Бродячее население,— писал Чекановский,— идет к Оленеку преимущественно долиной Вилюя. Для промысла Оленек посещают также тунгусы озера Сюрунга и озера Жессей. Но эти инородцы приходят реже, их странствования ограничены верховьями системы Оленека и длятся не более года»⁵⁰.

Из приведенных свидетельств следует, что население Оленека представляло собой известное единство, различаясь только размерами и направлением кочеваний. Несомненно, что ко второй половине XIX в. три этнических элемента (тунгусы, якуты и русские), составлявшие население бассейнов Оленека и Анабары, слились, возникла своеобразная группа северных якутов-оленеководов.

Из этого не следует, что во второй половине XIX в. в бассейнах рек Оленека и Анабары не было этнических смешений и процесс этногенеза

⁴⁵ Р. К. Маак, Вилюйский округ Якутской области, т. II, стр. 103—104.

⁴⁶ А. Л. Чекановский, Письмо к секретарю Русского географического общества, «Известия РГО», т. XI, 1875, стр. 323.

⁴⁷ Там же, стр. 332.

⁴⁸ П. Хитрово, Описание Жиганского улуса, Записки Сиб. отдела РГО, т. 1, 1856, стр. 66.

⁴⁹ А. Л. Чекановский, Письмо к секретарю Русского географического общества, стр. 332.

⁵⁰ А. Л. Чекановский, Письмо к секретарю Русского географического общества, стр. 133.

был завершен. Как видно из описания Чекановского, в верховьях Оленека нередко появлялись тунгусы из бассейна Нижней Тунгуски, якуты из Вилюйска, приезжавшие для торговли и промысла, якуты с Лены.

Во второй половине XIX в. население верховий Оленека включало в Верхне-Вилюйский и Мархинский улусы Вилюйского округа, население низовий входило в состав Жиганского улуса Верхоянского округа. По данным П. Хитрово, из десяти наслегов Жиганского улуса считались якутскими I и II Батулинские, I, II, III и IV Хатыгынские, Туматский и Кангаласский. Тунгусскими значились Кубекский (Купский) и Эльдский (Эжанский). Члены тунгусских наслегов и Туматского наслега кочевали за пределами бассейна Оленека.

В отличие от Жиганского улуса, в Вилюйском округе «тунгусские роды», за исключением ряда тунгусских по происхождению наслегов, представляли собой не что иное, как якутские наслеги, объединявшие кочевое оленеводческое население, лишь именовавшееся тунгусами в отличие от якутов-скотоводов. Это обстоятельство уже отмечалось в литературе. Так, С. К. Патканов писал, что «отдельные семьи якутов, войдя в состав какого-нибудь родового управления или управы тунгусов, этим самым становятся тунгусами, оставаясь по существу теми же якутами, какими они были раньше»⁵¹. Вилюйский исправник Кларк еще в 1861 г. отмечал, что «среди вилюйских тунгусов существует группа, которая лишь называется тунгусами, но ни жилищем, ни нравами, ни обычаями, ни одеждой, ни языком не отличается от якутов».

Наслеги, именовавшиеся в Жиганском улусе и Туруханском округе якутскими, в Вилюйском округе именовались тунгусскими. По данным X ревизии и переписи 1897 г., тунгусами значились в Вилюйском округе члены Хатыгынского наслега, Чордунского, Бетунского, обьякученского тунгусы Шелогонского и Угулятского наслегов и др. Все население кочевывшее около оз. Есей и в верховьях Оленека, подчинявшееся Вилюйскому округу, именовалось в нем «есейские тунгусы». Однако в Енисейской губернии они именовались «есейские якуты». К якутам относили обитателей оз. Есей и верховьев Оленека все путешественники и исследователи, посещавшие эти районы. Посетивший в 1884 г. оз. Есей миссионер М. Суслов сообщил, что вокруг оз. Есей кочует около 660 человек якутов⁵². «Есейские якуты,— писал П. Е. Островских, побывавший на оз. Есей в 1902 г.,— принадлежат к трем наслегам, старейших которых проживают в Вилюйском округе с названиями Чорду, Бети, Кахын»⁵³. «Районом обитания есейских якутов является главным образом все среднее и нижнее течение р. Котуя и низовий р. Майеро с их притоками, а также верховья рр. Оленека и Анабары»⁵⁴,— писал участник Хатангской экспедиции этнограф В. Н. Васильев. Следует отметить, что население, включенное в «тунгусские роды», осознавало себя якутами. Об этом можно, например, судить по расписке, приведенной П. Е. Островских: «Илимпейского тунгусского роду Туруханского округа Сухочар дал сию расписку якуту 2-го Хатыгынского тунгусского наслега того же края В. С. Ботулу, что ...»⁵⁵.

Местная традиция, ошибочно относившая все кочевое оленеводческое население к тунгусам (эвенкам), сказалась не только на результате

⁵¹ С. К. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. I, вып. 2, СПб., 1906, стр. 83.

⁵² Кларк, Вилюйск и его округ, Зап. Сиб. отд. РГО, ч. VII, 1864, стр. 129.

⁵³ М. Суслов, Путевой журнал священника миссионера Мих. Суслова, есейские епархиальные ведомости», 1884, №№ 19, 20, 21.

⁵⁴ П. Е. Островских, Поездка на озеро Есей, «Известия Красноярского отдела РГО», т. I, вып. 6, 1904, стр. 27.

⁵⁵ В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев северного Туруханского Ежегодник Русск. антропологич. об-ва, 1905—1907, № 2, с. 58.

⁵⁶ П. Е. Островских, О положении женщин у инородцев Туруханского округа «Известия Красноярского подотдела РГО», т. I, вып. V, 1904, стр. 14.

зованиями и в прошлом иногда представляли собой отдельные племена⁵⁹. Наслед Бети образовался, по данным Б. О. Долгих, в результате объядучивания местного племени синигир. Наследы Угулят и Сологон — объядученные тунгусские племена, известные по документам XVII в. как «Фугляцкий и Сологонский роды». Наследы Катыгын и Кангалас — переселившиеся на север и разросшиеся здесь осколки древних якутских племен.

В бассейнах Оленека и Анабары встречались также обрывки родственных племенных групп Брангат, Нахра, сюда заходили настоящие эвенки-илимпийцы и чапогирцы из Красноярского края. Кроме них, переписано было зарегистрировано небольшое число якутов из центральных районов, приехавших для промысла и торговли, некоторое число якутов-русских — советских работников, прибывших для проведения различных мероприятий.

Выше уже упоминалось, что в переписном материале большинства населения — члены наследов Катыгын (Осогостох), Сологон, Угулят, Чорду и других — показаны тунгусами (эвенками). Однако на месте удалось выявить, что члены всех упомянутых выше основных наследов, за исключением илимпийцев (нюрюмнялей) и чапогирцев, считают себя настоящими якутами, потомками якутов, выходцев из южных районов Якутии. Из расспросов выяснилось также, что в определении национальной принадлежности населения переписчики руководствовались традиционным представлением, причислявшим все население, занимавшееся оленеводством, к тунгусам, а скотоводством — к якутам. На Оленеке в эту последнюю категорию попали лишь лица, недавно занимавшиеся скотоводством, т. е. пришлые якуты.

Следует отметить, что и сами оленекские и анабарские якуты понимают причисление их к эвенкам (тунгусам) лишь как выражение образа жизни, не придавая этому термину в отношении себя этнического смысла. Эвенки Красноярского края, в отличие от якутов-скотоводов, рассматриваются ими как совершенно другая, не родственная народность.

Это обстоятельство уже отмечалось А. А. Поповым. «Слово тунгус часто употребляется не как название народности, но как название оленевого вообще. По этой причине вилуйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренных оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами»⁶⁰.

Якутское национальное самосознание оленекских и анабарских якутов нашло яркое выражение в их генеалогических преданиях.

Основателем одной из ветвей рода Чорду считается якут Кыхылов, переселившийся в местность Конора, около Жиганска. Сам он и его прямые потомки были князьями (старостами) в наследе Чорду. Генеалогия правнука Кыхылова, по прозвищу Секеней-уола, умершего в 30-х гг., рисуется следующим образом: Кыхылов — Самойка — Секеней — Николай (Сексней уола). Род Ёрюней, входивший в состав наследа Чорду, по словам члена этого рода А. П. Григорьева и других лиц, — произошел от некоего Ёрюнея-якута. Со своим братом Ёрюней изгнан из Якутска за какие-то провинности. Свою генеалогию А. П. Григорьев представляет следующим образом: Ёрюней — Григорий — Петр — А. П. Григорьев (54 года).

Основателем рода Оспёк, по словам члена этого рода И. П. Семенова, считается якут по имени Оспёк. Вот генеалогия И. П. Семенова: Оспёк — Чогуркан (не был крещен) — Игнатий (слепой) — Василий

⁵⁹ Б. О. Долгих, *Племя у народов Сибири*; Труды II Всесоюзного географического съезда, т. II, стр., 340—354.

⁶⁰ А. А. Попов, *Материалы по родовому строю долган*, «Советская этнография» 1934, № 6, стр. 33.

Семен (Соокооки) — Семен (Адьярыкса) — Петр — И. П. Семенов (40 лет). По словам населения, Осогостохский род произошел от какой-то якутки, приехавшей на Оленек уже беременной.

Лишь род Бэти признается местной традицией эвенкийско-якутским. Основателем его считается шаман Мыкал. Одни и его считают якутом, а другие относят к чапогирицам.

В таких же чертах рисуется происхождение анабарских и нижнеоленинских наслегов: Кангаласского, II Хатыгынского, Омолдонского рода (Омолдсттор) и Эдьэтерского. Кангаласский род на Анабаре (Винокуровы), по словам Н. А. Винокурова (82 года), был основан его прадедом в годы крещения якутов. До переселения на Анабару прадед Винокурова будто бы жил в устье Вилюя и принадлежал к Кангаласскому наслегу. Причиной переселения послужила ссора с сородичами. При дележе перьев тотемной птицы («как бог») — тойон-кетера (орла) прадеду Винокурова не досталось перьев, ему предложили пух. Обидевшись, он переселился на Анабару. Услышав, что на Анабаре прижились кангаласцы, к ним начали присоединяться другие лица из этого наслегу. Генеалогия Н. А. Винокурова: Дьугдьюур — Василий — Афанасий — Н. А. Винокуров. Разумеется, что достоверность этих генеалогических преданий сомнительна, но тем не менее они свидетельствуют о вполне якутском самосознании населения бассейна рек Оленек и Анабары.

Следует отметить, что организаторы Оленекской культбазы, местные советские и партийные работники, не причисляли население к эвенкам. Этнограф И. М. Суслов, командированный Комитетом Севера для руководства строительством Оленекской культбазы, в своей книге «Река Оленек» отметил принадлежность населения Оленека к кочевым якутам-оленьеводам. Это же было выявлено и обследованием Оленекского района, проведенным в 1934 г. уполномоченным ЯЦИК И. Е. Винокуровым. В Оленекском, Кирбейском и Джелиндинском наслеге (первоначально Оленекский район состоял из трех наслегов), по данным обследования, население состояло из якутов. К эвенкам принадлежало лишь 20 хозяйств Илимпейского рода, из них 10 хозяйств при организации Оленекского района переехало в Красноярский край.

О том, что население северо-западных районов Якутии принадлежит к якутам, отдавали себе отчет не только на Оленеке, но и в Вилюйске. Секретарь Оленекского райкома партии С. В. Данилов, во время строительства культбазы работавший секретарем Вилюйского окружкома, в частной беседе с нами сообщил, что он и местный партийный актив не поддерживали предложение представителя Комитета Севера организовать на территории северо-западных районов Якутии особый национальный округ, исходя из того, что если встать на путь выделения в национальные округа области, где якутоязычное население занимается оленеводством, то от Якутской АССР ничего не останется и якуты будут значиться только под городом Якутском.

Что же представляют собою оленекские и анабарские якуты? В настоящее время оленекско-анабарские оленеводы являются самой северной частью якутского народа, имеющей ряд особенностей как по сравнению с основной массой якутов центральных районов Якутии, так и по сравнению с обитателями двух северных районов Якутской АССР, где также распространилось якутское население.

Основная отрасль производства оленекских и анабарских якутов — оленеводство. На нем базируется охотничий промысел и рыболовство. В бассейнах рек Оленека и Анабары существовало несколько типов оленеводческих хозяйств с различными формами сочетания оленеводства, охоты и рыболовства, соответствовавшими определенным естественным зонам ⁶¹.

⁶¹ Подробнее об этом см. И. С. Гурвич, Оленекские и анабарские якуты. Автореферат диссертации, М. 1949, стр. 10—11.

Оленеводство в бассейнах Оленека и Анабары отличается рядом особенностей: неупотреблением оленегонных собак, в отличие от долган и нганасан, разработанностью выючных способов передвижения на оленях, использованием в качестве передового оленя не крайне левого, крайне правого, так же как у эвенков, долган и якутов центральных районов, умением доить оленей и содержать их летом на лесных участках. В оленеводческой и охотничьей терминологии обращает на себя внимание большое количество терминов, заимствованных из различных эвенкийских диалектов, хотя население владеет исключительно якутским языком. В хозяйственной деятельности населения до коллективизации охота на крупнокопытных преобладала над пушным промыслом. Приемы охоты на диких оленей и водоплавающую дичь оленекских и анабарских якутов не известны якутам центральных районов. Сложное происхождение оленекских и анабарских якутов в результате скрещения и взаимодействия трех этнических групп — коренного эвенкийского населения, переселенцев якутов и русских промышленников — нашло отражение в их материальной и духовной культуре. Пища населения бассейнов Оленека и Анабары, так же как эвенков и нганасан, соответствовала промыслово-охотничьему хозяйству. Основными продуктами питания было мясо диких и домашних оленей и рыба. Тем не менее в пище сказались и влияние якутов, выразившееся в пристрастии к конине, в употреблении якутских блюд. Основным типом жилища оленекских и анабарских якутов был ровдужный конусообразный чум — тордох, в качестве зимников использовалась специфическая якутская форма жилища юрты-балаганы и дома-рубленки, заимствованные от русских промышленников. Известное распространение имели постоянные чумы из желей — холомо.

Промысловая одежда и обувь населения на Оленеке и Анабаре отвечает в основном эвенкийской национальной одежде. Не употребляется лишь нагрудник. Якутское влияние сказалось главным образом в праздничном комплексе одежды (шуба с отложным воротником, женские шапки с высоким верхом и бляхой). Домашняя одежда — рубаха, платья, костюмы — имеют русский покрой.

В орнаментальном искусстве оленекских и анабарских якутов (ребра по дереву) преобладают якутские мотивы: спирали, завитки, кресты в отличие от реалистических силуэтных изображений эвенков.

Еще более сложное переплетение разнообразных этнических влияний прослеживается в духовной культуре. Якутские и эвенкийские влияния обнаруживаются в юридических обычаях северных якутов, в нормах наследования, существовавших до установления советской власти.

В свадебных обрядах населения в основном повторяются общенародные порядки, сказывается и сильное влияние русской свадебной обрядности. Архаические моменты сохранились в родильных обрядах, в отношении к женщине. Эта группа обрядов сближает якутов-олленеводов с эвенками, нганасанами и долганами. Много самобытных черт обнаруживается в устном творчестве оленекских и анабарских якутов, в ряде эпических сказаний о воинах-хосунах и в других жанрах. Якуты-олленеводы удержали основной фольклорный запас своих собратьев якутов-скотоводов, за исключением былин — олонхо, пользующихся на севере меньшей популярностью, чем в центральных якутских районах. Следует отметить, что во многих произведениях традиционная скотоводческая обстановка заменяется оленеводческой. Песни-импровизации северных якутов, демонологические предания близки к долганским и юкагирским произведениям этого жанра. На многих произведениях сказались сильное влияние русского фольклора.

В религиозных верованиях населения обнаруживается сложное переплетение близких между собой якутских и эвенкийских религиозных представлений.

Своеобразная культура оленекских и анабарских якутов, отличающаяся значительной сложностью, тем не менее, это следует особо подчеркнуть, представляет собой органическое единство.

Группа северных якутов-оленьеводов, отличная по своему хозяйственно-культурному укладу от якутов центральных районов Якутии, как отмечалось выше, уже в XIX в. представляла собой обособленную часть якутского народа. Оформление этой своеобразной группы якутов в процессе длительного периода скрещения и взаимовлияния трех этнических компонентов (руководящая роль в этом процессе принадлежала якутам) знаменовало собой образование широкой этнической общности, выразившееся в распространении якутского языка и якутской культуры на северо-западные и северные области Якутии. Этническое единство проявилось также в якутском самосознании населения северных тундровых окраин. Единство северных якутов-оленьеводов подкреплялось территориальными связями и политическим подчинением одним административным центрам. Тем не менее процесс сближения северных якутов-оленьеводов с основной массой якутов-скотоводов не завершился в конце XIX — начале XX в. слиянием в устойчивую общность — нацию. Отсутствовал важнейший признак, определяющий собой нацию, — общность экономической жизни, экономическая связанность.

Каковы же были экономические связи между северными якутами и другими группами якутского народа? Несомненно, что рядом каналов северные якуты были связаны с общерусским рынком. Население северных районов посещали якутские и вилюйские купцы — скупщики пушнины и ростовщики, завозившие на Оленек, Анабару, Нижнюю Лену порох, свинец, оружие, спирт, чай, табак и другие товары. Известно, что к концу XIX в. среди оленекских и анабарских якутов существовала значительная имущественная дифференциация. Наследные старосты и кулаки, владельцы тысячных стад оленей, под видом родовой взаимопомощи эксплуатировали местное население. Они также вели посредническую торговлю, сбывая на рынок оленей, пушнину, скупленную и вымеченную на табак, чай и порох. Однако основная масса населения Оленека, Анабары, Нижней Лены была изолирована бездорожьем, сотнями верст болот и лесов как от якутов центральных районов, так и от ближайших административных центров. Кругозор и интересы северных якутов-оленьеводов были ограничены своей группой.

Фактически население вело натуральное хозяйство, основанное на крайне примитивной технике, едва удовлетворяя свои потребности в пище и одежде. Товарная пушная охота практиковалась лишь в такой степени, чтобы обеспечить себя необходимым количеством боеприпасов, чая и табака.

Прочные экономические связи с соседями при таком уровне развития хозяйства северных якутов, разумеется, сложиться не могли.

Процесс сближения северных групп якутского народа с основной массой якутов достиг своего завершения лишь в советское время на новой политической и экономической основе благодаря победе социализма в нашей стране. Именно «этот период, — указал товарищ Сталин, — создает благоприятную обстановку для возрождения и расцвета наций, ранее угнетавшихся царским империализмом, а ныне освобожденных советской революцией от национального гнета»⁶².

Ленинско-сталинская национальная политика помогла северным якутам-оленьеводам преодолеть свою хозяйственную и культурную отсталость, сблизиться с основной массой якутского народа⁶³.

⁶² И. Сталин, Соч., т. 11, стр. 345.

⁶³ О социалистическом строительстве среди оленекских и анабарских якутов см. нашу работу «Социалистическое строительство на северо-западе ЯАССР», «Советская география», 1950, № 1.

Одним из первых мероприятий советской власти по преодолению оторванности оленекских и анабарских якутов от культурных центров было освоение северных рек — главных путей сообщения в этих безречных районах. Судходными стали реки Оленек, Анабара, Малая Конамка. Мощные потоки грузов направились на север по почтовым трактам. Появилась авиасвязь. Устранение изоляции области обитания северных якутов явилось предпосылкой для дальнейшего сближения с основной массой якутского народа. Уже в проведении коллективизации, первых культурных мероприятий среди якутов-оленьеводов активное участие приняли якуты — советские и партийные работники из южных районов Якутской АССР.

Коллективизация, социалистическое строительство, коренная реконструкция северного комплексного промыслового хозяйства, превращение товарного пушного промысла из второстепенного занятия в ведущую отрасль хозяйства резко подняли доходность и благосостояние населения. С повышением товарности установились прочные экономические связи между замкнутым в прошлом натуральным хозяйством северных якутов и народным хозяйством Якутской АССР. Это нашло отражение в сознании населения. Представления о национальных и государственных связях вытесняют представления об узких родоплеменных (наследственных) и территориальных этнических связях. Как якуты центральных районов, так и якуты северных районов не отделяют свою борьбу за выполнение планов пушнозаготовок, планов развития общественного животноводства от общей борьбы всей Якутской республики за выполнение государственных планов.

Непосредственным результатом социалистической реконструкции промыслового хозяйства явилось расширение хозяйственных взаимосвязей северных якутов с южными. Колхозы Оленекского района стали питомниками таежных оленей для южных районов Якутии. Распространяется на юг и хозяйственный опыт, накопленный северными якутами области оленеводства и охоты. В ряде районов обитания северных якутов, где по климатическим условиям возможно разведение рогатого скота, организуются молочные фермы, туда проникает богатый опыт, накопленный в этой области якутами-скотоводами.

Происходит и обмен культурным наследством, выработанным отдельными группами якутского народа. Замечательный фольклор якутов-скотоводов (олонхо), современные литературные произведения советских писателей-якутов, выходцев из центральных районов — Абагинского, Урастырова, Эллия, Суорун Омоллона, Васильева-Борогонского и других, усваиваются окраинными оленеводческими группами якутов. Сказки, песни, эпические произведения северных якутов проникают в районы расселения якутов-скотоводов.

Образование якутской социалистической культуры идет также по пути обогащения якутского литературного языка. Посредством книг, газет, журналов литературный якутский язык проникает в быт населения, вытесняя местные особенности говора. В Якутии издается свыше 30 газет и журналов на якутском языке. За последние годы на якутском языке изданы произведения товарища Сталина тиражом более 700 тысяч экземпляров. Большая языковая работа проводится в якутских школах, особенно северных, по выработке разговорного литературного языка.

Сближению всех групп якутского народа способствует и общий рост культуры и грамотности. Всестороннее сближение всех групп якутского народа, присоединение к основному ядру якутской нации — якутов центральных районов — окраинных северных групп, близких к ним по культуре, представляет собой процесс консолидации якутской социалистической нации.

Б. О. ДОЛГИХ

К ВОПРОСУ О НАСЕЛЕНИИ БАСЕЙНА ОЛЕНЕКА И ВЕРХОВЬЕВ АНАБАРЫ

Одним из недоразумений, не выправленным в этнографии до последнего времени, был вопрос об этнической принадлежности кочевого оленеводческого населения северо-западной части Якутской АССР на территории современного Оленекского, а отчасти и соседних с ним районов.

Вкратце вопрос этот сводится к следующему: хотя уже давно, по крайней мере со второй половины XIX в., было известно, что это население говорит на якутском языке, оно в значительной своей части, а иногда целиком считалось тунгусским, т. е. эвенкийским. Таким оно отмечено на большинстве этнографических карт, даже на самых последних, какими являются карты П. Е. Терлецкого и З. Е. Чернякова. Вместе с тем это недоразумение создавало ряд практических неудобств. В Оленекский район засылалась, например, литература и учебники на эвенкийском языке, которые оставались без использования, так как этого языка население не знало. Отнесение всего населения Оленекского района (включающего в свои пределы и верховья Анабары) к эвенкам искажало и статистические данные об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР.

Это недоразумение вызвано рядом причин. В XVII в., когда русские появились в бассейне Оленека, здесь и по верховьям рек Анабары и Попигая действительно жили эвенки (тунгусы). Но вследствие эпидемий с середины XVII в. это население очень уменьшилось. В то же время, начиная со второй половины XVII в., на Оленек переселилось много якутов из центральных районов Якутии, которых уже в начале XVIII в. стало здесь значительно больше, чем эвенков, и которые ассимилировали остатки эвенкийского населения. Таким образом, с XVII в. в этом районе произошла полная смена этнического состава населения, но, видимо, сохранялась традиция, по которой считалось, что население Оленека является эвенкийским (тунгусским).

Вторая причина того, что население Оленека считалось до последнего времени эвенкийским (тунгусским), заключается в том, что, поселившись на Оленеке, якуты заимствовали от эвенков оленеводство и стали кочевниками-оленеводами, охотниками и рыбаками, какими были и эвенки, жившие здесь до них и которых они ассимилировали в этническом отношении. Эти отличия оленекских якутов от основного массива якутского народа, занимавшегося скотоводством и коневодством, усвоившего под влиянием русской культуры и земледелие, жившего большей части оседло еще до революции, укрепляли традицию считать оленеводов-кочевников Оленека эвенками (тунгусами).

Третьей причиной, по которой население Оленекского района считалось эвенкийским, является то обстоятельство, что в царской России оно и официально считалось тунгусским, хотя говорило на якутском языке и по происхождению в большей своей части тоже было якутским.

При этом необходимо отметить, что царская администрация, относившая якутов-оленоводов северо-запада бывшей Якутской области к тунгусам, не была в этом вопросе вполне последовательна.

Население северо-западной Якутии до революции входило в три крупных административных объединения. Часть его входила в Жиганский улус Верхоянского округа, и здесь оно считалось якутским, за исключением двух родов — Кюпского и Эжанского, кочевавших по самой Лене и к востоку от нее, которых считали тунгусскими и которые были действительно по происхождению обьякученными тунгусами. Остальные наслеги этого улуса — 1-й и 2-й Батулинские, 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Хатылинские (Хатыгинские), Кангаласский и Туматский — считались якутскими, и подавляющее большинство их членов было действительно якутами по происхождению, хотя они занимались оленеводством и вели кочевой образ жизни. Они занимали все низовье Лены от Жиганска и до дельты, низовья Оленека, бассейн притока Анабары Юэли и т. д.

Другая часть населения северо-западной Якутии, в частности кочевывшая по верхнему и среднему течению Оленека и верховьям Анабары, а также по р. Котую и у оз. Есей, входила в Вилюйский округ¹. Эта группа населения принадлежала к наслегам Хатыгинскому, Бетюнскому (он же Чордунский) и Бетильскому. Население всех этих трех наслегов говорило на якутском языке, но считалось тунгусами, хотя по происхождению только Бетильский наслег можно было с некоторым основанием (повидимому, он произошел от тунгусов — синигиров XVII в.) считать тунгусскими.

Таким образом, совершенно однородное по своему этническому облику население царская администрация в одном округе считала якутским, а в другом тунгусским.

Наконец, низовья Анабары занимали якуты Нижне-затундренной управы Туруханского края Енисейской губернии. Сейчас они образуют часть населения Таймырского национального округа Красноярского края и Анабарского района Якутской АССР. Этническая принадлежность их бесспорна (хотя часть их и является потомками ассимилированных якутами эвенков).

Таким образом, низовья Оленека и Анабары занимало (и занимает сейчас) население, принадлежавшее в прошлом к Жиганскому улусу и Енисейской губернии, которое, хотя вело кочевое оленеводческое хозяйство, было якутским и считалось якутским.

Наоборот, население верховьев Анабары и верхнего и среднего течения Оленека, которое вело такой же образ жизни и говорило на якутском языке, но входило в Вилюйский округ, считалось тунгусским. Таким образом, вопрос сводится, собственно говоря, к тому, кем считать потомков членов Хатыгинского, Бетюнского и Бетильского наслегов б. Вилюйского округа, составляющих большинство населения этого района.

Численность населения этих наслегов показывает данные, приведенные в таблице 1.

Данные эти не вполне точные. В 1859 г., видимо, был недоучтен Хатыгинский наслег. За 1926—1927 гг. у нас нет данных по части Бетюнского наслега, жившей у оз. Конор близ Жиганска (их там около 150—200 человек).

В 1926—1927 гг. потомки членов этих наслегов частью жили в Якутской АССР, а частью в пределах Сибирского края. Распределение этого населения между Якутской АССР и Сибирским краем в 1926—1927 гг. показывает таблица 2.

¹ Район по Котую и у оз. Есей находился на территории Енисейской губернии, но население этих местностей было в ведении Вилюйского округа Якутской области.

Т а б л и ц а 1

Н а с л е г	Перепись (ревизия) 1859 г. ²	Перепись 1897 г. ³	Перепись 1926—1927 гг. ⁴
Хатыгинский	470	880	1205
Бетюнский	505	} 929	719
Бетильский	202		220
	1177	1809	2144

Т а б л и ц а 2

Н а с л е г	Сибирский край	Якутская АССР	Всего
Хатыгинский	692	513	1205
Бетюнский	501	218	719
Бетильский	122	98	220
	1315	829	2144

В Сибирском крае все члены этих населений были переписью 1926—1927 гг. зарегистрированы как якуты, в Якутской АССР — как тунгусы ⁵.

Хатыгинский и Бетюнский наслеги состоят из ряда родов; в Хатыгинском были роды Ботулу, Осогостох, Еспёх, Маймага, Уодай; в Бетюнском — Чорду, Батагай, Юэрэнэй, Кёбёх. При переписи члены одних и тех же родов регистрировались в Якутской АССР как тунгусы, а в Сибирском крае — как якуты.

Более того, были случаи, что отца с семьей в Сибирском крае регистрировали как якута, а сына, отправившегося погостить на Оленек к тестю, как тунгуса. Одного сына, жившего на Оленеке в Якутской АССР, регистрировали тунгусом, другого сына на оз. Есей в Сибирском крае — якутом и т. д.

Надо со всей серьезностью подчеркнуть, что население среднего и верхнего Оленека и верховьев Анабары и население, живущее в Красноярском крае в районе оз. Есей, по рекам Котую, Котуйкану и Агынли, между реками Котуем и Меймечей (Медвежьей), по р. Хете в районе устья Меймечи, не только принадлежало в прошлом к одним населем и родам, но и этнографически было совершенно едино — тот же язык, образ жизни, одежда, обычаи и т. д. Раз одна его часть считается якутами, то и другая часть его должна считаться ими же, или, наоборот, все население должно считаться эвенками (тунгусами). Отделять в этнографическом отношении, например, население оз. Есей (сейчас в составе Эвенкийского национального округа, где оно правильно считается якутским) от населения Оленека и Анабары совершенно невысмыслимо. Либо все они якуты, либо эвенки (тунгусы). Другого решения быть не может.

² «Памятная книжка Якутской области за 1863 г.», стр. 68.

³ С. К. Патканов, Опыт географии и статистики тунгусских племен. Сибирь, т. 1, вып. 2, стр. 115—117, 124—126, 160.

⁴ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей средней Сибири «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. V, 1949, стр. 79. Некоторые дополнения в эти цифры внесены по данным И. С. Гурвича.

⁵ В 1926—1927 гг. Красноярского края еще не существовало, тогда его территория вся входила в Сибирский край (за исключением пространства между Хатангой и Анабаром, входившим тогда в Якутскую АССР).

Автору этих строк приходилось в период 1935—1939 гг. несколько раз бывать в районе оз. Есей, на среднем течении Котуя, к востоку от Котуя на р. Агынли у фактории Кирбей. Никакого сомнения в том, что это население представляет собой кочевников-оленьеводов якутов, а не эвенков, у него нет. Никакого этнографического различия нельзя было также обнаружить между населением этого района и населением Оленека. С Оленека все время приезжали в район Есея и отдельные люди и целые семьи, а иногда переселялись целые группы населения. Те и другие представляли собой одну этническую группу якутов-оленьеводов, связанных родственными и личными отношениями, происходивших из одних и тех же родов и считавших себя одним этническим целым, разделенную лишь границей между Якутской АССР и Красноярским краем.

Причем можно указать, что и коренные обитатели Есея, и их соплеменники и сородичи с Оленека сами считали себя якутами (в том числе и члены наслега Бети, о которых помнят, что они эвенкийского происхождения, но которые ничем не отличались от остальных якутов и их все считали якутами. При этом следует отметить, что все якуты на Есее, Котуе и Хете переселились сюда в прошлом именно с Оленека. Это помнят очень хорошо.

Но любопытно, что и якуты с оз. Есей и якуты с Оленека рассказывали, что в Вилюйске, куда им приходилось иногда ездить, их считают тунгусами и называют «дехэй тонгустар», т. е. «есейские тунгусы». В этом, вероятно, кроется причина того факта, что в пределах Якутской АССР оленекские якуты были переписаны как тунгусы. Очевидно, старые традиции, по которым все население среднего и верхнего Оленека Анабары считалось эвенками (тунгусами), были еще сильны, и это отразилось на результатах переписи 1926—1927 гг. в бассейне Оленека Анабары.

Совершенно отчетливо видна была граница между якутами и эвенками, когда из района местожительства якутов-оленьеводов, например, озера Есей, из Кирбея и т. д., приходилось переезжать в соседние эвенкийские кочевые советы Илимпейского района Эвенкийского национального округа, например Чириндинский. Здесь население считает себя эвенками и говорит по-эвенкийски. Его считают эвенками и все соседнее якутское население Есея и Оленека. При этом надо заметить, что и те же чириндинские эвенки не делают никакого различия между якутами с оз. Есей своего национального округа и оленекскими якутами Якутской АССР, т. е. теми, которых, как мы видели, перепись 1926—1927 гг. учла как тунгусов. Тех и других эвенки называют «яко», считают их другим народом и ничего более эвенкийского в оленекских якутах по сравнению с есейскими не находят. По родовому составу эвенки резко отличались от якутов. Они принадлежали к родам Баягир (с подразделениями: Катарэль, Ялтакагир, Хавокигир), Иолдагир, Оёгир, Гургугир, Иолитгир, Камбагир, Хирагир, Хукочар, Эмидакиль, Хутокогир и Удыгир. Как мы уже указали, есейские и оленекские якуты принадлежали к другим родам, названия которых все без исключения были чисто якутские, не эвенкийские (см. выше).

Таким образом, для нас совершенно несомненно, что население бассейнов рек Оленека и Анабары представляет собой якутов, отличающихся от остальных якутов только хозяйством и образом жизни, но не языком (за исключением ряда диалектальных особенностей) и этнической принадлежностью. Так же совершенно неосновательно отделение в этнографическом отношении оленекских и анабарских якутов Якутской АССР от есейских, кирбейских и других якутов Красноярского края. Те и другие и по происхождению и по своему этнографическому облику представляют одну этническую группу и считают себя одним народом.

Остается вопрос о населении Сологонского и Угулятского наслегов южной части современного Оленекского района, главным образом

Автору этих строк приходилось в период 1935—1939 гг. несколько раз бывать в районе оз. Есей, на среднем течении Котуя, к востоку от Котуя на р. Агыли у фактории Кирбей. Никакого сомнения в том, что это население представляет собой кочевников-оленеводов якутов, а не эвенков, у него нет. Никакого этнографического различия нельзя было также обнаружить между населением этого района и населением Оленека. С Оленека все время приезжали в район Есея и отдельные люди, целые семьи, а иногда переселялись целые группы населения. Те и другие представляли собой одну этническую группу якутов-оленеводов, связанных родственными и личными отношениями, происходивших из одних и тех же родов и считавших себя одним этническим целым, разделенную лишь границей между Якутской АССР и Красноярским краем.

Причем можно указать, что и коренные обитатели Есея, и их соплеменники и сородичи с Оленека сами считали себя якутами (в том числе и члены наслег Бети, о которых помнят, что они эвенкийского происхождения, но которые ничем не отличались от остальных якутов) и их все считали якутами. При этом следует отметить, что все якуты на Есее, Котуе и Хете переселились сюда в прошлом именно с Оленека. Это помнят очень хорошо.

Но любопытно, что и якуты с оз. Есей и якуты с Оленека рассказывали, что в Вилуйске, куда им приходилось иногда ездить, их считали тунгусами и называют «дехэй тонгустар», т. е. «есейские тунгусы». В этом, вероятно, кроется причина того факта, что в пределах Якутской АССР оленекские якуты были переписаны как тунгусы. Очевидно, старые традиции, по которым все население среднего и верхнего Оленека и Анабары считалось эвенками (тунгусами), были еще сильны, и это отразилось на результатах переписи 1926—1927 гг. в бассейне Оленека и Анабары.

Совершенно отчетливо видна была граница между якутами и эвенками, когда из района местожительства якутов-оленеводов, например, с озера Есей, из Кирбея и т. д., приходилось переезжать в соседние эвенкийские кочевые советы Илимпейского района Эвенкийского национального округа, например Чириндинский. Здесь население считает себя эвенками и говорит по-эвенкийски. Его считает эвенками и все соседнее якутское население Есея и Оленека. При этом надо заметить, что те же чириндинские эвенки не делают никакого различия между якутами с оз. Есей своего национального округа и оленекскими якутами Якутской АССР, т. е. теми, которых, как мы видели, перепись 1926—1927 гг. учла как тунгусов. Тех и других эвенки называют «яко», считают их другим народом и ничего более эвенкийского в оленекских якутах по сравнению с есейскими не находят. По родовому составу эвенки резко отличались от якутов. Они принадлежали к родам Баягир (с подразделениями Катарэль, Ялтакагир, Хавокигир), Иолдагир, Оёгир, Гургугир, Иолигир, Камбагир, Хирагир, Хукочар, Эмидакиль, Хутокогир и Удыгир. Как мы уже указали, есейские и оленекские якуты принадлежали к другим родам, названия которых все без исключения были чисто якутские, а не эвенкийские (см. выше).

Таким образом, для нас совершенно несомненно, что население бассейнов рек Оленека и Анабары представляет собой якутов, отличающихся от остальных якутов только хозяйством и образом жизни, но не языком (за исключением ряда диалектальных особенностей) и этнической принадлежности. Так же совершенно неосновательно отделение в этнографическом отношении оленекских и анабарских якутов Якутской АССР от есейских, кирбейских и других якутов Красноярского края. Те и другие и по происхождению и по своему этнографическому облику представляют одну этническую группу и считают себя одним народом.

Остается вопрос о населении Сологонского и Угулятского наслегов южной части современного Оленекского района, главным образом

бассейнах рек Марха и Тюнг. По происхождению это эвенки, но уже в 1897 г. все они говорили по-якутски. Часть их занимается еще оленеводством, часть, по примеру якутов, — скотоводством и коневодством.

Автору этих строк приходилось встречать на Есее и в Кирбее некоторых из этих сологонов. Они называли себя якутами, но в то же время помнили, что они эвенкийского (тунгусского) происхождения. Говорили они только по-якутски. Чтобы окончательно решить вопрос об их этнической принадлежности, необходимо изучить это на месте. Судя по тому, что нам известно о них, угулятов можно уже считать полностью слившимися с якутами, а сологонов — группой, хотя и перешедшей на якутский язык, но еще сохранившей сознание своего эвенкийского происхождения.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Н. А. БУТИНОВ

ШКОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОЛОНИЗАТОРОВ В АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

Народного образования в истинном смысле этого слова в колониях нет. «Пользоваться термином «народное образование»,— говорил в мае 1946 г. председатель Вьетнамской парламентской делегации в Париже Фам-Ван-Донг,— это значит злоупотреблять понятием, вложенным в это слово. Разве можно квалифицировать как народное образование систему засорения мозгов с определенной целью приспособить все обучение, как количественно, так и качественно, к потребностям колонизаторов?»

Плантаторов и промышленников образование местного населения интересует только и исключительно с точки зрения подготовки необходимых кадров рабочей силы. Почти все плантации сахарного тростника, кофе, какао, каучука и др., а также вся добывающая промышленность, за исключением австралийской, держатся на труде коренного населения. Но для этого требуется, чтобы коренное население в какой-то мере понимало язык надсмотрщиков и хозяина. Этим сумма положительных знаний, сообщаемых учащимся, по существу и ограничивается.

Школа используется колонизаторами и для подготовки кадров чиновников, сборщиков налогов и т. п., а также для того, чтобы держать в своих руках родовую верхушку, местную аристократию, при помощи которой они управляют порабощенным народом.

Колонизаторам нужна школа, кроме того, для идеологического порабощения коренного населения. Основой школьного воспитания является проповедь христианского смирения и послушания эксплуататорам, как представителям «высшей» расы, без помощи и руководства которой коренное население якобы не в состоянии развиваться и существовать.

Колониальные власти намеренно удерживают порабощенные народы в состоянии темноты и невежества, а потом утверждают о мнимой неспособности австрало-океанийских народов, их неспособности к образованию. На самом деле, причины того, что местное население Австралии и Океании в подавляющем своем большинстве неграмотно, нужно искать не в расовых или психических его особенностях, а в характере той «цивилизации», представители которой взяли его опекать.

До начала XX в. в Австралии и Океании почти не было школ, даже миссионерских. Лишь отдельные миссионеры пытались создать письменность на местных языках, перевести Библию и научить читать ее, и

империалисты истребляли местное население еще до того, как миссионеры успевали перевести библию на его язык.

С начала XX в., когда в австрало-океанийские колонии стал проникать капитализм, колонизаторы ощутили настоятельную потребность в труде местного населения. Отныне признаком «приобщенного к цивилизации» местного жителя становится его труд на горных разработках, плантациях и пр. Администрация мандатной территории Новой Гвинеи с циничной откровенностью писала в Лигу наций в 1921 г., что «самое надежное средство цивилизования туземцев — это ...заставить их работать на европейцев». Достижению именно этой цели и подчинено то «образование», которое колонизаторы дают народам Австралии и Океании.

Это образование в Австралии и Океании является по своему характеру религиозным. Оно почти целиком находится в ведении религиозных миссий. Что касается светских (правительственных) школ, то и в них библия является обязательным предметом. Светских школ крайне мало, это, по словам Элькина, «капля в океане туземной жизни»¹. В Австралии и Папуа правительственных школ совершенно нет, все школы — миссионерские. На Новой Каледонии все школы для местного населения — миссионерские, в то время как все школы для «белых» детей — правительственные. Несколько лучше в этом отношении обстоит дело в Полинезии. На островах Тонга, например, 68 правительственных школ и 61 миссионерская (при этом, однако, из наличных пяти средних школ лишь одна правительственная, а четыре миссионерские). На микронезийских островах, принадлежавших до второй мировой войны Японии, было 24 правительственные школы и 14 миссионерских (все — начальные), причем относительно последних было официально заявлено, что они «не достойны того, чтобы называться воспитательными учреждениями»².

В миссионерских школах обучение чтению и письму начинается с библии и ею заканчивается. Колонизаторы заботятся о том, чтобы затемнить сознание поработанного населения, добавить к его материальному угнетению еще и угнетение духовное. «Религия, — указывает Ленин, — есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством»³.

В качестве иллюстрации к этим словам Ленина можно указать на папуасское племя кевери. Миссионеры, работающие среди этого племени, взялись за обучение не только детей, но и взрослых. Они уничтожили, как пишет Уильямс, «правительственный» этнограф Папуа, «все яркие цвета культуры кевери». Теперь кевери не носят украшений. Уильямс просил надеть украшение хотя бы временно, чтобы сделать рисунок, и даже уговорил было деревенского констебля, но и тот в конце концов отказался, заявив, что боится «заболеть». Празднеств теперь не справляют, барабанов не делают, плясок нет: если кевери будут плясать, они «умрут». Старых песен не поют, старых преданий не рассказывают (в противном случае «заболеют»). «Все старые манеры — плохие манеры (кара гунадья и боунаи идия дика)» — вот чему научили миссионеры кевери. Уильямс спросил их: «Если вы не рассказываете старых историй, то о чем же вы говорите?» Они ответили: «Если мы отбросим прочь все старые обычаи и воспримем новый образ жизни, мы получим захороненную жизнь — вот о чем мы говорим». Нужно отметить, что даже на «правительственного» этнографа Уильямса этот «новый образ жизни» произвел тяжелое впечатление. «Трудно представить себе что-либо более безотрадное», — пишет он. Кевери в молитвах просят бога (Дирава) ру-

¹ A. P. Elkin, Native education, with special reference to the Australian aborigines; «Oceania», vol. VII, 1937, No. 4, стр. 474.

² «Japan Year-Book», 1939—40, стр. 974—975.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 65.

ководить ими и защищать их; оградить их от повторения грехов прошлой жизни; сделать их мягкосердечными, всепрощающими и т. д. Миссионеры приучили их исповедываться и таким образом установили над их образом мыслей строжайший контроль. Они заставили кеверов верить в загробную жизнь, которую они получают, «если будут вести хорошую жизнь на земле».

На этом Уильямс заканчивает обзор «нового образа жизни» кеверов, но мы должны его продолжить. Миссионеры научили кеверов возделывать рис на миссионерских плантациях. «Рис, собранный с миссионерских плантаций, принадлежит миссиям». Далее, миссионеры «научили их часть урожая с деревенских полей также отдавать миссиям. Миссия предполагает разбить плантации кокосовых орехов и каучука, она собирается стать выгодным, в экономическом смысле, «институтом». Миссия, таким образом, сама пожинает плоды своего просвещения».

В Австралии и Океании нет единой системы образования, как нет ее и в каждом из отдельных районов. В миссионерских школах — одна учебная программа, в правительственных — другая, в частных школах — третья. Кроме того, имеются значительные локальные различия. Лишь с большой натяжкой можно говорить о трех основных видах школ: деревенская с двух- или трехгодичным обучением, начальная (primary, elementary school) с пяти-шестилетним обучением (до 14—15 лет) и средняя школа (secondary, high college) с восьми-девятилетним обучением (включая и пять-шесть классов начальной школы).

Кроме того, имеются технические школы (низшие и высшие), миссионерские училища, педагогические училища. Кое-где (например, на Новой Зеландии) существуют «промежуточные» (intermediate) школы для детей, собирающихся пойти в высшие технические школы. Первые два класса в «промежуточной» школе соответствуют (если исключить специализацию) пятому и шестому классам начальной. Кроме того, есть еще особые школы для сыновей вождей.

Указанные три вида школ (деревенская, начальная и средняя) имеются далеко не во всей Австралии и Океании. В Австралии, Папуа, на Соломоновых островах и Новых Гебридах есть только деревенские школы и нет ни средних, ни начальных.

В остальной Меланезии (кроме островов Фиджи), в Микронезии и в Западном Самоа имеется, наряду с деревенскими школами, очень ограниченное количество начальных; средних школ здесь нет. На островах Фиджи и в Полинезии (кроме Западного Самоа и некоторых мелких островов) имеются средние школы, где обучаются главным образом сыновья родоплеменной верхушки.

Помещение деревенской школы мало чем отличается от обычной хижины. Парт нет, дети сидят на цыновках или на земле. Единственным учебником является библия, единственным учебным пособием — доска, иногда — буквы алфавита, вырезанные учениками из дерева. За неимением тетрадей и карандашей дети пишут палочками на деревянных дощечках, покрытых золой, краской, маслом.

Кроме библии, детей обучают в деревенской школе английскому (во французских колониях — французскому) языку и арифметике. Английский письменный язык рассматривается исключительно как средство для чтения библии и дается лишь в соответствующем объеме. Ударение делается на обучение разговорному языку. Арифметика сводится к устному счету.

Учеба в деревенской школе начинается с того, что учитель показывает вырезанные из дерева буквы или пишет их на доске, а дети списывают их на свои дощечки. Когда алфавит пройден, учитель переходит к

написанию английских слов и их произношению, а затем к написанию и прочитыванию предложений из библии. Остальное время отводится на чтение библии. Если учитель белый, то он не знает языка детей и ведет занятия на английском, которого не знают дети. В итоге получается, что учитель говорит детям «о незнакомом предмете на непонятном языке»⁵. Легко представить, какова при этом усвояемость урока. Если же учитель из местных, то он, как правило, недостаточно знает английский язык и обладает плохим произношением.

Профессия педагога считается в Австралии и Океании весьма невыгодной — на эту работу белые идут крайне неохотно. Поэтому в деревенские школы зачастую посылают учителями людей, которые не имеют никакой квалификации. Подавляющее большинство учителей и в миссиях, и в правительственных поселениях не имеют никакой подготовки для этой работы. Что же касается местных учителей, то они выпускаются учительскими семинариями (training centres), ни в одном из которых педагогика не проходит. Курсов, которые хотя бы в отдаленной мере напоминали курсы усовершенствования учителей, также нет. Устроить единые курсы, скажем на Новой Гвинее, не соглашаются миссии, боясь, что ежедневное общение учителей разных вероисповеданий нарушит «чистоту религии», а устроить несколько таких курсов — «нет средств». На Гильбертовых и Эллисовых островах попытались устроить единые курсы, но миссии отказались посылать туда учителей⁶.

«Белый» учитель, как правило, заражен расизмом по отношению к «цветным» детям, которых он учит, и позволяет себе всячески издеваться над ними. В Австралии во всех штатах, в том числе и в Новом Южном Уэльсе, существуют женские школы, которые, по мысли их устроителей, должны выпускать прислуг для белых. Преподают в этих школах «белые» учителя и окружены эти школы «белым» населением, а потому из них до сих пор не удалось выпустить ни одной прислуги, так как девочка рано или поздно становится матерью ребенка какого-нибудь белого человека⁷.

«Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство, — указывал Маркс, — обнаженно предстают перед нашим взором, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она ходит неприкрытой»⁸.

Школы и учителя предоставлены сами себе, никакого контроля по существу за ними нет. В Папуа, например, на все школы лишь один инспектор, а все его функции сводятся к тому, чтобы определять размер ничтожных субсидий, выдаваемых правительством школам. «Размер субсидий, даваемых миссионерским школам, зависит в очень большой мере от того, как эти школы учат английскому языку»⁹. Инспектор раз в год приходит в школу, имея с собой специальный «Reader» (книгу для чтения), и проверяет по нему знания учеников. Чем ниже знания, тем ниже и субсидия. Наибольшая субсидия — 25 шиллингов в год на ученика, наименьшая — 5 шиллингов. Деревенские учителя могут вести занятия, как им вздумается. Контролировать их работу невозможно, ибо единых учебных программ нет. Единственный контроль — это «Reader» и снижение субсидии. На подопечной территории Новой Гвинее до войны имелся также лишь один инспектор. Естественно, что он даже раз в год не мог посещать каждую школу.

Окончив деревенскую школу, имеющую обычно три класса, дети

⁵ A. S. Capell, The future of education in Papua, «Oceania», vol. XV, 1945, No. 4, стр. 282.

⁶ Там же, стр. 287.

⁷ A. P. Elkin, указ. соч., стр. 482.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 367.

⁹ A. S. Capell, указ. соч., стр. 278.

не могут учиться дальше — деревенские школы являются «тупиковыми». Чтобы поступить в начальную или одну из низших технических школ, дети должны пройти специальную подготовку и сдать экзамены, что удается лишь немногим.

Что же касается Австралии, Папуа, Соломоновых островов и Новых Гебрид, то здесь совсем нет начальных и низших технических школ. Окончив резервационную или деревенскую школу, дети не имеют возможности учиться дальше. И если, в исключительных случаях, им удастся расширить свои познания, они не могут получить соответствующей работы. Расовый барьер в Австралии не допускает представителей местного населения к сколько-нибудь квалифицированной работе.

«Рецидив безграмотности» — судьба, которая ждет подавляющее большинство детей. В памяти их остаются разрозненные остатки библических историй, элементарные навыки счета и небольшой запас английских слов. Колонизаторы считают, что такое количество знаний для большинства учащихся вполне достаточно. Дальнейшее образование, по их утверждению, «делает туземца более хитрым, порождает и развивает дурные качества»¹⁰. «Пройдут многие годы, — пишет Кэпелл, — прежде чем папуасы окажутся в состоянии получать пользу от дальнейшего образования»¹¹.

В Австралии и Океании к образованным людям из местного населения колонизаторы относятся враждебно. Между ними распространена поговорка: «Не доверяй туземцу, хорошо говорящему по-английски». Все усилия колонизаторов направлены на то, чтобы закрыть местному населению доступ к дальнейшему образованию. Лишь в очень немногих случаях, там, где им это выгодно, колонизаторы делают исключение из этого правила. Возьмем в качестве примера подопечную территорию Новой Гвинеи. Здесь, помимо 20—30 тыс. работающих на горных работах и плантациях (для чего, по мнению колонизаторов, кураторской деревенской школы вполне достаточно), имеется еще около 6 тыс. человек из местного населения, состоящих на «административной службе» — священники, агенты-вербовщики, сборщики налогов, переводчики, телеграфисты (в Рабауле, столице территории) и т. д. Поэтому на подопечной территории Новой Гвинеи имеются не только деревенские, но и начальные школы, а также технические и педагогические училища. Последние — исключительно миссионерские. Светских (правительственных) школ на подопечной территории Новой Гвинеи очень мало. По данным 1947 г., здесь было 15 школ с 29 учителями и 1200 учащихся.

Технические школы представляют собой фактически мастерские, бьющие наряды на постройку домов и др. Местные жители платят налоги на содержание этих школ, их дети в них работают, а колонизаторы получают доходы. Школа превращена в средство наживы путем эксплуатации учеников.

Администрация Новой Гвинеи подчас начинает ощущать потребность в людях, которые имели бы не только начальное, но и среднее образование. Но тут она наталкивается на сильнейшее сопротивление плантаторов и горнопромышленников. В 1929 г. администрация мандатной (ныне подопечной) территории Новой Гвинеи решила послать семь папуасских подростков, окончивших начальную школу, в Австралию для продолжения образования. Плантаторы и горнопромышленники подняли по этому поводу столь злобный вой, что администрация отказалась от своего намерения. Рабауловский «Таймс» от 1 февраля 1929 г. в переводе писал: «Мы с удовольствием узнали, что семь туземцев, которых предполагалось отправить в Австралию, не будут туда посланы». Плантаторы и горнопромышленники не желают, чтобы их рабы знали бо-

¹⁰ F. M. Keesing, *The South Seas in the modern world*, стр. 248—249.

¹¹ A. Capell, указ. соч., стр. 292.

е, чем это нужно им, «хозяевам». Эта история повторилась и в 1947 г., когда шесть человек с Новой Гвинеи предполагалось отправить в медицинскую школу на острова Фиджи.

На островах Фиджи, кроме начальных и низших технических школ, есть высшая техническая школа (нечто вроде политехникума) с отделениями теплотехническим, электротехническим и др., а также медицинская школа, известная во всей Океании. Со времени ее основания (1930 г.) по 1947 г. эта школа выпустила только 155 медиков. В 1947 г. на Фиджи открыт учительский колледж с двухгодичным обучением и 15-недельной педагогической практикой в школах. В «дополнение» к своим академическим занятиям учащиеся работают на поле (270 акров) и скотном дворе, чтобы обеспечить себя продуктами. В этом колледже обучается около 300 фиджийцев и индийцев.

Из окончивших начальную школу поступают в «промежуточную», после строгого отбора, только немногие. После окончания двухгодичной «промежуточной» школы опять строгий отбор, и лишь после этого единичные юноши получают доступ в высшую техническую и медицинскую школы и в учительский колледж. Остальные не могут продолжать образования.

На Американском Самоа есть особая школа Фелети для сыновей вождей (в нее принимаются окончившие 9 классов; срок обучения 3 года; в 1938 г. в этой школе было 30 учеников). Отдельные юноши, окончившие средние школы, направляются в университеты (в Австралию, на Новую Зеландию, в Англию, в США).

Расхваливая свои достижения в области народного образования, колониальные власти чаще всего указывают на маори.

На языке маори существует литература уже около 100 лет. Маорийцам долгое время удавалось отстаивать существование нескольких колледжей, тех же средних школ, но с обучением на маорийском языке (Те Ауте, Св. Стефана, Уэсли — для мальчиков, были и женские колледжи). Особенно был известен колледж Те Ауте. В нем учили религии, английскому языку и ремеслам. Сюда попадали юноши и с других островов Океании. В 1897 г. при колледже была создана «Ассоциация Те Ауте». Каждый год она устраивала в различных местах северного острова конференции, читались доклады на темы, связанные с жизнью маори. В стенах этого колледжа зародилась младомаорийская партия. В этом колледже учился, в частности, этнограф Питер Бак. Он пишет: «Те Ауте дал мне такое образование, какого я никогда не получил бы в средней школе пакеха»¹².

Но именно это обстоятельство и не устраивает колонизаторов. В свое время они запретили «Ассоциации Те Ауте» устраивать конференции; последние, однако, продолжались под видом теннисных состязаний. Недавно колонизаторы закрыли колледж Те Ауте и тем сделали для маорийцев почти невозможным получение среднего образования.

Сейчас на Новой Зеландии 145 деревенских школ (светских) и 11 миссионерских, сосредоточенных преимущественно на северном острове. «В этих школах, хотя бы учитель и сам был маориец, пользование маорийским языком не разрешается»¹³. В районных начальных школах, равно как и в средних, а также школах-пансионах, существующих на церковные средства, дети маори учатся вместе с детьми «белых»; здесь тем более не разрешается обучение на маорийском языке. В результате ученики-маори плохо успевают, ибо они не знают как следует того языка, на котором их учат. К этому нужно добавить презрительное отношение к ним как со стороны «белых» товарищей, так и учителей.

¹² В. а. P. Beaglehole, *Some modern Maoris*, 1946, Foreword, стр. XIII. ≈ «Пакеха» означает немаорийское, европейское население.

¹³ H. W. Williams, *The reaction of the Maori to the impact of civilization*, *Journal of Polynesian Society*, vol. 44, 1935, No. 4, стр. 234.

Таким образом, разрешение детям маори учиться вместе с детьми белых на самом деле является запретом для маорийцев иметь свои школы, с обучением на родном языке.

Кризис колониальной системы, вовлечение местного населения, прежде всего его образованной части, в антиимпериалистическое движение вызвали переполох среди колонизаторов. Основную причину этого движения они увидели в школе. Все чаще начинают они прибегать к слову «неудача» (failure), когда заходит речь о школьном образовании. Мы признаем, заявляют они, что наша попытка «цивилизовать» местное население не удалась. Нам не нужно было, говорят они, «европеизировать» туземцев, это была роковая ошибка, нужно было делать «хороших туземцев» (good natives), а не «плохих» европейцев» (bad Europeans). Затем колонизаторы начинают искать виновных и объявлять таковыми отдельными колониальными администраторов и учителей деревенских школ, которые учат английскому языку.

Чтобы «исправить» ошибку, т. е. совсем закрыть доступ к полному знанию, колонизаторы предлагают прежде всего изъять английский язык из школ — он якобы слишком сложен для местного населения — и ввести вместо него либо «бэйсик инглиш» (весь словарь — 850 слов), либо, как предлагает Кэпелл, английский в упрощенном фонетическом написании. В некоторых из австралийских резерваций уже обучают такому языку («простой английский»). Колонизаторы предлагают, далее, вести обучение на племенных языках. Наконец, они предлагают изъять из обучения арифметику и даже библию. Чтение, письмо и арифметика, пишет Кэпелл, «для еще нецивилизированных народов имеют большой важности»¹⁴. Нужно учить «туземцев», как пишет Элкин, «реальным ценностям туземной жизни, таким, как родство, тотемизм, ритуал и мифология»¹⁵. А в другом месте он предлагает не больше не меньше, как одикарить их, заставить их «вернуться к их прежнему образу жизни, с его охотой, собирательством и социальными собраниями». Гровс написал целую книгу, в которой предлагает превратить деревенские школы в общественные дома, «с тем важным отличием, что они не будут исключительно для мужчин». В этих домах, по его мнению, должны совершаться празднества и все должно быть как в «старые дни»: барабаны, флейты, сигнальный барабан, причем бить в последний тоже нужно так, как «в старые дни». Дети должны заниматься изготовлением моделей туземных хижин и лодок. Материал для чтения должен содержать рассказы о былом. Гровс предлагает не много ни мало — вернуть аборигенов в каменный век... при посредстве печатного слова¹⁶.

Народы Австралии и Океании являются еще отсталыми. Но эта отсталость, которая была 200—300 лет назад. Это — искусственно сохраняемая, насильственная отсталость, порожденная условиями колониального режима. Эти народы теперь сами овладевают культурой, овладевают ею вопреки колонизаторам, в жестокой борьбе с ними.

¹⁴ A. Capell, указ. соч., стр. 290.

¹⁵ A. P. Elkin, указ. соч., стр. 494.

¹⁶ W. C. Groves, Native education and culture contact in New Guinea, 1937.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. Е. ГУСЕВ

ДОБРΟЛЮБОВ И ПРОБЛЕМЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

I

История русской науки о народной поэзии существенно отличается от истории буржуазной фольклористики на Западе. Различны истоки у той и у другой, различны их судьбы.

Западноевропейская фольклористика зародилась в эпоху окончательного сложения наций в Западной Европе и была одним из идеологических отражений буржуазно-националистического движения в странах Западной Европы. Возникшая в это время мифологическая школа носила реакционный, идеалистический характер. Все ее усилия были направлены на реконструкцию некоей пракультуры, в частности праискусства, в доказательство наилучшей сохранности черт этой пракультуры в современной культуре нации, которую представлял тот или иной ученый. Так, в недрах этой школы появились предпосылки расовой теории. Исключительное внимание к старине, идеализация искусства доисторической эпохи, взгляд на современную народную поэзию как на большее или меньшее искажение цельного, гармонического искусства пранарода — все это выхолащивало главное в фольклоре, мешало видеть в нем отражение реальных насущных нужд народа современной эпохи, отражение свободолюбивых настроений трудящихся масс, здорового патриотического чувства, ничего не имеющего общего с буржуазным шовинизмом.

Мифологическая школа была господствующей на Западе теорией вплоть до 60-х гг. XIX в., когда на смену ей приходит не менее идеалистическая, космополитическая по своей сущности теория заимствования сюжетов, появление которой объективно вполне соответствовало новой фазе в развитии европейского капитализма. Активная колонизаторская политика, политика подавления национально-освободительного движения угнетенных наций своеобразно отразилась на состоянии буржуазной идеологии, которая сознательно или бессознательно стала на путь отрицания национального своеобразия и самобытности культуры разных народов. Буржуазная фольклористика с этого времени все свое внимание направляет на бесплодное сравнительное изучение сходных и близких сюжетов, тем, образов в поэзии различных народов, игнорируя исторически сложившееся своеобразие искусства у всех народов, отвлекаясь от главного — от конкретного идейного содержания произведений народного творчества, схоластически рассматривая искусство в отрыве от конкретных условий общественной и политической жизни того или иного народа.

Указанным принципам буржуазная фольклористика остается верна вплоть до нашего времени.

Долгое время в русской буржуазной науке и в трудах некоторых советских ученых схема развития западноевропейской фольклористики механически переносилась на историю русской фольклористики. Показательным в этом отношении является раздел историографии фольклористики в учебнике для вузов Ю. М. Соколова «Русский фольклор».

Проф. М. Азадовский совершенно правильно в свое время подверг критике традиционную схему истории русской фольклористики и отметил важное значение революционных демократов в истории науки о фольклоре¹, однако не указал на своеобразие русской фольклористики сравнительно с западноевропейской фольклористикой, хотя бы в плане становки вопроса, и не указал на причины этого своеобразия.

Подчеркивая своеобразие русской домарксистской фольклористики, мы имеем в виду в первую очередь не хронологическое несоответствие появления различных школ в России традиционной схеме истории фольклористики (на что указывает М. Азадовский), не проблему самостоятельного возникновения мифологической теории в России, не фауупреждения теории заимствования сюжетов в известной работе Пыпина появившейся на год раньше труда Бенфея, не наличие в России «исторической школы» — все эти факты характеризуют лишь одно и, на наш взгляд, не главное направление русской фольклористики — именно официальную, дворянско-буржуазную фольклористику.

Подчеркивая своеобразие русской фольклористики, мы имеем в виду наличие в ней ясно выраженного демократического, революционного направления, развивавшегося независимо не только от западноевропейской буржуазной фольклористики, но и от отечественной официальной фольклористики, более того — вразрез с этой фольклористикой. Это направление появилось прежде, чем возникли различные направления дворянской и буржуазной фольклористики, оно — исконная, подлинно национальная, русская школа в истории фольклористики. Своим источником это направление имеет не буржуазно-националистическую идеологию — оно возникло как отражение народного, революционно-освободительного движения в России. Это направление берет свое начало в деятельности демократических писателей XVIII в., особенно в деятельности великого революционера Радищева, оформляется в деятельности Пушкина и декабристов, укрепляется в деятельности Белинского и Герцена, достигает высшего развития в деятельности Чернышевского и Добролюбова. Это направление подводит к русской марксистской науке о фольклоре, к деятельности А. М. Горького.

Характерные черты этого направления, отличающие его от буржуазной науки: взгляд на фольклор как на отражение идеологии трудового народа, прежде всего, применительно к России XVIII—XIX вв., — крестьянства; взгляд на фольклор как на отражение исторически конкретной действительности, прежде всего — современности; внимание к патристическому и свободолюбивому содержанию фольклора; изучение фольклора как источника познания жизни и мировоззрения народа, его стремлений и идеалов, его положительных и отрицательных качеств; изучение фольклора в связи с проблемой народности в литературе, понимаемой как отражение жизни народа, и у наиболее передовых представителей этого направления — как выражение интересов народа, изображение жизни с точки зрения народа.

Это направление не только подлинно демократично, оно несравненно жизненнее и прогрессивнее всякой буржуазной школы, оно более научно по сравнению со всей буржуазной фольклористикой в целом, так как не сосредоточивало своего внимания на непосильной для домарксистской

¹ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 154—155.

науки проблеме происхождения фольклора (эту проблему так и не в состоянии была решить ни одна из буржуазных теорий), исследовало фольклор не с позиций идеалистической и метафизической методологии, а рассматривало фольклор в связи с историей и с народной жизнью, в связи с практическими задачами освободительной борьбы.

Все эти особенности демократического направления русской фольклористики особенно ярко проявились в деятельности одного из вождей революционной демократии, в деятельности идеолога крестьянской революции — Н. А. Добролюбова.

II

Интерес к фольклору у Добролюбова, как известно, проявляется очень рано — еще в годы учения в Нижегородской духовной семинарии, нарастает и приобретает сознательный, научный характер в студенческие годы.

В 1849—1852 гг. Добролюбов знакомится с некоторыми сборниками народной поэзии, изучает фольклор Нижегородской губернии, производит самостоятельные записи местного фольклора. Следы увлечения фольклором находим в поэзии Добролюбова этих лет — некоторые из ранних стихов его являются подражаниями русским народным песням («Что не ветры буйные», «Скучно мне, грустно мне», «Не крушись, не плачь, добрый молодец» и др.).

В это же время Добролюбов предпринимает первый опыт исследования народных пословиц.

Написание первой статьи Добролюбова «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» исследователи относят к марту-апрелю 1853 г. Однако, кажется, есть основание предположить, что статья эта написана Добролюбовым в 1852 г. Авторы комментариев к статье в собрании сочинений Добролюбова под редакцией Лебедева-Полянского отмечают: «Автограф датирован Добролюбовым 20 марта и 3—4 апреля 1853 г. В начале статьи дважды стоит 1853 г., в конце — 1852 г. Последняя дата, очевидно, описка»². Но то, что по мнению комментаторов является опиской, не служит ли указанием на действительную дату написания статьи?

В самом деле, известно, что статья эта была передана Добролюбовым в «Нижегородские губернские ведомости», где она так и не увидела света. В дневнике Добролюбова находим следующую примечательную запись: «Писал я три статейки для «Нижегородских ведомостей»... две, кажется сгинули у редактора — по крайней мере... они для меня остаются во мраке неизвестности»³. Запись сделана 24 января 1853 г. Какие статьи имеет в виду Добролюбов? Не была ли одна из них статьей о пословицах? Вряд ли стал бы посылать ее Добролюбов в апреле 1853 г., после того, как посланные им раньше другие статьи оставались для него «во мраке неизвестности», а если бы послал, то трудно предположить, что это событие не нашло бы отражения в дневнике.

Ни в марте, ни в апреле Добролюбов не возвращается больше к «Нижегородским ведомостям», ни о какой четвертой статье не упоминает, а между тем в одной из мартовских записей мы читаем: «Главным образом соблазняет меня авторство... На первом плане стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами»⁴. Значит, мысли об «авторстве», о выступлении в печати продолжают волновать Добролюбова,

² Собрание сочинений Добролюбова в шести томах под редакцией Лебедева-Полянского, т. I, стр. 651. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию.

³ Добролюбов, т. VI, стр. 384.

⁴ Там же, стр. 388—389.

и все свои надежды на это, как свидетельствует та же запись, он возлагает теперь на «Северную Пальмиру», т. е. на Петербург.

Не появилась ли эта запись и мысль о «Северной Пальмире» имени в связи с неудавшейся попыткой печататься в «Нижегородских ведомостях», где работа Добролюбова оставалась даже без внимания? Или следует усомниться не в дате «1852 г.», проставленной Добролюбовым в конце рукописи, а в датах, относящихся к 1853 г. и проставленных в начале рукописи.

Статья «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии» характеризует краеведческие интересы шестнадцатилетнего Добролюбова, его внимание к отражению в фольклоре местной истории и обычаев. Уже здесь замечен конкретно-исторический подход Добролюбова к произведениям фольклора, не свойственный ученым мифологической школы.

Этот метод Добролюбов сознательно применяет в своей замечательной студенческой работе, прямо направленной против метода мифолога Буслаева, — в статье «Заметки и дополнения к сборнику русских пословиц г. Буслаева» (1854). К этому времени Добролюбов уже познакомился с трудами ученых мифологической школы, еще глубже изучил взгляды на народную поэзию Белинского. Известно, что Белинский, придя независимо от западноевропейских мифологов к мысли о происхождении искусства из мифа, отличался от мифологов большей широтой взгляда на народную поэзию, отсутствием каких бы то ни было националистически-реакционных взглядов, наличием зачатков конкретно-исторического подхода к фольклору, интересом к современному фольклору критическим отношением к тем элементам в фольклоре, которые отражали консервативные стороны быта русского крестьянства.

Знакомство с Белинским позволило Добролюбову увидеть ограниченность и реакционную сущность мифологической школы, воспринять и развить правильные, революционные стороны концепции Белинского. Глубокое понимание сущности взглядов Белинского позволило Добролюбову не только избежать частных ошибок своего великого учителя, но и еще выше подняться над господствовавшей тогда на Западе и в России мифологической школой.

Названная студенческая статья Добролюбова обнаруживает и прекрасное знание материала и методологическую зрелость молодого критика.

Значение статьи определяется трезвым критическим отношением к одному из крупнейших ученых-мифологов и к применяемой им методологии. Проф. М. Азадовский в статье «Добролюбов и русская фольклористика» необоснованно утверждает, что «Добролюбов не решается еще высказаться против мифологической теории в целом»⁵. На самом деле Добролюбов совершенно определенно обнаруживает свое скептическое отношение к мифологической школе в целом, когда определяет ее положения как «гадания... основанные... на описке писца, а иногда — кто знает! — и на ослышке или обмолвке исследователя»⁶. Здесь уже слышится явная ирония! Ниже Добролюбов прямо заявляет: «Мы не можем вступать в бесплодные споры (подчеркнуто мною. — В. Г.) о мифическом периоде языка и истории»⁷.

Этим пониманием бесплодности споров с мифологами и объясняется введшее в заблуждение проф. Азадовского уклонение Добролюбова от прямой полемики с мифологами по теоретическим вопросам, но конкретная критика (притом не лишенная тонкой издевки) нелепых выводов Буслаева из этой теории применительно к пословицам должна была показать несостоятельность именно основных теоретических положений

⁵ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 160.

⁶ Добролюбов, т. I, стр. 510.

⁷ Там же, стр. 511.

ний мифологической школы. Так, иронизируя над излюбленным у мифологов объяснением происхождения произведений фольклора из древних религиозных представлений, Добролюбов пишет: «что мешает мне из пословицы — «вот тебе помой — умойся, вот тебе онучи — утрися, вот тебе лопата — помолись», вывести поклонение лопате?»⁸.

Не менее острой критике подвержена Добролюбовым и другая порочная сторона мифологической школы — ее схоластическая отчужденность от жизни народа, от современности, то «совершенное отсутствие жизненного начала», которое Добролюбов отметит позже у другого представителя русской мифологической школы — у Афанасьева. Добролюбов пишет: «Г. Буслаев исключительно придерживается тех старых сборников, из которых брал свои пословицы, и почти не обращает внимания на употребление их в народе»⁹.

Критикуя Буслаева за пристрастие к старинным памятникам и за смешение книжных нравственных сентенций с народными пословицами, Добролюбов вместе с тем подчеркивает необходимость приближения фольклористов к современности: «Почему же русский человек XI, XVI, XVII вв. имеет преимущество перед русским же человеком XVIII—XIX столетия?»¹⁰

В заключение Добролюбов дает общую нелестную оценку работе Буслаева: «Недостаток разграничения между народными и книжными пословицами у г. Буслаева... наводит подозрение и на другие пословицы...»¹¹

Добролюбов уже в этой статье сближается с вождем революционной демократии Чернышевским в отрицательном отношении к Буслаеву, как типичному представителю либерального идеалистического литературоведения. В «Полемических красотах» (1861) Чернышевский резко критикует Буслаева за его оторванность от жизни, за пренебрежение «практическим отношением знания к жизни», за «решительный недостаток критики», за следование принципу «наука для науки» и указывает на основную причину всех этих недостатков Буслаева, отмеченную до него Добролюбовым: «Пристрастие к отжившему... нелепому берет у него верх над современными убеждениями»¹².

Не случайно статья Добролюбова, не принятая либеральным журналом «Отечественные записки» (где была помещена положительная рецензия Афанасьева на сборник Буслаева), послужила поводом к знакомству Добролюбова с Чернышевским¹³.

III

Большое методологическое значение имеют и другие студенческие работы Добролюбова: «О поэтических особенностях великорусской народной поэзии в выражениях и оборотах» и «Замечания о слоге и мерности народного языка». Первая статья является своеобразной программой исследования поэтики народной поэзии, вторая — образчиком исследования некоторых сторон этой проблемы.

Добролюбов, вслед за Белинским, постоянно подчеркивал специфическую природу искусства, которое воспроизводит действительность и выражает идеи в образах: «Для поэзии необходимы живые, определенные образы»¹⁴. Это представление об искусстве основано на глубоком

⁸ Добролюбов, т. I, стр. 512.

⁹ Там же, стр. 510.

¹⁰ Там же, стр. 511.

¹¹ Там же, стр. 513.

¹² Чернышевский, Собр. соч., Пг., т. VIII, 1918, стр. 251—259.

¹³ См. воспоминания писателя Н. Н. Златовратского в «Юбилейном сборнике литературного фонда», 1859—1909, СПб., 1910, стр. 472, а также Добролюбов, т. I, стр. 660.

¹⁴ Добролюбов, т. I, стр. 121.

понимании Добролюбовым особенностей мышления у художников и особенностей творческого процесса: «В поэтических натурах, отличающихся силой воображения, ...есть особенная способность реализовывать идею и чувство не прямо... а поэтическим воображением... Действительно, только тогда и может поэт истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлеченность, а... воплощается в живые образы»¹⁵. Естественно, что критика произведения искусства предполагает поэтом исследование того, как, какими художественными средствами, в каких образах выражена в произведении та или иная идея. Естественно поэту уделить внимание, которое Добролюбов всегда уделял художественной форме.

Примечательно, что эту проблему Добролюбов поставил впервые на материале народной поэзии. По существу в своих студенческих работах Добролюбов впервые в истории науки придал этой проблеме подлинно научный характер. Эта научность заключается в том методологическом принципе, который для Добролюбова является исходным и определяющим направление и цель исследования. Этот принцип заключается в требовании анализа формы в связи с содержанием, причем содержание понимается уже здесь Добролюбовым широко как историческая и социальная категория: «На язык так много ложится черт истории и быта народного, произведения народной словесности заключают в себе столько исторических преданий, в них так отражается миросозерцание народа, его быт, степень его образованности, что необходимо будет касаться и этих предметов, насколько они выражались в народной поэзии. Без этого моя работа не имела бы никакого приложения, была бы слишком скучна, холодна, безжизненна»¹⁶.

Этот четко сформулированный принцип исследования поэтики направлен против всяческих разновидностей формализма, против принципов теории «искусства для искусства», против ложной академической «науки», рассматривавшей анализ формы как самодовлеющую задачу исследования.

В последующей своей деятельности Добролюбов не раз обнаружил умение сочетать тонкий анализ художественной формы с раскрытием идейного содержания. Так, отмечая в статье о Кольцове систему образности в русских народных песнях, Добролюбов устанавливает зависимость этой системы от выражаемых в народных песнях чувств: «Во многих (народных песнях.— В. Г.) находим прекрасное изображение природы, хотя здесь заметно сильное однообразие, которое отчасти объясняется грустным характером песен: обыкновенно в них представляется пустынная печальная равнина, среди которой стоит несколько деревьев, а по ним раненый или убитый добрый молодец; или же несколькими чертами обрисовывается густой туман, павший на море, звездочка, слабо мерцающая сквозь туман, и девушка, горящая о своей злой судьбе...»

В упомянутых студенческих работах Добролюбов продолжает свою борьбу против мифологической школы, которая и содержание, и поэтику народной поэзии рассматривала как отражение древних представлений и религиозного мышления.

Взгляду мифологической школы на фольклор как на своеобразные музеи древностей Добролюбов противопоставляет свой диалектически взятый взгляд на народную поэзию как на искусство, развивающееся и обновляющееся с каждой эпохой, отражающее прежде всего современность. «Народ и доныне не перестает петь, не перестает выражать свои воззрения, понятия, верования, полученные по преданию, в произведениях поэзии, то слагая новые, то переделывая применительно к своему теперешнему положению то, что преж-

¹⁵ Добролюбов, т. V, стр. 345—346.

¹⁶ Добролюбов, т. I, стр. 522.

¹⁷ Там же, стр. 124.

де уже было сложено (подчеркнуто мною.— В. Г.). Таким образом, изменяясь в устах народа, песни наши не могут быть названы... древними в том виде, как они существуют ныне»¹⁸.

Итак, уже в студенческие годы Добролюбову оказались под силу серьезные методологические проблемы, которые будущий великий критик решает вполне самостоятельно и обнаруживает свое превосходство по сравнению с господствовавшей в то время мифологической школой.

IV

Добролюбов опережает развитие западноевропейской и русской буржуазной фольклористики не только потому, что не разделяет убеждений мифологической школы, осуждает ее оторванность от жизни, от истории, от современности, но также и потому, что «перескакивает» через целый этап в истории фольклористики, минует так называемую теорию заимствования сюжетов. В 1858 г., за год до появления этой теории на Западе и одновременно с зарождением этой теории в России, Добролюбов выступает со статьями «А. И. Кольцов», «О степени участия народности в развитии русской литературы» и с рецензией «Народные русские сказки А. Афанасьева» и «Южно-русские песни, Киев, 1857 г.», в которых он не только углубляет и усиливает свою критику мифологической школы (причем эта критика принципиально отличается от возражений, которые направляли в адрес мифологической школы представители теории заимствования сюжетов), но и выдвигает ряд новых проблем, которые совершенно не затрагивались теорией заимствования сюжетов и которые по своей значительности, жизненности и научности превосходят все, что было сделано буржуазной фольклористикой.

Эти статьи, не заключая в себе непосредственной полемики с теорией заимствования сюжетов (по той простой причине, что Добролюбов в 1858 г. еще не мог знать о ее существовании), служили хорошим противоядием против этой теории, так как направляли внимание читателей на действительно существенные и подлинно научные проблемы фольклористики. Всем своим содержанием эти статьи аргументированно разоблачали несостоятельность и бесплодность теории заимствования сюжетов. В последующие годы поэтому Добролюбов попросту игнорирует эту теорию, так как не видит принципиального различия в методологическом отношении между ней и мифологической теорией, руководствуясь тем же сознанием «бесплодности споров», какое он высказал еще в своей статье о Буслаеве. Для Добролюбова было гораздо важнее ставить и решать полные проблемы науки о фольклоре, которые сами по себе отвечали на вопрос о плодотворности методологии официальной фольклористики. Это было экономным и наиболее практичным средством борьбы сразу со всеми идеалистическими и антидемократическими течениями в фольклористике, как бы они ни назывались и как бы ни «направляли» друг друга, ибо для всех них были характерны те же пороки, которые Добролюбов разоблачил уже в мифологической школе и прежде всего — «совершенное отсутствие жизненного начала».

В статье о Кольцове Добролюбов на конкретном материале ставит проблему взаимодействия народной поэзии и литературы, которая будет волновать великого критика и в дальнейшем и которая особенно внимательно будет рассмотрена им в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы».

Эта проблема непосредственно примыкает к одной из центральных проблем революционно-демократической эстетики — проблеме народности искусства. Здесь Добролюбов следует за Белинским, однако значитель-

¹⁸ Там же, стр. 523.

но углубляет своего учителя и в ряде случаев исправляет его ошибки. Характерно, что Добролюбов избрал поэзию Кольцова, статью Белинского о которой он прекрасно знал, статью, где сам Белинский наиболее правильно решал эту проблему, в противоречии с некоторыми ошибочными своими высказываниями о влиянии народной поэзии на литературу.

Добролюбов в своей статье подчеркивает исключительное значение песни в жизни русского крестьянина: «Песня сопровождает поселенца во всех его общественных трудах; она следует за ним и в семейную жизнь его»¹⁹. При этом Добролюбов отмечает особенное внимание к песне именно у русского народа: «...песня существует у всех народов, но... ни один народ не отличается такой любовью к пению, как славяне, и между ними — русские»²⁰. Добролюбов дает замечательную характеристику идейного содержания крестьянских песен, которые отразили тяжелую жизнь русского народа: «У нас мало песен веселых... большая часть наших народных песен отличается тяжелой грустью... во всем видно желание чего-то, стремление к какой-то лучшей доле, какой-то порыв души, но порыв неопределенный»²¹.

Несмотря на присущее Добролюбову как революционеру критическое отношение к народной поэзии, отражавшей неразвитость общественного сознания забитого и угнетенного русского крестьянства, Добролюбов ценит народную поэзию за реалистическое и потому истинно поэтическое изображение жизни: «В них (в народных песнях.— В. Г.) верно и без всяких прикрас отражается грубый быт простолудина»²².

Во всех этих высказываниях ясно выражено понимание зависимости народной поэзии от жизни, понимание своеобразия русской народной поэзии — как следствия особого положения русского крестьянства. Это принципиально отличает взгляды Добролюбова на народную поэзию от космополитических взглядов буржуазных фольклористов.

Проследившая влияние народных песен на русскую дворянскую поэзию, Добролюбов отмечает постепенное приближение русских поэтов к духу народной поэзии и вместе с тем подчеркивает их неспособность органически слиться с народной поэзией, так как «чувства, выражаемые в их песнях, принадлежат не простым людям»²³. Только в поэзии Кольцова происходит это слияние, так как «в его стихах впервые увидели мы чисто русского человека, коротко знакомого с бытом народа, человека, жившего его жизнью и имевшего к ней полное сочувствие»²⁴, так как Кольцов имел «возможность узнать истинные нужды народа». Это и позволило Кольцову постичь дух народной поэзии и воспользоваться ею так плодотворно в своем творчестве. Эти мысли Добролюбова имеют большое принципиальное значение, так как доказывают, что не книжное знакомство с народной поэзией и не усвоение ее форм, а близость к народу, знание «нужд народа» являются залогом подлинной народности писателя.

Хотя Добролюбов и отмечает превосходство стихов Кольцова по сравнению с народными песнями в смысле большей сознательности и определенности в выражении некоторых чувств, однако в статье «О степени участия народности...» Добролюбов высказывает свою неудовлетворенность поэзией Кольцова, не отразившей полностью всех сторон жизни и всех чувств русского народа, его революционных устремлений: «Его поэзии недостает всесторонности взгляда, простой класс народа является у него в уединении от общих интересов»²⁵. Безусловно, Добролюбову

¹⁹ Добролюбов, т. I, стр. 124.

²⁰ Там же, стр. 123.

²¹ Там же, стр. 124.

²² Там же, стр. 125.

²³ Там же, стр. 126.

²⁴ Там же, стр. 127.

²⁵ Там же, стр. 237.

были известны народные песни, в которых выражались эти «общие интересы», выражалось критическое отношение народа к крепостному праву и к самодержавию, поэтому критику Кольцова следует понимать как упрек в недостаточном знании всех «истинных нужд народа» и отражения этих нужд в народной поэзии, ибо, по убеждению Добролюбова, «весь круг жизненных насущных интересов охватывается в песне»²⁶. В связи с этой критикой Кольцова и в связи с проблемой отношения литературы к народной поэзии большой интерес представляют рецензии Добролюбова «Песни Беранже» (1858) и «Кобзарь Тараса Шевченко» (1860).

В первой рецензии Добролюбов с полным сочувствием цитирует предисловие самого Беранже к собственным песням: «...С тех пор, как народ... стал принимать сознательное участие в политических событиях, его понятия возвысились и облагородились... Оттого и назначение песни народной теперь должно быть выше и чище»²⁷. Совершенно ясно, что это относилось Добролюбовым и к русской народной песне и к тем поэтам, творчество которых оплодотворяется народной поэзией. Именно поэтому Добролюбов дает высокую оценку поэзии Тараса Шевченко, отдавая ему предпочтение перед Кольцовым, ибо Шевченко — поэт «совершенно народный», так как отражал свободолюбивые настроения народа, а Кольцов «складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда удаляется от народа»²⁸. Но «совершенно народным» поэтом Шевченко стал потому, что он «близок к народной песне», которая охватывает «весь круг жизненных насущных интересов»²⁹. Для Добролюбова великий украинский поэт был идеалом художника революционной демократии, человеком, который правильно понял задачи поэзии и истинные нужды народа, который глубоко усвоил дух народной поэзии и который стал поэтом подлинно народным поэтом. Добролюбов не мог в своей статье назвать такого же великого русского народного поэта — Некрасова, потому что тот был редактором «Современника», где печатались статьи Добролюбова — сотрудника этого журнала.

Так, с позиций революционной демократии решает Добролюбов проблему народности, как отражения всех «жизненных насущных интересов народа», указывает на одно из условий достижения народности — на «близость» к народной поэзии, умение освоить ее свободолюбивое содержание. В рецензиях о Кольцове, Беранже и Шевченко Добролюбов конкретно показывает, как воплощается в литературе это условие народности.

V

Еще более широко, применяя последовательный историзм, Добролюбов ставит проблему народности в русской литературе и связанную с ней проблему взаимодействия литературы и народной поэзии в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы». Проф. М. Азадовский в свое время вскрыл политический смысл этой статьи, в которой Добролюбов давал бой одновременно и реакционной теории славянофилов с ее фальшивой идеализацией консервативных сторон народной жизни и народной поэзии и либералам с их барски пренебрежительным, антипатриотическим отношением к народной поэзии, видевшим в народной поэзии «безобразное состояние нашей народности»³⁰.

Заслуга Добролюбова заключается в том, что он показал противоречивый характер народной поэзии, показал, что продолжительное идеоло-

²⁶ Добролюбов, т. II, стр. 566.

²⁷ Добролюбов, т. I, стр. 465.

²⁸ Добролюбов, т. II, стр. 562.

²⁹ Добролюбов, т. I, стр. 566.

³⁰ М. Азадовский, Литература и фольклор, стр. 164—174.

гическое влияние на народ со стороны господствующих классов, главным образом через церковь, привнесло в народную поэзию чуждые народу взгляды. Добролюбов доказывает, что христианская церковь через книжную литературу пыталась воздействовать на народную поэзию, «старалась внести свои идеи, но, как чуждая народной жизни, она могла только по своему исказить то, что было живого в народе, и не в состоянии была ни проникнуться его нуждами, ни опуститься до степени его понимания»³¹. Так Добролюбов вскрыл антинародную, реакционную сущность церковной идеологии. Искусственно навязанные, чуждые народу идеи не могли не оказать отрицательное воздействие и на характер народной поэзии. «Невозможно сомневаться, что значительная доля искажений в русской народной поэзии произведена была... именно этими книжниками»³². Именно этим враждебным идеологическим влиянием, а не мировоззрением самого народа, определяются те консервативные элементы народной поэзии, которые сознательно поднимали на щит славянофилы, выдавая их за выражение исконного народного мировоззрения, и значение которых необоснованно преувеличивали либералы, лицемерно оправдывая этим свое презрительное отношение к простому народу. Добролюбов отстаивает подлинную народную поэзию от посягательств славянофилов и от нападков либералов. «Мы думаем,— писал Добролюбов,— что нет у нас достаточных данных, чтобы обвинять народность в безобразиях поэзии и даже самой жизни, а есть, напротив, данные, позволяющие видеть их причину в обстоятельствах, пришедших извне»³³. Следовательно, основным и исконным в народной поэзии является выражение «истинных нужд народа». Следовательно, чтобы устранить «безобразия», т. е. консервативные стороны народной жизни и поэзии, надо устранить «обстоятельства, пришедшие извне», т. е. крепостнические отношения и влияние господствующих классов и церкви на народ.

Характеризуя русскую народную поэзию, Добролюбов приходит к выводу о большей сохранности в ней сравнительно с поэзией других народов исконных народных интересов и о большей сопротивляемости ее влиянию чуждых народу идей: «Народные песни... не скоро увлеклись чуждыми интересами... В этом отношении славянская народная поэзия имеет даже преимущество перед прочими европейскими»³⁴. В русской народной поэзии, по мнению Добролюбова, «заключается много доказательств того, что в народе нашем издревле хранилось много сил для деятельности обширной и полезной, много было задатков самобытного живого развития»³⁵.

Подлинный смысл приведенных высказываний о народной поэзии станет ясным только в связи со взглядом Добролюбова на литературу классового общества. Хотя «народная поэзия не могла... остаться неприкосновенною», хотя «сохранить свою первоначальную чистоту и свежесть эта поэзия также не могла» в силу влияния на нее чуждых народу идей, однако все-таки именно народная поэзия в классовом обществе более, чем литература, включает в себе выражение подлинных народных интересов, так как «стать выше угождения своекорыстным интересам меньшинства, к сожалению, не умела еще до сих пор ни одна европейская литература»³⁶. Добролюбов указывает на то, что «между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе»³⁷. Именно это обстоятельство делает очень важным значение народной поэзии, которая, в противоположность литературе в классовом

³¹ Добролюбов, т. I, стр. 219.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 215.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 213.

³⁷ Там же, стр. 211.

обществе, изображает жизнь «с народной точки зрения», а не «в видах частных интересов той или другой партии, того или другого класса»³⁸.

Хотя, по замечанию Добролюбова, в русской литературе «не так заметно выказывается характер парциальности, развившейся в литературах Западной Европы»³⁹, хотя русская литература и приближается все больше и больше к народной жизни, однако и она еще не вполне стала народной, еще не возвысилась в целом до понимания подлинных нужд народа: «Если окончить Гоголем ход нашего литературного развития, то и окажется, что до сих пор наша литература почти не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений. Самое большее, до чего она доходила, заключалось в том, чтобы показать, что есть и в народе нечто хорошее»⁴⁰. Этот суровый и несколько категорический вывод Добролюбова был выражением высокой, подлинно революционной требовательности к русской литературе, желания видеть в ней «партию народа». Безусловно, для Добролюбова было ясно, что такой «партией народа» в русской литературе и была революционная демократия в лице ее великих критиков, беллетристов и поэтов.

Из всего сказанного выше видно, что одним из условий народности в литературе Добролюбов считал «близость» к подлинной народной поэзии, глубокое и правильное ее понимание, что возможно при критическом отношении к народной поэзии, при учете наличия в ней чуждых ей «наростов», появившихся вследствие идеологического влияния господствующих классов.

Статья Добролюбова имела колоссальное значение в истории русской общественной мысли и науки о народной поэзии. Она сохраняет огромное принципиальное значение, как выражение его революционных взглядов на сущность и значение народной поэзии, несмотря на некоторые ошибки, допущенные Добролюбовым в его исторической концепции фольклора, связанные с наличием в его взглядах на историю общества элементов идеализма (односторонний взгляд на политическую жизнь Киевской Руси, вследствие чего появление героического народного эпоса отнесено им к эпохе татарского нашествия, неправильное представление о том, что только разочарование в князьях заставило народ обратиться к образам богатырей, неправильное объяснение гиперболизма и фантастики в народной поэзии, как следствия неудовлетворенности народа своим положением и мечты об освобождении в будущем).

VI

Народная поэзия была для Добролюбова одним из первоисточников познания народной жизни и народного мировоззрения. Именно с этих позиций и исходит Добролюбов в своих оценках народной поэзии и работы собирателей и исследователей народной поэзии. Ярким примером революционной целеустремленности Добролюбова служит его рецензия «Народные русские сказки Афанасьева», «Южно-русские песни», относящаяся к 1858 году.

Эта рецензия наносила удар по всей академической науке (а не только по Афанасьеву!), отгородившейся от народа, для которой было характерно «совершенное отсутствие жизненного начала». Добролюбов пишет о «высоко ученых мужах» — служителях «чистого искусства»: «Вся деятельность этих господ посвящена служению общим и чистым интересам отвлеченной науки и искусства»⁴¹.

С этих позиций Добролюбов ставит и важный практический вопрос о

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 214.

⁴⁰ Там же, стр. 237.

⁴¹ Там же, стр. 429.

принципах собирания и публикации произведений народного творчества. Добролюбов разоблачает барски пренебрежительное отношение «высоко-ученых мужей» к народной поэзии: «Они восстают и против полных сборников произведений народной поэзии, находят в ней недостаток просвещенных понятий и эстетического вкуса»⁴². Добролюбов иронизируя, приводит излюбленный аргумент всех реакционных эстетствующих критиков: «Разве все, что можно взять из народной поэзии, не усвоено уже в нашей высшей литературе Кольцовым?»⁴³. Эти эстетствующие критики выражают неудовольствие по поводу публикации народной поэзии: «И к чему в печатной литературе эти сборники, и еще изданные так внимательно, с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и проч... разве нельзя ограничиться выбором двух-трех сказок, десяти или пятнадцати песен, да сотен двух послывиц, которые поизящнее да поумнее?»⁴⁴ Добролюбов резко осуждает такой взгляд на народную поэзию и на публикацию произведений фольклора: «Но едва ли заслуживает особенного уважения подобное гастрономическое направление в науке»⁴⁵.

Мы видим, что Добролюбов решительно выступает за возможно более полное опубликование произведений народной поэзии, которые «имеют непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа». О том, насколько прочным и глубоким было это убеждение Добролюбова, доказывает его страстный и смелый спор на эту же тему с одним из «высоко ученых мужей» — И. И. Срезневским, под руководством которого Добролюбов занимался в Главном педагогическом институте. Этот спор происходил задолго до написания Добролюбовым рецензии, нашел отражение в дневниковой записи от 23 января 1857 г.⁴⁶, но очевидно, припомнился Добролюбову в момент написания рецензии.

В своих требованиях тщательного и полного собирания и публикации произведений народной поэзии Добролюбов исходил не из объективистского, не критического отношения к фольклору, а из научных соображений важности и ценности фольклора как «материала для характеристики народа». В этом проявлялся его революционный взгляд на народ, его положение и его дальнейшую судьбу: «Конечно, никто не думает возводить в идеал изящества и глубины мысли каждую из народных сказок или песен, так же как никто не восхищается курными избами лохмотьями простонародья. Но дело в том, чтобы иметь возможно полное и ясное понятие об этих курных избах и лохмотьях, об этих пустых щах и гнилом хлебе. Без знания этого невозможны никакие усовершенствования в народном быте. Так точно обязаны мы знать внутреннюю жизнь народа, если хотим что-либо сделать для его просвещения и облагораживания»⁴⁷. Требование публикации всех произведений народной поэзии в условиях 50—60-х гг. имело революционное значение.

Итак, публикация произведений народной поэзии должна быть самоцелью, а средством познания жизни и мировоззрения народа. Поэтому публикации фольклора должны носить научный характер «с соблюдением местного выговора, с вариантами, примечаниями и проч...». Важно только, чтобы эти условия также не превращались в самоцель, выполнялись для более полного знакомства с жизнью народа. Научный аппарат в сборниках фольклора должен передавать «всю обстановку, как чисто внешнюю, так и более внутреннюю, нравственную, при которой удалось... услышать эту песню или сказку»⁴⁸.

⁴² Добролюбов, т. I, стр. 429—430.

⁴³ Там же, стр. 430.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Добролюбов, т. VI, стр. 462—463.

⁴⁷ Добролюбов, т. I, стр. 431.

⁴⁸ Там же, стр. 433.

Именно потому, что Добролюбов исходит из научных требований к публикации произведений фольклора, он и подвергает резкой критике и Афанасьева, и тех представителей академической науки, которые формально как будто удовлетворяют требованиям Добролюбова (есть и варианты, и примечания, и соблюдено местное произношение!), но на самом деле далеко стоят от подлинной научности, которая заключается в «жизненном начале», в изучении фольклора в связи с конкретной исторической, общественной, политической жизнью народа, в связи с его «насушными нуждами».

Добролюбов резко осуждает схоластический, метафизический, так называемый «филологический» метод, отрывающий искусство от жизни, и выступает за «этнографический» метод, за изучение фольклора в связи со всей «живой действительностью», историей и бытом народа: «Вырвать факт из живой действительности и поставить его на полку рядом с пыльными фолиантами, или классифицировать несколько обрывочных, случайных фактов на основании школьных логических делений — это значит уничтожить ту жизненность, которая заключается в самом факте, поставленном с окружающей его деятельностью»⁴⁹.

Все эти мысли не потеряли своего актуального значения и для нашего времени, они направлены против пережитков ложного академизма и формализма в фольклористике, против пережитков буржуазных теорий в фольклористике.

* * *

Поистине замечательна деятельность Добролюбова в области науки о фольклоре. Поражает сочетающееся с революционной целеустремленностью богатство проблематики его работ (мы не имели возможности отметить еще интерес Добролюбова к областным изданиям фольклора и поощрение собирательской деятельности на местах⁵⁰, мысли Добролюбова о большом воспитательном значении фольклора для детей⁵¹ и др.), необычайно ранняя зрелость и смелость его научной мысли, яркая самобытность и новаторство его идей. Все это не является случайным и не может быть объяснено одной исключительной одаренностью великого критика. Главной причиной огромного значения работ Добролюбова о фольклоре является его передовое революционное мировоззрение, его сознательное и страстное служение интересам народа и нашей великой Родине. О нем можно было бы сказать его же словами, обращенными к другому писателю: «Любовь к родине у него сливается с любовью к народу». Эта близость к народу, знание его «истинных нужд» и позволили Добролюбову решить важнейшие проблемы науки о фольклоре, занять выдающееся место в истории русской и мировой фольклористики.

⁴⁹ Там же, стр. 432.

⁵⁰ Добролюбов, т. III, рецензии на Пермский сборник.

⁵¹ Добролюбов, т. III, стр. 468, 488.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

В. И. ЛЫТКИН и С. А. ПОПОВ

ЯЗЬВИНСКИЕ КОМИ

В северо-восточной части Молотовской области, в пределах Красновишерского района, недавно выделенного из Чердынского, живет около 4 000 чел. населения говорящего на особом диалекте языка коми, отличающемся как от коми-пермяцкого так и от коми-зырянского наречий.

Коми-население Красновишерского района живет небольшой компактной группой по левому притоку Вишеры — реке Язьве, образуя в административном отношении так называемый Верхнеязьвинский куст Красновишерского района (весь район делится на три куста: Вишерский, Нижнеязьвинский и Верхнеязьвинский). Широкая полоса русского населения по Вишере, Каме и ее притокам отделяет язьвинских коми от поселений остальных коми. Язьвинские коми — это своеобразный островок в предгорьях Среднего Урала, сохранившийся среди массы русского населения севера Молотовской области, который, как известно, в XIV—XV столетиях являлся территорией Великопермского княжества, заселенного в основном предками коми.

Поселения язьвинских коми расположены в среднем и частью в верхнем течении реки Язьвы, начинаясь примерно в 30 км от районного центра Красновишерского нового, молодого города, выросшего в советский период на месте глухого сосновобора на берегу Вишеры.

Река Язьва (по-комиязьвински: Йод'з', Йод'з'ва) — небольшая, но быстрая, горная река с небольшими порогами и исключительно светлой, прозрачной водой. Ее исток берет начало в одном из ответвлений Среднего Урала, именуемом местными коми «Кварквож» (т. е. хребет Кварк). Она мелководна, но местами имеет глубокие омуты и водовороты. В районе поселений язьвинских коми по Язьве сообщение возможно лишь на лодках; вверх по ее течению поднимаются только с помощью шестов или бечев.

Верхнеязьвинский куст, в пределах которого расположены поселения язьвинских коми, состоит из шести сельсоветов (Бычинский, Верхнеязьвинский, Тимино-Бельский, Талавольский, Антипинский и Ваньковский), насчитывающих 54 населенных пункта (см. прилагаемую карту). Из этих 54 населенных пунктов только семь находятся на левой стороне Язьвы. Это — деревня Талица, она же Евсина, или Вильва, на речке Вильва, деревни Сысоева, Абрамова, Аксенова и Нефедова на высоком левом берегу Язьвы против Антипиной и деревни Пьянкова и Пудьва на речке Мель и ее притоке речушке Пудье. Остальные 47 населенных пунктов составляют тесно расположенную группу поселений вдоль Язьвы и ее правых притоков, на протяжении 35—40 км. Протяженность от одного населенного пункта до другого составляет от полукилометра до 5 км.

Небольшая протяженность обжитого пространства почти вся охватывается при ближайшем взгляде с деревни Палёвой, Бычинского сельсовета, расположенной на высоком увале правого берега Язьвы. Начиная отсюда, границы леса отодвигаются, и вплоть до деревни Антипиной (вверх по Язьве) по склонам увалов тянутся колхозные поля, прерываемые полосами леса. На самом горизонте маячит Антипинская гора — местоположение деревни Антипиной. В хорошие ясные дни с Палёвой простым взглядом можно различить на самом краю горизонта, над морем темного леса, светлое пятнышко. Это — Чердынь с ее старинными церквями.

Весь Верхнеязьвинский куст — это остров среди глухого, дремучего северного леса, отвоєванный тяжелым многовековым трудом предков современных жителей по Язьве. Это впечатление, как об острове среди безграничного моря дикого леса, усиливается и тем, что Верхнеязьвинский куст отделен от районного центра 30-километровым волоком, проложенным через лес (ель, сосна с примесью березы, осины в редких экземплярах кедр). На этом пути встречаются только два русских села:

селением 820 чел., что составит около 19% от всего населения Верхнеязывинского куста.

3. Население с русским языком в семье, но взрослое население двуязычно. Оно одинаково свободно говорит и по-комиязывински, и по-русски. Дети в большинстве не знают комиязывинского языка, не умеют говорить на нем, хотя и понимают. Происхождению они преимущественно коми. Эту группу можно было бы назвать язычными коми.

Сюда войдут деревни Шереметева (Верхняя и Нижняя) и Дубровка (Верхняя и Нижняя) Верхнеязывинского сельсовета, в количестве 80 дворов с населением 360 чел., и деревни Пьянкова и Пудьва (в них вошел значительный русский элемент), в количестве 46 дворов с населением около 200 чел. В обоих сельсоветах дворов с населением около 560 чел., что составит примерно 11% населения Верхнеязывинского куста.

4. Коми-население с комиязывинским языком в семье. Взрослое население (подавляющее большинство, за редкими исключениями) знает русский язык. Сюда входят остальные 36 населенных пунктов в количестве 677 дворов, с населением примерно 3040 чел., что составляет 64% населения Верхнеязывинского куста (см. таблицу стр. 197).

Таким образом, в настоящее время в Верхнеязывинском кусте насчитывается около 3600 чел., свободно говорящих на языке язывинских коми, с одновременным знанием местного русского разговорного языка; это составляет примерно 75% всего населения куста.

Интересно отметить, что по данным переписи 1926 г. в пределах Чердынского уезда показано 3163 «пермяка» по языку. Под этими пермяками переписи 1926 могли быть показаны только современные язывинские коми.

Известный краевед И. Я. Кривошеков, изучавший население Язвы в 1901-1910 гг., отмечает в Верхнеязывинском кусте: пермяков — около 1000 чел., «подрубных», «частично обруселых», «значительно обруселых», «русующих», «пермяк-стыдящихся своего языка» и т. д. — около 2000 чел.; всего знающих комиязывинский язык — около 3000 чел.

Таким образом, за последние 40 лет не произошло больших изменений в численности язывинских коми.

Процесс усвоения русского языка и полный переход на русскую разговорную речь части верхнеязывинских коми начался очень давно. Этому способствовало близкое и непосредственное соседство с русскими селениями, экономические и административные связи, заключение браков с русскими, служба в армии, поселения беглых колошников и отдельных семейств русских крестьян. Некоторые фамилии, как Ермолаев, Чернышев, Бронников, Фролов, Пьянков, указывают на русских, поселившихся среди коми. Повидимому, особую роль в процессе перехода на русскую разговорную речь части язывинских коми сыграло развитие лесной промышленности в верховьях Язвы и ее верхних притоков в конце XIX в. И. Я. Кривошеков¹, описывая деревню Ванину (современная деревня Ванина Ваньковского сельсовета; жители — язывинские коми), указывает, что ее заселяют значительно обрусевшие за последние 15-20 лет пермяки (И. Я. Кривошеков был там в 1909 г.). Жители рассказывали, что их обрусил «камбарцы» (жители одного из заводов Осинского у., Пермской губ. — *Прим. Кривошекова*), нахлынувшие большими партиями на лесозаготовки и сплав. «Камбарцы» высмеивали старообрядчество язывинских коми, их язык, бытовой уклад, одежду и т. д. Под их влиянием ванинцы стали переходить на русскую разговорную речь, чуждаясь своих национальных особенностей и языка. Вероятно, этот процесс среди ванинцев был не глубокий. Он привел лишь к усвоению русской речи, как второго разговорного языка, так как в настоящее время жители Ванины все еще знают и говорят по-комиязывински. Несомненно, что дореволюционные русские лесорубы-сплавщики оказали такое же влияние и в других населенных пунктах коми².

По сообщению И. Я. Кривошекова, через комиязывинские селения в XVIII столетии шел путь на верхотурские заводы известного заводчика Походяшина. По этой дороге гнали крестьян Чердынского уезда, приписанных к заводам. Вероятно, и это обстоятельство оказало свое воздействие на процесс усвоения русской речи.

В известной мере русская речь усваивалась язывинскими коми и от основателей проповедников старообрядчества, которые пришли в конце XVIII в. из нижнетагильских лесов в район деревни Пудьвы и в течение нескольких десятков лет распространяли свою «старую веру» среди большинства комиязывинского населения³.

¹ И. Я. Кривошеков, *Словарь географо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии*.

² Интересно отметить, что многие комийские названия деревьев, зафиксированные Генесом в 1889 г. в д. Паршаковой, теперь забыты, например: н'бл (пихта), пожб (сосна), сус (кедр), л'омпу (ольха), (береза).

³ Коми-население Перми Великой было обращено в христианство устьымским епископом Ионою еще в XV в. (в 1463 г.). Христианство распространялось, повидимому, на родном языке. Во всяком случае в церкви одного из центральных населенных пунктов Перми Великой, в селе Ныробе, долгое время имелась икона с древнеримской надписью, которая, по словам директора Чердынского краеведческого музея

Наименование сельсовета	В с е г о			И з н и х												
	населенных пунктов	Дворов	на селения	русских			двуязычных русских			двуязычных коми			коми			
				населенных пунктов	Дворов	населения	населенных пунктов	Дворов	населения	населенных пунктов	Дворов	населения	населенных пунктов	Дворов	населения	
Бычинский	9	182	820	3	62	280	6	120	540	—	—	—	—	—	—	—
Верхнеязвинский	8	172	770	—	—	—	4	63	280	2	80	360	1	29	130	—
Тимно-Бельковский	9	144	650	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	144	650	—
Талавольский	12	190	850	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12	190	850	—
Антипинский	9	212	950	—	—	—	—	—	—	2	46	200	7	166	750	—
Ваньковский	7	138	660	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	138	660	—
Итого	54	1038	4700	3	62	280	10	183	820	4	126	560	36	667	3040	—
% от общего количества населения	—	—	100	—	—	6	—	—	19	—	—	11	—	—	—	64

Отхожие промыслы в среде язывских коми, по данным Кривошекова, были совершенно не развиты и не могли играть какую-либо роль в этом процессе.

Можно полагать, что особо сильно развивался процесс усвоения русской речи в второй половине XIX в. Вероятно, в этот период комиязывское население теперь него Бычинского и Верхнеязывского сельсоветов перешло на русскую разговорную речь, а остальное коми-население усвоило русский разговорный язык как второй язык. На это указывают рассказы населения и фактическое положение дела. Колхозники деревни Верхней Бычины 65-летний Иван Григорьевич Митраков рассказывает, что в детстве в его семье говорили по-русски. Несмотря на это, он понимает по-комиязывски, хотя и не говорит на этом языке. 67-летний колхозник Александр Дмитриевич Митраков (дер. Нижняя Бычина) помнит, что во время его детства в деревне некоторые семейства говорили по-комиязывски. Сам А. Д. Митраков уже не говорит, но помнит не один десяток комиязывских слов и понимает комиязывскую разговорную речь.

В обоих сельсоветах (в Бычинском и Верхнеязывском) не только старики старухи, но и население средних лет понимает комиязывскую разговорную речь, а некоторые даже говорят на этом языке. Не составляет исключения и молодежь. Редко можно встретить мальчика или девочку (не говоря уже о более взрослых), которые не знали бы хотя нескольких слов на комиязывском языке. Такие слова, например, *н'ан'* (хлеб), *пан'* (ложка), *вёл* (лошадь), *мёс* (корова), *овж* (овца) и др., известны всем.

Бытование комиязывского языка среди населения Бычинского и Верхнеязывского сельсоветов, перешедшего уже на русскую речь, объясняется тем, что население помнит свою прежнюю речь, а главным образом тем, что население этих сельсоветов находится в постоянном общении с населением, пользующимся в разговорной речи комиязывским языком. Этому же способствует и заключение браков с девушками из Тимино-Бельковского и других сельсоветов. Родной язык матери, хотя и свободно говорящей на русском языке, в какой-то степени входит в разговорный язык семьи и передается молодому поколению. Вероятно, какое-то значение в продолжающемся бытовании комиязывского языка (даже и в форме отдельных слов) представляет удобство знания второго языка для секретного разговора при посторонних. Русские соседних деревень рассказывают, что язывские коми часто гордятся знанием двух языков: «Я худой пермяк, но два языка знаю».

Несомненно, что язывские коми русскую речь усвоили от окружающего русского населения Молотовской области. На это указывают особенности их разговорной речи.

Русский язык оказал громадное влияние на комиязывский язык. В последнем употребляется большое число заимствованных русских слов, относящихся ко всем сторонам народного быта и культуры. Мощное влияние русского языка сказывается не только в лексических заимствованиях и употреблении русских слов в разговорной речи, но и в усвоении отдельных морфологических категорий и включении их в комиязывский язык.

Например, уменьшительные суффиксы существительных *-ик*, *-ок*, суффикс прилагательных мужского рода *-овый* вошли в комиязывский язык и стали его неотъемлемой частью наряду с уменьшительным суффиксом коми *-пйан*. Говорят. *йёрнбс'ик*, *йёрнбсок* — рубашечка, *ид'з'а с'ик* — соломинка, *перч'ен'ок* — перекладинка, *нойбвй-сукон'чий*, *кёртввй* — железный (от *ной* — сукно, *кёрт* — железо) и т. д.

Широко вошло в язык язывских коми отрицание «не». Говорят: *н'е силан* — не его; *не шондиа* — не солнечно, *н'еуноч'ка*, *н'еунка* — немножко, *н'е вед'жар* — не жарко, ведь, *с'ура-йа н'е-йа*, *кин си тóде!* — рогатая или не рогатая, кто его знает (разговор идет про корову).

Русское слово «беда» приобрело морфологическую категорию превосходной степени. Например: *беда нбж* — очень тупой, *беда бад'ор* — очень красивый и т. д.

О степени проникновения русских слов можно судить по следующим записям, сделанным во время общего собрания членов колхоза «15 лет Октября» Талавельского сельсовета.

Наско́лько рублей сийа выиграл? — Наско́лько рублей он выиграл? Кин план выполнил? — Кто выполнил план? Ас'организуйт бригади́р! — Пусть организует бригади́р! Свешан'ийб бригади́рбв колб сбрат' — Совещание бригадиров надо созывать. От'ик мортбс выбир'ом. — Одного человека выберем. С п'омощью вас же колб. — С помощью вас же надо. Колб нб ришит' вопробсб. Мбй збмблч'ал'и? — Надо же решить вопрос-то. Что замолчали?

Общение и соседство с русским населением, поселения отдельных русских семейств в среде язывских коми оказали громадное влияние не только на язык, но и на всю материальную и духовную культуру последних.

Интересен в этом отношении следующий пример. Язывские коми (как и коми-зыряне в настоящее время) раньше, выражая родственную принадлежность мужчины,

И. А. Лунегова, в 1931 г. была утрачена. Об аналогичной надписи говорит также Вологодский епископ Евгений Болховитinov в своем письме 1817 г. к графу Румянцеву: «Мне сказывали некоторые, что есть еще Пермской губ. Чердынского уезда в церкви села Бояги зырянская же надпись на иконе богоматери. Но списка достать я не мог» («Переписка митрополита Евгения с Румянцевым», Воронеж, 1868).

впереди имени ставили имя его отца, деда и даже прадеда, как определения. Например: Антон Вас'ка ордон воли — был у Василия, сына Антона, т. е. был у Василия Антоновича; Филат Ван'ка Петра зонйон ордон воли — был у сыновей Петра, сына Ивана, сына Филата, т. е. был у сыновей Петра Ивановича, дедушка которого был Филат.

В настоящее время перенят русский обычай. Говорят. Ст'епа Вас'кин — Степан Васильевич, Петра Ван'ин — Петр Иванович, Петрика Яашен — Петр Яковлевич, Сема Ван'ин — Семен Иванович. Замужние женщины именуются по мужу: С'ергика, Ван'ика, Павл'ика.

Одновременно с процессом усвоения русского языка язывинскими коми и полного перехода на русскую разговорную речь в Бычинском и Верхнеязывинском сельсоветах шел процесс усвоения комиязывинского языка русским населением, поселившимся среди язывинских коми.

* * *

Язык язывинских коми имеет ряд специфических особенностей в области и фонетики, и морфологии, и лексики в сравнении с остальными диалектами языка коми (как с коми-пермяцкими, так и коми-зырянскими). Но, несмотря на значительные различия, коми-пермяк и коми-зырянин могут понимать речь язывинских коми, так же как и коми-зырянин и коми-пермяк друг друга.

Сравнительное с остальными наречиями языка коми изучение этого диалекта позволяет сделать несколько общих выводов:

1. Комиязывинский диалект, как и прочие диалекты коми, содержит мощный языковый слой, являющийся общим для всех них.

2. Наряду с этим в комиязывинском диалекте имеется коми-пермяцкий слой, выработавшийся, повидимому, в процессе концентрации родо-племенных диалектов Прикамья в пределах севера Молотовской области и, в частности, «Великой Перми». К этому слою относятся, например, слова: йорнвс — рубашка, вун — брат, ас' — пусть и др. Однако этот процесс стяжения говоров коснулся предков язывинских коми в меньшей мере, чем представителей прочих коми-пермяцких диалектов Прикамья.

3. Наконец, выделяется и третий слой, менее мощный, чем первые два. Этот слой является общим с современным коми-зырянским диалектом Нижней Вычегды и в то же время с языком древнепермских писем, отражающих нижневычегодский диалект языка коми XIV века.

Наличие этой общности объясняется старинными связями⁴ с Нижней Вычегдой, центром которой, по крайней мере с XIV по начало XVII столетия, был Устьвым, т. е. с той территории, где началась миссионерская деятельность устюжского монаха, первого пермского епископа Стефана, составителя пермской азбуки и первых переводов на язык коми (умер в 1396 г.).

Очевидно, следуя по проторенным путям с Вычегды к центрам камских коми, к «Великой Перми», устьвмский епископ Иона проникает в XV в. (в 1463 г.) на Каму и начинает крещение камских пермичей.

К этому слою относятся слова: а) общие с современным нижневычегодским диалектом: рач — сковорода, нарман — грабли, вартнв — ударить и др.; б) общие с древнепермским языком: йёз — время, гора — голос, вейнв — сказать, йескинв — верить и др.⁵

4. Географическая и административная обособленность язывинских коми от коми-пермяков и коми-зырян, продолжавшаяся в течение ряда столетий, привела к развитию данного диалекта по иному пути, выработав множество специфических черт во всех областях языка (в особенности в фонетике и лексике).

В настоящее время этот диалект нельзя причислить ни к пермяцким, ни к зырянским (хотя он все же несколько ближе к первым, чем ко вторым) — это особый диалект, противостоящий пермяцкому и зырянскому наречиям языка коми.

Специфические комиязывинские слова: двл — все, бинар — богатый, так — крепкий, ч'ил' — совсем, йолапн — дети, с'ама — сильный, н'имвл — заяц и т. д.

Интересно отметить, что этот диалект сохранил весьма архаичную систему гласных, выражающуюся в наличии фонем огубленного *ы*, огубленного *ъ* и особого заднерядного *а* (0), которые совершенно отсутствуют в других диалектах языка коми. Комиязывинский диалект имеет также совершенно своеобразную систему ударений.

⁴ Об этих связях Прикамья с Вычегодским бассейном говорят также археологические данные (см. Н. И. Шишкин, Коми-пермяки, 1947, стр. 56—57).

⁵ Мы здесь приводим в качестве примеров только отдельные слова. Между тем языковые «слои» нами выделяются на основании всей совокупности особенностей диалектов.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАРОДЫ СССР

Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г., изд. 4-е, т. I, изд-во Академии Наук СССР, М.—Л., 1949. Подготовка текста и комментарий А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова, вступительная статья В. Г. Базанова.

Новое издание «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга своевременно. Прежние издания этого классического сборника русского эпоса стали библиографической редкостью. К тому же они не содержат критической оценки ни деятельности Гильфердинга как собирателя былин, ни записанных им текстов.

Это издание публикуется по полевым записям А. Ф. Гильфердинга, хранящимся в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР, и имеет ряд отличий от первых двух изданий 1873 и 1894 гг., корректируя их. В третьем издании вышли в свет только II и III тома; от издания I тома Пушкинский дом, подготавливавший 3-е издание, отказался, оставив его незаконченным.

В рецензируемом 4-м издании сохраняются «Важнейшие особенности текста рукописей ... вроде заметок и примечаний к былинам самого Гильфердинга, зачеркнутые крупнейшие разночтения, факты позднейшей проверки исполнения былин и т. п. (стр. 704), не включенные в первые два издания. Три текста публикуются впервые в «Приложениях», по рукописи, причем один текст — не изданный вовсе, два же других даны в «первичной записи», без позднейших вставок и переработок при повторном исполнении. Также сняты ударения, произвольно поставленные редакторами первых изданий; учтены и оговорены в примечаниях «чернильные дописи» отдельных слов и целых кусков текста, сделанные самим Гильфердингом уже в Петербурге; за головки былин приближены к данным в рукописи. В «Примечаниях» оговорено «какие куски текста не сверены с рукописями» (стр. 703), так как отсутствуют в последних, а даны по изданию 1873 года.

Ценно, что в текстах, напечатанных по новой орфографии, но с соблюдением ряда фонетических особенностей, сохраняются колебания в написании отдельных слов в полевых записях, «явление, отражающее колебания живого народного произношения, прекрасно известное всем собирателям и имеющее важное значение для лингвистики» (ср. 704).

Работа, добросовестно проделанная двумя ленинградскими фольклористами — А. И. Никифоровым и Г. С. Виноградовым, — выверка записей Гильфердинга по рукописям и подготовка к печати I тома настоящего издания, — многое вскрывает в методах собирательской работы Гильфердинга и заставляет пересмотреть некоторые установившиеся в науке взгляды — например, о степени совершенства техники его записей. Архивные данные показывают, что Гильфердинг записывал «общие места» текста в каждой былине только один раз, а затем оставлял в тексте пропуски с указанием, с какого по какой стих вписать повторение; он также ставил знаки пунктуации лишь впоследствии, при подготовке текста к печати и т. п. Если это может быть объяснено стремлением собирателя записать в короткий срок возможно большее количество текстов, то во всяком случае это не относится к достоинствам записи. Как известно, Гильфердинг заставлял сказителей петь былины замедленно, что часто приводило к снижению художественных достоинств текстов. Он создавал искусственные условия для исполнения былин (ср., например, замечание самого Гильфердинга о сказительнице Домне Суриковой).

Сопоставляя методы собирания А. Ф. Гильфердинга с методами его предшественников, можно даже сказать, что Гильфердинг сделал шаг назад. Сказанное можно подтвердить напоминанием о том, что П. Н. Рыбников записывал все дословно, проверяя запись былины при многократном прослушивании ее у одного сказителя в обычной для последнего обстановке; так же полностью записывал все при исполнении (как это видно из архивных данных) и сибирский ученый С. И. Гуляев, собиравший былины еще в 50-х гг. прошлого века. Поэтому кажется странным катего-

Ясное утверждение В. Г. Базанова в его вступительной статье к рецензируемому изданию «А. Ф. Гильфердинг и его «Онежские былины», что собиратель «выполнил» из требований передовой фольклористики, а именно требование абсолютно точной записи фольклорных текстов» (стр. 17). В. Г. Базанов — представитель поколений советских фольклористов-собираателей — не должен был бы бояться отбросить называющий его пиетет перед именем Гильфердинга и открыто признать, что многое в его методике записей не отвечало передовым требованиям научной фольклористики уже середины XIX в., а не повторять — вопреки вновь установленным фактам — мифологическую версию о безукоризненности Гильфердинга, как образцового собирателя. Методы работы Гильфердинга не отвечают тем требованиям, какие поставил перед собирателями народного творчества Н. А. Добролюбов.

В. Г. Базанов, правильно выдвинув в своей статье одной из основных тем становление зависимости работы Гильфердинга от Рыбникова и заявляя, что он не считает Гильфердинга продолжателем дела Рыбникова, ограничился распылчатыми формулировками: работа Гильфердинга имеет к его предшественнику «ближайшее отношение»; «они как бы дополняют и комментируют друг друга» (стр. 2, 3). Такие формулировки означают, что Базанов как бы ставит знак равенства между ними. А ставить знак равенства между Рыбниковым и Гильфердингом нельзя. П. Н. Рыбников на своих плечах вынес все трудности пролагателя новых путей в науке, выяснил условия бытования эпоса в Олонецком крае, Гильфердинг же в основном лишь повторил и несколько расширил работу первого, исходя из его открытий и достижений и уступая ему в применяемых методах собирания эпоса.

Вопрос о взаимоотношениях и значении обоих собирателей встает перед каждым исследователем, интересующимся историей русской фольклористики. Трактовка этого вопроса в статье В. Г. Базанова — пример живучести традиционных взглядов, которые «на веру» принимались одним поколением фольклористов от другого. Значение Рыбникова упорно недооценивалось, чему в особенности способствовало то, что роль Гильфердинга подчеркивалась и в научной литературе, и в учебных пособиях. Буржуазная дореволюционная фольклористика сознательно — по своим политическим симпатиям, а затем и по установившейся традиции, замалчивала значение подлинного основоположника научного собирания русского эпоса — П. Н. Рыбникова, административного ссыльного, прогрессивного деятеля, и выдвигала на первый план славянофила А. Ф. Гильфердинга. Следует отметить, впрочем, что сам Гильфердинг был честнее тех, кто о нем писал: он никогда не забывал подчеркнуть приоритет своего предшественника. Долг советских фольклористов восстановить истинное положение вещей. Отметив, что нельзя считать, что Гильфердинг «продолжал дело Рыбникова, заходившегося под влиянием идей Чернышевского и Добролюбова» (стр. 16), автор этой статьи бросил эту мысль на полдороге, не показав, как различие в убеждениях определило и различный характер их научной работы. Автор статьи не отмечает поверхностности биографий сказителей, данных Гильфердингом, пренебрежительного отношения его к яркой творческой индивидуальности сказителя Сорокина, который именно своей склонностью к творческой переработке традиционных сюжетов и социальной заостренностью в их трактовке привлек интерес Рыбникова.

Если Рыбников завоевал доверие и дружбу олонецких крестьян благодаря подлинному уважению к ним и их творчеству, говоря его словами, и постоянному активному вниманию к их нуждам, то Гильфердинг (как это удалось установить экспедиции под руководством Б. и Ю. Соколовых, географически прошедшей «по следам Рыбникова и Гильфердинга» в 1926—1928 гг.) собирал сказителей через сельскую администрацию в волостное правление, причем им объявляли, что за исполнение былины их будут награждать деньгами, а женщинам дарить платки. Старики, вспоминая о приезде Гильфердинга, называли его «генералом» («генерал приезжал»), говорили, что он был «началестесм», «барин». Сам Гильфердинг противоречиво говорит то об исключительно бескорыстии крестьян, то о том, что весть о плате собирала к нему столыко народа, что сказители ждали своей очереди по два-три дня (стр. 30, 40). Той же экспедиции братьев Соколовых пришлось встретиться с одной престарелой сказительницей — А. Я. Креховой из деревни Чуевой на Волдозере (см. «Летописи Гос. лит. музея», М., кн. 13, 1948, стр. 687), которая, пропев пришедшим к ней членам экспедиции то, что еще уцелело в ее памяти, рассказала, что в ее далекой молодости Гильфердинг хотел было записать у нее былины, но она заявила присланному за ней старосте: «Если ему надо, пускай сам ко мне придет».

Говоря о большом количественном результате работы Гильфердинга по сравнению с Рыбниковым, В. Г. Базанов не освещает причин этого. Успешность собирательской работы Гильфердинга в значительной степени была обусловлена тем, что он шел по проторенному Рыбниковым пути («Песни» Рыбникова уже вышли в свет в это время), пользуясь непосредственно полученными от последнего перед отъездом практическими соображениями, указаниями маршрутов, адресами сказителей, устными и письменными рекомендациями. Значение установленного контакта с местным населением хорошо известно каждому собирателю, а Гильфердинг сразу смог воспользоваться налаженными связями; кроме того, один из сказителей, отысканных Рыбниковым, — Абрам Евтихийев стал проводником Гильфердинга, «доставая» ему других сказителей. Не следует забывать также, что Гильфердинг имел все преимущества, находясь в специальной научной командировке, в то время как Рыбников работал урывками,

преодолевая всевозможные препятствия, чинимые ему местными властями, как это видно из его переписки.

Говоря, что впервые материал в сборнике былин был расположен «по сказаниям» (стр. 22) у Гильфердинга, следовало бы упомянуть, что первым выдвинул это пожелание Рыбников, но известный славянофил и реакционер И. А. Бессонов редактор 1-го издания «Песен», заявивший также Рыбникову, что его дело — собирание, а не исследование, отвел это, и воля собирателя была выполнена только во 2-м посмертном издании.

Таким образом, В. Г. Базанов, не освещая особенностей обоих ученых как собирателей и исследователей, объективно сам скатывается в русло теории «единого потока» (стр. 20) развития русской культуры, в приверженности к которой он уцелел ряд других фольклористов.

Значительный интерес представляет прослеживаемая Базановым преемственность в развитии зародыша «академического эмпиризма» (стр. 16) у Гильфердинга в формалистические установки некоторых фольклористов конца XIX — начала XX в. Особенно четко это выявлено в отношении вопроса о роли «личности сказителя», которую уже Гильфердинг, в отличие от шестидесятников, отрывал от общественной начала и от идейной проблематики фольклора, ограничиваясь только разбором репертуара, формальных приемов, чем «фактически ориентировал на отрыв форм от содержания» (стр. 28).

Часть статьи, в которой автор подробно рассматривает, а зачастую и просто излагает все работы Гильфердинга как слависта — по истории, языку, этнографии, славян, производит впечатление механически включенной. Она не связана органически с разбором работы Гильфердинга над русским эпосом. Во вводной статье к сборнику былин не требовалось столь кропотливого реферирования всех его работ. Мало убедительно и предположение Базанова об основном стимуле поездки Гильфердинга на Север для изучения там русской общины — известен самостоятельный интерес ученого как филолога к изучению эпоса (напомним не только его работу над южнославянским эпосом, но и его записи былин в б. Петербургской губернии).

Хотелось бы, чтобы во вводных статьях современного издания «Онежских былин» был более разносторонне освещен характерный для собирателя интерес к связям устного творчества с этнографией русского Севера, в области чего он сделал ряд юнких, хотя иногда и спорных наблюдений — как в отношении отражения в эпосе различных черт материальной и духовной культуры местной среды (природа, земледелие, охота и рыбная ловля, средства передвижения, пища, обычаи и пр.), так и влияния географо-исторических и экономических условий на бытование и распространение былин. Эти же вопросы освещаются им и в словарных пояснениях.

Вызывают сомнение некоторые технические особенности рецензируемого издания «Онежских былин»: отсутствие колонтитулов (которые приняты во всех научных изданиях былин), что затрудняет пользование книгой; сохранение в подписях под текстом только черновой пометки собирателя «Записано там же, такого-то числа», так что читателю приходится листать книгу назад, до текста, под которым он найдет, наконец, название пункта, где произведена запись, и т. п. Указатели «Сказителей и сказительниц, певших Гильфердингу» (со ссылками на номера текстов), перепечатанный из 2-го издания, следовало бы дать не в начале книги, а в конце, рядом с «Приложениями и примечаниями», к которым этот указатель непосредственно относится. Словарь и алфавитный именной указатель в I томе отсутствуют, между тем практика показывает, что их целесообразнее давать в каждой книге многолетних изданий былин (как это сделано, например, в «Былинах М. С. Крюковой», изданных в «Летописях» Государственного литературного музея), так как иначе читатель остается совершенно беспомощным, пока не будет издан последний том. Словарь и указатели занимают очень немного места в книге, и помещение их применительно к содержанию каждого тома вполне себя оправдывает. В последнем томе может быть помещен, при желании, сводный именной указатель.

Выход в свет I тома нового издания «Онежских былин», записанных А. Ф. Гильфердингом, возможно, является началом оживления издательской работы по эпосу ленинградских фольклористов. Следует надеяться, что, наконец, выйдет и II том «Былин Севера» в записи А. М. Астаховой, давно уже подготовленный к печати.

Р. Липин

Е. Ащепков. *Русское деревянное зодчество*, Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950.

Деревянное зодчество является одним из неисчерпаемых по своему богатству разделов русской материальной культуры, и поэтому каждую книгу, посвящающую новую лепту в изучение его, можно только приветствовать.

Работа Е. Ащепкова «Русское деревянное зодчество», выпущенная Государственным издательством архитектуры и градостроительства, представляет собой новейшим обзор основных видов отечественной деревянной архитектуры: народного жилищного строительства различных времен и районов, хороших городских построек XVI — XVII вв., оборонительных крепостных сооружений XVII в., церковных зданий XVII—XVIII вв. и, наконец, современного деревянного строительства.

Во введении к своей работе автор указывает, что «в связи с задачами современного деревянного строительства и, в частности, колхозного строительства возникает жизненная необходимость всестороннего и внимательного изучения богатейшего архитектурного наследия талантливого русского народа» (стр. 4) Исходя из этого высказывания, можно сделать вывод, что автор ставит перед собой цель детально разобрать наиболее совершенные конструкции и образцы отечественного деревянного зодчества на основании их углубленного изучения.

Однако уже сам листаж книги — 6 печатных листов — исключает эту возможность, в результате чего мы находим не «всесторонний и внимательный» разбор памятников, а лишь предельно краткое перечисление особенностей того или иного вида архитектурных сооружений.

Имеющееся место автор использует неполностью. Так, например, каждая глава начинается с новой страницы, украшенной, вместо заставки, соответствующими по смыслу архитектурными зарисовками. Между рисунком и заголовком оставляется слишком обширный интервал, в результате чего основной текст занимает не более трети страницы. Иллюстративный материал, которым щедро снабжена данная работа, также можно было бы расположить более компактно и освободившееся место использовать для текста.

Следует также отметить, что более 83% приведенного в исторической части иллюстративного материала воспроизводилось неоднократно и ранее в таких изданиях, как «Курс истории русской архитектуры» М. Красовского (1916), «Русское деревянное зодчество» под редакцией С. Забелло, В. Иванова и П. Максимова (1942), и в ряде других работ, широко известных советскому читателю. Ссылок на предшествующие публикации в работе, однако, нигде не приводится.

В текстовой части автор также следует по проторенным путям, используя главным образом материал по русскому северу, получившему, как известно, наиболее полное освещение в специальной литературе. Так, например, при описании народного жилища он посвящает северным районам десять страниц, а издам центральных областей СССР лишь три, причем две из них заполняет целиком иллюстративным материалом. Между тем, при желании, можно было бы осветить с достаточной полнотой жилище и этих районов, ибо имеются не только отдельные работы, но и целые сборники, посвященные культуре и быту этих областей: «Культура и быт населения центрально-промышленной области» (М., 1929), «Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края» (Л., 1929), «Крестьянское жилище Калужской губернии» (Л., 1937) и многие другие.

Положительным моментом в рецензируемой книге является то, что в ней представлен довольно значительный материал по русскому сельскому жилищу Сибири.

При разборе типов жилища автор выделяет избы Карелии в особый вид, характеризующийся большим высоким домом «на подклети с примыкающими к нему хозяйственными постройками» (стр. 29). Такая планировка, между тем, была наиболее характерна для усадеб б. Архангельской и Вологодской губерний, дома которых по высоте также, как правило, значительно превосходили жилище русского населения Карелии.

Внутри каждой из глав материал располагается без особого плана. Так, например, если при описании русского народного жилища Карелии и Сибири автор останавливается главным образом на конструкции и планировке изб, а об их декоративном убранстве упоминает лишь вскользь, то в разделах «Избы центральных областей СССР» и «Избы Севера» он освещает исключительно последний вопрос, забывая в свою очередь о конструкции и планировке жилища.

Вопросам планировки усадеб во всех главах уделяется недостаточное внимание.

Как конструкция, так и декоративное убранство построек освещаются крайне скупо. Так, например, упоминая о способах крепления венцов сруба, автор называет лишь два из них, не давая ни объяснений, ни схемы, иллюстрирующей способ соединения. Из видов резьбы он упоминает лишь «глухую» или «корабельную», совершенно не останавливаясь на прорези и пропиловке.

В последующих разделах — «Городские деревянные сооружения, хоромы», «Крепостные» и «Церковные сооружения» — дается обзор крупнейших памятников этих видов, опять-таки в крайне лаконичной форме и на основании давно известного материала.

Все приведенные здесь иллюстрации, за исключением одной (известный чертеж башни Илимского острога из В. Ласковского заменяется малоизвестной гравюрой художника Лебединского), мы можем встретить в упоминавшихся выше изданиях.

Точно так же дело обстоит и с источниками, так как ничего нового по сравнению с соответствующими главами курса М. Красовского в книге не имеется. Говоря о крепостных сооружениях, автор ограничивается использованием традиционного сибирского материала, не освещая даже военнопоронных сооружений Московской Руси, хорошо описанных в нашей литературе.

К недостаткам работы также следует отнести почти полное отсутствие планов. Во всей работе имеется лишь три чертежа, причем два из них помещены в разделе церковных сооружений и иллюстрируют однотипные по своему плану «кораблем» Петропавловскую и Афанасьевскую церкви. Кубические храмы, являющиеся, как известно, исконной формой архитектурных построек на территории Восточной Европы, точно так

же, как многокамерные церкви более позднего периода, освещения в планах не входят.

Никаких упоминаний о наличии в России каменных построек, впитавших в себя формы деревянного зодчества (Владимирская и Цареконстантиновская церкви в Вологде, Прилуцкий монастырь и др.) и в свою очередь оказывавших влияние на деревянные постройки, в работе не имеется.

Последняя глава рецензируемой книги основана на совершенно свежем материале, иллюстрирующем современное деревянное строительство. Однако автор не критически подходит к приведенным им же самим образцам: наряду с прекрасными постройками от которых так и веет подлинно народными традициями (административное здание в городе Сталинске постройки архитектора П. Н. Струкова, жилые восьмиквартирные дома Новосибирска, дома в поселке Костино и др.), он приводит и неудачные.

Так, например, один из домов упомянутого уже поселка Костино (стр. 85) и дом из поселка Железнодорожного (стр. 91—97) по своей аляповатости могут быть поставлены наравне с постройками, исполненными в пресловутом «петушковом» или «полотенчатом» стиле. Этот стиль, получивший широкое распространение во второй половине прошлого века в пригородных дачах буржуазии Петербурга и других городов царской России, получил единогласное осуждение советских историков архитектуры и искусствоведов как безвкусная подделка, не имеющая ничего общего с подлинно народными традициями.

При всей необходимости изданий подобного типа книга Е. Ащепкова не отвечает требованиям, предъявляемым к историкам архитектуры самой жизнью.

Из-за своей краткости она не может служить ни пособием, ни руководством, столь необходимыми в наше время для создания в соответствии с подлинно национальными вкусами новых, социалистических поселков и городов.

Т. В. Станюкович

СБОРНИКИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ТВОРЧЕСТВУ НАРОДОВ СЕВЕРА

Мы — люди Севера. Составитель М. Воскобойников, Л., 1949.— Д. Нагишкин, *Храбрый Азмун*, Амурские сказки, М.—Л., 1949.— Д. Нагишкин, *Амурские сказки*, Владивосток, 1949.— Т. Кунгуров, *Сказки*, Иркутск, 1949.— А. Н. Ольхов, *Сказки тайги и тундры*, Красноярск, 1949.— *Солнце над чудом*. Составитель М. Воскобойников, М.—Л., 1949.— *Сказки народов Сибири*. Составитель А. Коптелов, Новосибирск, 1949.

В 1949 г. издано несколько сборников произведений писателей-северян и пересказов сказок народов Сибири и Дальнего Востока.

Произведения писателей и поэтов народов Крайнего Севера — ненцев, ханты, манси, эвенков, ламутов, чукчей, коряков, нанайцев и удэгейцев — собраны в сборнике «Мы — люди Севера». Хотя сборник далеко не охватывает всего того, что создано на языках этих народов, он дает известное представление о развитии самой молодой из литератур народов СССР — литературы народов Крайнего Севера.

Поэтическое творчество народов Крайнего Севера многообразно. В стихах и песнях поэты славят советскую власть, давшую им новую жизнь, коммунистическую партию и ее вождей Ленина и Сталина. В стихотворении «Солнце Ленина светит в тундре» ненец Н. Вылка говорит:

Великим умом и великой душой,
Среди государственных дел,
И о том, чтобы ненцам жилось хорошо,
Заботиться Ленин умел.

Прочувственные слова благодарности посвятил Аким Самар, поэт нанайского народа, И. В. Сталину:

Родной наш отец и вождь,
Сталин, великий наш друг!
Миллионы горячих сердец
Песню поют о тебе.

Эвенки Вона Кирилл и П. Алексеев, чукча Эрмитэгин, ламут В. Беляев, выражая думы своих народов, поют о братской дружбе между народами Советского Союза, о ненависти к врагам, о том, как радостно жить в стране социализма.

Широкое отражение в творчестве поэтов-северян нашла тема социалистического строительства. На землях хантов и манси, нанайцев и эвенков выросли города, кол-

хозные поселки, фабрики и заводы. Неудивительно, что в стихах мансийской поэтессы М. Вахрушевой («В Ханты-Мансийске»), мы находим картину, напоминающую скорее индустриальный центр, чем глухую тайгу.

Лесопильный слепит огнями
И консервный шумит завод,
Рыба, пойманная нами,
В банках по свету плывет.

Заводской пейзаж рисует эвенк А. Солтураев в стихотворении «Семья Гасаны».

Пионеры поют про Сталина
В лагере над рекою,
Громкий гудок завода
Слышится над тайгою.

Много красочных, лирических стихотворений посвящают поэты Севера природе родного края. К сожалению, о специфике стихосложения отдельных народов Севера по произведениям, помещенным в сборнике, трудно судить, так как переводы, по сообщению составителя, сделаны с подстрочников и ряду стихотворных произведений придана рифма, отсутствовавшая в оригиналах. Известно, однако, что авторы стихотворных произведений не связывали себя традиционными фольклорными формами.

Среди прозаических произведений, напечатанных в сборнике, прежде всего следует отметить повесть «Зарево над лесами» безвременно погибшего удгейского писателя Джанси Кимонко. Волнующе просто рассказывает он о тяжелой жизни своего народа до Октябрьской революции. Перед читателем возникают картины промысла, перекопчик, быта обитателей тайги. Для этнографа небезинтересны детальные описания удгейских верований, обычаев, связанных с воспитанием детей, охотничьих поверий, похоронных и свадебных обрядов.

В такой же степени насыщена этнографическими фактами повесть нанайского писателя Акима Самара «Сын бедняка». Художественные достоинства этой повести уже отмечались в печати.

С захватывающим интересом читается повесть «Хоялхот» Кеккеттына о печальной судьбе молодого коряка, батрачившего у кулака. Вынужденный подчиниться воле родителей, Хоялхот отказался от женитьбы на любимой девушке и вступил в брак с нареченной невестой, не питавшей к нему никаких симпатий. Автор повести подробно описывает сватовство, отработку за жену, тяжелую работу корякской женщины, отношения между бедными и богатыми членами стойбища, корякский праздник.

Много интересного материала о древних верованиях и обычаях ламутов сообщает Н. Тарабукин в повести «Мое детство», описывая жизнь мальчика-батрака, направленного советской властью в школу. Богатый материал о прошлом ненцев содержится в повести «Марья», написанной Н. Былко.

Эвенк Петр Савин, манси Матрена Вахрушева, хант Михаил Казанцев рассказывают о своем жизненном пути.

Детство П. Савин провел в тайге, окончил школу, затем педагогический техникум в Хабаровске, учительствовал, потом учился в Институте народов Севера. Всю Великую отечественную войну он провел в строю. Начал ее командиром отделения, а кончил помощником начальника штаба полка. В настоящее время П. Савин — редактор Учпедгиза. Биографии М. Казанцева и М. Вахрушевой во многом напоминают биографию П. Савина. Вахрушева готовится стать языковедом, Казанцев — прокурором. Рассказывая о себе, молодые авторы рисуют и социалистическое переустройство быта и жизни своих народов.

Классовой борьбе в период коллективизации посвящены рассказы эвенков Н. Ламатканова и Н. Сахарова. О трудовых подвигах ламутов-колхозников, об участии ламутов в Отечественной войне рассказывает Г. Семенов в повести «Снайпер».

Несомненное достоинство большинства произведений, помещенных в сборнике, в том, что в них не только описана новая жизнь обитателей Севера, но показано, какие огромные изменения за годы советской власти произошли в сознании отсталых в прошлом народов Крайнего Севера. «Жизнь ушла далеко вперед, — пишет эвенк П. Савин. — В зверьедческих хозяйствах, присматривая за песцом или соболем, в тайге, карауля зверя, сидя в лодке и ловя рыбу, по-другому уже думает таежный человек-колхозник, эвенк или нанец, удэ или коряк» (стр. 71). Сборник «Мы — люди Севера» свидетельствует об этом.

Заканчивается сборник послесловием. Составитель сборника М. Г. Воскобойников в общих чертах знакомит читателя с жизнью народов Крайнего Севера, с биографиями писателей и поэтов, авторов сборника, художниками и скульпторами, героями-северянами, участниками Великой отечественной войны.

К сожалению, М. Г. Воскобойников почти не коснулся огромных изменений, происшедших за годы советской власти в технике охоты, рыболовства и оленеводства.

Описав приманивание изюбрей дудкой «оревун» и добычу рыбы остройгой, автор послесловия не упомянул о мощных рыбоконсервных заводах, построенных на Севере, о моторно-рыболовных станциях, о внедрении атарменного лова рыбы, о зверфермах черносеребристых лисиц, о зоотехнических и ветеринарных мероприятиях оленеводстве.

Следует сказать несколько слов об оформлении сборника. Если послесловие богато иллюстрировано photographиями, рисующими новый быт народов Севера, то заставки и суперобложка свидетельствуют о полном незнакомстве художника Е. Хегера с действительностью Северной Сибири и Дальнего Востока. При взгляде на суперобложку создается впечатление, что в нарту запряжен один олень, тогда как в нарты такого типа запрягают не менее двух оленей. На стр. 58 около самолета нарисована собачья и оленья упряжки. Но оленеводы не подъезжают близко к ездовым собакам, так как собаки бросаются на оленей. Не соответствует действительности и рисунок на стр. 149. Едущий, по воле художника, не только неправильно сидит на нартах, но и погоняет оленей двумя вожжами и короткой палкой, тогда как известно, что в оленьей упряжке существует один повод и что управлять оленьей упряжкой при помощи короткой палки невозможно. На стр. 106 так же неправильно нарисованы оленьи постромки. По рисунку на стр. 200 можно подумать, что оленевод набрасывает аркан на шею оленя и душит его, но при наличии рогов, как показано на рисунке, аркан набрасывают не на шею, а на рога.

К недостаткам сборника следует отнести несколько бессистемное расположение повестей и рассказов: не по народам и не по содержанию; в сборнике отсутствуют указания, когда были написаны напечатанные в сборнике произведения и где они были впервые опубликованы.

Сборник выиграл бы, если бы редакция не ограничила его творчеством писателей малых народов Крайнего Севера, но включила бы произведения писателей якутов и коми.

Несмотря на отмеченные недочеты, сборник представляет несомненный интерес и только для широких кругов читателей, но и для специалистов-этнографов и историков Севера.

* * *

За 1949 год ряд областных и центральных издательств выпустил небольшие сборники сказок для детей, построенные на материале устного творчества эвенков, ненцев, чукчей, якутов и народов Амура. Особого внимания заслуживают два сборника амурских сказок, обработанных Д. Нагишкиным. Сборник «Храбрый Азмун», изданный Детгизом, состоит из тридцати сказок. К сожалению, редакция ничего не сообщила о том, где и когда были собраны сказки, насколько они подверглись литературной переработке, предоставляя читателю догадываться, что сказки записаны самим составителем.

Сборник сказок Д. Нагишкина не является собранием образцов устного творчества нивхов, нанайцев, удэгейцев, ульчей. По существу Д. Нагишкин опубликовал оригинальные художественные литературные произведения, созданные им по мотивам фольклора народов Амура.

В творческой литературной переработке произведений сказочного жанра Д. Нагишкин является последователем П. Бажова. Нагишкин смотрит на прошлое своего края глазами нашего современника. В его сказках чувствуется вера в творческие силы трудового народа, горячая симпатия к положительным персонажам — честным и самолюбивым людям, отвращение к паразитическим элементам. В 1945 г. вышел первый сборник амурских сказок Д. Нагишкина¹. В последующих сборниках автор сделал сказки более законченными и целеустремленными. «Богатство ума не приносит, а жалность последнего ума лишает» (стр. 158), — так начинает Д. Нагишкин сказку «Глупый богач» в сборнике «Храбрый Азмун», тогда как в предыдущем сборнике эта сказка была изложена без вступления. По-новому начинаются также сказки «Золотое кольцо», «Лиса и медведь», «Мальчик Чокчо». «Глупый человек — это плохо, а глупый да жадный — вдвое хуже! Глупый да жадный ни людям, ни себе добра не сделает!» («Золотое кольцо», стр. 198). «Хитрому как доверять можно! У хитрого на языке одно, а в голове другое. С хитрецом ведешься — в оба глаза за ним гляди!» («Лиса и медведь», стр. 148).

Вступлениями и концовками автор концентрирует внимание читателя на главных поучительных сторонах сказок.

Перед читателем страница за страницей раскрывается прекрасный мир фольклорной фантастики народов Амура.

Храбрый Азмун — нивхский герой — помогает своему народу избавиться от гولا. Для этого он добирается до грозного Хозяина моря.

Смелая девушка Чольчина преодолевает всевозможные преграды, побеждает чудовищных стражей Хозяина горы и освобождает своего жениха от чар злого шамана.

¹ Д. М. Нагишкин, Мальчик Чокчо, Сказки, Хабаровск, 1945.

Удгейский парень Индига ищет сердце мужчины вместо сердца зайца. Он преодевает «семь страхов» и спасает своего брата.

Нанайский мальчик Чокчо на лыжах-самолетах летит в Никанское царство и ищет жадному маньчжурскому купцу за смерть и ограбление своего отца.

Не менее занимательны сказки о животных: «Как медведь и бурндук дружить перестали» (почему на спинке бурндука имеются черные полосы), «Как медведь олеповодом был» (о хитрых проделках лисы), «Как звери ногами менялись», «Айога» (о девушке, любовавшейся собой и превратившейся в гусыню).

В сказке «Маленькая Элга» рассказывается широко распространенная на Севере легенда о появлении пятен на луне.

О тяжелой жизни народов Амура до Октябрьской революции, о голодовках, бедствиях, о темных махинациях купцов, ростовщиков, шаманов рассказывает Д. Нагишкин в сказках «Глупый богач», «Сирота Мамбун». В сказке «Жадный Канчуча» шаман Канчуча, нарушивший закон удгейцев — пожалевший пищу для детей, превращается в вечно ненасытного кабана. Междоусобным войнам посвящена сказка «Как бельды воевать перестали», грабительским набегами монголов и маньчжуров — «Большая беда», «Близнецы». Сборник заключается сказкой «Кила Бамба и Лоче-богатырь» о дружбе нанайского и русского народов.

Д. Нагишкин использовал в своих сказках характерные сюжеты, присущие устно-му творчеству народов Амура. В сказках отразилась бытовая обстановка нанайцев, живхов, удгейцев, их обычаи, приметы, верования, мифические персонажи.

Сказки Д. Нагишкина изданы также во Владивостоке. Небольшой сборник «Амурские сказки», выпущенный Промиздатом, состоит из восемнадцати сказок. Все эти произведения вошли в сборник «Храбрый Азмун», за исключением «Первой сказки» — вводного очерка. В нем Д. Нагишкин рассказывает свои юным читателям о сказочных богатствах края, о его коренном населении — ульчах, негидальцах, нанайцах, ороках, эвенках, о строителях города Комсомольска и героях Отечественной войны — уроженцах Дальнего Востока. В очерке автор делает попытку объяснить происхождение сказок бессилием и страхом первобытного человека перед явлениями природы, его желанием понять окружающее. При этом автор впадает в крупную ошибку, не различая фольклора — реалистического отражения действительности, творчества трудящегося народа, и первобытных форм религии. Нельзя согласиться с утверждением автора, что представления о родстве людей с тем или иным видом животных (тотемические обычаи) объясняются желанием первобытного человека породниться со своими соседями, «чтобы звери и птицы и деревья и рыбы по-родственному помогали ему» (стр. 11). Этому объяснению противоречит хотя бы то обстоятельство, что каждый род имел своим тотемом только один какой-нибудь вид животных или птиц. Неубедительно и натянуто объясняет Д. Нагишкин возникновение легенды о трех солнцах. По его мнению, эта легенда будто бы произошла от того, что нанайцы, пытаясь объяснить себе наскальные рисунки, сделанные в древности, должны были предположить, что камни когда-то были мягче, затем допустить, что когда-то было очень жарко, и, сопоставив свои умозаключения с наблюдением «ложных солнц», пришли к мысли о существовании трех солнц (стр. 12). Так же неверно и примитивно решается вопрос о появлении анимистических представлений. Эти теоретические экскурсы талантливому писателю никого не могут удовлетворить и только вводят читателей в заблуждение. Нельзя не сказать несколько слов о художественном оформлении сборников «Амурские сказки» и «Храбрый Азмун». Обложки, титул, рисунки, заставки и концовки выполнены с большим мастерством Д. Нагишкиным, совмещающим в себе писателя и художника. В оформлении сказалося близкое знакомство автора с бытом народов Амура и их орнаментальным искусством.

Попытку создать сказки, наполненные современным содержанием, сделал иркутский писатель Г. Кунгуров. «Задумав написать сказки,— пишет он,— я обратился к устному народному творчеству, в частности, к творчеству северных народов — эвенков, ненцев и других. Их легенды, предания, устные рассказы, приметы и прочее послужили источником для создания сказок. Я старался сделать их интересными и поучительными»².

Открывается книжка Г. Кунгурова сказкой «Человек на красном олене», в которой рассказывается, как Ленин уничтожил двух волосатых великанов, которые постоянно ссорились и отнимали у эвенков добычу, сынов и дочерей.

Удачи, на наш взгляд, сказки «Ленин — тамга» и «Хозяева тайги» о том, как эвенки посылали ходока к Ленину и узнали, что тайга и озера и олени принадлежат им. Преимущество коллективного труда послужило темой для легенд «Каменная чаша» и «Лосиная голова». Нравоучительный характер получили под пером Г. Кунгурова сказки народов Севера о животных («Летучая мышь», «Охотник и медведь» и др.).

Бережно и весьма удачно подошел к использованию фольклора народов Севера А. Н. Олхон в сборнике «Сказки тайги и тундры». Произведения этого сборника состоят из правдивых, реалистических рассказов о жизни и повадках птиц и животных, обитателей тайги и тундры, дополняемых сказками о них, заимствованными из фоль-

² Первый сборник сказок Г. Кунгурова «Сказки» издан в 1941 г. в Иркутске.

к лора народов Севера. Рассказ о повадках бурундука прекрасно сочетается со сказкой о том, как тигр погладил бурундука и оставил на его шкурке следы своих ногтей («Младший брат тигра»). Так же построены сказки «Лесной воробей и сермыш», «Хвастливая лягушка», «Филин зимовщик». Лиричная картина северной природы, нарисованная автором в сказке «Длинноногие птицы», оживляется остроумным рассказом о том, как цапли и журавли, прилетевшие слишком рано, примерзли ногами к болоту и, пытаясь улететь, вытянули ноги.

Легенда об исчезновении мамонтов послужила поводом для рассказа о мастях чукчах резчика по кости («Почему мамонты исчезли»).

В заключение нашего обзора остановимся на двух сборниках, выпущенных целью познакомить молодежь со сказками народов Сибири.

Сборник сказок, песен и стихов³ народов Севера под названием «Солнце в чумом» выпустил в 1948 г. Детгиз. Сказки, вошедшие в этот сборник, заимствованы из различных собраний фольклора, главным образом из «Материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» Г. М. Василевич, сборников «Долганский фольклор» А. А. Полова и «Великие батыры», но редакция об этом почему-то умалчивает.

Обработаны сказки Н. Колпаковой.

Большинство сказок, включенных в сборник, пользуется широкой популярностью на Севере. Заслуживают внимания яркие сказки забайкальских эвенков: «Как эвенки привезли солнце» — о Ленине и «Два могучих орла» — о Ленине и Сталине. Отличаются занимательностью помещенные в сборнике сказки о животных.

Ценным дополнением к сборнику служит содержательная статья «О новых людях тайги и тундры» М. Воскобойникова. В целом книжка оставляет благоприятное впечатление, хотя и не лишена недостатков. Сказки, помещенные в сборнике, подверглись излишней обработке и не всегда удачной. Например, поводом для отправления сироты за водой в якутской сказке «Как на луне появились пятна» в изложении Колпаковой послужил следующий эпизод: «Однажды вечером затеяла старуха стирку и нехватило ей воды. — Бери ведра да иди на озеро», — крикнула она девочке (стр. 32). Н. Колпаковой, повидимому, неизвестно, что якуты до Октябрьской революции не знали стирки белья. Так же вольно пересказала Н. Колпакова эвенкийскую легенду о Хуркокане. Материал в сборнике расположен не по народам. Нельзя признать удачным «романтическое» название сборника. Солнце всходит теперь не над чумом, а над колхозными поселками, так как большинство народов Севера перешло на оседлость.

Документированностью материала и продуманным расположением сказочных текстов выгодно отличается от сборника Детгиза сборник «Сказки народов Сибири», изданный Новосибирским областным издательством.

Сборник состоит из сказок хакасов, эвенков, бурято-монголов, тофаларов, алтайцев, хантов и тувинцев. Материал сказок расположен по народам. Сборник представляется кратким предисловием составителя А. Коптелова. В примечаниях редакции сообщается, где, когда и от кого записаны сказки. Богато представлены в сборнике сказки о животных, о жадности и жестокости баев, ханов, шаманов, лам и деревенских богатеев. Традиционный фольклор и сказки, посвященные современным событиям, даны в сборнике в литературной обработке русских писателей. Читателя, несомненно, заинтересуют хакаские сказки «Правда» и «Серебряная книга», уже отмечавшиеся в других сборниках; эвенкийские сказки «Кто дал эвенкам солнце», «Как два могучих орла к эвенкам прилетели» и «Человек на красном олене»; бурято-монгольские сказки «Ключ счастья», представляющие собой сочетание старых фольклорных традиций с современностью. Вызывает удивление отсутствие в данном сборнике, так же как и в остальных затронутых нами, сказок, посвященных Великой Отечественной войне. Повидимому, фольклористы и писатели Сибири не занялись еще в должной мере выявлением и собиранием советского фольклора, в частности сказок, посвященных этому величайшему событию в жизни нашей Родины. Нельзя не выразить сожаление, что редакция, включив хантыйские сказки, не включила сказки из ближайших соседей — манси. Трудно объяснить также отсутствие в сборнике якутских сказок. Разумеется, это не умаляет ценности материала, опубликованного в сборнике.

Сборник, изданный Новосибирским областным издательством, заслуживает внимания специалистов-этнографов и фольклористов, так как в нем впервые опубликованы на русском языке ряд мало известных до сих пор сказок народов Южной Сибири.

Появление рецензируемых сборников свидетельствует о росте интереса у широких кругов советских читателей к творчеству народов Севера.

Эти небольшие сборники напоминают также о назревшей необходимости издания научно документированных, подлинных фольклорных текстов народов Севера.

И. Гурвич

³ Большинство стихотворных текстов, включенных в этот сборник, вошло также в сборник «Мы — люди Севера».

Т. В. Сторожев, *Коми-пермьяцкий фольклор (дореволюционный и советский)*. Комипермгиз, Кудымкар, 1948, 111 стр.

Сборник, посвященный коми-пермяцкому фольклору, издан впервые со времени образования Коми-Пермяцкого национального округа, который отпраздновал в апреле 1950 г. свой 25-летний юбилей.

Дореволюционный коми-пермяцкий фольклор читатель знает очень немного, всего лишь по нескольким произведениям песенного жанра, сказкам и пословицам, разбросанным на страницах дореволюционной этнографической литературы (см. работы, посвященные быту коми-пермяков И. Н. Смирнова, Н. Рогова, К. Ф. Жакова, Я. Комаринского, В. М. Яновича и некоторые другие). Современный коми-пермяцкий фольклор совершенно не известен не только широкой читательской массе, но и специалистам. Поэтому всячески надо приветствовать появившееся издание, которое ставит целью познакомить читателя с дореволюционным и советским коми-пермяцким фольклором, бытующим на русском языке.

Составитель Т. В. Сторожев включил в свой сборник произведения различных фольклорных жанров. В него вошли сказки, легенды, сказки, песни, частушки, пословицы и загадки. Сборник является первой сводной работой, изданной с популяризаторской целью. Он несомненно заслуживает внимания.

Однако в сборнике имеются серьезные пробелы. Основным недостатком рецензируемой книги является то, что в ней полностью не раскрыто идейное содержание произведений и не подчеркнуты составителем сборника специфические черты национального фольклора. Если в отдельных произведениях национальную специфику читатель легко выделяет сам, то в других случаях ее должен был раскрыть автор книги. Не указаны также среда бытования, степень распространения отдельных фольклорных произведений.

Стремясь охватить различные жанры народного творчества, сборник все же остается неполным. В нем недостаточно представлено эпическое творчество коми-пермяков, нет исторических песен, нет народной сатиры, хотя все эти виды народного творчества и сейчас живут полнокровной жизнью. Уже при беглом знакомстве со сборником бросается в глаза незначительная доля в нем советского материала. Вследствие того, что советский материал, за исключением частушек, не выделен и в кратких комментариях не всегда указано время бытования фольклорных произведений, читатель не получает представления о современном коми-пермяцком фольклоре. Если в раздел сказов включен советский материал, то, например, новые песни совершенно выпали из сборника, хотя фольклорные записи, как указывает Т. В. Сторожев, производились в течение последних 7 лет (1940—1947 гг.). Отсутствие советской песни еще более странно, потому что в годы Великой отечественной войны советские песни и частушки были созданы в большом количестве.

В сборнике не ощущается основного стержня, главной идеи, которой были бы подчинены все публикуемые произведения. Наконец, к недостаткам сборника также следует отнести отсутствие вступительной статьи и подробных комментариев. Без соответствующих объяснений многое в сборнике остается неясным. Как пишет сам автор многие коми-пермяцкие сказки, песни и другие фольклорные произведения тесно связаны с русским народным творчеством; это следовало бы раскрыть в комментариях. В ряде случаев читателю бывает неясно, чем руководствовался автор, включая в свой сборник те или другие песни и сказки. Подойдя в основном правильно к составлению сборника и включив в него многие типичные и художественно ценные образцы народного творчества коми-пермяков, Т. В. Сторожев поместил также некоторые песни, причеты и частушки, не представляющие никакой ценности.

Переходя к рассмотрению опубликованного в сборнике материала, остановлюсь прежде всего на сказках. В сборник вошло три сказа: 1) «Ключ правды» (сказ Е. П. Нечаевой о Ленине), 2) «Откуда это солнце» (сказ о Сталине) и 3) «Как вдова Анна правду искала» (сказ Н. З. Сторожевой). Советские сказки коми-пермяков реалистически отображают нашу действительность, говорят о воплощении народных чаяний и ожиданий в социалистическом государстве. Народ рассказывает о том, как Ленин и Сталин дали свободу и счастье трудовому народу, привели к торжеству правды. «У него, у Ленина,—говорит Нечаева в сказе о Ленине,—искатель правды Филипп узнал, где правда, как ее найти, и ключ от правды Ленин ему дал». В другом сказе, созданном Сторожевой, «Как вдова Анна правду искала» — повествуется о тяжелой безотрадной жизни коми-пермяцкой женщины в дореволюционное время. Она была бесправна. На нее не полагалось земельного надела, ее место было около печных горшков. Этой бесправной жизни противопоставлена советская действительность. Крестьянка нашла правду в условиях колхозной деревни. Коми-пермяцкая женщина — равноправная гражданка Советского Союза. В народном сказе об Анне говорится: «Мужики и бабы вместе на сходку собираются, сообщая все дела решают. Есть даже, что сходкой и женщина правит... Не видать ни старосты, ни урядника. Людям правда и счастье даны, а обо всех заботится Сталин». В сказках хорошо схвачены типичные черты местной природы: густые леса с небольшими полосками пашни, характерные для северных районов округа, таежные звери, суровая природа, преображенная советскими людьми.

В сборник включены легенды «Адово озеро», «Сказание о Пеле» и «Матрена-силачка». Собственно легендой является только одно из этих произведений — «Адово озеро»; два других принадлежат скорее к иным фольклорным жанрам. «Сказание о Пеле» ближе стоит к народному эпосу и напоминает по своему содержанию и стилю русские былины и другие эпические сказания о богатырях. Рассказ же о «Матрене-силачке» относится скорее к сказкам, чем к легендам. «Адово озеро», которое расположено в северной части округа, издавна славилось рыбными богатствами и в начале XX в. было известно шукой. Из года в год, из поколения в поколение ходили коми-пермяки рыбачить на это озеро, получая по 20—40 пудов рыбы за один улов. В памяти народа сохранилось много легенд и преданий, связанных с этим озером. Приведенная Т. В. Сторожевым легенда об Адовом озере весьма характерна для коми-пермяков как по изображению местной природы (болота, леса и озера), так и по изображению главных персонажей легенды. Владычица озерная — щука, водная красавица требует охотника самой дорогой жертвы — верного пса, спутника и помощника в охоте. Следует указать, что добыча щуки еще в недалеком прошлом имела большое значение в хозяйстве у коми. В связи с этим щуке раньше приписывали магическую силу. Щучью челюсть хранили как амулет и оберег от нечистой силы. Зубы щуки использовались населением как лечебное средство.

Второе произведение этого раздела «Сказание о Пеле» принадлежит к числу эпических сказаний, бытующих у коми-пермяцкого народа и объединяющихся в одну группу со сказаниями о Кудым Оше и Пере, богатырях Полоте, Мизе и русском богатыре Илье Муромце, получившем у коми широкую известность.

Сказание о богатыре Пеле, хотя и записано Т. В. Сторожевым в южном Юсьвинском районе, но приурочено совершенно определенно к реке Вишере и Камню говорливому и бытует у языбских коми-пермяков, проживающих в Красновишерском районе Молотовской области. Пеля-богатырь — охотник, который удачливо ловит шаковыми сетями соболей. Создание этого сказания составитель сборника относит к XVI—XVII вв., когда в лесные предгорья Среднего Урала все более и более проникает русское боярство и купечество, стремясь захватить богатства местного края: леса и пушнину. С таким-то сыном боярским, по прозвищу Лесным, и пришлось состязаться Пеле-богатырю. Пеля-богатырь наделен «силушкой великою». Он «брал камень девяносто пуд, точно брал орешек греческий, и кидал им в голову боярскую». В поединке с боярином Пеля оказался победителем. По теме, композиции и языку сказание о Пеле близко к русскому былевому эпосу. Такие выражения и эпитеты, как «супротивники», «силушка великая», «кудри Пелины не встряхнулись», концовка «тут боярину и смерть пришла», широко известны в русских былинах.

Прочитав «Сказание о Пеле», хочется задать автору вопрос: почему он не включил в сборник еще других сказаний о богатырях, которые расширили бы представление у читателя о героическом эпосе коми-пермяков?

«Матрена-силачка» представляет собой рассказ о женщине-богатырке, в котором много бытовых черт, характеризующих коми-пермяцкий быт до Великой Октябрьской социалистической революции (положение женщины в семье мужа, жилищные условия — курные избы, хозяйство).

В сборнике помещены 4 сказки. Все они бытовые, с элементами фантастики, относятся к досоветскому времени. В этих сказках, как вообще в народном сказочном эпосе, правда и добродетель побеждают зло и несправедливость. Главные герои сказок — простые люди, солдаты и крестьяне.

Значительную группу в сборнике составляют песни. Они подразделяются на песни игровые, круговые, солдатские, любовные, свадебные, песни о скоморохах и плясовые. Несмотря на такое разнообразие опубликованных образцов песенных жанров, все же картина остается неполной. Пропущены песни исторические, беседные, семейные и некоторые другие. Песни, помещенные составителем сборника в разделы игровых и круговых, часто не имеют существенных специфических отличий. Таковы, например, песни «Дунай сын Иванович», «У воробушки головушка болела», «Выросла в пол белая береза» и некоторые другие. Совершенно непонятно также, по какой классификации автор сборника поместил в группу солдатских песен шуточную «Во кузнице молодые кузнецы», где нет ни одного упоминания о солдате. Неизвестно также, почему в группу солдатских песен включена песня «Гусаричок» — разве только потому, что действующим лицом любовных походов является гусар?

Подача текста песен без подробных комментариев и погоня за различными жанрами особенно плохо сказались на свадебных песнях и причетах. Свадебные песни даны очень неполно. Они оторваны от свадебного ритуала и как бы вырваны из бытовой обстановки и полного свадебного текста. Краткие комментарии недостаточны. Читатель получает после знакомства со свадебными песнями крайне неясное и смутное представление о коми-пермяцкой свадьбе. Все песни относятся к дореволюционному прошлому. Основные темы большинства песен — это любовь, выход замуж, по сватовству, тяжелая женская доля в чужой семье мужа. Девичество противопоставляется замужеству. Старинная, широко распространенная и в русском песенном творчестве тема о старом ненавистном муже и молодом любимом проходит красной нитью во многих песнях, помещенных в сборнике. Приведенные песни только в редких исключениях содержат национальные черты. Нет также ни одной советской песни, в которой бы воспевалась современная жизнь молодежи, ее стремления и интересы.

в песенной лирике коми-пермяков, напечатанной в сборнике, советская действительность не нашла себе никакого отражения. Это очень большой недостаток сборника. Песни, помещенные в сборнике, дают одностороннее и крайне неполное представление о песенном репертуаре коми-пермяцкой деревни. Значительное место в сборнике уделено частушкам, сгруппированным по темам: о Советской Армии и об Отечественной войне, о вождях и героях нашей страны, колхозные, любовные и частушки на разные темы. В колхозных частушках ярко выявляется новая тематика, новые общественные и производственные отношения в деревне, выросшие на базе колхозного строительства. Частушки пестрят новыми словами, вошедшими в обиход русской речи. Любимые герои: тракторист и гармонист. Имеются среди частушек и местные, в которых воспеваются Уральские горы, город Пермь, Иньва-река, местные герои и девушки-пермячки. Следует пожалеть, что составитель был недостаточно строг при отборе частушек и включил в сборник ряд мало художественных текстов. Среди приведенных пословиц и поговорок многие вошли в быт только в советское время. К ним принадлежат поговорки о героях социалистического труда, поговорки на военные темы, о колхозном производстве и т. д.

Вышедший сборник, несмотря на указанные недостатки, имеет большое значение в современной фольклорной литературе народов СССР. Хочется пожелать, чтобы не вошедшие в этот сборник материалы были опубликованы автором в ближайшее время.

В. Белицер

«Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XII, ГИЗ Сев.-Осетинской АССР, г. Дзауджикау, 1948, стр. 256.

Северо-Осетинский научно-исследовательский институт является одним из наиболее активно работающих научных учреждений автономных республик, входящих в состав Российской Федерации. Крупнейшим мероприятием, осуществленным Институтом в прошлые годы, является сбор, обработка и частичное издание нартекского эпоса — этого ценнейшего памятника истории и культуры осетин и других народов Северного Кавказа. Разнообразная деятельность Института нашла свое отражение в серии изданных им томов «Известий», посвященных вопросам экономики, истории и культуры населения республики. Особенно оживилась издательская деятельность Института за последние годы. В 1947 г. в XI томе «Известий» Институт напечатал обстоятельную работу проф. Б. В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года». В 1948 году вышли в свет еще 3 тома¹.

Перед нами XII том. От предыдущих он отличается разнообразием тематики, охватывающей вопросы истории и культуры осетин.

Первые три статьи тома посвящены всесторонней оценке многогранной деятельности великого сына осетинского народа Коста Левановича Хетагурова (К. Д. Кулов, Великий поэт осетинского народа; В. С. Гальцев, Общественно-политическая деятельность Коста Левановича Хетагурова; Б. И. Кандиев, Эстетические взгляды Коста Левановича Хетагурова). Все три статьи ярко рисуют образ передового горца-патриста, человека с огромным поэтическим даром, человека большой культуры и крупного общественного деятеля. Авторы двух первых статей подводят читателя к мысли, что только идеи русских революционеров-демократов — Чернышевского, Добролюбова и др. — в мрачную эпоху царствования Александра III могли воспитать и выдвинуть на общественную арену такого борца за счастье угнетенного родного народа, каким был Коста Хетагуров.

Выходец из народа, Коста Леванович в тяжелый период истории народов Кавказа, нахдившихся под двойным гнетом — царского самодержавия и местных феодалов и буржуазии, бесстрашно призывал родной народ к борьбе против угнетателей:

...лучше умереть народом свободным,
чем кровавым потоком
рабами деспоту служить.

Именно в поэзии, пронизанной идеями народности и патриотизма, в наиболее яркой форме и проявилась подлинная талантливость Коста.

Показав, что Коста Леванович Хетагуров воспитывался на лучших образцах русской классической литературы и развивал великие традиции народности и реализма в осетинской литературе, К. Д. Кулов справедливо называет его «основоположником осетинской литературы и осетинского литературного языка». Отличное знакомство с творчеством русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. — и знание самих истоков осетинского народного творчества помогли Коста стать и подлинным зачинателем осетинской литературы, и «первым воинственно народным поэтом» Осетии.

В этой связи вызывает недоумение одно место в статье Б. И. Кандиева «Эстетические взгляды Коста Левановича Хетагурова», где автор призывает читателя быть осторожным в определении литературных и иных влияний «на формирование творческой личности Коста», учитывая «крупное самобытное дарование» и талантливость

¹ Кроме рецензируемого тома, см. еще К. Х. Дзюкаев, Экономическое развитие осетинского крестьянства, «Известия Сев.-Осет. научно-иссл. института», т. XI, вып. 1, ч. 1, и т. XV, вып. II, ч. 2, Дзауджикау, 1948.

«самой натуры поэта» (стр. 35, 38). Но читателю эта осторожность кажется излишней и ничем не оправданной, ибо читатель из предыдущих статей уже знает, что вся жизнь и деятельность Коста Левановича протекали в таких общественных условиях, которые в растущем творчестве Хетагурова и делали наиболее созвучными идеям русских революционеров, демократов-просветителей. Кроме того, читатель знает, что Хетагуров, впитав все лучшее, чего достигла культура великого русского народа (в поэзии, в живописи, в публицистике), сумел все это по-своему и реалистически отразить в своей поистине многогранной деятельности.

В одной из своих статей в юбилейном выпуске, посвященном 80-летию со дня рождения К. Хетагурова, проф. Л. П. Семенов² с предельной наглядностью показал, насколько мир поэзии первого осетинского поэта близок творчеству Лермонтова, Некрасова и других русских поэтов и просветителей. У них он учился идейности и художественному мастерству, внося иногда в свое творчество близкие образы и даже формы. Мировоззрение Коста, основанное на материалистической философии, его мастерство как поэта, писателя, живописца и общественного деятеля, его взгляды на призвание поэта формировались в прямой зависимости от развития русской революционной общественной мысли, и нет нужды отрывать творчество Хетагурова от передовых течений общественной жизни России 2-й половины XIX в. Величие этого талантливой сына Осетии в том и состоит, что он оказался на высоте задач, всегда стоявших перед лучшими, передовыми людьми нашей Родины.

Судя по первым трем рецензируемым статьям, в Северо-Осетинской республике проделана большая работа по сбору и освоению литературного наследства Хетагурова и его деятельности. Авторы этих статей обрисовали сложную и разнообразную деятельность творца бессмертной «Ирон фандыр» («Осетинской лиры»). Они убедительно показали, что первый классик осетинской литературы был не только поэтом и прозаиком. Он был драматургом, незаурядным художником, блестящим публицистом и общественным деятелем. Но в рецензируемых статьях осталась неосвещенной еще одна сторона творческой деятельности Коста. В нескольких номерах газеты «Северный Кавказ» за 1894 г. был напечатан превосходный этнографический очерк Хетагурова «Быт горных осетин». Ценность приведенного там описания материальной и духовной культуры осетин и их сословных порядков увеличивается тем, что, по признанию самого автора, очерк «с фактической стороны не подлежит сомнению». Следовательно, эта сторона деятельности Коста как наблюдательного этнографа ждет еще своего изучения и освещения в литературе о Коста.

Очевидно, все богатое и действительно разнообразное наследство, оставленное Коста Хетагуровым (стихи, проза, комедии, публицистика и живопись), потребует еще многих усилий осетинской научной общественности по сбору и обстоятельному изучению всех источников, проливающих свет на жизнь и творчество Коста. Если в одной статье Коста Левановичу приписывается авторство ряда газетных статей, например о И. С. Тургеневе, о русских композиторах, только потому, что Коста был тогда секретарем редакции газеты «Северный Кавказ»³, а в другой⁴ смело утверждается, что «Коста являлся душой и вдохновителем национально-освободительного движения не только среди осетин, но и среди всех горцев Северного Кавказа», без приведения каких-либо конкретных фактов в пользу именно этого утверждения, то это доказывает, что обстоятельное и подлинно научное изучение наследства классика осетинской литературы далеко еще до своего завершения. Между тем полно и глубоко изученное творчество народного поэта Осетии должно стать достоянием всех народов Советского Союза. Это — прямой долг осетинской научной и литературной общественности.

Работа проф. Л. П. Семенова «Археологические разыскания в Северной Осетии» занимает почти одну треть тома. Она принадлежит первому из советских археологов-кавказоведов, приступившему к обстоятельному изучению памятников материальной культуры позднего средневековья (башни, могильники, святилища), являющихся ценными источниками для воссоздания истории народов Северного Кавказа. Страницы, посвященные этим памятникам, являются одними из самых интересных во всей работе. По признанию самого автора его труд представляет собой подведение предварительных итогов работы автора «по изучению местных памятников древности, продолжающейся более двадцати лет». Дав в вводной части общий очерк истории изучения Северной Осетии в историко-культурном отношении, проф. Л. П. Семенов справедливо подчеркивает выдающийся интерес и богатство местных древностей, свидетельствующих о том, что культура Осетии на всех этапах своей истории «развивалась не изолированно, а в тесном общении со многими цивилизованными странами мира». Одновременно отмечается и неравномерность изучения Республики в результате чего горные районы оказались лучше исследованными, нежели равнинные.

² Проф. Л. П. Семенов, Лермонтов и Коста, «Ученые записки Сев.-Осетинского гос. пед. ин-та им. К. Хетагурова», Юбил. выпуск, Орджоникидзе, 1939 стр. 32, 39.

³ В статье Б. И. Кандиева «Эстетические взгляды Коста Левановича Хетагурова», стр. 38, 41.

⁴ В статье В. С. Гальцева. Общественно-политическая деятельность Коста Левановича Хетагурова», стр. 20.

Самыми ценными в работе являются последующие четыре главы, содержащие подробное описание и анализ всех видов памятников Осетии и их географического размещения. Эти главы выполнены столь скрупулезно (с приведением всех данных о датировке, о размерах, внешнем виде и местоположении подробно описываемых объектов), что приведенный в них материал может служить не только пособием и источником ведческой базой для всех занимающихся историей Осетии, но даже апробированным материалом для составления сводной археологической карты Республики. Жалко только, что рассматриваемый текст не сопровождается графической документацией (картами, рисунками, планами, чертежами); приведенные же фотографии выполнены в клише явно неудовлетворительно. Здесь же содержится ряд убедительных выводов обобщающего характера. Вместе с тем наиболее важные главы вызывают одно замечание принципиального характера. В них описание всех памятников культуры дано по функциональным признакам (памятники погребальные, оборонительные и религиозные), а распределение — по районам и ущельям; налицо — чисто краеведческий подход. Правда, в такой работе он в какой-то мере может казаться оправданным, хотя целесообразнее было бы освещению материала дать по эпохам, т. е. в основу положить хронологию как основу всякого исторического труда. Исторический подход обеспечил бы более четкую и ясную картину исторического прошлого Республики, которую только в самых общих чертах удается дать автору.

Ряд положений и определений проф. Л. П. Семенова, изложенных в этих главах его труда, требует некоторых уточнений и даже исправлений. Проф. Л. П. Семенов прав, когда говорит об ошибочности устаревшего мнения о памятниках кобанской культуры как о наидревнейших для Осетии. Но в свете всех новых данных наиболее раннюю стадию истории Осетии следует начинать не с памятников II тыс. до н. э., типа могильника «Загли Барзанд» и др., с которых автор начинает свой обзор, а с еще более ранних, также приведенных в работе, но без акцентации на их древность. В этой связи особого внимания заслуживают случайные находки кремневых орудий, обнаруженных в выисках р. Терек в окрестностях г. Дзауджикау, как клиновидный кремневый топор, кремневые наконечники стрел и вкладыши весьма архаического типа и др. А ведь ими и фиксируется наиболее ранняя стадия местной истории, уходящая в III тыс. до н. э. и даже в эпоху неолита. Следует также уточнить, что историческое освещение древностей района г. Моздока нужно начинать не с известного Моздокского грунтового могильника раннескифского времени, а с курганных погребений эпохи средней бронзы⁵, из которых основное погребение кургана № 10 (по Б. Б. Пиотровскому)⁶ хронологически сопоставляется даже с Майкопским курганом, знаменующим собой наиболее ранний этап северокавказской бронзы. Совершенно верно датируя эпохой средней бронзы (II тыс. до н. э.) курганы у селений Чикола и Дигора, автор, по явному недоразумению, курганы под г. Дзауджикау, исследованные М. А. Радищевым в 1919 г., считает кобанского типа, в то время, как они также относятся все к тому же докобанскому периоду⁷.

Среди памятников горной полосы Республики заслуженное место уделяется новым, впервые публикуемым объектам, которые автор верно определяет как позднеаланские. Особого внимания справедливо удостоиваются автором могильники с каменными ящиками у селений Дергавс («Саппата»), Джимара и Какаду.

Рассматривая типы погребальных сооружений эпохи средневековья, проф. Л. П. Семенов убедительно прослеживает эволюцию склеповых сооружений от раннего средневековья вплоть до XV—XVII вв. «По нашему мнению, — пишет автор, — архитектура надземных склепов преемственно связана с более давней архитектурой подземных и полуподземных каменных усыпальниц, которые тоже предназначались для коллективных, родовых погребений». Сопровождая эволюционный ряд погребальных сооружений анализом находимого в склепах археологического материала и самого погребального обряда, автор устанавливает время появления в местной среде типично кавказского костюма и даже некоторых элементов национального нартского эпоса (в период раннего средневековья) и приходит к важнейшему историческому выводу о глубочайших истоках (вплоть до кобанской эпохи) материальной и духовной культуры осетинского народа. Заканчивая свой анализ надземных склепов типологически близкими им поздними боевыми башнями, Л. П. Семенов окончательно развенчивает легенду Дирра и других иностранцев о якобы неслучайном сходстве кавказских башен с аналогичными постройками Центральной Азии (индийскими пагодами) и устанавливает, что башни и склепы со ступенчатым перекрытием — эти лучшие образцы горского средневекового зодчества — возникли в местной среде. Весь этот раздел, где проф. Л. П. Семенов так весомо доказывает значимость археологического материала в успешном выполнении ответственной задачи исторической науки, в решении вопросов этногенеза, является самым сильным во всей работе.

Культовые места (храмы, святилища, священные деревья и пр.) в религиозных верованиях осетин некогда занимали большое место, между тем «систематического,

⁵ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., изд. Института истории материальной культуры АН СССР, 1946, стр. 244.

⁶ Б. Б. Пиотровский, Новые страницы в древнейшей истории Кавказа, «Известия Армянского филиала Академии Наук СССР», в. 1, Ереван, 1943, стр. 60.

⁷ Материалы и исследования по археологии СССР, вып. 3, 1941, стр. 243, рис. 40.

даже сжатого обзора этой категории памятников Осетии пока в печати не появилось; тем ценнее все новые данные, которые приводятся в работе, например, новый и точный перевод грузинской надписи из Дзивгисского храма, сделанный по просьбе автора академиком А. Г. Шанидзе, и особенно сведения о фресковой живописи в храме «Хозита-Майрам» близ сел. Зарамаг. Значимость для истории культуры Осетии этого нового памятника заключается в том, что он является всего вторым храмом, содержащим грузинскую христианскую фресковую живопись. Дальнейшее же изучение этого объекта имеет и практический интерес. В своде храма вставлено несколько голосников (удлиненных кувшинов), увеличивающих акустические качества помещения, — прослежен прием, применявшийся и в древнерусской церковной архитектуре и могущий быть использованным строителями и в наши дни.

Можно пожалеть только, что автор не дал более подробного описания выдающихся культового памятника Осетии — знаменитого святилища «Реком» и других святилищ, например, «Бахайта».

Рассмотренный раздел работы вызывает и ряд замечаний частного характера:

1. При датировке бытования исследованных памятников эпохи средневековья автор избегает точных определений, ограничиваясь суммарной датировкой в пределах 4—5 столетий.

2. Обычай хоронить умерших в деревянных колодах в подкурганных погребениях, наблюдаемый на территории Осетии, по автору, является «характерной чертой старинного быта осетин». Вряд ли с этим можно согласиться. Ведь не случайно этот обычай массово прослеживается не ранее XIV—XVI вв. и только в равнинных районах центральной полосы Северного Кавказа. И скорее всего распространение этого обычая связано с продвижением адыго-кабардинских этнических элементов с Кабардино-Пятигорья на восток и их связями с осетинами, что хорошо документировано как историческими, так и археологическими материалами. В этой связи особый интерес представляет нарское сказание «Последний балц Урызмага»⁸, в котором герой оставляет завещание похоронить его в железном гробу и бросить в Черное море. Не указывает ли этот факт на адыгское происхождение некоторых деталей этой легенды и перенос их в осетинский эпос от адыгейских племен, некогда обитавших в Причерноморье. Наличие аналогичного цикла нарских сказаний у кабардинцев позволяет считать эту возможность вполне реальной.

3. Генетическая связь осетин и кавказских алан всегда считалась бесспорной. Но вряд ли закономерно для установления древнеосетинских жилищ привлекать свидетельство Аммиана Марцеллина о кочевом быте алан и их кабитках. Там речь идет о степных аланях. История же осетин, т. е. кавказских сармато-аланских племен, имеет свою линию развития, обусловленную специфичностью местных условий и местных глубочайших традиций.

4. В ряде случаев встречаются повторения, например, о Махчеськом лабиринте (стр. 52, 94, 114) и др.

Все эти замечания нисколько не снижают интереса рецензируемого труда.

Ценность всей работы проф. Л. П. Семенова увеличивается и тем, что автор, будучи прекрасным знатоком местной истории и древностей, изучение последних тесно переплетает с этнографическими наблюдениями. Этой увязке посвящена специальная глава «Памятники древности в быту и фольклоре осетин»; она насыщена интересными сопоставлениями как археологических и этнографических фактов, так и данных фольклора. В заключительной главе проф. Л. П. Семенов намечает ряд неотложных задач, стоящих перед изучающими различные эпохи древней истории Северной Осетии. К работе приложен обширный список литературы, использованной автором, содержащий более 150 названий. С методической стороны рецензируемая работа проф. Л. П. Семенова является образцом строго научного труда. Все основные положения автора базируются на прекрасном знании литературы и источников; они строго аргументированы и покоятся на точном анализе широко привлекаемых разнообразных источников из области истории, археологии, этнографии, фольклора и изобразительного искусства.

Следующая статья: «Взаимоотношения горских народов с первыми русскими поселенцами на Северном Кавказе» принадлежит М. С. Тогоеву.

В вводной части автор развивает мысль, что дружба народов нашей страны имеет глубокие исторические корни. Содержанием работы и является пространная иллюстрация этого тезиса на примерах взаимоотношений русского и нерусского населения Северного Кавказа, начиная с XVI в. Работа построена на известных исторических источниках и литературе по Кавказу, иногда с привлечением архивных материалов.

Историю взаимоотношений северокавказских горцев с русскими М. С. Тогоев традиционно начинает с первого переселения русских на Терек и времени основания гребенского казачества, хотя правильнее было бы эту историю начинать с эпохи Тмутараканского княжества. Большинство историков приурочивает первое появление гребенцев на Терке ко 2-й половине XVI в. Главным основанием для этого всегда служила дата отправления в Москву к царю Ивану Васильевичу Грозному посольства «пятигорских черкес», т. е. кабардинцев, в составе которого были и гребенские казаки. Это — 1555 г. Тов. Тогоев резонно заявляет, что «прежде, чем могла созреть у гре-

⁸ В. Абаев, Из осетинского эпоса. М.—Л., 1939, стр. 23.

бенских казаков мысль об обратной явке к царю «с повинной», должно было пройти значительное время. Кроме того, «кабардинцы и гребенцы должны были быть связанными узами длительной дружбы... и иметь общие коренные интересы». Естественно, все это могло возникнуть не в первый год появления гребенцов на Терек. Поэтому М. С. Тотоев склонен дату переселения гребенцов на Терек отодвинуть к первым годам 2-й четверти XVI в. Любопытно, что эта же дата появления гребенцов на Северном Кавказе (30-е гг. XVI в.) устанавливается в последних работах и других местных историков⁹ и кажется вполне приемлемой. Не случайных же посланцев принимал Иван Грозный в 1555 г. В гребенских казаках он прозорливо увидел прочно осевшую на Терек силу, способную охранять рубежи крепнущего русского государства. Поэтому и пожаловал он их, как поют до сих пор гребенцы в своих песнях, — «вольною рекою Терекон со притоками от самых гребней до самого моря, до Каспийского».

Описывая первый этап жизни русских поселенцев на Северном Кавказе, автор рисует сложный этнический состав населения первых поселков и городков, где наряду с русскими людьми, бежавшими на Терек от произвола бояр и дворян, оседали и представители кавказских народов, укрывавшихся от «кровников» и от своих феодалов. Следует согласиться с автором, что подобное сожительство разноразличных элементов, объединенных на первых порах классовыми интересами и общей судьбой, и явилось той базой, на которой первоначально установились мирные и добрососедские взаимоотношения между казаками и горцами Северо-восточного Кавказа. Эти взаимоотношения на протяжении длительного времени выражались в форме куначества, деловых, хозяйственных связей и даже во взаимных браках и в обмене культурными достижениями. Автор прослеживает, что аналогичные добрососедские связи установились и между церкесами и черноморскими казаками, появившимися на Кавказе двумя веками позднее гребенцов. Только мирный характер этих отношений на Северо-западном Кавказе был менее длителен и менее ярок. Но нам кажется, автор несколько преуменьшает длительность существования (в два-три столетия), а главное массовость подобных явлений, рисуя слишком идиллическую картину взаимоотношений казачества и кавказских горцев в целом. Не следует забывать, что как те, так и другие уже с тех же XVI—XVII вв. стали объектом и орудием политики как русского правительства, так и крымско-турецких ханов. Достаточно вспомнить историю построения Сунженского городка и Терков, чтобы убедиться в том, какие народные силы сталкивались на Терек по воле Москвы, Крыма и местных феодалов.

Тов. Тотоев довольно подробно излагает общеизвестные факты и события, составлявшие собственно историю укрепления русского владычества на Кавказе с XVIII в. (основание городов, крепостей, заложение военных линий и пр.). На этом фоне автор показывает, как постепенно, по мере того как казачество становилось орудием колониальной политики царизма, его взаимоотношения с горскими народами теряли прежний мирный характер и превращались во враждебные. По существу вся работа М. С. Тотоева является как бы развернутой иллюстрацией к известным словам С. М. Кирова о казачестве, которые т. Тотоев взял эпиграфом к своей статье: «Чем больше стояли угнетаемые туземные народы, тем больше казачество попадало в лапы самодержавия и становилось его рабом... И молодые силы казачества, которые когда-то парили в зените свободы, превращались постепенно из граждан в профессиональных воинов»¹⁰. Тов. Тотоев справедливо отмечает положительную роль самого факта присоединения горцев к России, несмотря на трагическое положение горцев в период Кавказской войны. Ибо «...Россия, — писал еще Энгельс, — действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей»¹¹. Только Великая Октябрьская социалистическая революция, освободившая народы нашей страны от всякого рода угнетателей, открыла новый этап в дружественных взаимоотношениях между казаками и горцами Северного Кавказа.

В общем интересная статья М. С. Тотоева страдает лишь некоторой растянутостью, частыми отступлениями от основного стержня темы и разбояном в подаче научного аппарата (ссылки на источники даны и в тексте и подстрочно).

Рецензируемый том завершается статьей Б. Бигулаева «Из истории осетинского письма». Статья представляет собой очень краткий очерк истории возникновения алфавита осетинского языка и осетинской письменности. Само возникновение осетинского письма автор резонно связывает с колониальной политикой русского царизма и деятельностью миссионеров, начавшейся на Северном Кавказе, с организации в 1745 г. Осетинской духовной комиссии. Тов. Бигулаев последовательно отмечает ряд попыток создать осетинскую азбуку с использованием различных алфавитов, начиная с церковнославянской кириллицы (Гай, 1798), затем грузинских алфавитов «мхедрули» (Ялгузидзе, 1802) и «хуцури» (Ялгузидзе, 1819—1821 гг.), немецкого, готического (Клапрст, 1814), русского гражданского алфавита (Шегрен, 1844) с дополнениями (В. Ф. Миллер, 1876 г.) и с усовершенствованиями Коста Хетагурова (в 1839 г., первое издание «Ирон фандыр»). После 15-летнего (с 1923 г.) существования в осетинской азбуке ла-

⁹ Н. И. Штанько, Песни гребенских казаков, «Известия Грозненского обл. ин-та и Музея краеведения», вып. 1, 1947, Грозный, стр. 137.

¹⁰ С. М. Киров, Статьи, речи и доклады, 1936, стр. 46.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

тинского алфавита в 1938 г. был разработан осетинский алфавит снова на русском основе и принят окончательно с рядом двойных знаков, ибо осетинский язык содержит 36 звуков. Таким образом, автор сам устанавливает зачатки подлинной осетинской письменности не ранее 2-й половины XVIII в. На стр. 246 он прямо говорит: «Вопрос о наличии письменности у осетинского народа до второй половины XVIII века остается открытым». Но это справедливое заключение оказалось в волюющем противоречии со следующим положением автора о том, что для своего письма «алан-осетины с древнейших времен пользовались» греческими, арабскими и грузинскими буквами (стр. 247). Еще большее удивление вызывает 1-е примечание (судя по контексту, сделанное, очевидно, редакцией). В примечании с еще большей категоричностью утверждается, что осетины и до XVIII в. писали греческим алфавитом и пользовались всеми грузинскими письменами (возникшими с VII—VIII вв.) или имели с грузинами одинаковое письмо. На чем основаны столь ответственные заявления?

Мы знаем, что известная зеленчукская надгробная плита с греческой (византийской) надписью содержит некоторые осетинские слова дигорского диалекта и является лишь некоторой попыткой использовать осетинами греческое письмо еще в XI—XII вв. Но ведь это — единственный памятник. А известное свидетельство путешественника XIII в. Рубрика о наличии у алан греческих христианских текстов еще не доказывает, что эти тексты были изложены на осетинском языке. Все же приведенные автором памятники, как колокола и стенная церковная роспись с грузинскими надписями (из Рекома, Дзивгиса, Нузала, Хода, Калака и других мест), служат лишь показателями хозяйственно-культурных связей осетин с грузинами, в результате чего они и попали на территорию Осетии, но не больше.

Еще более странным кажется использование автором в том же аспекте древних арабских надписей на могильных камнях, датируемых якобы 457 г. Гиджры (XI в.). Во-первых, неизвестно, правильно ли определены эти надписи как арабские кувейтские, ибо известно, что в этих районах магометанство получило распространение лишь с XVIII в., а во-вторых, само наличие на осетинской территории арабских писем еще не доказывает факта использования арабского письма самими осетинами, тем более кувейтского. Приведенные же надгробные арабские надписи, если только они верно датированы, весьма интересны сами по себе, как столь ранние на центральном Кавказе, и очень жаль, что автор коснулся их только мимоходом.

Первый раздел статьи т. Бигулаева (вводный) менее интересен. Он больше содержит общих мест и не совсем точных выражений. Так, например, автор в качестве первых знаков письма у осетин без всяких оговорок рассматривает «бирки с зарубками, узлы и тамги» (меты). Конечно, перечисленные элементы могут считаться зачатками письма, но лишь очень условно, так как они характеризуют культурные достижения народов наиболее древней стадии общественного развития, присущие целому ряду первобытных племен.

В статье т. Бигулаева обращает на себя внимание недостаточная работа редакции. На стр. 243 приводится устаревший перевод и неправильная дата грузинской надписи на Дзивгисском колоколе — 1673 г. Между тем ранее, на стр. 107, в статье проф. Семенова, даны и новый период и новая дата той же надписи, установленные академиком А. Г. Шанидзе — 1683 г. И эта дата, действительно, верная, ибо в 1673 г. упоминаемый в надписи грузинский царь Георгий XI еще не царствовал¹². В статье проф. Семенова неоднократно упоминается селение Дзивгис (стр. 106—108), а в статье т. Бигулаева то же селение называется Дзвгис (стр. 242). Странно звучат встречающиеся в статье выражения вроде «работавшие в Осетии священники» (стр. 244, 250 и др.).

В целом рецензируемый том производит отрадное впечатление. Он свидетельствует о том, что Северо-Осетинский научно-исследовательский институт является крупным научным центром Северного Кавказа, объединившим солидный творческий коллектив авторов, успешно ведущих серьезную, научную и культурно-просветительную работу в Республике.

Е. Крули

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Братья Гримм. *Сказки*. Перевод с немецкого Григория Петникова. Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1949, 720 стр., цена 24 руб.

История издания в России переводов сказок братьев Гримм чрезвычайно интересна и показательна во многих отношениях. Она вскрывает различные попытки использования популярного сборника в реакционных целях правительством и официальной школой, ярко показывает стремление издателей-коммерсантов типа Сытина и Вольфа нажиться на «ходкой» книге, свидетельствует о все возрастающем интересе к народному и народной сказке со стороны лучших представителей русской интеллигенции. Крайне любопытно также проследить, какие сказки братьев Гримм чаще всего издавались, что выбирали издатели для своих сборников (полного перевода сказок братьев

¹² История Грузии, часть 1, под ред. академика С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1941 генеалогическая таблица.

Гримм, как известно, на русском языке нет), как они издавали и переводили эти сказки и почему именно так они их издавали.

Имя братьев Гримм, знакомое в России с 30-х гг. XIX в., стало у нас особенно известным после выхода в свет перевода на русский язык их широко популярного сборника сказок. «Народные сказки, собранные братьями Гриммами», вышли в двух томах (8 книгах) в 1862—1864 гг. в СПб., в типографии И. И. Глазунова. Появление этого перевода в свет в начале 60-х гг. неслучайно. Оно должно быть связано с общим ростом национального самосознания в 60-х гг., с интересом к этнографии и фольклору, ко всему народному вообще, с появлением, в частности, сборников А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, А. А. Эрленвейна и т. д.

Показательно, что с момента появления сборника братьев Гримм в России вокруг него началась ожесточенная борьба. Представители различных общественных группировок пытались использовать — каждый в своих целях — сказки братьев Гримм для доказательства своих теоретических построений. Первый перевод сборника сказок братьев Гримм вызвал четыре рецензии в периодической печати¹. В своих откликах одни рецензенты приветствуют выход в свет сборника, отмечают его большое значение, научное, педагогическое, воспитательное; другие, наоборот, отрицают значение этих сказок как материала для детского чтения, считают их вредными и ненужными. Борьба, которая велась вокруг сборников сказок А. Н. Афанасьева и И. А. Худякова, распространилась и на перевод сборника сказок братьев Гримм, — недаром В. Зайцев анализирует перевод немецких сказок, постоянно сопоставляя их со сказками из сборника Эрленвейна. Вывод, к которому приходит В. Зайцев, — это тот, что русский народ «не дорос» в своем развитии до немецкого, что русский эпос примитивен и груб, что в нем нет глубоких моральных и социальных проблем. В то же время прогрессивные рецензенты «Книжного вестника» боролись в своих статьях за чистоту перевода немецких сказок на русский язык, порицали издателя за его стремление к прибыльности, а не к научности издания, сожалея о том, что «лучшие создания народного эпоса уродуются под рукой непризванного деятеля, неспособного понять, что в этой области всякая поправка равняется искажению».

Такое двойственное отношение к сказкам братьев Гримм сохранится на протяжении всей последующей истории их издания в России. Представители передовой науки будут требовать строгой научности издания, но их требования останутся тщетными. Наоборот, реакционная критика сплошь и рядом отрицала значение сказок, объявляя их вредными.

Дальнейшая история издания сказок братьев Гримм в России убедительно показала, на чьей стороне была истина. Лучшие сказки братьев Гримм прочно вошли в репертуар детского чтения, завоевали всеобщую известность и популярность среди детей многих народов Советского Союза.

Русская демократическая критика боролась не только за чистоту перевода и научность издания, но и за популяризацию сказок братьев Гримм в народе. В этом она будто бы совпадала с издателями-лубочниками, также пропагандировавшими сказку в народе, но это совпадение чисто внешнее. Демократические критики и ученые фольклористы ратовали за полное издание сказок братьев Гримм, за публикацию в частности, III тома, где находились примечания, дающие возможность более или менее точно паспортизировать сказки. Совсем иные задачи стояли перед издателями. Их вовсе не прельщала полнота и научность издания. Своей целью они ставили добиться прибыльности издания. С этой целью сказки выпускались очень часто не в переводах, а в пересказах, сказки обрабатывались так, чтобы в них не осталось элементов непочтительности по отношению к царям, проповедывалось смирение и покорность. Сказки, подходившие под эти требования, они публиковали, а те, которые этим требованиям не отвечали, они просто выбрасывали.

Первый перевод на русский язык сборника сказок братьев Гримм содержал в себе всего 86 сказок; его переиздание в 1870—1871 гг. — 84 сказки. В дальнейшем объем сборников колебался очень значительно — от 3—4 сказок до 200, в зависимости от целей и характера издания. Так, «Сказки братьев Гриммов, пересказанные дядею Павлом» (СПб., 1873), содержали 67 сказок; «Народные сказки братьев Гримм» (пер. Е. И. Песковской, СПб.—М., 1890) — 115 сказок и т. д.

В конце XIX в. появляются первые лубочные издания отдельных сказок и небольших сказочных сборников братьев Гримм. Впоследствии они неоднократно переиздаются значительными по тому времени тиражами. Так, например, 4 издания выдержал сборник «Сказки Гримма», содержащий сказки: Три золотых волоса, Два товарища, Шестеро весь свет обойдут, Мальчик с пальчик, Веретено, челнок и иглока, Гусятница, Заяц и еж, Городские музыканты, Храбрый портняжка и Три брата (изд. 1891, 1894, 1898 и 1901 гг.); 5 изданий выдержала «Библиотека сказок, собранных бр. Гримм», перевод под ред. А. А. Терешковича, выходившая отдельными выпусками (всего 10) с 1898 по 1915 г. Показательно предисловие к первому изданию этих

¹ «Библиотека для чтения», 1863, № 8, стр. 58—64; «Русское слово», 1863, № 9, стр. 57—68 (рецензия известного критика Варфоломея Зайцева); «Книжный вестник», 1863, № 3, стр. 40; «Книжный вестник», 1864, № 19, стр. 379—382 (рецензия И. М.-к., т. е. А. Н. Афанасьева. См. А. Н. Афанасьев, Народные русские легенды, Казань, 1914, стр. XCVIII).

сказок, хорошо раскрывающее принципы их подбора в подобных изданиях: «Хотимы имели в виду полный перевод сказок, собр. бр. Гримм, но, принимая во внимание педагогические цели, мы *выбросили* сказки совершенно бессодержательные, сказки, могущие повлиять на развитие в детях *дурных инстинктов*, и, наконец, сказки о *выходящих с того света* и всякой *грубой чертовщине*, неестественно возбуждающей детскую фантазию» (курсив везде издателя.—Л. П.).

Какие же сказки, по мнению издателя, могли развить «дурные инстинкты» у детей? Повидимому, это сказки о бедном и богатом (№ 60, 87, 90, 110, 167, 185, 195 и др.), которые в подобные сборники никогда не включались, а также сказки об осле — королевском наследнике (№ 144), о глупом сыне графа (№ 33), о недалеком св. Петре (№ 81) и даже о недогадливом боге (№ 82). Вот такие сказки исключали издатели из своих сборников, а публиковали помногу раз обычные сказки о животных или волшебные с громадным числом превращений, колдовства, чудес и т. д.

Сказки братьев Гримм начинают распространяться и в виде всевозможных приложений. Таковы, например, «Сказки, изложенные по сборнику братьев Гримм» в 13 выпусках (М., 1893—1894), представляющие собой «Иллюстрированную библиотеку крестного календаря», или отдельные сказки из «Библиотеки детских сказок», бесплатное приложение к «Задушевному слову», «Избранные сказки братьев Гримм» под ред. А. А. Федорова-Давыдова — бесплатное приложение к журналу «Светлячок» за 1904 г., и т. д. Начиная выходить также и провинциальные издания (например «Сказки братьев Гримм для детей», Киев, 1899, 46 сказок).

Самый подбор журналов, выпускавших сказки братьев Гримм в виде приложений, говорит сам за себя. Это главным образом журналы мещанско-буржуазно-«толка» («Задушевное слово» и «Светлячок») или же издания монархически-христианские — типа «Крестного календаря». По подбору сказок и по типу издания (для поватые литографии с неизбежными ангелочками и пай-мальчиками с книжками в руках и пай-девочками с рукодельем) они мало чем отличались от вышеперечисленных лубочных изданий. Их значительно больший объем объяснялся не столько публикацией новых переводов, сколько крупной печатью, большим числом иллюстраций более плотной бумагой. До самого конца XIX в. сборник сказок братьев Гримм оставался известным русскому читателю немного более чем наполовину своего полного длинного состава.

Первое сравнительно полное издание сказок братьев Гримм вышло в 1893 г. «Сказки, собранные братьями Гриммами», пер. с немецкого, под ред. П. Н. Полевого, СПб., изд. Маркса; второе изд. — СПб., 1895; третье — СПб., 1901. В нем 199 сказок. Затем выходят большие сборники под ред. В. А. Гатцука (4 издания по 20 выпусков каждое, 1889, 1901, 1909 и 1912 гг.), двухтомный сборник «Сказки и легенды, собранные братьями Гримм», пер. А. С. Фридеман, СПб., изд. Н. Поповой, 1903, содержащий 201 сказку, «Сказки и легенды братьев Гримм», пер. А. А. Федорова-Давыдова, т. I — II, М., 1906, в которых помещено 202 сказки, и т. д. Наряду с этими обобщающими изданиями продолжают выходить разнообразные сборники избранных сказок под самыми различными названиями: «Детские сказки» (пер. В. П. Андреевской, изд. I, СПб., 1898, изд. II, СПб., 1904, 39 сказок), «Народные сказки» (пер. Ф. К. Андерсона, СПб., 1901 и 1914), «Нянины сказки» (М., 1911) и пр. Учет истинный тираж подобных сборников бывает порой очень трудно, потому что предпринимавшие издатели часто выпускали каждый сборник в разрозненном виде по четыре-пять сказок в отдельных выпусках. Так поступал, например, И. Кнебель, который четырежды переиздавал свой сборник «Двадцать сказок братьев Гримм для детей среднего возраста» под ред. Н. Жбанковой (М., 1908) в виде отдельных выпусков до 1917 г.

Несмотря на большую полноту, и эти сборники не давали объективной картины гриммовского собрания сказок. Они увеличивали свой объем за счет легенд, а многие сказки исключали — антиклерикальные сказки (№ 95, 110 и др.), сказки о жадности эксплуатированных богачами-мироодами (№ 90). И наоборот, широко пропагандировались и ярко иллюстрировались сказки о верном слуге (№ 1, 6, 17, 22, 126 и др.), о кротости (№ 167), о покорности судьбе (№ 179, 195 и др.) и т. д.

Все вышеперечисленные сборники никаких научных целей при публикации переводов не ставили, а если в предисловии давалась характеристика сказок братьев Гримм, то она не выходила за рамки популярной в то время теории заимствования, — см., например, предисловие к сборнику «Избранные сказки братьев Гримм», пер. Е. И. Песковской, предисловие П. М. Ольхина, выдержавшего 4 издания (1898, 1899, 1901 и 4-е издание без года): «Замечательно, что у различных народов повторяются отчасти одни и те же сказки; не доказывает ли это, что в пору совершенно простой жизни, без всякого следа лоска цивилизации, у различных народов существовало одинаковое понимание поэтических красот, которое и заставляло один народ усваивать то, что было первоначально достоянием другого».

Даже краткий анализ содержания дореволюционных переводов сказок братьев Гримм показывает, что в отборе сказок издатели придерживались определенных классовых установок. Из сборника сказок братьев Гримм под предлогом воспитания юного читателя тщательно изымались все сказки с острым социальным смыслом, а в оставленных эта острота тщательно затушевывалась, а порой снималась совсем. И наоборот, составители и издатели сборников усиленно пропагандировали сказки мифического и религиозного содержания, что находило свое выражение даже в за-

я лавии сборника, например, «Сказки и легенды братьев Grimm» (т. I и II, М., 1906). е большим успехом пользовались безобидные детские побасенки, сказки-шутки, при- а, ванные забавлять и увеселять детей. Не случайно и то, что особенно часто издава- лись сказки братьев Grimm для детей младшего возраста, т. е. те, в которых со- щальные моменты были слабее всего выражены. Перевод дореволюционных изданий также не был на высоте; язык сказок братьев Grimm искажается обильным введе- нием русских сказочных оборотов и терминов; в него вводились элементы рыцарства 5, а средневековья, с одной стороны, сентиментальности и набожности, — с другой.

б Качественно новые изменения произошли в самих принципах издания переводов м сказок братьев Grimm в годы советской власти. На смену прежним лубочным изда- ниям типа изданий Клюкина или Сытина (ср., например, «Собрание сказок братьев х Grimm» в изд. Сытина — 4 издания с 1912 по 1918 г.) пришли массовые издания лучших образцов сборника братьев Grimm невиданными ранее тиражами. Уже в 1923 г. тиражом в 10 000 экз. была издана сказка «Столик — накройся!» в новом 3 переводе С. Г. Займовского. В 30-х гг. тиражи отдельных сказок достигают миллиона у экземпляров (Сказка «Соломинка, уголь и боб», Детгиз, 1938, в серии «Книжка- малышка»), а тиражи сборников сказок доходят до 75 000 — 100 000 экз. Лучшие 1 сборники, такие, как «Сказки братьев Grimm» в пересказе А. Введенского под ред. а С. Маршака, выходят в 4 изданиях (1935—1937 гг.) в Детгизе, переиздаются об- ластными издательствами (Архангельск, 1939; Пятигорск, 1938, и др.). Сказки братьев Grimm начинают звучать по радио², их изучают в школах на уроках немецкого языка. В 1937 г. выходит академическое издание «Избранные сказки братьев Grimm», пе- ревод Григория Петникова. Наконец, после войны появляются новые издания для 1 детей сказок братьев Grimm в сериях «Школьная библиотека» (М.—Л., 1947), «Пер- вая библиотека школьника» (М.—Л., 1947 и 1948, 100 000 экз.) и т. д. Завершением и новым достижением советской детской литературы и фольклористики является ре- цензируемый сборник, вышедший в 1949 году.

Основными особенностями издания сказок братьев Grimm в советское время является новый принцип отбора сказок, широкое распространение их в народе (боль- шие тиражи, областные издания), новый язык переводов, лишенный сентименталь- ности и псевдорыцарской галантности, образный, простой и близкий к оригиналу. Обра- щает на себя внимание и характер иллюстраций — без ложной красоты и экзотики- ности, наиболее полно передающий простоту и бытopsis немецкой бытовой сказки.

За неполные два десятилетия издания переводов сказок братьев Grimm в годы советской власти четко обозначились основные черты издания качественно иного типа. Нельзя не отметить стремления к строгой научности издания (например, пока- зателен самый факт издания сказок братьев Grimm в издательстве «Academia»), большое число изданий на немецком языке, что давало возможность сличения пере- вода с оригиналом, строгое соблюдение норм немецкого языка в переводе и т. д. Новый тип советского издания сказок братьев Grimm отличается, с другой стороны, тем, что дает советским детям лучшие, наиболее художественные и образные сказки в популярных, массовых детских изданиях и по возможности полные, насыщенные острыми социальными моментами собрания сказок в изданиях научного характера или же в изданиях, предназначенных как для детей, так и для взрослых. К послед- нему типу принадлежит и рецензируемый сборник.

Рецензируемое издание не преследует академических целей. В заключительной статье к сборнику «Сказки братьев Grimm» В. Неустров так определяет характер издания: «...в сравнении с прежними изданиями оно представляет разнообразный мир сказок Grimm наиболее полно. В настоящее собрание, естественно, не вошли легенды и некоторые сказки, своим мифологическим содержанием примыкающие к легендам и олицетворяющие, как писал Энгельс, «бессмыслицу или несправедливость» отжи- вшей средневековой морали и религиозных верований³.

Переводчик и редактор сборника И. Миримский правильно поступили, отбросив христианские легенды из сборника братьев Grimm и сосредоточив свое внимание на тех сказках, в которых с наибольшей полнотой отразилось трудолюбие и миролюбие немецкого народа, его мечты о лучшем свободном будущем, его надежды на свобод- ную самостоятельную жизнь. В сборнике читатель найдет много высокохудожествен- ных сказок о бедняке-труженике, потом и трудом добывающемся счастье в жизни (№ 4, 83 и др.), внящем счастье не в богатстве, а в труде (№ 14, 98, 128 и др.), стойко охраняющем ст внешних врагов завоеванное им счастье. Тема труда в не- мещкой сказке вообще очень сильно развита. Характерно также, что немецкая сказка, наряду с показом бедняка-труженика, дает сатирический образ короля-лентяя, заве- щающего свое царство самому ленивому из своих сыновей (см. № 151).

Составителями сборника исключены сказки № 3, 109, 117, 154, 180, 194 и легенды № 1—10 канонического издания сказок братьев Grimm. Исключенные сказки и ле- генды все насыщены библейскими и христианскими мотивами, утверждают незыбле- мость социального неравенства (№ 180 — «Неравные Евины дети»), покорность чело- века природе (№ 194 — «Хлебный колос») и т. д. Все они совершенно чужды общему духу и мировоззрению народной сказки, представляют собой позднейшее привнесение

² См., например, Микрофонные материалы Всесоюзного радиокомитета. Сказки братьев Grimm (Сборник передач для детей дошкольного возраста), М., 1938.

³ Б р а т ь я Г р и м м, Сказки, ГИХЛ, 1949, стр. 702.

в сказочный эпос, сделанное под влиянием христианской религии, и искажает представление о сказке, как о творчестве трудового народа (например, сказка № 157 — «Воробей и четверо его детей» — в аллегорической форме призывает к тому, чтобы не трудиться, а посвятить свою жизнь служению богу в церквях и монастырях).

Очень показательно, однако, что все эти сказки непременно присутствовали в дореволюционных изданиях сказок братьев Гримм.

Последовательность в публикации отдельных сказок принята та, которая была установлена братьями Гримм, кроме окончания сборника. Сборник сказок братьев Гримм, как известно, оканчивается сказкой «Золотой ключик», в которой дано символический образ сказочного эпоса в виде ларца, полного чудесных вещей, на который только уметь открыть этот ларец золотым ключиком, а ключик дается в руки бедняку-труженику. Такая сказка, естественно, завершала собой сборник, придавая ему известное обобщение. Рецензируемый же сборник добавляет к этой сказке еще сказку «Верные звери» — обычную волшебную сказку на сюжет о зверях-помощниках, ничем не мотивируя этой ненужной вольности.

Язык перевода прост, образен и близок к оригиналу. В нем правильно сочетаются яркость и краткость народного фольклорного языка с точностью и правильностью языка литературного. В какой мере язык рецензируемого перевода отличается от переводов дореволюционных, показывает сравнение сказки «Очески» с той же сказкой в переводе под ред. П. К. Полевого, как особенно рекламируемого дореволюционной печатью. Показательно прежде всего само заглавие сказки у Полевого — «Отбросы», явно проигрывающее в точности и образности слова.

Перевод Г. Петникова

Жила однажды девушка, была она красавица, да зато ленивая и нерадивая... А была у нее служанка, та была работающая... А сватался за ленивую девушку один парень, и должны были праздновать свадьбу... и т. д.

Перевод П. Н. Полевого

Девушка-красавица ленива была и неряшлива... Была у ней служаночка — девушка трудолюбивая... Посватался за ленивую девушку-красавицу молодой человек, и к свадьбе уже все было приготовлено... и т. д.

«Девушка-красавица», «служаночка», «молодой человек» и т. д. — все эти и многие другие им подобные речевые обороты хорошо показывают стремление дореволюционных переводов «облагородить», «украсить» язык народной сказки, приспособить ее к великосветским «детским» оборотам речи, заставить ее служить совсем другим классовым целям.

Встречаются и в рецензируемом переводе спорные места, однако все они могут быть чем-то оправданы, и речь идет лишь о незначительных стилистических уточнениях. Так, мало удачным следует считать перевод заглавия сказки «Schneeweißchen und Rosenrot» как «Белоснежка и Алоцветик» — последнее имя своим «мужским» окончанием мало характерно для имени девочки; лучше было бы сохранить традиционный для этого имени перевод «Розочка».

Рецензируемый сборник богат иллюстрирован. Приятно радуется красочностью и яркостью переплет, суперобложка, форзац и титул художника Д. Дубинского. Иллюстрации к тексту взяты из дореволюционных изданий. Против этого нельзя возражать, так как в процессе более чем столетней истории издания сказок братьев Гримм сложилась уже своя традиция в иллюстрировании сказок немецкого народа, во многом верно отражающая дух и своеобразие немецкой народной сказки. Однако составителям и художественному редактору сборника Н. Мухину следовало бы тщательнее отнестись к отбору иллюстраций, отбросив из них те, которые ставят своей целью прославление божественной силы. Так, излишне изображение двух ангелов к сказке «Звездные талеры» (стр. 574), лесной часовни к сказке «Братец и сестрица» (стр. 53), бочки с тремя крестами к сказке «Двенадцать братьев» (стр. 50) и т. д.

Наконец, к сборнику необходимо приложить хотя бы краткий словарь, так как советскому школьнику едва ли будут понятны такие термины, как «ундина», «нимфа», «камзол», «флюгарка», «луидор» и т. д.

Сборник оканчивается довольно подробной научно-исследовательской статьей В. Неустроева «Сказки братьев Гримм». Следует всячески приветствовать прежде всего самый факт помещения научно-исследовательского предисловия к сказочному сборнику. Такое предисловие имеет своей целью рассказать об исторической обстановке времени создания сборника, вскрыть социальные и исторические корни сказочного эпоса, показать его народность и его художественную и общественную значимость.

Статья В. Неустроева в основном правильно и полно решает все эти задачи. Она рассказывает о месте сборника братьев Гримм в сказковедении, приводит оценку классиков марксизма о сборнике и о Гриммах-фольклористах (статья Энгельса «Немецкие народные книги» и «Ландшафты», письмо Маркса Энгельсу от 25/III 1868 г.), показывает слабые стороны исследовательского метода братьев Гримм и те реакцион-

ные выводы, которые были сделаны позднейшими исследователями на материале их сборника.

Вместе с тем автор делает правильный вывод о неправомерности распространения реакционной методологии братьев Гримм на материал сказочного сборника, созданного задолго до оформления их научных и общественных взглядов. Анализируя сказки братьев Гримм, В. Неустров убедительно показывает острую социальную направленность этих сказок, их антиклерикализм и реализм повествования, вскрывает симпатии народных сказок к людям труда, беднякам-труженикам (см. стр. 709—711, 713 и др.). Вместе с тем автор статьи отмечает и проникновение в сказку чуждой идеологии, ограниченность идеалов сказочного эпоса в этом сборнике. Все это сделано с большой убедительностью на широком конкретном материале (стр. 711—712 и др.) и др.).

Автор, однако, не коснулся одной очень важной проблемы, которая существенно дополняет проведенный им анализ гриммовских сказок: а каково отношение немецкого сказочного эпоса к русскому? Что общего и что различного есть между ними? Как новое издание сказок братьев Гримм помогает советской фольклористике в борьбе с западноевропейскими лженаучными «теориями» общемирового единства сказочного эпоса, космополитического характера сказки, заимствованности русской сказки с Запада?

Между тем хороший перевод Г. Петникова дает возможность с особой остротой почувствовать, как глубоко различны в своей национальной трактовке общие для русской и немецкой сказки сюжеты. Таков сюжет сказки «Золотая рыбка»: в немецкой сказке идеалом жадной старухи является жизнь римского папы и самого бога,— в русской сказке старуха стремится стать морской царицей. Бытовая обрисовка в обеих сказках глубоко различна, как различны и стремления обоих героев.

Сравнение сказок из сборника братьев Гримм со сказками из сборника А. Н. Афанасьева с полной наглядностью показало бы, какими ложными были многочисленные сопоставления русских и немецких сказок, как своеобразна и неповторима художественная ткань сказки у обоих народов, какое огромное значение имеют мелкие бытовые штрихи и детали, раскрывающие национальное своеобразие сказки.

Обращает на себя внимание, в частности, значительная жестокость немецкой сказки, идущая еще от средневековья. Немецкие сказки полны убийств, жестоких мучительных казней, нечеловеческих трудностей, пинков, ударов, шлепков; кровь льется в сказке, как вода. Записанные в конце XVIII—самом начале XIX в., эти сказки наглядно отразили в своем содержании и в своей форме пережитки средневековой феодальной раздробленности, когда каждый феодал был «сам себе голова», имел свой суд и свое войско, миловал и казнил по собственной своей прихоти. В русских народных сказках, записанных гораздо позднее и отражающих совсем иные социальные и классовые отношения, мы ничего подобного в таких объемах и таких масштабах никогда не найдем.

Если бы автор статьи вдумчивее и серьезнее отнесся к разрешению этой проблемы, он с большой наглядностью мог бы показать глубокое различие обоих эпосов и невозможность (исключая, конечно, прямые заимствования) выведения одного эпоса из другого. Новое издание сказок братьев Гримм неоспоримо отвергает ложность и надуманность «теории» общемирового сказочного эпоса, дает в руки советских фольклористов новое доказательство глубокой правоты горьковского учения о сказке, как о национальном достоянии трудового народа.

Следует отметить, наконец, и большое политическое значение выхода в свет сборника сказок братьев Гримм в наши дни, когда англо-американские реакционеры пытаются посеять рознь между двумя великими миролюбивыми народами. Выход этого сборника свидетельствует о росте культурного общения между двумя странами, наглядно иллюстрируя «установившиеся дружественные отношения между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой»⁴.

Л. Н. Пушкарев

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Кайо Прадо Жуниор, *Экономическая история Бразилии*. Перевод с португальского А. Э. Сиповича и Г. А. Калугина. Общая редакция и вступительная статья Э. Л. Шифрина. Издательство иностранной литературы, М., 1949, 337 стр. (Caio Prado Junior, *Historia econômica do Brasil*, S. Paulo, 1945).

В книге передового бразильского ученого, коммуниста Кайо Прадо излагается экономическая история крупнейшей из стран Латинской Америки — Бразилии за четырехсотлетний период — с начала XVI в. до 1940 года.

Несмотря на сравнительно небольшой объем (книга дана в сокращенном переводе) читатель получает достаточно полное представление о географии и истории страны, о характерных особенностях развития ее экономики за указанный период.

⁴ И. Сталин. Премьер-Министру Германской Демократической Республики — г-ну Отто Грестеволю, «Правда», № 136, от 16 мая 1950 г., стр. 1.

Книга разбивается на восемь частей, каждая из которых состоит из нескольких небольших глав. Первая часть содержит ряд общих сведений вводного характера (краткий физико-географический очерк, значение эпохи великих открытий, первые поселения европейцев в Бразилии). В последующих трех частях, охватывающих порезок времени от начала заселения Бразилии европейцами — до конца колониального периода (1530—1808), излагаются основные этапы развития экономики в связи с политическим положением Португалии, бывшей в начале колониального периода одной из крупнейших держав. В XVII в. Португалия утратила свое былое могущество, лишившись почти всех своих колоний в Старом Свете и потеряв возможность торговли с Азией.

Автор приходит к следующим выводам:

«В колониальный период не удалось создать подлинно национального хозяйства, т. е. такой системы производства и распределения продуктов, которая удовлетворяла бы в первую очередь интересы и нужды населения страны. Богатейшие территории эксплуатировались в интересах, абсолютно чуждых бразильскому народу» (стр. 120—121). «Колониальная экономика возникла как крупное торговое предприятие в тропиках и имела главным своим назначением поставку тропических продуктов на мировой рынок» (стр. 136). Португалия играла роль насильственно навязанного посредника между колонией и европейским рынком. Это предопределило не только социально-экономическое формирование страны. Эта доминирующая черта бразильской экономики отразилась на этническом составе населения и сказалась в неравномерном распределении его на территории страны. Большинство ее населения составляли индейцы и привезенные из Африки негры-рабы и их потомки. Правящее меньшинство составляли португальцы.

Пятая и шестая части, озаглавленные «Эра либерализма» и «Рабовладельческая империя и заря буржуазной республики», охватывают период с 1808 по 1889 год.

Характеристика международного положения, экономического и политического положения Испании и Португалии к началу этого периода помогает понять одну из важнейших причин, приведших к борьбе южноамериканских колоний за независимость от метрополий, ограничивавших их экономику в условиях развивавшегося промышленного капитала.

Автор дает детальный анализ экономики бразильской империи, особо останавливаясь на описании новых сельскохозяйственных — кофейных районов юга и центра страны, игравших огромную роль в укреплении экономики Бразилии, и начавшегося процесса развития промышленности. При этом неоднократно подчеркивается, что развитие экономики происходило в условиях глубокого противоречия между старой экономической системой и новыми потребностями страны, что стабилизация экономики Бразилии была лишь кажущейся. Не случайно, что особое внимание уделено кризису рабовладельческого режима, приведшего в 50-х гг. XIX в. к запрещению работорговли и впоследствии, в 1888 г., — к отмене рабства и усилению иммиграции и колонизации.

В седьмой части, посвященной экономической истории Бразилии с момента провозглашения республики по 1930 г., и в заключительной части — «Кризис системы», показывается, как Бразилия превратилась в страну монокультуры, в полуколонию империалистических стран.

Таково в кратких чертах содержание рецензируемой книги. Рекомендую ее советскому читателю, редактор подчеркивает, что работа К. Прадо «является суровым обличением бразильских правящих кругов и их хозяев — иностранных капиталистов, грабятых и терзающих страну» (стр. 20). Но наряду с этим редактор отмечает ряд недостатков книги. К числу главных недостатков относятся следующие: 1. История экономического развития Бразилии дается только как история развития производительных сил, без увязки их с характерными для каждого периода производственными отношениями. 2. Периодизация, принятая автором (колония, рабовладельческая империя, буржуазная республика), не увязана с этапами развития капитализма. 3. Не указаны характерные черты колониальной политики в различные периоды развития капитализма. 4. Автор считает, что империализм способствовал развитию экономики Бразилии, игнорируя тот факт, что превращение Бразилии в полуколонию задерживает развитие страны. 5. В книге нет данных о тяжелом положении трудящихся и о классовой борьбе. 6. Не показано то исключительное влияние, которое оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на национально-освободительное движение трудящихся Бразилии, на их борьбу против империализма США, местной буржуазии и пережитков феодализма.

В большой степени редактор в своей статье восполняет эти существенные недостатки, анализируя их на конкретных примерах главнейших этапов истории Бразилии, дополнив работу автора материалами, показывающими полуколониальный характер экономики стран Латинской Америки, возрастающую экспансию США, условия жизни рабочих, рост национально-освободительного движения среди широких масс трудящихся и укрепление единства демократических сил в этих странах в борьбе за независимость.

Не входя в рассмотрение по существу вопросов, связанных с экономической историей Бразилии, и оценивая работу К. Прадо с точки зрения этнографа, надо прежде всего обратить внимание на следующие ее недостатки:

Автор неоднократно указывает на то, что в различные периоды истории Бразилии изменялся этнический состав ее населения. Однако индейцы, негры, переселенцы из различных стран Европы интересуют автора лишь в зависимости от того места, какое они занимали в развитии производительных сил, в развитии той или иной отрасли экономики Бразилии. Так, часто упоминая в первых главах книги о коренном населении — индейцах, в дальнейшем он лишь попутно упоминает о них, не говоря даже о судьбе индейцев, живших в районах, подвергшихся сильному демографическим изменениям во второй половине XIX в. Читатель, узнав о преследованиях индейцев, о их порабощении, о сопротивлении, которое они оказывали португальцам, о смешении части индейцев с новым населением, остается в полном неведении о том, что же стало с ними в дальнейшем и существуют ли они в настоящее время.

Указывая на использование португальцами туземных растений, автор не отмечает того, что возделывать многие из них португальцы научились у индейцев. Так, отмечая, что табак на протяжении двух веков, с начала XVII до начала XIX в., играл весьма важную роль в бразильской экономике, он не указывает на то, что возделыванию табака португальцы научились у индейцев.

Много страниц своего труда К. Прадо посвящает неграм и в особенности проблемам рабства. Но, говоря о неграх как о рабочей силе, он не считает нужным привести хотя бы несколько примеров, иллюстрирующих то, какой вклад внесли негры в экономику Бразилии. Он ограничивается широко распространенными сведениями о их выносливости и работоспособности. Между тем даже американские авторы говорят о том, что негры, знакомые с многими технологическими процессами, принесли свой опыт в Бразилию. «Мастера-негры на плантациях, а позже и на золотых рудниках были лучше знакомы с технологическими процессами производства, чем многие из их хозяев-португальцев. В период с XVII по XIX в. земледелие и горное дело в Бразилии были очень многим обязаны порабощенным неграм, рабочим или мастерам»¹.

Наконец, следует пожалеть о том, что К. Прадо не коснулся еще одной весьма важной темы. Не ставя своей задачей показать процесс формирования бразильской нации, он ограничивается указанием на то, что в первой половине XIX в. «начался процесс превращения старой колонии в автономное национальное общество. Этот процесс оказался продолжительным. Он протекал с резкими скачками, перерывами и даже отступлениями. Он не закончен еще и в наши дни» (стр. 141).

Читатель, получив в первых главах сведения о том, как изменялся национальный и социальный состав населения Бразилии в связи с завоеванием, привозом из Африки негров-рабов, иммиграцией и колонизацией, — не получает никаких сведений о том, как с развитием капитализма начался процесс становления бразильской нации.

Между тем Бразилия принадлежит к числу немногих латино-американских стран, где в силу ряда особенностей и, в частности, более интенсивного, чем в других странах, развития в XIX в. экономики и самостоятельного рынка — создались более благоприятные условия для формирования бразильской нации. Развитие этого процесса тормозилось еще долго сохранявшимися феодальными отношениями, до конца не изжитыми и ныне.

Проблема становления наций в странах Латинской Америки и в особенности в Бразилии представляет не только теоретический интерес. Она имеет огромное значение в наше время, когда США, в стремлении окончательно закабалить страны Латинской Америки, не стесняются никакими средствами, в том числе разжиганием вражды между народами.

«Военные провокации, — пишет генеральный секретарь коммунистической партии Бразилии Л. К. Престес, — особенно опасны для народов Бразилии и Аргентины, которые, являясь самыми крупными нациями Латинской Америки, больше других берутся под прицел монополиями, рассчитывающими при помощи войны сломить национальное сопротивление и волю этих народов к борьбе против империалистического ига и под маской разжигаемого патриотизма уничтожить рабочее движение и коммунистические партии этих стран, усилив тем самым свое господство в Бразилии, Аргентине и на всем континенте»².

В послесловии, написанном О. Клесмет, дается характеристика экономики Бразилии во время второй мировой войны и в послевоенные годы. На ряде ярких примеров показывается усиление экономической и политической зависимости Бразилии от империализма США, наступление экономического кризиса, рост безработицы, обострение классовой борьбы, развитие национально-освободительного движения и руководящая роль в этой борьбе загнанной в подполье коммунистической партии.

Несмотря на ряд недостатков, книга Кайо Прадо представляет большой интерес для тех, кто интересуется странами Латинской Америки. Этнографы, занимающиеся народами колониальных и зависимых стран, не могут оставить в стороне экономи-

¹ Престон Джемс, Латинская Америка, сокращенный перевод с английского, Издательство иностранной литературы, М., 1949, стр. 359.

² Л. К. Престес, Латино-американские народы борются против империализма США, «За прочный мир, за народную демократию!», 1 сентября 1949 г., № 17, «Правда», 4 сентября 1949 г., № 247 (11354).

ческую историю этих стран, без знания которой нельзя понять сложного процесса изменения их этнического состава и формирования новых наций.

Н. Шпринцун

Federico Hernández Serrano, *Juan Moritz Rugendas y su Collection de pinturas costumbristas*, Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, Mexico, 1947, Tomo II, 1941—1946, 463 + 47 стр. и 22 рисунка.

В течение последних лет в странах Латинской Америки появился ряд работ, посвященных художнику И. М. Ругендасу. В рецензируемой статье автор дает очень высокую оценку его личности и творчества, называя Ругендаса гениальным художником и одним из лучших этнографов-американистов.

Казалось бы, что такая характеристика обязывает автора быть точным и во всяком случае не вводить в заблуждение читателя. Так, например, на стр. 464 мы узнаем, что Ругендас выбыл из состава экспедиции, которую возглавлял немецкий дипломат Лангсдорф, желая путешествовать по Бразилии свободным от необходимости выполнять научные задачи, поставленные перед членами экспедиции.

Русский академик Григорий Иванович Лангсдорф, участник первой русской кругосветной экспедиции, с 1812 по 1829 г. был российским генеральным консулом в Бразилии. С 1824 по 1828 г. он возглавлял первую русскую экспедицию в Бразилию. в составе которой работал и художник Ругендас.

Сведения об этой экспедиции и об ее участниках неоднократно публиковались в советской и в зарубежной печати. В далеко не полной библиографии, приложенной к статье Сerrano, отсутствуют даже доклады, опубликованные в актах международных конгрессов американистов в 1912, 1928 и 1930 гг. Между тем в докладах В. Г. Богораза и И. Д. Стрельникова имеются данные об экспедиции и об ее участниках. В статье Г. Тен Катэ, посвященной художникам-этнографам, работавшим в Южной Америке, много внимания уделяется Ругендасу. Отдавая должное заслугам Ругендаса, автор все же дал значительно более сдержанную характеристику его творчества. Что же касается обстоятельств, связанных с прекращением работы в составе русской экспедиции, то Тен Катэ замечает, что «характеры Лангсдорфа и Ругендаса были, повидимому, несовместимы».

Документы русской экспедиции, хранящиеся в Архиве Академии Наук СССР, позволяют полностью восстановить обстоятельства, связанные с работой Ругендаса в составе экспедиции и с его увольнением. Не вдаваясь в изложение их, отметим один факт, заслуживающий особенного внимания.

На протяжении ряда лет Г. И. Лангсдорф в своих письмах и отчетах настойчиво напоминает о том, что Ругендас незаконно присвоил себе лучшие рисунки, выполненные им для экспедиции, и даже экспонировал их в 1827 г. в Париже. Список рисунков, приводимый Лангсдорфом, дал нам возможность установить, что часть материалов, опубликованных Ругендасом в 1835 г. в роскошном издании на немецком и французском языках¹, несомненно являлась собственностью русской экспедиции.

Сerrano считает, что Ругендас «справедливо был назван в Америке Гумбольдтом в живописи». Тем более странно, что он не дал себе труда ознакомиться с работами, которые избавили бы его от сообщения читателям столь далеких от истины «фактов».

Н. Ш.

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

T. G. H. Strehlow, *Aranda Traditions*, Melbourn [1947].

И книга, и ее автор занимают совсем особое место в современной буржуазной австраловедческой литературе. Почти вся эта литература, каковы бы ни были различия между отдельными авторами, проникнута одним общим духом: идеей неизмеримого превосходства «белого человека» над австралийскими «дикарями», — идеей, направленной к оправданию колониального гнета и истребления коренных жителей. Автор настоящей книги подходит к вопросу несколько иначе.

Томас Штрелов родился и вырос в миссионерском поселке Германсбург, в Южной Австралии. Он сын миссионера-этнографа Карла Штрелова, хорошо известного своими публикациями мифологических текстов племен аранда и лоритъя. Публикации эти, сами по себе ценные, были, однако, обильно одобрены христианско-миссионерским духом. Этого духа незаметно в трудах его сына. Т. Штрелов с детства общался с австралийцами и уже тогда овладел языком аранда. По его словам, он не только говорит, но и думает одинаково по-английски и по-аранда. Окончив в 1931 г. университет в Аделаиде по специальности английского языка и литературы, он затем занялся изучением австралийских наречий и стал служить в ведомстве «туземных дел», куда, как известно, принимают «сведущих людей», иные из которых искренне

¹ Эта книга была переиздана в переводе на испанский язык в Буэнос Айресе в 1947 г.

желали бы помочь истребляемым остаткам коренного населения, но бессильны что-либо для этого сделать. В годы второй мировой войны Т. Штрелов служил в армии, а после демобилизации был назначен в Аделаидский университет преподавателем английского языка и одновременно научным сотрудником по австралийским языкам. Ему принадлежат ценные исследования о фонетике и грамматике языка аранда («Aranda phonetics», «Aranda grammar» — в журнале «Oceania», 1944).

Будучи, таким образом, превосходным знатоком местных наречий и одновременно специалистом по английскому языку, Штрелов в настоящей книге ставит себе задачей реабилитировать и языки австралийцев и их самих, незаслуженно презираемых буржуазно-обывательским общественным мнением.

Так ли велика разница между австралийцами и нами? — спрашивает автор. Не преувеличиваем ли мы эту разницу из-за «языкового барьера»? Местные предания и обычаи записываются этнографами, как правило, на европейских языках, не дословно, а в общих чертах, а затем для публикации исследователь дополняет их произвольными подробностями. Смысл преданий, суть обычаев искажаются. О языках же австралийцев среди белого населения существуют самые неверные представления. Считается, что это — бедные, скудные в словаре и грамматике наречия, неспособные передавать сложные мысли. Но откуда взялось такое представление? Автор объясняет это очень верно: большинство белых поселенцев, соприкасающихся с австралийцами, сами являются полубразованными людьми. Их собственная английская речь порой беднее, чем язык австралийцев. Такой поселенец, «не владея даже собственным языком, ... не может оценить по справедливости наречие народа, среди которого он живет; и, разумеется, у него нет ни малейшего основания заинтересоваться бескорыстными лингвистическими исследованиями». «Но еще больше вреда, — справедливо пишет автор, — было сделано некоторыми учеными, которые в своих стремлениях найти в австралийских туземцах «недостающее звено», описывали их язык как лишенный всякой красоты и изящества, как упрощенный язык каких-то полулюдей».

Тенденция «примитивизировать» не только языки австралийцев, но и их культуру и их самих имеет, по верному замечанию Штрелова, вполне определенный смысл: таким путем получается вывод, что вымирание австралийских племен при их соприкосновении с «вышей» культурой белого человека — есть естественный, неизбежный процесс. Но «теперь многие начали сомневаться, — говорит Штрелов, — действительно ли гибель туземцев на большей части нашего континента целиком вызвана неизбежными естественными силами» (стр. XVII). Отсюда и более серьезный интерес к их культуре, обычаям и языкам.

Язык аранда, по характеристике Штрелова, далек от того «примитивизма», какой ему хотели приписать. Напротив, это очень богатый, гибкий, выразительный язык, способный передавать самые тонкие оттенки мысли. Например, спряжение глагола в нем невероятно сложно и богато. Одна глагольная основа может дать, путем комбинации различных суффиксов, до тысячи разных форм. Эти формы передают тончайшие оттенки действия, которые могут быть переданы на европейских языках только целыми фразами. Некоторые из глагольных форм обладают — особенно в архаическом языке преданий — замечательной выразительностью.

На этом-то языке и записал Штрелов легенды племени аранда, записал непосредственно под диктовку стариков, лучших знатоков их. Старики сообщили ему тайные предания племени под условием не публиковать их, пока они сами живы. Автор честно сдержал данное слово: старики, хранители священных преданий, ныне умерли — вот почему только теперь, с задержкой на 15 лет, увидели свет эти тексты. Сошли в могилу последние носители старого уклада полуистребленного племени; их памяти и посвятил свой труд автор.

Содержание самих преданий, переводы и пересказы которых публикует Штрелов в этой книге, нет смысла здесь излагать. Они мало отличаются от многочисленных, известных прежде, тотемических мифов аранда: это довольно монотонные рассказы о странствованиях полуживотных тотемических предков. Интересны не они сами, а то, что автор по поводу их сообщает.

Мы находим у Т. Штрелова редкое для буржуазного ученого понимание реакционной роли религиозных верований в первобытном обществе. Миф, заклинание и обряд, говорит автор, для австралийца неразделимы. Поддерживаемая стариками традиция всецело господствует над сознанием австралийцев. Все творческие силы народа подавлены этой строго охраняемой традицией и не находят себе выхода. Создание новых мифов прекратилось, по мнению Штрелова, уже много столетий тому назад. «Абсолютный авторитет стариков» пресек всякую возможность развития. Этим — несколько односторонне идеалистически — объясняет Штрелов общую культурную отсталость австралийцев и отчасти ту общую апатию и умственный застой, какими характеризуется жизнь особенно теперешнего поколения.

Но к чести автора надо сказать, что он хорошо видит и другую, более действительную причину этой апатии и этого умственного застоя. Он видит ее во вторжении белых колонизаторов, отнявших у австралийцев землю и осквернивших их заповедные места. Здесь надо обратить внимание на другую сторону тех же древних преданий.

Эти предания, говорящие о подвигах тотемических предков, теснейшим образом связаны с окружающей географической средой. Каждая скала, камень, дерево, во-

доем в окрестностях напоминают австралийцу какой-нибудь эпизод в древних мифах, и старики во время обрядов разъясняют это молодежи. Поэтому вся окружающая австралийца природа для него не мертва, а жива: это как бы наглядная книга о его предках, его материализованная генеалогия. Оторваться от нее он не может. Штрелов, конечно, неправ, когда именно этим он объясняет ту необычайную любовь и привязанность австралийца к своей родине, которую он так ярко рисует в своей книге. Для автора-идеалиста эта любовь к родной земле порождена священными преданиями о протекавших на этой земле подвигах мифических предков. На самом деле зависимость как раз обратная: в тотемических мифах, связанных с племенной территорией, отразилась в фантастической форме реальная привязанность людей к этой территории. Но субъективно, для самих австралийцев, их почти сентиментальная любовь и преданность родным местам действительно коренится в тех священных преданиях, которые населили эти места образами древних предков.

Один старик аранда рассказывал Штрелову о том, как белые люди осквернили священный водоем Иллариинья, задумавши взорвать там скалу и вырыть большой колодезь. Это им не удалось, но «водоем теперь почти пересох. Уже не очищают его теперь люди, как раньше, от травы и не подметают землю чисто вокруг; они уже не заботятся о месте успокоения Карора (имя предка). Кустарником зарос водоем, и никто его не пропалывает. Бандикуты исчезли из высокой травы в зарослях мульга. Наша молодежь уже не думает о преданиях отцов, а женщины не рожают детей. Скоро и людей нашего племени не останется; мы все уснем в могилах как спят наши предки» (стр. 31).

В книге Штрелова есть и другие интересные факты и наблюдения, связанные с тотемическими мифами. Герои этих мифов, тотемические предки, проводят время в охоте среди изобилующей дичью природы; они убивают множество животных. Предания рисуют идеализированную картину природной среды и охотничьего быта. Откуда эта картина? «Ясно,— пишет Штрелов,— что собственная мечта туземца о счастье нашла свое полное удовлетворение и осуществление в этой идеальной среде. Мир, в котором движутся тотемические предки,— это недостижимый Золотой Мир самого туземца; век, в котором они живут,— это Золотой Век его грез; и лишь в мечта может он насладиться частью тех первобытных радостей, которые недоступны для него в часы бодрствования» (стр. 37—38).

Так лучшие представители буржуазной науки стихийно, под давлением фактов приближаются к правильному, материалистическому пониманию происхождения религиозно-мифологических образов. Так начинают они, хотя бы смутно, понимать и разбойничью природу колониальной политики империализма.

С. Токаре

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ» ЗА 1950 г.

- И. Сталин. Относительно марксизма в языкознании (2), 3. К некоторым вопросам языкознания (2), 21.
- С. П. Толстов. Великая победа ленинско-сталинской национальной политики (1), 3.
- И. И. Потехин. Сталинская теория колониальной революции и национально-освободительное движение в Тропической и Южной Африке (1), 24.
- В. И. Чичеров. Клятва большевистской партии Ленину в народном творчестве (1), 41.
- И. И. Потехин. В. И. Ленин о национально-освободительном движении в колониальных и зависимых странах (К тридцатилетию тезисов по национальному и колониальному вопросам для Второго конгресса Коммунистического Интернационала) (2), 26.
- Об этнографическом наследстве Ф. Энгельса (К 130-летию со дня рождения Ф. Энгельса) (3), 3.
- С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии (4), 3.

Вопросы общей этнографии и антропологии

- Н. П. Горбачева. К вопросу о происхождении одежды (3), 9.
- А. Ф. Анисимов. Семейные «охранители» у эвенков и проблема генезиса культа предков (3), 28.
- П. И. Кушнер (Кнышев). Методы картографирования национального состава населения (4), 24.

Вопросы этногенеза

- О. Н. Бадер. К вопросу о балановской культуре (1), 59.
- А. П. Окладников. К изучению начальных этапов формирования народов Сибири (Население Прибайкалья в неолите и раннем бронзовом веке) (2), 36.
- М. Г. Левин. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (К проблеме этногенеза народов Северной Азии) (2), 53.
- П. Н. Третьяков. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных (3), 44.
- Т. А. Трофимова. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей (3), 54.
- Н. И. Воробьев. Этногенез чувашского народа по данным этнографии (3), 66.
- В. Г. Егоров. Этногенез чувашей по данным языка (3), 79.
- М. Н. Тихомиров. Присоединение Чувашии к Русскому государству (3), 93.
- С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнимике восточного Приаралья) (4), 49.
- Е. Э. Бертельс. Персидский — дар — таджикский (4), 55.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- Я. Р. Винников. Новый быт туркменских колхозов Марыйской области (1), 82.
- М. М. Броднев. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Немецкого национального округа) (1), 92.
- И. С. Гурвич. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейнов Оленека и Анабары (1), 107.
- Г. М. Василевич. Эвенки — поэты и переводчики (1), 124.
- М. О. Косвен. Северорусское печище, украинские сябры и белорусское дворище (2), 65.
- Т. А. Крюкова. Современная женская одежда народов Поволжья (удмуртов, мордвы) (2), 77.
- З. А. Никольская. Этнографическое описание даргинского колхоза «Красный партизан» (2), 93.
- Я. Р. Винников. Современное жилище колхозников-туркмен Марыйской области (2), 107.

- Н. Н. Чебоксаров. Этнографическое изучение культуры и быта московских рабочих (3), 107.
 Л. П. Потапов. Шорцы на пути социалистического развития (3), 123.
 О. А. Корбе. Культура и быт казахского колхозного аула (К 30-летию Казахской ССР) (4), 67.
 Г. А. Пелисов. О фольклорных основах «Сказок» А. С. Пушкина (4), 92.
 Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области (4), 107.
 Культура и быт колхозников Львовской области (4), 133.
 И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР (4), 150.
 Б. О. Долгих. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабарты (4), 169.

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- С. А. Токарев. Религии, церкви и секты в США (1), 137.
 Б. И. Шаревская и Ю. А. Зубрицкий. Кечуа — индейский народ Андийского нагорья Южной Америки (2), 120.
 С. Р. Смирнов. Английская политика «косвенного управления» в юго-восточной Нигерии (3), 137.
 Н. А. Бутинов. Школьная политика колонизаторов в Австралии и Океании (4), 174.

Из истории этнографии и антропологии

- И. Дмитриков. Теория аристократического происхождения фольклора и ее реакционная сущность (1), 155.
 А. В. Стренина. У истоков русского и мирового китаеведения (Россохин и Леонтьев и их труд «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего») (1), 170.
 Н. Н. Степанов. Первые русские сведения об Амуре и гольдах (1), 178.
 Г. Бомштейн. Фольклорные материалы в работе С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (2), 142.
 В. Е. Гусев. Добролюбов и проблемы фольклористики, (4), 181.

Заметки. Сообщения. Рефераты

- Л. Н. Пушкарёв. Рукописный фонд И. Г. Прыжова, считавшийся утерянным (1), 183.
 М. М. Ихилов. Большая семья и патронимия у горских евреев (1), 188.
 Е. М. Залкинд. О времени расселения эвенков в бассейне Енисея (1), 193.
 А. Н. Рейс-Правдин. Советская песня в искусстве палешан (2), 159.
 Л. М. Меликсет-Бек. Pontica Transcaucasica Ethnica (по данным Миная Медичи от 1815—1819 гг.) (2), 163.
 Е. Н. Студенецкая. О большой семье у кабардинцев в XIX в. (2), 176.
 Е. Мильштейн. Работа палехского художника «Товарищ Сталин произносит тост в честь русского народа» (3), 154.
 М. Г. Левин. К вопросу о древнейшем заселении Сибири (3), 157.
 П. Д. Степанов. К вопросу о земледелии у древней мордвы (3), 161.
 А. А. Формозов. Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика (3), 170.
 В. И. Лыткин и С. А. Попов. Язывинские коми (4), 194.

Хроника

- Е. А. Мильштейн. Государственный музей этнографии народов СССР (1), 195.
 А. С. Бежкович. Подарки женских демократических организаций зарубежных стран женщинам Советского Союза (1), 197.
 И. Ф. Симоненко, А. Ф. Кувенева. Колхозный музей в Черновицкой области УССР (1), 202.
 Т. А. Жданко. Работа Института этнографии Академии Наук СССР в 1949 г. (2), 182.
 М. Г. Левин. Полевые исследования Института этнографии в 1949 году (2), 185.
 Н. А. Кисляков. Музей антропологии и этнографии АН СССР в 1949 году (2), 187.
 Л. Н. Терентьева. Совещание по этнографии народов Советской Прибалтики (2), 189.
 Т. Жданко. Сессия Ученого совета Института этнографии Академии Наук СССР, посвященная проблемам истории родового общества (2), 193.
 О. Корбе. Защита диссертаций в Институте этнографии (2), 201.
 Н. И. Воробьев. Этнографические исследования в Чувашской АССР (2), 205.
 Л. С. Вардумян. Колхозный музей в Армении (2), 208.
 М. Салманович. Народная одежда румын на выставке румынского искусства, (2), 210.

- Н. Соболевский. О румынском народном искусстве (По материалам выставок) (2), 211.
- И. Калоева. Этнографическая работа в демократической Болгарии (2), 217.
- С. Токарев. | С. В. Бахрушин | (Некролог) (2), 222.
- К. Козлова. Вопросы истории чувашского народа (Сессия Отделения истории и философии АН СССР) (3), 177.
- М. Гегешидзе. Межреспубликанская сессия в Тбилиси, посвященная этнографии Кавказа (3), 181.
- О. Корбе. Сессия Ученого совета Института этнографии, посвященная итогам экспедиционных работ 1949 года (3), 183.
- М. Кудрявцев. Новая экспозиция по культуре и быту народов Индии (3), 186.
- Л. Э. Каруновская. Экспозиция «Индонезия» в Музее антропологии и этнографии АН СССР (3), 191.
- Б. Калоев. Выставка осетинского быта и культуры (3), 196.
- Ю. Иванова. Научная работа в Народной республике Албании (3), 199.

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- И. Потехин. Разрушение семьи в английском протекторате Бечуаналенд (1), 208.
- В. Евсеев. (Kalevalaseuran vuosikirja), 1947—1948, 1949, (2), 224.

Вопросы этногенеза

- А. П. Смирнов. Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии (1), 211.

Общая этнография и антропология

- Г. Дебец. Тешик-Таш. Палеолитический человек (1), 214.

Народы СССР

- Р. Липец. А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере (1), 215.
- З. Никольская. П. А. Брюханов. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX в. (1), 218.
- А. П. Смирнов. П. Т. Сперанский. Татарский народный орнамент (1), 219.
- С. М. Абрамзон. Киргизский национальный узор (1), 221.
- А. Иванов. Осетинский народный орнамент (1), 226.
- А. П. Окладников. Сборники Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР, X, XI, XII (2), 230.
- Е. Фонберг. И. Гуртов. Борьба и творчество народных мстителей (2), 235.
- Б. Калоев. Проф. Л. П. Семенов и А. Г. Кастуев. Музей краеведения Северной Осетии, 1897—1947 (2), 239.
- Е. Крупнов. Е. М. Шиллинг. Кубачинцы и их культура (Труды Института этнографии, н. с. т. VIII) (2), 242.
- Л. Потапов. Алтын-Тууду. Алтайский героический эпос (3), 203.
- К. В. Чистов А. А. Кайев. Русская литература. Учебник для учительских институтов, ч. I (3), 207.
- С. Токарев. С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири (3), 210.
- В. Н. Чернецов. История Якутии, т. I (3), 214.
- Л. Н. Пушкарев. Карельский фольклор (3), 219.
- Н. Кисляков. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, т. I (3), 221.
- К. Филонов. А. Н. Бернштам. Архитектурные памятники Киргизии (3), 224.
- Р. Ляпц. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. (4), 200.
- Т. В. Станюкович. Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество (4), 202.
- И. Гурвич. Сборники, посвященные творчеству народов Севера (4), 204.
- В. Белицер. Т. В. Сторожев. Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский) (4), 209.
- Е. Крупнов. «Известия Северо-Осетийского научно-исследовательского института», т. XII (4), 211.

Страны народной демократии

- В. Соколова. Вопросы народного поэтического творчества в болгарской печати (3), 226.

Народы зарубежной Европы

- Е. Фонберг. *Jaques-Marie Rougé. Le Folklore de la Touraine* (1), 228.
Л. Н. Пушкарев. *Братья Гримм. Сказка* (4), 216.

Народы зарубежной Азии

- А. Розенфельд. Второй том персидских сказок (1), 230.
Г. Стратанович. *M. A. Tarakchandra Das. The Purums. an old Kuki tribe of Manipur* (1), 232.
И. Потехин. Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии (3), 234.

Народы Африки

- С. Смирнов. *B. B. Юнкер. Путешествия по Африке* (1), 234.
И. Потехин. *Peter Abrahams. The path of thunder* (2), 244.

Народы Америки

- Р. Кинжалов. *A. Posnansky. Tihuanaku, La cuna del hombre americano* (2), 246.
Н. Шпринцин. *Л. Е. Родин. Пять недель в Южной Америке* (3), 236.
Н. Шпринцин. *Кайо Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии* (4), 221.
Н. Ш. *Federico Hernández Serrano. Juan Moritz Rugendas y su Collection de pinturas costumbristas* (4), 224.

Народы Австралии и Океании

- Н. Бутинов. Две книги о маори (1), 237.
Н. Бутинов. *Werner Wolff. Island of death* (3).
С. А. Токарев. *T. G. H. Strehlow. Aranda Traditions* (4), 224.

Письмо в редакцию (3), 238.

СОДЕРЖАНИЕ

С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии	3
--	---

Вопросы общей этнографии и антропологии

И. И. Кушнер (Кнышев). Методы картографирования национального состава населения	24
---	----

Вопросы этногенеза

С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья)	49
Е. Э. Бертельс. Персидский—дари—таджикский	55

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

О. А. Корбе. Культура и быт казахского колхозного аула (К 30-летию Казахской ССР)	67
Г. А. Пелисов. О фольклорных основах «Сказок» А. С. Пушкина	92
Н. И. Лебедева и Н. П. Милонов. Типы поселений Рязанской области	107
Культура и быт колхозников Львовской области	133
И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР	150
Б. О. Долгих. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары	169

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

Н. А. Бутинов. Школьная политика колонизаторов в Австралии и Океании	174
--	-----

Из истории этнографии и антропологии

В. Е. Гусев. Добролюбов и проблемы фольклористики	181
---	-----

Заметки. Сообщения. Рефераты.

В. И. Лыткин и С. А. Попов. Язьвинские коми	194
---	-----

Критика и библиография

Народы СССР

Р. Липец. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.	200
Т. В. Станюкович. Е. Ащепков. Русское деревянное зодчество	202
И. Гурвич. Сборники, посвященные творчеству народов Севера	204
В. Белицер. Т. В. Сторожев. Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский)	209
Е. Крупнов. «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XII	211

Народы зарубежной Европы

Л. Н. Пушкирев. Братья Гримм. Сказки	216
--	-----

Народы Америки

Н. Шпринцин. Кайо Прадо Жуниор. Экономическая история Бразилии	221
Н. Ш. Federico Hernández Serrano, Juan Moritz Rugendas y su Collection de pinturas costumbristas	224

Народы Австралии

С. Токарев. Т. G. H. Strehlow, Aranda Traditions	224
--	-----

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Советская этнография» за 1950 г.	227
---	-----